

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

№6 (93)
ДЕКАБРЬ

2021

Организация
объединения педагогов по
вопросам образования,
науки и культуры

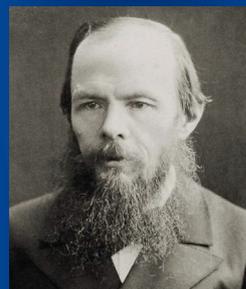

УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

Мы живем
в пространстве книги.
Итоги года

стр. 4

Достоевский и симбиряне

стр. 10

Татьяна Мельник.
Мне приснилась зима.
Стихи

стр. 21

Учить добру и красоте.
К юбилею
Детской художественной
школы

стр. 77

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

Главный редактор Елена Викторовна Водкина
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции: 432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.
Телефон редакции: 41-04-32

Подписано в печать 16.12.2021 г.
Дата выхода 23.12.2021 г.
Тираж 700 экз. Заказ №794

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИБИРСКИЙ» №6 (93), 2021

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: Памятник Н.М. Карамзину. Фото О. Тюльпа.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Сибирский» обязательна.

Редакционная подписка дешевле, в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам в г. Ульяновске:
ул. Пушкинская, 11, каб.104 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412 (тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье», тел. 8 (846) 202-14-12 (г. Самара).

Оформить подписку на I полугодие 2022 года (подписной индекс ПА041) можно и с помощью Интернет на сайте podpiska.pochta.ru или через смартфон по QR-коду:

Литературно-художественный 12+
и культурно-просветительский журнал
«СИБИРСКИЙ» №6 (93), декабрь 2021

Содержание

Слово редактора.....	3
Год книги	
«Мы живем в пространстве книги...»	4-9
Литературное наследие	
Николай Марянин. Достоевский и симбиряне	10-14
Человек есть тайна. Итоги конкурса короткого рассказа	15
Соло	
Светлана Матлина. Веди меня, брат подорожник	16-20
Двое	
Татьяна Мельник. Мне приснилась зима. Стихи	21-24
Край мой на Волге	
В звучании новых времён. Стихи и проза ярославских писателей. (Авторы: В. Серов, А. Смирнов, М. Халилов).....	25-29
Сергей Карамышев. Заметки сельского священника.....	30-32
Сердце ждёт и жаждет Рождества	
Картины Виктории Самсоновой.....	33-36
Фотографии Ильи Таранова и Татьяны Мельник.....	37-40
Страна поэзия	
Анатолий Змиевский. Пусть царствует очарование	41-44
Вячеслав Ташлинский. Оставь одну строку на память.	45-47
Серия «Визитная карточка поэта». Санкт-Петербург.....	48
Стихи петербургских поэтов. (Авторы: А. Агарков, А. Краснобородько, М. Зверев, Б. Орлов, И. Сергеева, Д. Сакулина, В. Соколов, А. Молчанов, Т. Титова).....	49-51
Фазы	
Валерий Кузнецов. Семь рассказов	52-57
Всё живое	
Юрий Баранов. Сильва	58-62
Николай Ларионов-Йелмел. Шурауска.....	63-64
С любовью ко всему родному	
Алла Дроздова. О презентации книги Т. Лотоцкой и Н. Добрянской «Предки вешают».....	65-66
Книжная полка	
Владимир Воробьев «Наш родной Вешкаймский край»	67-70
Юбилей	
К юбилею Музея народного творчества Маргарита Смирнова. Созвездие народных мастеров	71-76
К юбилею детской художественной школы Ирина Погодина. Художественно преобразовать жизнь	77-84
Молодые голоса	
Время новых достижений и утрат	85-86
Даря тепло, теплее становлюсь. Стихи молодых авторов.....	87-88
Алина Осокина. Море свободы. Рассказ.....	89-94
Архив	
Поэзия борьбы Б. Искеева	95-97
Байдул Искеев. Стихи в переводах Н. Марянина.....	97-98
Память сердца	
Ольга Даранова. Памяти Анатолия Чеснокова	99-101
Владимир Янушевский. Слова, слова, слова. Заметки провинциала.....	102-119
Ольга Даранова. Он был настоящим поэтом.....	120-121
Иеромонах Пантелеимон (Кравец) Письмо Боженьке. Рассказ	122-123
Памяти отца Пантелеимона. Стихи С. Кековой, М. Боруховой	123
Река воспоминаний	
Татьяна Алисевич. Букет белых колокольчиков	124-133
Лукоморье	
Валентина Игнатьева-Тарават. Зимний день. Стихи для детей	134-135
Пишу в Симбирск	
Наталья Резникова. Журнал «Симбирский» в клубе «Эхо»	136
Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО.....	137-138
Юбилейный календарь	139-176

КУПОН РОЗЫГРЫША ПРИЗОВ ПОДПИСКА НА I ПОЛУГОДИЕ 2022 ГОДА

Ф.И.О. _____

Контактный телефон, адрес проживания _____

Дата подписки на I полугодие 2022 года _____

ПРИСЫЛАЙТЕ КУПОНЫ ПО АДРЕСУ:
432048, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11,
литературный журнал «Сибирский».

БУДЕМ ЖИТЬ!

В декабрьском выпуске журнала мы подводим итоги литературного года, рассказываем о значимых событиях, о вышедших книгах, о юбилеях и памятных датах. Хроника года представлена в обзоре Ольги Дарановой «Мы живём в пространстве книги».

Публикация Николая Марянина «Достоевский и симбиряне» посвящена 200-летию писателя-классика. Здесь же публикуем итоги конкурса короткого рассказа, посвященного этой знаменательной дате. В рубрике «Соло» читайте новые стихи Светланы Матлиной.

«...Душа в минуты потрясений
Достигла божеских высот,
Весь озаряя небосвод,
И ради вот таких мгновений,
Быть может, человек живет».

В новом номере представляем серию «Визитная карточка поэта» (Санкт-Петербург). А также публикуем стихи Анатолия Змиевского (Иркутск) и Вячеслава Ташлинского.

В рубрике «Двое» – поэтическая подборка из новой книги Татьяны Мельник «Мне приснилась зима». На цветных страницах «Сердце ждет и жаждет Рождества» знакомим читателей с творчеством художницы из Москвы Виктории Самсоновой. «Красота заснеженного края» – на пейзажных фотографиях Ильи Таранова и Татьяны Мельник. В разделе «Всё живое» – рассказы Юрия Баранова (Иркутск) и Николая Ларионова. В гостях у «Симбирска» – ярославские писатели. Благодарим руководителя Ярославской писательской организации Мамеда Халилова за сотрудничество.

Прозу номера продолжают короткие рассказы историка, члена Союза писателей России Валерия Кузнецова. О презентации книги Н. Добрянской и Т. Лотоцкой «Предки вещают» рассказывает Алла Дроздова. В рубрике «Книжная полка» представляем краеведческое издание Владимира Воробьева «Наш родной Вешкаймский край». Николай Марянин рассказывает о легендарном чувашском герое и поэте Байдуле Искееве, знакомит читателей со своими переводами его стихов.

В декабре в культурной жизни города много юбилейных дат. 60-летний юбилей отмечает детская художественная школа. Этому событию посвящена публикация «Художественно преображать

жизнь». С юбилеем мы поздравляем и Музей народного творчества. О замечательных народных мастерах и о музейных коллекциях рассказывает Маргарита Смирнова.

В разделе «Молодые голоса» опубликованы подборка стихов «Даря тепло, теплее становлюсь», рассказ Алины Осокиной «Море свободы». О том, каким был 2021 год для Совета молодых литераторов, читайте в статье «Время новых достижений и утрат».

В рубрике «Память сердца» – публикация Ольги Дарановой, посвященная недавно ушедшему собрату по перу Александру Лайкову, и очерк памяти Анатолия Чеснокова (1951–2010) к 70-летию со дня рождения поэта. Здесь же опубликованы страницы прозы Владимира Янушевского «Слова, слова, слова», главным персонажем книги воспоминаний является Анатолий Чесноков, сокурсник автора по педагогическому институту.

В декабре мы простились с иеромонахом Пантелеимоном (Кравецом), он был талантливым литератором, автором и другом нашего журнала. В память об отце Пантелеимоне публикуем рассказ «Письмо Боженке» и стихи-посвящения.

В рубрике «Река воспоминаний» – страницы книги Татьяны Алисевич «Очень личные истории» (об Ульяновске 50-60-х годов прошлого века).

В предновогодние дни прочитайте вместе с детьми подборку стихов Валентины Игнатьевой -Тарават «Зимний день».

В разделе «Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО» – новости программы. Завершает номер «Юбилейный календарь».

А жизнь торжествует вопреки всем невзгодам!

«Потрогав раны, ниц падёт Фома счастливый.../
С тех пор одно в сердцах цветёт: / Все будем живы!»
(А. Змиевский)

Уходящий год для многих был очень трудным. И все же в преддверии новогодних и рождественских праздников наполним сердца верой и любовью, благодарностью и милосердием! В душе отзываются строки Светланы Матлиной: «Будем жить! И пускай это миру не внове, / Волю к жизни в нас не истребить. / В детях, в деле, в заветах, и в музыке, в слове / Будем жить!»

Добра и радости в новом году!

Елена КУВШИННИКОВА

«МЫ ЖИВЁМ В ПРОСТРАНСТВЕ КНИГИ...»

Хроника года

Как известно, 2021 год в Ульяновской области был объявлен Годом книги. Несколько штрихов к тому, какими книжными событиями в области книги и чтения он отмечен.

Прежде всего несколько слов о библиотеках. Важным проектом в течение последних лет является создание модельных библиотек. Как отметила на одном из совещаний заместитель министра культуры Российской Федерации Ольга Ярилова, «те регионы, которые в нём участвуют, смогли убедиться в том, что это яркая история, которая полностью меняет жизнь места, где появляется такое учреждение культуры. Важно, что к данной инициативе активно присоединяются местные власти и финансирование идёт не только из федерального бюджета, но и регионального».

Ульяновская область – одна из ведущих в России по открытию модельных библиотек.

В рамках национального проекта «Культура» в области создаются библиотеки нового поколения, оснащённые новой техникой, новым многоотраслевым книжным фондом, имеющие современный дизайн с различным функциональным содержанием: пространство диалога (фойе) с местами отдыха,

информационными стендами, зоной Wi-Fi и зоной буккроссинга. В новом библиотечном пространстве размещены: открытый книжный фонд, места для индивидуального и группового чтения, территория обслуживания читателей, компьютерные рабочие места с доступом к ЛитРес, НЭБ, НЭДБ, порталу «Госуслуги», правовой и социально значимой информации, а также рабочие места персонала. Современное, красиво, привлекательно!

В 2021 году открылись модельные библиотеки в Сенгилее, в Барышском и Радищевском районах, в посёлке Октябрьском Чердаклинского района.

Всего в настоящее время в области открыто 52 модельные библиотеки.

В течение года в рамках проекта «Книгоманья-2021» жители Ульяновской области выбирали **лучшую книгу месяца**. Двенадцать тематических книжных недель 2021 года были посвящены книгам разных жанров и направленности, и каждый месяц на сайте Дворца книги проходило голосование

«Любимые книги региона». К примеру, в апреле наибольшее количество голосов в номинации «Лучшая национальная книга» набрала двуязычная книга Николая Ларионова «Шураська». Николай Ларионов – чувашский поэт, прозаик, публицист и журналист, заслуженный работник культуры Чувашской Республики, член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени А. Талвира, автор одиннадцати книг. «Шураська» – книга-перевертыш. Под обложкой с одной стороны рассказы на чувашском языке, а с другой они же, но уже на русском. Она учит добру и на житейских примерах показывает важность взаимопонимания между взрослыми и детьми.

В июле наибольшее количество голосов набрала книга классика Артура Конан Дойля «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Неизменный великий сыщик всех времён и народов остался и сегодня наиболее любимым и читаемым.

В августе выбрали лучшую географическую книгу – фотоальбом «Заповедные Ундоры» автор-составителя Ильи Стеньшина. Фотоальбом посвящён одной из замечательных территорий Ульяновской области, расположенной в междуречье Волги и Свияги, богатой историко-культурными, природными и геологическими объектами. Сочетание научно-популярного текста, интересных малознакомых фактов, прекрасных фотографий, уникальных иллюстраций делает издание привлекательным для большого круга читателей.

В сентябре лучшей книгой месяца по искусству стал альбом «Дмитрий Иванович Архангельский» (составитель Валерий Перфилов). Художественный альбом репродукций картин Дмитрия Архангельского – дань благодарной памяти светлому творчеству замечательного русского художника.

Радуется, что наибольшее количество голосов в номинации «Лучшее иллюстрированное издание» вновь набрала книга классика Павла Бажова «Каменный цветок: книга-шкатулка». Уральские сказы П.П. Бажова – напевные, неторопливые и такие ёмкие по содержанию, со свойственным им сочетанием будничности и фантазии, не устареют никогда.

Крупным событием Года книги стало **70-летие Ульяновского регионального отделения Союза писателей России**. Литературное собрание «И снова на родине Гончарова!», посвящённое этому юбилею, состоялось 19 июня 2021 года в Торжественном зале Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина. В контексте ежегодных Гончаровских дней и Первого съезда именных библиотек России юбилейное мероприятие стало подведением итогов деятельности ульяновской писательской организации, награждением лучших и продолжением разговора о книге и чтении. В этот же день состоялся круглый стол «Современная литература: традиции и вызовы времени». Дискуссия развернулась вокруг широкого спектра вопросов, касающихся самодостаточности русской литературы, чистоты русского языка, классических и новых форм стихосложения.

Литературное собрание состоялось с участием сопредседателя Союза писателей России Вадима Терёхина, председателя Самарской писательской организации Александра Громова, редактора журнала

Выступает Председатель правления Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Даранова

«Волга-XXI век» Елизаветы Мартыновой, заместителя директора издательства «Детская литература» Марины Минаевой, прозаика, поэта, члена Союза писателей России Евгении Декиной, лауреата Международной премии имени И.А. Гончарова, поэта и прозаика Елены Крюковой.

О любви, вере и спасении говорили в ходе недели областной выставки-конкурса «Симбирская книга» на **презентации нового романа «Тарбагатай»** члена Союза писателей России Ольги Шейпак. Тема собственных корней, история рода всегда волнует любого человека, а тем более писателя. В романе «Тарбагатай» эта тема дополняется сложной уникальной многовековой историей старообрядчества, историей гонений не одного поколения людей, хранивших свои традиции, непреклонно стоявших за веру, истину и честь. Но самое главное, как справедливо пишет автор Ольга Шейпак, «Тарбагатай» – книга о любви, подлинной неисчерпаемой любви. Это сказание о людях, живущих переполненным сердцем. Интересную мысль о книге высказал историк Валерий Николаевич Кузнецов: «Тарбагатай» – символ социологический, политологический. Это прообраз гражданского общества, которого сейчас так не хватает нашему государству... «Тарбагатай» – это то, чем могла бы стать Россия, если бы государство относилось к человеку по-человечески».

Одна из запоминающихся встреч года – **презентация книги «Симбирские Глинки. Дневники**

Вадим Терёхин, Александр Громов, Александр Дашко

Елены Глинки: документальная исповедь». Книга знакомит нас с симбирской ветвью знаменитого дворянского рода Глинок. В основу повествования легли впервые опубликованные, найденные недавно уникальные дневники Елены Глинки – дочери А.С. Глинки (Волжского). Две последние тетради из двадцати девяти подробно рассказывают о последних месяцах жизни её отца и других представителей семьи Глинок. Кроме того, дневники – достоверный исторический источник, отражающий наблюдения Елены, ее мысли и переживания в сложный предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны. В книге размещены фотографии из семейного архива, документы семьи. В презентации принял участие потомок славного дворянского рода, адвокат, профессор МГУ, вдовец героической Елизаветы Петровны Глинки (Доктора Лизы) Глеб Глебович Глинка. Симбирск-Ульяновск – малая родина его отца и деда (А.С. Глинка (Волжский) – философ, писатель). Впервые Глеб Глебович посетил Ульяновск в 1998 году, участвовал в юбилее города, передал в дар городу книгу А.Ф. Керенского с его автографом. С 2009 года Г.Г. Глинка начал оказывать разнообразное содействие Адвокатской палате Ульяновской области. Особый интерес вызвал рассказ Глеба Глебовича о жене – общественном деятеле, благотворителе, правозащитнике, снискавшей всенародную любовь как олицетворение доброты и сострадания, трагически погибшей в декабре 2016 году в авиакатастрофе над Черным морем. Елизавета Петровна неоднократно бывала в Ульяновске. В 2012 она открыла в нашем городе паллиативное отделение в Ульяновском специализированном доме ребенка, где медики работают над облегчением жизни детей с тяжелыми поражениями нервной системы.

Большое впечатление оставила выставка из коллекции историка Валерия Александровича Перфилова «**Писатели и читатели в фарфоровой пластике**», экспонировавшаяся во Дворце книги в апреле этого года. На выставке были представлены более семидесяти фарфоровых статуэток, изготовленных на заводах и в артелях Советского Союза (фарфор 60–80 годов ушедшего столетия), изображающих литературных и сказочных героев, а также фигурки, популяризирующие книгу и чтение. В экспозиции были представлены образцы гипсовой скульптуры из Кунгура, практически утраченной в настоящее время. «*На мой взгляд, это первая*

попытка в нашей стране совместить в выставочной деятельности книги и фарфор, такого еще не было в истории. Поэтому я хочу сказать, что Дворец книги прокладывает новый путь в деле пропаганды книги, что сегодня является очень важным и актуальным», – рассказал на открытии Валерий Александрович Перфилов. Прекрасным дополнением к фарфоровым миниатюрам стали книги из фондов Ульяновской областной научной библиотеки.

В Год книги в областной научной библиотеке продолжают встречаться постоянные участники клуба «**Литературные четверги**». Они обсудили роман Евгения Водолазкина «Брисбен», книгу популярного современного автора Марка Леви «Похищение теней», повесть главного редактора журнала «Библиотека в школе» Ольги Громовой «Сахарный ребёнок». Ведущая встречи по книге Е. Водолазкина «Брисбен» кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики УлГПУ Маргарита Юрьевна Кузьмина обратила внимание на то, что главная тема книги – смысл человеческой жизни и поиск себя в этом мире. «Этот роман стал игрой на струнах моей души», – сказала ведущая. «Книга заставила меня и посмеяться, и плакать, и вспомнить какие-то эпизоды своей жизни», – отметила постоянный член клуба Валентина Владимировна Дементьева. При всей разноречивости мнений члены клуба согласились с автором, давшем понять, что нужно помнить о прошлом, жить настоящим и думать о будущем.

Более десяти творческих **встреч с писателями**, сценаристами, критиками прошло в этом году во Дворце книги в ходе проекта «Книгомания-2021». Их имена известны и популярны: Дмитрий Захаров, Алексей Варламов, Галина Юзефович, Алексей Слаповский, Григорий Служитель, Шамиль Идиатуллин, Сергей Лукьяненко, Анна Матвеева и другие. Почётные гости рассказали о себе, а также коснулись многих актуальных вопросов современной литературы и литературного творчества. В частности, пожелание Алексея Слаповского молодым авторам было следующим: «... много читать для того, чтобы не написать то, что уже написано, хотя бы по сюжету; слушать аудиокниги и стараться следить за новинками современной литературы».

На встрече с читателями критик и книжный обозреватель Галина Юзефович вела интересный разговор о современной литературе, сложной и неоднозначной: «Остаётся ли Пушкин «солнцем

нашей словесности»? Почему сегодня Маяковский вдруг стал поэтом Серебряного века? Какова роль критики сегодня? И какова роль библиотеки, что изменилось в её деятельности? Как известно, в советское время библиотеки работали согласно государственной идеологии. Сейчас же читатели стали убывать, а книги прибывать... Как найти ценное в книжном массиве и для кого оно ценное? Раньше было устойчивым обращение: «Книги, которые должен прочитать каждый». А есть ли такие книги вообще? По мнению критика, «солнце русской поэзии» сегодня для разных – разное, но неизменной остаётся рекомендательная функция библиотеки. Библиотекарь ориентирует читателя в мире книг. А рекомендуя читателю книгу, библиотекарь должен объяснить свой выбор, мотивировать его. Для этого надо самому перекопать «тысячу тонн словесной руды». Вот так интригуяюще шла дискуссия с участниками встречи.

«С моей точки зрения, мы живем в пространстве книги, по крайней мере я не представляю свою жизнь без книги, а люди, которые говорят, что сейчас литература находится в упадке, на самом деле ничего не читают», – поделился своим мнением о книге и чтении частый гость Ульяновска, писатель, историк литературы, автор многих романов-биографий писателей, продолжающих давнюю серию «ЖЗЛ» (а это его книги о Пришвине, Булгакове, Грине, Платонове, Алексее Толстом), ректор Литературного института имени Горького Алексей Варламов. Слушать Алексея Варламова всегда очень интересно. Как писатель, он говорит о книге и чтении в целом, как педагог-филолог рассуждает о литературном мастерстве, о путях вхождения в литературу, первых литературных опытах, сложностях писательского труда. Как в современных условиях добиться того, чтобы книга дошла до читателя, а не просто была издана? Сейчас бытует мнение, что единого читателя нет, а есть представители определённой «целевой аудитории», вот для них, якобы, и надо писать, чтобы книга нашла своего читателя. Однозначно ли это? Отраднее было бы найти в писателе единомышленника, считающего, что такое целеполагание разрушает смысл творчества.

Присвоение имени библиотеке – ещё один путь к книге и чтению. 28 октября состоялось знаменательное событие в Новомалыклинском районе. Центральной районной библиотеке было присвоено имя старейшего писателя-фронтовика, члена Союза писателей СССР и России **Евгения Степановича Ларина**. Евгений Степанович – человек-легенда, человек-эпоха, чьё мастерство зарождалось и оттачивалось в трудное время двадцатого века, чьи книги исполнены подлинного патриотизма, человечности и милосердия. Ульяновские писатели стали участниками этого мероприятия. Вот как написала об этом Раиса Кашкирова, член Ульяновского регионального отделения Союза писателей России: «На входе в библиотеку гости увидели тихий уютный уголок с обстановкой из дома Е.С. Ларина, которую привезли родные: стол, стул, небольшой диванчик, печатная машинка, даже стаканчик с кучкой остро наточенных карандашей – любимыми инструментами поэта. Много его фотографий – с семьёй, соратниками... Настоящий экскурс в давнее

и недавнее прошлое. Светло и сердечно вспоминали Евгения Степановича родные, близкие и коллеги, все, кто знал поэта, все, кому посчастливилось прикоснуться к его жизни и творчеству. Звучали стихи Ларина и о Ларине. Звенел с экрана его живой и такой родной голос». В событии приняли участие ульяновские поэты Фёдор Горобцов, Галина Анисимова, Юрий Шерстнёв. Они подарили слушателям свои стихи, книги в библиотеку. Свои книги в библиотеку передал также писатель Александр Тимаков, несколько экземпляров журнала «Симбирск» передала поэт, главный редактор журнала Елена Кувшинникова.

В 2021 году открылись 3 именные библиотеки: имя выдающегося краеведа Жореса Александровича Трофимова получила Салмановская библиотека Ульяновского района; имя Виталия Бианки присвоено детской библиотеке в Димитровграде, и, как сказано выше, Новомалыклинская районная библиотека теперь носит имя Е.С. Ларина. В целом в настоящее время в Ульяновской области работают 52 именные библиотеки.

В августе 2021 года председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Даранова по приглашению Самарской писательской организации приняла участие в межрегиональном литературном фестивале «Сызранская излучина» в городе Сызрань. Фестиваль ежегодный, в этом году он был приурочен к 170-летию Самарской губернии. В программе фестиваля состоялись презентации юбилейного выпуска литературного альманаха «Сызранская излучина», буклета «Сызрань литературная», выездное заседание секретариата Союза писателей России, творческие встречи в библиотеках, знакомство с городским округом и его достопримечательностями. Атмосфера фестиваля была очень дружеской и творческой. В фестивале приняли участие писатели из Москвы, Санкт-Петербурга, Калуги, Сергиева Посада, Самары, Оренбурга, Саратова, Ульяновска, Тольятти, Чапаевска, Пензенской области.

Вышли в свет новые книги ульяновских писателей. Сборник поэтических сказов «Сказания земли Симбирской» вышел из-под пера уважаемого члена нашего регионального союза, старейшего писателя, поэта, члена Союза писателей России Николая Полотнянко. Напомним, что в 2007–2009 гг. Николай Полотнянко создал и опубликовал в престижном московском издательстве «ЭКСМО» романную трилогию из истории симбирского края – «Государев наместник» («Богдан Хитрово», 2007; «Бунташное войско Стеньки Разина» («Атаман всея гулевой Руси», 2008; и «Клад Емельяна Пугачёва» (2009). Историческая трилогия была выпущена в свет под псевдонимом Николай Суздальев. Николай Полотнянко является автором романов: «Жертва сладости немецкой» (2013), «Бесстыжий остров» (2013), «Загон для отверженных» (2014), «Счастлив посмертно» (2014), «Минувшего лепет и шелест» (2014), «Всё где-то решено» (2015), комедии «Симбирский греховодник» (2010), а также более 10 поэтических сборников. В 2017-м была написана и издана первая часть цикла стихов о Прекрасной Даме, в конце 2019-го закончена работа над второй частью. Тогда же по этим стихам был

снят короткометражный фильм «Моя Прекрасная Дама». В новой книге автором собран и поэтически представлен многовековой пласт русской истории, преломлённый на Симбирской земле.

О жизни родной глубинки, о малой и большой Родине, рассказывает новая книга прозаика Виктора Сергеева «Сухое дерево». Надо прожить долгую жизнь, корнями прорасти в свою родную землю, поработать на ней до седьмого пота, полюбить её навсегда и суметь потом донести эту правду жизни так, чтобы тебе безоговорочно поверили люди. Именно так и пишет Виктор Сергеев.

В издательстве «Корпорация технологий продвижения» вышла новая поэтическая книга Виктора Малахова «Венки сонетов». От воспоминаний детства до размышлений о судьбах человечества, перспективах его развития – таков тематический диапазон «Венков сонетов». Форму сонета Виктор Малахов любит давно, начиная со своего первого венка сонетов «Старинный пешеход». Как поясняет сам автор, «...эта форма показалась мне удобной для полноценного выражения всего комплекса чувств, мыслей и настроений».

«Пробы перьев и струн» – третий поэтический сборник Владимира Артамонова, поэта-барда, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русского языка, литературы и журналистики Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, члена Союза писателей России. В сборнике – избранные песни, написанные в течение первых двух десятилетий XXI века. Его сквозная тема – поэт и поэзия (певец и его творчество) – соединяет разные по настроению и содержанию песни в единое целое. Владимир Николаевич по натуре романтик, и его творчество проникнуто светлым чувством добра и полёта души. «От весны до весны – весна» – вот, пожалуй, главный смысл его стихов-песен и его жизненной позиции.

Вышла двенадцатая книга Валерия Александровича Ерёмкина, члена Союза писателей России, руководителя Сурского литературного объединения «Промзинские слогги». Сборник под названием «Разговор» включает в себя 27 рассказов, 30 стихотворений и 15 рисунков автора. Все три части различны по содержанию и форме, но они отражают жизнь и переживания самого автора и его героев-земляков. Люди, события и природа родного края – для всего этого нашлись очень простые, но точные слова. Книга вышла накануне юбилея писателя. Напомним также, что в этом году в одном из старейших охотничьих изданий России – литературно-художественном альманахе «Охотничьи просторы» (2021 год №1) – опубликована проза Валерия Ерёмкина.

Вышла вторая книга стихов поэта, члена Союза писателей России, доктора исторических наук, профессора Валерия Кузнецова «Сатурн». С новой книгой стихов «Мне приснилась зима» познакомила коллег и читателей поэт, член Союза писателей России Татьяна Мельник.

Ещё раз поздравляем наших дорогих коллег!

Важное событие произошло в мире молодых литераторов. 24 августа во Дворце книги стартовал новый проект «Поэзия в движении» и состоялась

презентация сборника «Образ слова». В книгу вошли произведения двадцати молодых ульяновских поэтов и прозаиков – лауреатов и дипломантов областной молодёжной литературной премии «Первая роса». Среди авторов сборника «Образ слова» есть молодые литераторы, которые уже проявили себя на региональном и всероссийском уровнях. Это прозаик, член Союза писателей России, лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов Алина Осокина; поэт, член Союза писателей России Анисия Матлина; поэт, руководитель общественного движения Симбирская православная молодёжь Сергей Николаев. Сборник открывает читателям и новые имена. В него вошли произведения таких авторов, как Артём Даллакян, Влада Митрофанова, Виктория Шейко и других. Сборник «Образ слова» увидел свет за счёт средств городского конкурса творческих проектов и инициатив в сфере культуры «Креативный город».

В настоящее время объявлен новый молодёжный литературный конкурс «Пиши не в стол!», информацию о нём можно подробнее узнать на сайте Ульяновского регионального отделения Союза писателей России, где будет размещена информация об итогах конкурса <http://ulwriters.ru/>.

К своему 80-летию Лидолия Константиновна Никитина, член Союза писателей СССР и России, выпустила новую книгу современных мистических новелл и эссе «Верьте своим предчувствиям». Жизнь-судьба-любовь – так сам автор определяет главные темы своего творчества. «Мне бы хотелось, чтобы мистические рассказы, помещённые на страницах этого сборника, пробудили в людях более глубокий интерес к нюансам собственной жизни и заставили глубже анализировать происходящие с ними события», – пишет Лидолия Константиновна в предисловии к своей книге. Напомним, что 23 сентября 2021 года в Торжественном зале Дворца книги состоялся юбилейный творческий вечер Лидолии Никитиной «Счастливой судьбы много-точие...». Слова поздравления и уважения юбиляру высказали директор Ульяновского драматического театра имени И.А. Гончарова Наталья Никонорова, директор Ульяновского областного театра кукол имени народной артистки России В.М. Леонтьевой Александр Колтун, заместитель начальника управления по делам культуры и организации досуга населения администрации города Ульяновска Юлия Фомичёва, председатель Ульяновской областной организации профсоюза работников народного образования и науки Российской Федерации, член Общественной палаты Ульяновской области Татьяна Твердохлеб, директор ООО «Компания «Кумир» Вячеслав Кудинов, директор Дворца книги Светлана Нагаткина, директор Ульяновской областной библиотеки для детей и юношества имени С.Т. Аксакова Татьяна Кичина и многие другие.

Свой 75-летний юбилей отметила и Валентина Николаевна Игнатьева-Тарават, поэт, прозаик, переводчик, заслуженный работник культуры России, почётный гражданин Ульяновской области. Валентина Николаевна давно и по праву приобрела известность и любовь читателей, уважение в профессиональной творческой среде. Её книги наполнены добром, знанием детской психологии.

Творческие встречи и презентации её книг состоялись в Чувашской республиканской детско-юношеской библиотеке и в Ульяновске, в библиотеке №17 «Содружество».

Свои юбилеи отметили ульяновские писатели, члены регионального отделения Союза писателей России Николай Ларионов, Виктор Малахов, Ольга Шейпак, Раиса Кашкирова, Алина Осокина, Евгений Сафронов.

Состоялся творческий вечер «Чувства и честь» поэтов, членов Ульяновского регионального отделения Союза писателей России **Александра Тимакова** и **Фёдора Горбцова**. У Александра Тимакова в 2020 году вышла в свет замечательная новая книга стихов и прозы «Упрямая память невольно листает...». Проза в ней суровая, мужская – о событиях, которые автор знает не понаслышке. Она – о трудных буднях чеченской войны, о каждодневном подвиге бойцов и врачей, о любви, вере и надежде. Здесь же и воспоминания о Чернобыльской трагедии. Фёдор Горбцов также хорошо известен ульяновскому читателю и зрителю, у Фёдора Андреевича с поэзией, как, впрочем, бывает часто у талантливых творческих людей. Он автор поэтических сборников «Встреча с Фемидой» (2001), «Дело. Не уголовное» (2008), «Тет-а-тет» (2016).

Состоялась также **презентация поэтической книги Сергея Кочеткова «Однажды...»**. Слушатели всегда тепло встречают поэта-барда.

Во Дворце книги в дружеской атмосфере прошёл литературно-музыкальный **вечер авторов и читателей журнала «Симбирскъ» «О вечных ценностях, любви и добре»**.

В уходящем году было еще много запомнившихся литературных событий, были встречи и поездки, участие в культурных проектах других регионов.

В сентябре 2021 года Елена Кувшинникова приняла участие в Первых Курбатовских чтениях (памяти писателя Валентина Курбатова), которые прошли в г. Пскове и Пушкинском Заповеднике.

В сентябре текущего года председатель совета молодых литераторов Ульяновской области Александр Дашко второй раз побывал во Владивостоке и принял участие в **фестивале «Литература Тихоокеанской России»**. В Год книги и в год своего 70-летия Ульяновская писательская организация пополнилась **новыми талантливыми литераторами**. В её состав вошли писатели Андрей Медведев и Марина Курылёва, прозаик, публицист Любовь Папета и молодая поэтесса Анисия Матлина.

12 декабря в день рождения историографа Н.М. Карамзина в Ульяновском драматическом театре

Закрытие Года книги. В роли Владимира Мономаха выступил актер драматического театра, заслуженный артист России Михаил Петров

имени И.А. Гончарова состоялось торжественное закрытие Года книги в Ульяновской области. В ходе праздника прошло награждение библиотекарей, писателей, а также чествование лауреатов премии в области региональной историографии и литературного творчества «Шапка Мономаха». Награды лауреатам вручил Председатель Правительства Ульяновской области Владимир Разумков. В этом году награды **Гран-при «Шапка Мономаха»** по решению жюри удостоен журналист, краевед Геннадий Дёмочкин. В номинации **«За заслуги в области региональной историографии»** сертификат лауреата ежегодной областной премии в области региональной историографии и литературного творчества «Шапка Мономаха» присвоен краеведу Сергею Падерину. В номинации **«За заслуги в области литературного творчества»**, за

популяризацию симбирской-ульяновской литературы в средствах массовой информации сертификат лауреата премии присвоен поэту, краеведу, члену Союза писателей России Николаю Марянину. В номинации **«Молодому автору за лучшую публикацию года»** за яркие публикации в журналах «Мономах» и «СимбирскЪ» и вклад в продвижение духовной культуры сертификат лауреата ежегодной областной премии присвоен руководителю отдела по работе с молодёжью Симбирской епархии Сергею Николаеву. Поздравляем наших земляков с заслуженными наградами!

Лауреат премии в области литературного творчества Николай Марянин

Уходящий год ещё раз подтвердил, что **КНИГА-ПИСАТЕЛЬ-БИБЛИОТЕКА-ЧИТАТЕЛЬ** едины и неразрывны в своей благородной просветительской миссии.

*Подготовила Ольга ДАРАНОВА
Фото Павла ШАЛАГИНА*

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Николай МАРЯНИН, поэт и краевед.

К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского

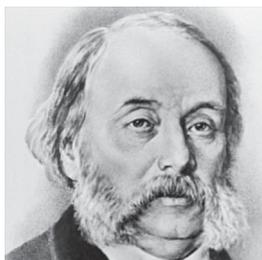
ДОСТОЕВСКИЙ И СИМБИРЯНЕ

11 ноября 2021 года исполнилось 200 лет со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского. Что связывает его имя с Симбирским краем? Пока не найдено свидетельств, что Достоевский когда-либо бывал в Симбирской губернии, но в числе его друзей и знакомых можно найти немало писателей-симбирян. Среди них - Анненков П.В., Гончаров И.А., Григорович Д.В., Засецкая Ю.Д., Лебедев-Морской Н.К., Минаев Д.Д., Назарьева К.В., Огарёв Н.П., Садовников Д.Н., Соколовский Н.М. и др. И вполне логично, что именем Достоевского была названа улица в Засвияжском районе Ульяновска...

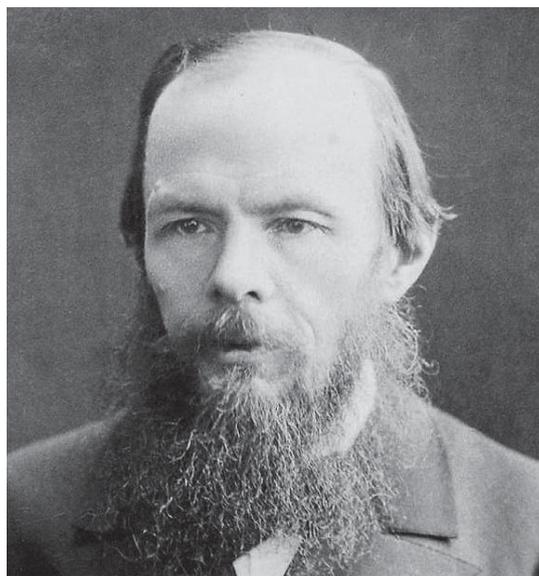
В произведениях Фёдора Достоевского также не найдено упоминаний о нашем крае. Лишь в юмористическом рассказе «Роман в девяти письмах», опубликованном в 1847 году в журнале «Современник», писатель дважды упоминает Симбирск: «Пётр Иваныч! Нога моя и без того бы никогда не была в вашем доме; напрасно изволили даром бумагу мартать. На будущей неделе уезжаю в Симбирск; приятелем бесценнейшим и любезнейшим другом

останется у вас Евгений Николаич; желаю удачи, а о калошах не беспокойтесь». И в другом письме: «Иван Петрович! Завтра вы получите калоши новые; я ничего не привык таскать из чужих карманов; также не люблю собирать по улицам лоскутки всякой всячины. Евгений Николаич на днях уезжает в Симбирск, по делам своего деда, и просил меня похлопотать о попутчике; не хотите ли?».

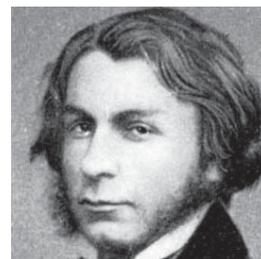
ПРИКОСНУТЬСЯ К ДОСТОЕВСКОМУ

Гончаров
Иван
Александрович

Достоевский Фёдор Михайлович

Григорович
Дмитрий
Васильевич

Анненков
Павел
Васильевич

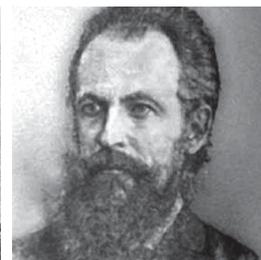
Минаев
Дмитрий
Дмитриевич

Огарёв
Николай
Платонович

Засецкая
Юлия
Денисовна

Лебедев
Николай
Константинович

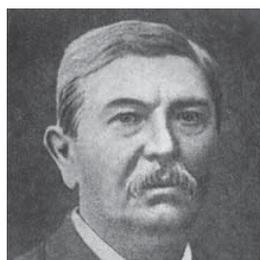
Назарьева
Капитолина
Валериановна

Садовников
Дмитрий
Николаевич

Андреев-Бурлак
Василий
Николаевич

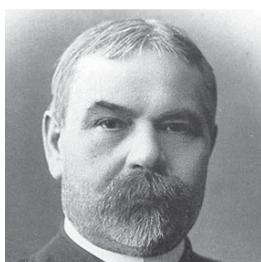
Булич
Николай
Никитич

Чардынин
Пётр
Иванович

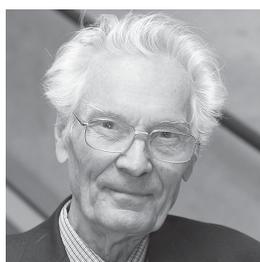
Беляев
Михаил
Дмитриевич

Мейер
Георгий
Андреевич

Мельников
Евгений
Зиновьевич

Долгов
Константин
Михайлович

Ланцов
Алексей
Сергеевич

Первым из писателей-симбирян с Достоевским познакомился Дмитрий Васильевич Григорович (он родился в 1822 году в селе Никольское-на-Черемшане). Случилась эта встреча в 1836 году в петербургском пансионе К.Ф. Костомарова. А с 1837-го по 1840 год будущие писатели учились вместе в Главном инженерном училище в Петербурге. Григорович подружился с Достоевским, беседы с которым пробудили в нём тягу к литературе и повлияли на его развитие. Позже он так вспоминал об этом: «Сближение моё с Ф.М. Достоевским началось едва ли не с первого дня его поступления в училище. С тех пор прошло более полувека, но хорошо помню, что изо всех товарищей юности я никого так скоро не полюбил и ни к кому так не привязывался, как к Достоевскому». В 1844–1845 годах Григорович жил в Петербурге на одной квартире с Достоевским и был первым читателем его первого романа «Бедные люди». «Достоевский между тем просиживал целые дни и часть ночи за письменным столом, – вспоминал Григорович. – Он слова не говорил о том, что пишет; на мои вопросы он отвечал неохотно и лаконически; зная его замкнутость, я перестал спрашивать. Я мог только видеть множество листов, исписанных тем почерком, который отличал Достоевского: буквы сыпались у него из-под пера, точно бисер, точно нарисованные...».

Литературовед Павел Васильевич Анненков (был владельцем родового имения в селе Чириково Симбирской губернии) познакомился с писателем в декабре 1845 года в доме В.Г. Белинского, когда Достоевский читал там повесть «Двойник». Позже в «Литературных воспоминаниях» Анненков писал, что Белинский «встретил не новичка, а совсем уже сформировавшегося автора, обладающего потому и закоренелыми привычками работы, несмотря на то, что он являлся, по-видимому, с первым своим произведением. Достоевский выслушивал наставления критика благосклонно и равнодушно. Внезапный успех, полученный его повестью, сразу оплодотворил в нём те семена и зародыши высокого уважения к самому себе и высокого понятия о себе, какие жили в его душе...». Достоевский с Анненковым здесь часто встречались, но в 1849 году, после выхода в «Современнике» статьи Анненкова «Заметки о русской литературе 1848 года», где он отрицательно отозвался о повестях Достоевского «Хозяйка» и «Слабое сердце», отношения их прервались. Писатели встретились лишь в июле 1875 года в поезде из Баден-Бадена в Петербург; Достоевский тогда отдал Анненкову для передачи И.С. Тургеневу долг в 50 талеров. Затем они встретились в марте 1879-го на обеде литераторов в честь И.С. Тургенева. А в конце мая 1880 года, когда Достоевский узнал, что Анненков приехал в Москву на Пушкинский праздник, он писал своей жене: «Приехал и Анненков, то-то будет наша встреча» (письмо от 27 мая); «Любопытно, как встречусь с Анненковым?» (31 мая); «Анненков льнул было ко мне, но я отворотился» (7 июня); а после яркой речи о Пушкине, произнесённой Достоевским, он уже примирительно сообщил: «Анненков подбежал жать мою руку и целовать меня в плечо» (8 июня).

С уроженцем Симбирска писателем Иваном Александровичем Гончаровым Достоевский по-

знакомился во второй половине 1846 года в доме у поэта А.Н. Майкова, а в январе-феврале 1847-го они встретились в литературном салоне Н.А. Майкова – отца поэта. Через месяц Гончаров сообщил в письме П.М. Языкову о посылке им в Симбирск для открывающейся Карамзинской библиотеки экземпляра романа Достоевского «Бедные люди». В апреле 1860 года писатели вместе участвовали в спектакле «Ревизор»; виделись затем в первой половине 1862-го. А в июле 1867 года Достоевский встретил Гончарова в Баден-Бадене, о чём позже вспоминала его жена: «Как-то раз в парке мы встретили писателя И.А. Гончарова, с которым муж и познакомил меня. Видом своим он мне напомнил петербургских чиновников, разговор его тоже показался мне заурядным, так что я была несколько разочарована новым знакомством и даже не хотела верить тому, что это – автор «Обломова», романа, которым я восхищалась». В начале апреля 1876 года произошла встреча в Петербурге, о чём Достоевский писал своей знакомой Х.Д. Алчевской: «Я на днях встретил Гончарова, и на мой искренний вопрос: понимает ли он всё в текущей действительности или кое-что уже перестал понимать, он мне прямо ответил, что многое перестал понимать. Конечно, я про себя знаю, что этот большой ум не только понимает, но и учителей научит...». Позже Достоевский вспоминал об этих встречах с Гончаровым в «Дневнике писателя»: «Встречаемся мы с ним очень редко, в несколько месяцев раз, и всегда случайно, всё как-нибудь на улице. Это один из виднейших членов тех пяти или шести наших беллетристов, которых принято, всех вместе, называть почему-то «плеядою»... Я люблю встречаться с этим милым и любимым моим романистом... Из краткого разговора с ним я всегда уношу какое-нибудь тонкое и дальновидное его слово». Достоевский высоко ценил литературный талант Гончарова и не раз положительно отзывался о романе «Обломов», хотя оценки эти и менялись. Сохранилось два письма Достоевского к Гончарову и пять писем Гончарова к Достоевскому.

Поэт Дмитрий Дмитриевич Минаев (родился в 1835 году в Симбирске) познакомился с Достоевским в Твери осенью 1859 года, когда от имени литературного журнала «Светоч» просил писателя поучаствовать в новом издании. В октябре того же года Достоевский сообщал своему брату Михаилу: «Я писал тебе, что Минаев был у меня и что я обещал сотрудничество». В начале 1860-го Достоевский и Минаев становятся постоянными посетителями кружка А.П. Милюкова при журнале «Светоч», собиравшимися по вторникам. Критик Н.Н. Страхов так вспоминал об этом: «Первое место в кружке занимал, конечно, Фёдор Михайлович: он был у всех на счету крупного писателя и первенствовал не только по своей известности, но и по обилию мыслей и горячности, с которою их высказывал. Кружок был невелик, и члены его были очень близки между собою, так что стеснения, столь обыкновенного во всех русских обществах, не было и следа». Фельетонные обозрения Минаева «Петербургская летопись» в «Светоче» имели успех, и он был приглашён в журнал «Время» наряду с другими активными сотрудниками, перешедшими работать в периодическое издание братьев Достоевских. В дальнейшем,

в связи с сотрудничеством Минаева в революционно-демократическом журнале «Искра», его пути с монархистом и христианином Достоевским разошлись. Известны даже сатирические стихи Минаева, посвящённые Достоевскому и его «Дневнику писателя» (1876). А последняя случайная встреча состоялась в суде в 1878 году, где рассматривали дело одного босняка, ударившего Достоевского.

С поэтом и публицистом Николаем Платоновичем Огарёвым (в 1850–1855 годах жил в каменном доме с мезонином при Тальской фабрике в селе Проломеха Симбирской губернии) Фёдор Достоевский познакомился в Женеве в августе 1867 года. Жена писателя позже вспоминала: «Огарёв часто заходил к нам, приносил книги и газеты и даже ссужал нас иногда десятью франками, которые мы при первых же деньгах возвращали ему. Фёдор Михайлович ценил многие стихотворения этого задушевного поэта, и мы оба были всегда рады его посещению. Огарёв, тогда уже глубокий старик, особенно подружился со мной, был очень приветлив и, к моему удивлению, обращался со мною почти как с девочкою, какою я, впрочем, тогда и была. К нашему большому сожалению, месяца через три посещения этого доброго и хорошего человека прекратились. С ним случилось несчастье: возвращаясь к себе на виллу за город, Огарёв, в припадке падучей болезни, упал в придорожную канаву и при падении сломал ногу». Во время болезни Достоевский навещал Огарёва на его женевской квартире. В одном из воспоминаний отмечается, что в 1873 году писатель «вполголоса, с мистическим восторгом на лице, прочёл свои «любимейшие» стихи Огарёва (из поэмы «Тюрьма»): «Я в старой Библии гадал, / И только жаждал и вздыхал, / Чтоб вышла мне по воле рока / И жизнь, и скорбь, и смерть пророка...». И только во время написания романа «Бесы» Достоевский начал полемизировать с Огарёвым и Герценом, которых он уже считал главными виновниками появления «бесов» в России.

Литератор и публицист Николай Михайлович Соколовский (родился в Симбирске в 1835 году) после окончания Симбирской гимназии и Казанского университета был определён в штат канцелярии симбирского гражданского губернатора. Он трудился служебным следователем, а в 1862 году переехал в Петербург, где служил присяжным поверенным. При его участии поэт Д.Д. Минаев написал сатирическую поэму о симбирских чиновниках «Губернская фотография». В 1868-м Соколовский вышел в отставку; занимался частной адвокатской практикой. В числе его близких знакомых в эти годы был и Фёдор Достоевский, которого Соколовский даже консультировал при работе над романом «Преступление и наказание». В то же время критики отмечали, что на творчество самого Соколовского заметное влияние оказал именно Достоевский как автор «Записок из мёртвого дома», которые подтолкнули Соколовского на создание собственного «арестантского» цикла, где есть прямые заимствования. В очерке «Дело об убийстве Фон-Зона», опубликованном в 1870 году, Соколовский утвердился в первичности социальных мотивов преступления, в чём идейно разошёлся с Достоевским, который не раз упоминал этот уголовный процесс в романе «Братья

Карамазовы» и своих записных книжках.

Дочь поэта Дениса Давыдова, литератор и переводчица Юлия Денисовна Засецкая (родилась в 1835 году в селе Верхняя Маза Симбирской губернии), познакомилась с Достоевским в 1873 году. Не раз с ним встречалась и вела переписку, пытаясь убедить писателя в истинности протестантского вероучения. Жена Достоевского вспоминала: «Фёдор Михайлович по её приглашению несколько раз присутствовал при духовных беседах лорда Редстока и других выдающихся проповедников этого учения. Фёдор Михайлович очень ценил ум и необычайную доброту Ю.Д. Засецкой, часто её навещал и с нею переписывался. Она тоже бывала у нас, и я с нею сошлась, как с очень доброю и милою женщиною, выразившею ко мне при кончине моего мужа много участия в моём горе... Любил Фёдор Михайлович бывать у Юлии Денисовны Засецкой и постоянно вёл с нею горячие, хотя и дружеские, споры по поводу её религиозных убеждений». Письма Достоевского к Засецкой не сохранились, но известно 6 писем Засецкой к Достоевскому.

Ещё один симбирянин, прозаик Николай Константинович Лебедев-Морской (родился в Симбирске в 1846 году), познакомился с Достоевским во второй половине 1870-х годов. Типографский наборщик М.А. Александров позже вспоминал, как Достоевский перед этим оценил в их разговоре творчество писателя: «А вы знаете, ведь это очень большой талант – этот Лебедев... Вот этот может действительно создать что-нибудь. Его романы очень и очень недурны. Но у него есть некоторые не совсем хорошие стороны... очень немного, впрочем; он легко может исправиться; только сам он, очевидно, этих недостатков не замечает... Надо ему указать их... Мне очень хотелось бы с ним поговорить об этом, я бы сказал ему. Вообще я бы мог ему сказать кое-что полезное для него... Скажите-ка вы ему, Михаил Александрович, чтоб он пришёл ко мне когда-нибудь; ведь вы, вероятно, видаетесь с ним?». В письме к издателю А.С. Суворину от 10 июля 1880 года Лебедев привёл благожелательный отклик Достоевского на свой роман «Купленное счастье». А чуть позже писал Достоевскому: «Я долго колебался беспокоить вас просьбою о содействии мне в одном для меня чрезвычайно важном деле. Быть может, сами не зная того, вы однажды лестным отзывом своим о моём романе «Аристократия Гостиного двора», сделанным вами А.С. Суворину, обеспечили мне целый год существования – и вот это-то и составляет меня беспокоить вас просьбою...».

Прозаик, драматург и публицист Капитолина Валерьяновна Назарьева (жена писателя В.Н. Назарьева, в 1868–1874 годах жила с ним в селе Новое Никулино Симбирской губернии) вела переписку с Достоевским в 1877 году. Вот выдержка из её письма: «Я не могу Вам передать словами того счастья, которое охватило меня, когда я получила Ваше письмо. Надо знать, с каким обожанием я читала и читаю каждое Ваше произведение, как я глубоко понимаю каждое Ваше слово; и даже те Ваши положения, которые другим кажутся туманными, мне ясны и понятны, потому что Вами они выстраданы, а страдания роднят людей». В архиве Достоевского сохранился форзац книги Назарьевой «Иллюстри-

рованные рассказы из природы и жизни» (1877) с дарственной надписью: «В знак глубочайшей симпатии и беспредельного уважения к дивному таланту Фёдора Михайловича Достоевского от составительницы и издательницы К. Назаревой». В записных тетрадях писателя хранился и её петербургский адрес.

Поэт Дмитрий Николаевич Садовников (родился в Симбирске в 1847 году) встречался с Достоевским в 1879–1880 годах на литературно-музыкальных вечерах в Петербурге и на «пятницах» у поэта Я.П. Полонского. Об одной из таких встреч на вечере в Благородном собрании Садовников вспоминал: «После небольшого антракта вышел маленький Достоевский и начал читать одну из глав «Братьев Карамазовых». Начал он вяло и скучно: речь шла о такой чертовщине в полном смысле слова, что я невольно подумал: «вот человек, точно лорд Редсток какой-то апокалипсис объясняет». Но когда дело дошло до признания Дмитрия Карамазова, всё разом переменялось. Публика замерла. Болезненная глубина чувства этого сладострастника была так художественно-правдиво передана автором, что я ничего подобного не слыхивал. Манера читать прозу, стихи, делать вставочные обращения к брату, трепет голосового органа, где это требуется; ускоренный темп в сцене самоубийства, какая-то характерная торопливость на самом драматическом месте – неподражаемы. Его вызывали, если не ошибаюсь, пять раз...». А встречу с Достоевским у Полонского Садовников запомнил такой: «Он вошёл и сделал как-то недоумевающе общий поклон, точно боясь, что никто или многие на него не ответят. Вообще он,

должно быть, страшно подозрителен... Я заметил в голосе Достоевского до странности болезненные, нервные ноты. Весь организм его явно расшатан до невозможности, и довести автора «Преступления и наказания» до слёз – ничего, я думаю, не стоит».

Можно назвать и ещё немало имён писателей-симбирян, которые так или иначе связаны с именем Ф.М. Достоевского. К примеру, актёр и прозаик Василий Николаевич Андреев-Бурлак исполнял на концертах фрагменты произведений Достоевского; литератор Николай Михайлович Соковнин способствовал изданию произведений писателя; историк русской литературы Николай Николаевич Булич написал статью о Достоевском (1881); режиссёр и сценарист Пётр Иванович Чардынин снял по мотивам его произведения немой игровой фильм «Идиот» (1910); литературовед Михаил Дмитриевич Беляев устроил в Пушкинском Доме в Петрограде юбилейную выставку к 100-летию Достоевского (1921); публицист, философ и литературовед Георгий Андреевич Мейер написал статью «Баратынский и Достоевский» (1950) и издал книгу «Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»)». Опыт медленного чтения» (1967); поэт и прозаик Евгений Зиновьевич Мельников сочинил поэму-сон «Достоевский» (1993); философ и публицист Константин Михайлович Долгов написал сочинение «Учение Достоевского о красоте» (2000); поэт и литературовед Алексей Сергеевич Ланцов издал монографию «Будут все как дети Божии...»: Традиции житийной литературы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (2011) и др.

К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского

ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ТАЙНА

Итоги конкурса короткого рассказа

11 ноября 2021 в мировом культурном сообществе отмечалась значимая дата – 200-летие со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского. В Ульяновском Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке им. Ленина состоялось награждение победителей и призеров областного конкурса короткого рассказа «Человек есть тайна. Её надо разгадать» и интернет-акции «Достоевский – мой современник».

В конкурсе короткого рассказа участникам предлагалось отразить в своем произведении такие темы, как судьба «маленького» человека, путь человека к познанию Бога, двойники и др. Всего в конкурсе приняли участие более десяти человек из разных районов Ульяновской области. Победителями и призерами стали:

1-я возрастная категория (до 18 лет)

2 место – Григорьева Анастасия (г. Новоульяновск)

2-я возрастная категория (от 18 до 35 лет)

1 место – Николаев Сергей (г. Ульяновск)

2 место – Разумовский Илья (г. Ульяновск)

3 место – Мансурова Яна (Сурский район)

3-я возрастная категория (от 36 лет)

2 место – Родин Владимир (г. Ульяновск)

3 место – Лухманова Елена (г. Новоульяновск).

Для участия в интернет-акции необходимо было на своей личной странице в социальных се-

тях опубликовать оригинальную фотографию своей любимой книги Ф.М. Достоевского и написать небольшой отзыв о книге.

В акции приняли участие 27 человек из города Ульяновска, Чердаклинского, Новоспасского, Барышского, Майнского, Радищевского, Вешкаймского, Мелекесского, Николаевского, Павловского, Цильнинского, Старокулаткинского районов, города Димитровграда.

Победителей выбрали сами читатели социальных сетей, поставив под публикациями свои «лайки». Наибольшее количество «лайков» получили:

1 место – Богданова Екатерина Андреевна (г. Ульяновск).

2 место – Оргеткина Марина Николаевна (г. Ульяновск).

3 место – Карпов Максим Владимирович (Чердаклинский район, село Озерки).

СОЛО

Светлана МАТЛИНА, поэт, член Союза писателей России. Автор более 70 книг. В 2021 году вышли книги: «Будем жить!», «Берегиня», «Белая роза печали, красная роза любви», «Онечкина книжка».

ВЕДИ МЕНЯ, БРАТ ПОДОРОЖНИК...

* * *

Далеко, где печаль серебрится,
Пляшут бабочки на краю,
Говорю я с седой медуницей,
С синей бездною тайн говорю.

Там обжоре-коту спится сладко,
У крыльца чудо-дерево растет,
Чудо-птица в ветвях без оглядки
Свищет, стонет всю ночь напролет,

И цыплята янтарною тучкою
При дворе изумруды клюют,
Одуванчики день лишь живут
И вопросами бабу не мучают,

Все хожу я, дитя неразумное,
Все руками себе развожу:
И о чем это дерево думает?
И зачем я тут вижу-хожу?

И стозвездная, словно стоглазая
Мгла клубится у самых ворот
Про дракона ожившею сказкою...

И зачем чудо-дерево растет?
И о чем чудо-птица поет?

У ПОСТЕЛИ БОЛЯЩЕЙ

Ночник, как ландыш, белым светом
 Рассеивал крошечный мрак.
 И ты склонялся над постелью
 И говорил чуть слышно так:

«Не покидай, мой бедный ангел!
 Я понял, для чего я жил,
 И для чего страдал безмерно:
 Чтоб я любил! Чтоб я любил!»

Весь мир, заселенный так густо,
 В халате будничном тебя,
 Убогую, как доля нищих,
 Каморку нашу бытия...»

Так люди плачут на вокзалах,
 Сидят в обнимку в поездах,
 Внезапной силой притяженья
 Лицом к лицу, в наклон, в слезах.
 Так все тесней кольцо людское
 На приговорных площадях.

Душа в минуты потрясений
 Достигла божеских высот,
 Весь озаряя небосвод,
 И ради вот таких мгновений,
 Быть может, человек живет.

БУДЕМ ЖИТЬ!

Как всегда, после войн, низового пожара
 Пробиваются травы в золе.
 И друг друга находят влюбленные пары,
 И звенят голоса на земле.

Будем жить все, надеждой и верой хранимы,
 И костры очагов разводите,
 По ромашкам и звездам гадать о любимых
 И подкову в золе находить.

Будет род продолжаться, плескаться струею
 Родниковая светлая речь,
 Будем жить хорошо, причащаться любовью,
 И друг друга, и счастье беречь.

Будем жить!
 И пускай это миру не внове,
 Волю к жизни в нас не истребить.
 В детях, в деле, в заветах, в музыке, в слове
 Будем жить!

Я ЦЕЛЮЮ РУКИ КРАСОТЕ

Пусть опять поругана мечта,
 Пусть и я, как Иов на гноище,
 Дуб стоит зеленый, птица свищет
 И сидит на травке Красота
 В рубище отверженной царицей.

Я целую руки Красоте,
 Я беру в свои ее запястья,
 Жму к губам дерюжный кончик платья
 И в ее великой простоте
 Все шепчу над ней свои заклятья.

Чтоб она жила, жила, жила!
 Чтобы дураки не зарубили!
 Чтобы к ней воспрянувшей мечте
 Белых крыльев вновь не обломили!

И больной, и старый серый волк
 Гладит лапой ей младую спину,
 Сыплет ей медведь в подол малину,
 И садятся оба подле ног.
 ...И рыдает голос лебединый.

КЛЕНОВАЯ ЗАПОВЕДЬ

Говорите добрые слова.
 Не жалеите, желчью прикрывая.
 Тропы жизни, где встает трава,
 Листьями прощанья осыпая.

Делайте хорошие дела.
 Как последний день, свой век живите.
 Даже крохи вашего тепла
 Надобны собаке и ракете.

Людам золотой запас души
 Вытрясти до донышка спешите.
 Светлость дум, созревшую в тиши,
 В чернозем как зерна положите.

Знаете: не закричать толпу,
 Не догнать кружащую стаю.
 Лишь от сердца к сердцу тайный путь
 В мудрой простоте не зарастает.

Не забьется заячьи в силке
 Слово, обнимая все земное.
 Лишь на этом добром языке
 Радостно откликнется живое.

Так шептали клены сентября,
 Налетая звоном, стоном, вздохом,
 Листьями тревожаще горя,
 Разметавшись в синем и холодном.

ЗОЛОТАЯ ПОРА

Золотая пора песнопений
 Начинается прямо с угла,
 Где метет мрачный дворник Евгений
 И в кленовой листве вся метла.

Мрачен он, что напарник уволен,
 Что уже не мечтать, не любить,
 И без лет молодых все безбольно,
 А что пуще – пока не запить.

Золотая пора песнопений –
 Остальное пустяк, мишура –
 Придает в этой жизни терпенья,
 Если гонит тоска со двора.

Что нам жалобиться, что нам плакать
 Иль как волк в полнолуние выть!
 Вон – метла полыхает, как факел,
 От кровавой кленовой листвы!

Натяну понарядней рубаху,
С фонарями пойду вдоль шоссе,
Хоть на трон, под венец, хоть на плаху –
У меня нынче праздник в душе!

Добреду до леска, где так тихо,
Только искоркой падает лист,
Зажигая, как свечи пред Ликом,
Строй моих непритворных молитв

О надежде с извечной печалью
И о неистребимой любви
К материнским нищающим далям
Да о пламени в русской крови!

Я хочу догореть, словно клены,
И не надо ругательств, фанфар,
Потому что с рожденья влюбленно
Пожирал меня песенный жар.

Потому что в их самосожженье
Узнаю я родное себе,
Золотою порой песнопений
Прошумевших, как листья, в судьбе.

СИЛА ЗЕМНАЯ

Меж другими свой век обретаясь
На веселой да грешной земле,
Я с собой свою силу таскаю,
Словно золото беглый в суме.

И казалось, вся сила земная
По зеленой, по буйной весне
И без водки по венам играя,
Собиралась, копилась во мне.

И что пушкинский рыцарь над золотом,
Над сумою своей не тряслась.
Словно вдруг привалило богатство,
Раздавала ее, не ценясь.

Щедро тратилась сила живая,
От любви зажигалась светло.
Словно кровь свою переливая,
Я дарила любимым тепло.

Раздавала направо, налево
Да еще вся ушла на труды,
Как сидела всю жизнь я, корпела
Над стихами до первой звезды.

Полегчала тяжелая ноша,
Опустела без звона сума.
И вчерашней травой под порошей
Я без силы свалилась сама.

И гуляет она в диком ветре,
И гудит среди волчьих полей
По загадочной нашей планете,
По веселой да грешной земле!

* * *

Город – опрокинутое небо.
Звезды – словно россыпь огоньков.
Я смотрю на это благолепье,
Сердце ищет сокровенных слов.

Потому и признаюсь тебе я:
В этом сердце пламень не погас,
И не где-то на Кассиопее,
Жить хочу сегодня, здесь, сейчас!

И не будем грезить, чтобы тело
Продолжало бытие в веках.
Здесь душа, как птица, вольно пела –
Не в далеких и чужих мирах.

Слышишь, как печально стонет вьюга
Уходящим навсегда вослед?
Только здесь мы так нужны друг другу
Среди общих радостей и бед.

Я хочу, чтоб яблоня роняла
Свой душистый цвет на край скамьи,
Чтобы сердце снова раскрывалось
Для земной, единственной любви.

Так, покуда слышны сердца стуки,
Молвлю без утайки и всерьез,
Погружая ласковые руки
В золотую сень твоих волос.

ЛЮБОВЬ

Любовь – такая светлая беда!
И забытье, и райское наитье.
И с нею розой пахнет лебеда,
А с плеч заря, как мантия, струится.

И держишь шар земной в своих руках,
Он маленький, он хрупкий, он хрустальный.
И два лишь отражения в глазах:
Ты и любимый на стене зеркальной.

И даже слезы – молоко и мед.
И рокот бури в нежности мелодий,
Что и любовь бессмертная пройдет,
Как все на свете невзначай проходит.

Но только все же ты была всегда
И так пребудешь вечной и живою,
Как дивный свет над облачной грядкою,
Как солнца кровь у нас в предсердьях...
– Да.

ПОДОРОЖНИК

Н. Благову

Веди меня, брат подорожник,
Дорогой нашей вековой,
Любовь и совесть растревожив,
Качая пыльной головой.

Туда, где пыльные рассветы
Несутся конницей в поля
И красным, и раскатным ветром
Охватит родину земля.

Туда, где замерших березок
Склонились белые ряды
Так, словно раненым медсестры
Дают испить живой воды.

Ты обнял в селах обелиски
И ноги каменных солдат,
За родину погибших списки,
Чей подвиг славен, скорбен, свят.

Им отдают поклон старинный
В родном и помнящем краю
И тем, кто средь сражений ныне
Сложили голову свою.

Веди меня, мой подорожник,
Через огромную страну,
Что нам всегда всего дороже,
Через беду, через войну.

Вдруг перекликнулась Россия
С той, сорок первого порой,
Слеза застлала очи синие
Над разоренною собой.

Я никому б не пожелала
Увидеть это и во сне.
И как дитя больное, малое
Она жальнее стала мне...

Светило мамино оконце,
И счастье било через край.
И свежеепеченный – солнца
На всех делили каравай!

И каждый стать мог по завету
Хозяином своей судьбы,
Как и страна – ведь было это?
Иль не было? – Не рассудить...

Но реет Спаса стяг сурово.
Но Слово о полку звенит.
И время в летопись багрово
Заносит строчку: Дом горит.

Ты стойкий, жилистый, упрямый –
Да ты и сам солдат уже!
Ты вновь мои залечишь раны
И все мне выправишь в душе.

Чтоб дальше жить, имея право
На веру, счастье, на печаль...
И лишь не вытравишь печать
Той горечи на сердце давней,
Что русский сможет лишь понять.

УТРЕННЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Храни мой город, Андрей Блаженный!
И эти скверы, и эти стены,
И птиц над миром многоквартирном –
Им неуютно в бетонном мире.

К груди ты с лаской их прижимаешь
И вверх бросаешь! И отпускаешь
На волю – править бездонным небом,
Нести приветы, лететь за хлебом.

Стоишь почти что на небосклоне,
И город держишь в своей ладони
С его домами, его садами,
С мечтами разными, разными нами.

Жизнь мякиш ночи жует беззубо,
Пока, до солнца, мы ей не любим...
А солнце встанет, с улыбкой глянет –
И жизнь собой всех светло одарит!

Как в День прекрасный благодаренья,
Нам шлешь ты с птицей благословенье!
И ветер треплет рукав твой белый,
И солнце мечет золотые стрелы...

Храни мой город, Андрей Блаженный.

* * *

Я встану на пробившейся заре,
Когда очертит свет холмов горбатость,
Когда еще все травы в серебре
И слышен холодящий запах мяты.

Я поднимусь на самый ближний холм
И заглянусь в сиреневые воды,
Объятые речным зеркальным сном
С пресветлым отраженьем небосвода.

И все дороже, все понятней мне
Тот мир людской, что я привычно вижу,
Что радость есть на горестной земле,
И я вовек живое не обижу.

Я знаю, как надеются и ждут.
Я знаю, что любовь целит и ранит,
И словно Гостю двери распахнут,
Сейчас в далекий колокол ударят.

А там ему откликнется другой,
И трудовое солнце шумно встанет.
Как бы его под красною дугой
Вывозят кони в золотистой рани!

Я знаю то, что век во зле суров,
Я знаю смерть, но все ж печаль отрину –
Я буду слушать звон колоколов
И всей душой молиться за Отчизну.

ВЕСНА

Как будто окна все раскрыли –
Ворвался ветер озорной!
Смешал все сны, слова и были
И вынес их, как лист сухой.

На тополях одноэтажки
Лепили шустрые грачи,
А роща соком – алой бражкой
Хмельть имела сто причин.

Мы здесь смеялись, горевали
Так долго – зиму! – над судьбой.
Весну как свадьбу поджидали
И вот воспрянули душой.

И нежит грудь апрельский холод!
К работе рученьки годны!
Как хорошо – здоров и молод,
И у тебя все впереди!

Бушует жизнь! По океану
Воздушной сини понеслась!
Весна, ясна, благоуханна
Ее на крылья подняла...

И только бабка, век в заботах,
Всегда для дома и семьи,
Как печка русская – оплотом,
Несла покой в своей крови.

Ведь загадала – не робела,
Что свадьба будет, час придет
И встретит май черемух белых,
Возрадуется – и умрет.

БЕРЕГИНЯ

Храню, что есть. И не гонюсь за большим.
Тепло семьи хочу не растерять.
В груди любви звенящий колокольчик:
Я берегиня, бабушка и мать.

Не надо никакого чародейства,
Когда любовь ответная в очах,
Когда за стол усядется семейство,
И говорливо ложки застучат.

Когда под вечер мирными часами
Румян, как хлеб из печки, небосвод,
Заполнен дом родными голосами
И мудрой жизни не заметен ход,

Я добрыми словами вас встречаю,
И делом, и советом помогу.
Беречь очаг, как предки, завещаю
И на погибель не отдам врагу.

СТИХИ НА 60-ЛЕТИЕ

А. ЛАЙКОВА

Памяти Александра Лайкова

Проспект шумит. Да ну их, рестораны,
Эстрады бубны, кухонь жар и чад!
Давай бродить в морозные туманы –
Нет безрассуднее людей под шестьдесят.

Уйдем читать стихи свои заветные
Под белою накидкой сонных лип
Звезде блистающей,
застрявшей между ветками,
Пускай бесчинствует какой-то новый грипп.

Вновь с нами образы друзей,
поэтов-песельников,
Которых нет в живых, увы, уже,
Да и самим, быть может,
жить два понедельника,
Когда стоишь на самом рубеже.

Снега взвились безжалостно-небрежно.
Отринувшие позу, зло и фальшь,
В раскрытой сердцевине вьюги нежной
Танцуем вальс, красивый старый вальс!

И лишь сейчас мечтам и идеалам
Вдыхать февральских снов шальной букет,
Благоухающий в депрессиях и свалках,
И нам опять всего семнадцать лет!

Влюбляйся же в девчонок с юным пылом,
Спешащих мимо, всколыхнувших уйму чувств.
Пускай что было – позабылось, в Лету сплыло,
А то, что будет, знаем наизусть.

Да ну их, рестораны и быта мелодрамы!
Пойдем туда, где фонари блещут
Лиловым бледным светом в морозные туманы –
Нет безрассуднее людей под шестьдесят.

2013

* * *

Белые, белые, белые снега.
Русь моя красавица, как ты дорога!

Ничего прекрасней и милее нет,
Чем твой чудотворный, твой щемящий свет.

И со всей равнины, и со всех околиц
Кружит и смеется будто колоколец.

Сквозь меня проходит, сквозь меня поет,
Сколько себя помню, век во мне живет.

В белой бойкой тройке коренною мчусь,
Я тебя, родная, на себе несу.

По дороге ровной, по ухабам ль я...
Плеч груз не тянет – ношенька своя!

Знаю: назло ночи и любой беде
Встанет завтра рано новый светлый день.

Засияют белые, белые снега.
Русь моя, грусть моя, радость навсегда!

* * *

По белому, по белому,
По чистому, по чистому,
В такое утро раннее –
По снеженьку лучистому
И только – с добрым помыслом,
На лучшие деяния,
По Божьему по промыслу,
Чтоб не лежало попусту
В душе его сияние.

ДВОЕ

Татьяна Мельник

Мне
приснилась
зима...

Татьяна МЕЛЬНИК, член Союза писателей России.

МНЕ ПРИСНИЛАСЬ ЗИМА

Из новой книги стихов

***

Ты меня называешь странною,
Удивляешься: правда, поэт?
Ведь поэты всегда изранены,
А на мне ни царапинки нет.

Всё решив про меня заранее,
Ты так пристально зря не смотри –
Сердце внутреннего сгорания
Выжигает меня изнутри.

* * *

Не люблю однолюбов.
С ними шутки плохи –
К вам презрительны будут
От любой чепухи:

Лёгкий флирт – преступленье,
Даже глазок стрельба
Им почти что смертельна
И вульгарно-груба,

Не коснуться усталых
Не целованных губ...
Как я это узнала?
Я сама однолюб.

* * *

Моей души мне, видно, не спасти –
В который раз свершаю святотатство:
Я остаюсь, где надо бы уйти,
И ухожу, где надо бы остаться.

* * *

Улыбаюсь я таинственно
Двум поклонникам своим.
А лукаво или истинно –
Ввек не догадаться им.

В щеку многообещающе
Поцелуи раздаю.
Раздуваю два пожараща.
Между двух огней стою.

Я себя считаю мудрою,
Истину найдя в вине.
Я двоим мозги запудрила!

Ну, или двое пудрят мне...

* * *

Не умею вить верёвки.
Только ты – как шерсть и шёлк –
Чуть робея и неловко
Тянешься ко мне душой.

Ты в руках моих податлив,
Хоть узлом тебя вяжи.
Быть стараюсь деликатной,
Избегая льстивой лжи.

Мне так страшно стать жестокой –
Боль ничем не извинить.
Под рукой моей потоком
Вьётся шёлковая нить...

* * *

Ты вечный Июль, что рождён был от Солнца.
И пусть поседела твоя голова,
Но сердце твоё с упоением бьётся,
Взгляд так же бесстыж и нескромны слова.
Ты вечный Июль с загоревшею кожей,
Презревший и годы, и старость, и смерть.
Ты – вечный Июль. И ты только можешь
Январское сердце моё отогреть.

* * *

Запотевший бокал.
Это – снова мартини.
Это – битых зеркал
Всё наивней картины.
Это – луч сквозь вино
Преломился на стену.
Это – мне всё равно,
Выходить ли на сцену.
Это – памятный вкус
Горьковатой полыни.
Это – странная грусть
И (*не помню – чьё*) имя.
Это голос звенит,
Объяснить что-то хочет.
Это – лета зенит
И короткие ночи.
Это – капли на дне,
Словно чистые росы.
Что нашла я в вине?
Осень...

* * *

Ну вот и снова дни короче.
А я так не смогла успеть
Власть насмотреться в Неба очи,
Рассветом душу отогреть,

Из родника взахлёб напиться,
Запомнить утра аромат,
Наслушаться весенней птицы,
Налюбоваться на закат.

А завтра вновь дожди и осень.
Мой самый длинный день прошёл.
Живу. Вся будто под вопросом.
С неналюбившейся душой.

* * *

Он так вежливо мне сказал:
«Я Вас вижу всегда одну...»
А чертёнок в его глазах
Мне вдруг весело подмигнул.

Я в ответ лишь вздохнула: «Ах.
Но я вижу Вас в первый раз...»
А чертёнок в его глазах
Не сводил восхищённых глаз.

Замолчали. И лёгкий страх,
Что вот это – уже финал.
Лишь чертёнок в его глазах
В адском пламени погибал.

Что ещё я могу сказать?
Я пропала – попала в плен.
А чертёнок в его глазах?
Будь он вечно благословен.

ДИАЛОГ СМОТРЯЩИХ В ОДНО ОКНО

– Что ты видишь за окном? Там темно...
– Вижу глаз твоих певучую грусть...
И, сплетаясь кружевами, семь нот
Так звучат, что передать не берусь...

Ночь по небу расстилает ковры...
Но не это чудо, это – пустяк...
Там, в окне, твои глаза так добры,
Что они меня, наверно, простят...

Страстных губ твоих хмельное вино
Не забыть и ни на что не сменить...
– Что ты видишь за окном? Там темно...
– Вижу, любишь, и простила опять...

* * *

Мной не любимый, в меня не влюблённый,
Что ж расставаться так страшно и больно?
Нам не смириться с предательской ролью,
Мной не любимый, в меня не влюблённый.

Сплетни над нами, как вороны, кружат,
Каждый из нас пред молвой безоружен.
Просто нужна я, и ты – просто нужен.
Просто мужчина и женщина дружат.

Вновь отряхнут оперение клёны...
Что ж ты подводишь, мой разум хваленый?
Дай поцелую висок побелённый,
Мной не любимый, в меня не влюблённый.

* * *

Мне больше не снятся стихи.

Мне снится лазурное море,
Слоны, обезьянки и лори,
Две чайки в небесном просторе,
И мы – наконец-то – не в споре...

Мне больше не снятся стихи.

Мне снятся красивые птицы,
Дочурка в платьишке из ситца
С котёнком у дома резвится,
Друзья, ароматная пицца...

Мне больше не снятся стихи.

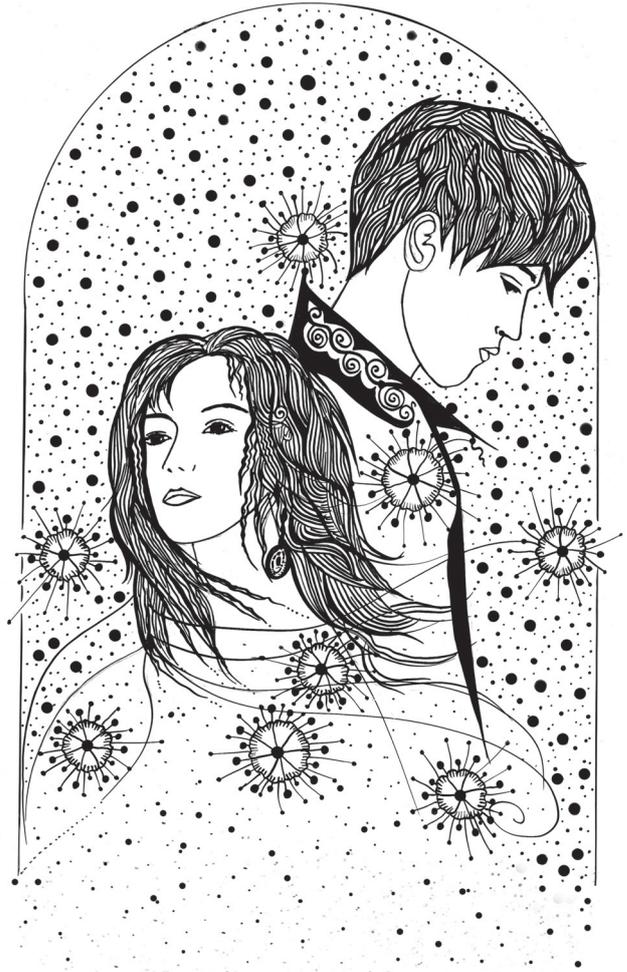
И я не жалею нисколько.
Во сне я летаю – изволь-ка.
И память – лимонная долька –
Жизнь не омрачает. Вот только...

Мне больше не снятся стихи.

* * *

Какие мелкие осколки...
Какие острые края...
Мне говорили: «Люди – волки.
Обречена любовь твоя».

Как сказки добрые недолги,
Как долго сны мои хранят
Такие мелкие осколки,
Такие острые края...

* * *

Мне приснилась зима
Белой-белой волшебною птицей.
Мне приснилась зима
И божественный – хлопьями – снег.
В белых шапках дома,
Лёгкий иней на тёплых ресницах.
Мне приснилась зима –
Та, что длится – какой уже? – век.

Мне приснилась метель:
Свежий ветер сквозь рваную душу.
Мне приснилось – метель
Заметает о прошлом следы.
Двери рвутся с петель,
И стихи – прямо с неба – послушай.
Мне приснилась метель,
И в снегу утопающий – ты.

Мне приснились стихи
Вперемешку со сном и со снегом.
Мне приснились стихи –
Щедрый дар бесконечной зимы.
Мне приснились стихи
Под мелодию снежного неба.
Мне приснились стихи
И безумно влюбленные – мы.

Мне приснилась зима...

Рисунки Александра Четверкина

* * *

Вот так и расстаются навсегда:
 Без слез, истерик – буднично и просто.
 Года, года, года, года – беда,
 Дороги, рейсы, рельсы, перекрёстки...

Позволь, к руке губами прикоснусь.
 Про письма и звонки – молчи, не надо...
 Тоска, тоска, тоска, тоска и грусть,
 Усталость, листопады, снегопады...

Разлука – вот причина из причин,
 Которую не высказать словами.
 Молчи, молчи, молчи, молчи – кричи!
 Лишь поцелуй. Один. При расставанье...

* * *

– *Может, я разучилась летать?*
 О. Лазарева

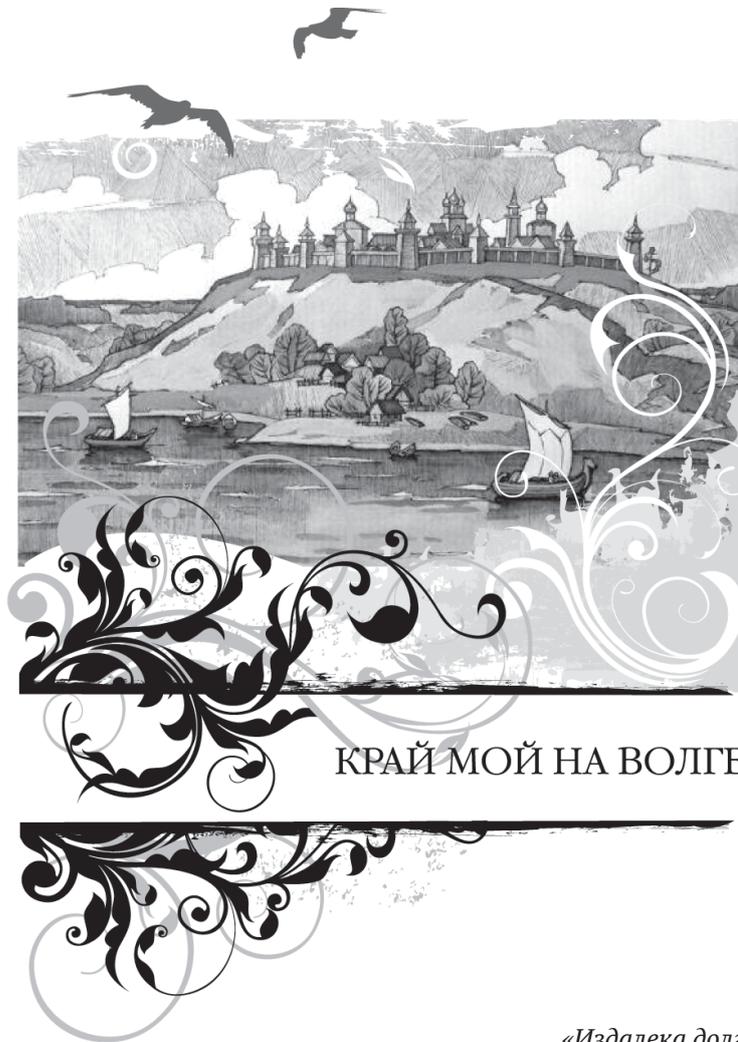
Не миновала. Нет на Руси
 Грешным покоя.
 Как я молила Тебя: «Обнеси
 Чашей такую...»

Сколь тяжела судьбоносная кладь –
 Пробует каждый.
 Что, если я разучилась летать?
 Пропасть покажет...

* * *

Комкает бессонница мне простынь,
 Сорвала с будильника чеку.
 Ангел мой, я знаю, всё не просто,
 Ты устал всегда быть начеку.
 Ангел мой, мы оба ведь устали,
 Но как быть, коль держит нас Земля?
 У меня на лбу твои уста ли?
 Ангел мой, ты разлюбил меня?
 Ангел мой, Хранитель мой сердечный,
 Не держу, Господь тебя храни...
 Только вновь мои укрыли плечи
 Два крыла прочней любой брони...

КРАЙ МОЙ НА ВОЛГЕ

«Издавна долго течёт река Волга...»

В городах и весях волжского пространства живут талантливые творческие люди. Представляем стихи и прозу ярославских писателей.

*Благодарим руководителя Ярославской писательской организации
Мамеда Халилова за сотрудничество.*

Всем собратьям по перу желаем вдохновения и гармонии!

В ЗВУЧАНИИ НОВЫХ ВРЕМЕН...

Владимир СЕРОВ

***

То нищие грабят богатых,
То в точности – наоборот.
То эти кругом виноваты,
То каются тем свой черёд.

Собратья безбожной державы,
Лихая братва во Христе.
Ни те и ни эти не правы.
Не правы ни эти, ни те.

И если когда-нибудь третьи
В извечный вдруг ввяжутся спор,
То будут не правы и эти.
И кончим на том разговор.

Есть дело куда поважнее,
Чем мерить чужую вину –
Подняться с земли и над нею
Измерить свою вышину.

И к планке, под небом висячей,
Где нет и ни этих, ни тех,
Взлететь иль уплыть по-собачьи,
Отчаянно веря в успех.

Пока моё солнце не село,
Я должен набрать высоту –
До края мечты, до предела –
И камнем упасть за черту.

БАБОЧКИ

Как эльфы, как листья заката,
В волшебный опавшие срок,
Они «уплывают» куда-то,
Порхая с цветка на цветок.

Пожалуй, их пращурь были
Куда как мудрее моих,
Поскольку они окрылили
Далёких потомков своих.

Дано им не так уж и мало.
Но прежде, чем стали летать,
И ели они что попало,
И ползали слизням под стать.

Как тесно сплелись корни жизнью,
Во всём я себя узнаю –
И ползаю этаким слизнем,
И ем что попало, и пью.

Ни что не воздастся задаром.
И плата сегодня вдвойне
За каждую каплю нектара,
Что будет отпущена мне.

Надеюсь, идёт всё по плану,
И точно в назначенный срок
Я лёгкою бабочкой стану,
Летящей на жаркий цветок.

* * *

Может, где-то они и бывают,
Удивляют и даже пугают.
А у нас хоть бы камень какой
Прилетел с неба явленным чудом.
Ничего – ни туда, ни оттуда.
Всё вокруг – тишина да покой.

Ни чудес нет, и ни откровений.
Обрывает лишь ветер осенний
С растопыренных веток листы.
На развалинах Гипербореи
Незатейливы наши затеи
И бесплодны, хотя и чисты.

Мы не ждем от небес монолога.
Нам и нужно всего-то немного –
Или весть, или знак – всё равно –
Что о нас в небесах не забыли,
Что не бросили, не разлюбили,
Пусть самим нам любить не дано.

Но на небе не вести, не знаки –
Только яркие вспышки во мраке.
Что оттуда летит, что туда,
Что бывает и что не бывает
Всё дотла в атмосфере сгорает,
За собой не оставив следа.

ЭЛЬДОРАДО

Не ломаю ни дров и ни копий
Я в бессмысленных спорах. Давно
Не ищу соломоновы копи,
Не краду золотое руно.

Не хочу верить ни в Атлантиду,
Ни в любой долгосрочный прогноз,
Ни в сошедшую с неба планиду,
Ни в зелёных пришельцев со звёзд.

Что мне ценности скрытого клада,
Что мне в Шамбалу двери, когда –
За окошком моим Эльдорадо,
И не надо идти никуда.

Ни лететь и ни ехать не надо,
Ни богатств не искать, ни наград.
Что желать королю Эльдорадо
В золотой за окном листопад?

Где ещё, за какими морями
Я нашёл бы такую страну,
Где по саду тугими ветрами
Королевскую носит казну?

За окошком моим – Эльдорадо,
За окошком моим – листопад.
По безлюдью эдемского сада
Листья с древа познания летят.

* * *

Давай зажжём огонь под ливнем звёзд
И помолчим на самой нежной ноте.
Пусть тихо звёзды гаснут на излёте,
Пусть еле слышно шелестит розог.

Из прошлых жизней знание одно
Я вынес, чтобы убедиться снова –
Что прежде, чем дано нам было слово,
Молчанье всё же было нам дано.

Давай от слов сегодня отдохнём.
Да и они от нас весьма устали.
Не скучно с ними было, но едва ли
Нам было, как сейчас, тепло вдвоём.

Слова, слова – как чёрный приворот,
Они пред белой магией молчанья
Беспомощно слабы. Твоё дыханье
Дыхание моё к себе зовет.

Постой... Смотри – в огне, внутри него
Оранжевым мерцающим свеченьем
Встают былые наши отраженья.
Ужели ты не помнишь ничего?

Ну, вспоминай же, вспоминай меня –
За тысячу веков до нашей эры
И ты, и я у каменной пещеры
Вот так же молча грелись у огня.

И ты, и я – мы вечны. В этом суть.
На этой ли планете, иль соседней.
Пока дождями до звезды последней
Не истечёт над нами Млечный Путь.

ФАТА-МОРГАНА

А новости одна другой не слаще.
Стал замечать я то, что раза в три,
В последние лет двадцать, стал я чаще
Настенные менять календари.

Как будто время, ужасом объято,
Дорогу наспех датами столбя,
От самого себя бежит куда-то
И всё не может скрыться от себя.

И для него неважно, кто ты, где ты -
Оно летит, неведомо куда.
И стелются за ним, как хвост кометы,
«Лихие девяностые» года.

Лишь иногда, не контурно, не ясно
На миг надежда вспыхнет вдоль пути...
И крикнуть бы: «Мгновенье, ты прекрасно!
Остановись!» Но миг уж позади.

И снова мир летит, как окаянный,
От скорости своей впадая в раж.
И, вырываясь из фата-морганы,
В очередной врывается мираж.

Анатолий СМЕРНОВ

* * *

В коричневом стекле витрины
На дымной площади Труда
Мелькают люди и машины,
Блестят цветы и провода.

И в этот мир остекленелый,
В мир отражённый, в мир немой
Я каждый день влетаюсь телом,
Спеша из офиса домой.

И в этом мире отражённом
Подобьем тела наяву
Паю в пространстве, дна лишённом,
Минуту целую живу.

И, промелькнув стеклянной тенью
Среди подобных мне людей,
Топорный холод раздвоенья
Под кожей чувствую своей.

ЛУНАТИК

Человек из дома вышел
И пошёл гулять по крышам
Вдоль квартала под луной,
Будто снова он родился
И от лжи освободился
Ради правды неземной.

В полночном Оренбурге,
В предполночном Петербурге
Ходит он на высоте,
Позабыв про время года,
Весь стремленье и свобода,
Весь отдавшийся мечте.

Пусть внизу по тротуарам
Бродят пьяницы и пары,
Упирая в камень взгляд,
Он вдыхает вольный воздух
И ладонью гладит звёзды,
Как любимейших котят.

Подчиняемый желанью
Он играет с лунной тканью,
Охватившей шёлком твердь;
На трубу взлетает махом –
В нём и капли нету страха
Даже к зверю с кличкой Смерть.

Погуляет он немножко
И уйдёт в своё окошко
Взять постель на бордаж,
Сна великий математик...
Вот и я такой лунатик
Как возьмусь за карандаш.

ТОСКА

И вечер розовый, и пепельная ночь
Так долго тянутся тоски моей обочь.

В фонарном свете неживом и неземном
Черны, недвижны листья вишни за окном.

Ползут по стёклам капли медленной росы.
Стучат на тумбе, резонируя, часы.

Играет с воздухом бессонницы рука...
И сам не знаю, я о чём моя тоска.

Но всё шипит она, горбатится в груди,
Как кошка чёрная на тропке впереди.

Сказать по правде, жутковато мне сейчас
От этих хищных, этих узких жёлтых глаз.

* * *

Забуть себя, забыть судьбу,
чтобы с забвением во лбу
стать безраздумным и счастливым
там, где выходишь на крыльцо
с утра, из ковшика в лицо
плескаешь в запахе крапивы.
Вверху в ветвях свистят скворцы,
вокруг от изб во все концы
ползёт цветущих яблонь диво.

Закуришь, сядешь на порог:
кричит петух, мычит телок –
здесь всё с живыми голосами.
Упрятан в сундучок смартфон
и ноутбук – не нужен он
в глуши, задебренной лесами.
А меж дерев издалека
с крыльца видна мне и река,
где щуки ходят полосами...

Да, надо духом отдохнуть,
на город мой рукой махнуть,
пока ещё над отчей речкой
остались крохи деревень,
остались те, кому не лень
жить жизнью к веку поперечной.
И мне цепляться что за век –
он смертен, словно человек,
в тугой руке природы вечной.

ИЗ ПРОРОКА ИСАИИ

О жизнь ничтожная, о племя гордецов,
Присвоивших миры, богов, светила,
Раскрой глаза – до днесь от праотцов
Не в небо ты уходишь, а в могилы!

Глупа вся мудрость древняя твоя,
Рождённая в полях и по кошарам!
Ты перед Богом мельче муравья,
Решившего с земным сравниться шаром!

Смотри: плывёт луна, блестит ковыль,
А сонмы звёзд сияют вечной былью.
В ничтожестве своём заройся в пыль
И волей Бога станешь звёздной пылью!

Мамед ХАЛИЛОВ

В ЗИМНЕЙ ДЕРЕВНЕ

Дни, как птицы, сбиваются в стаю –
За неделями тают недели.
Я вослед высоту набираю –
Бесполезно! Не ждут. Улетели.

Незаметная тянется драма,
И позёмкой струится дорога.
Не видать ни сиянья, ни Храма,
Только снег.
Всюду снег – от порога.

А холодная синь нестерпима.
Серебрятся от инея ели.
И скользит что-то важное мимо,
Обезличив и дни, и недели.

Неужель где-то любят, страдают,
Где-то есть города и движенье?
Всё неправда! Ведь так не бывает –
Только снег. Только ангелов пенье...

Тишиною звенящее поле,
Красота без исхода и цели.
Умереть... Иль напиться мне, что ли,
Когда тают и тают недели?..

СКРИПИЧНЫЙ КОНЦЕРТ

Фальшивые слова. Фальшивые улыбки.
В аккордах нежной музыки витают грёзы.
И вечер тянется, качая в мягкой зыбке
На люстрах хрусталём мерцающие слёзы.

Зачем сижу я здесь? И по какому праву
Смычки терзают запелёнутую душу?
Уйти бы тихо – эта боль мне не по нраву,
Что беспощадно вырывается наружу.

О сердце, кошкой ласковой мурлыча, трётся
Шальная мысль:
«Забудь, расслабься, всё пустое.
Любое зеркало однажды разобьётся.
В мозаике осколков счастье есть простое».

И снова выплывают грёзы из тумана,
Хочу, как в детстве, к маминой прижаться юбке,
И душат слёзы терпкой горечью обмана...
Фальшивые слова. Фальшивые улыбки.

Замрите, скрипки! Эта боль невыносима!
Но – что им?
Всё пустое!
Всё несётся мимо...

НА ОБНОРЕ

В. Поварову

В ночи мне душно соловьиной,
Ищу хоть отблеск огонька,
Но спит, затянута тиной,
Река в объятьях тростника.

И тянет холодом из зыби,
Где тонет крупная звезда,
Где спят невидимые рыбы,
Течёт неслышная вода;

И первобытно-одинок
Кричит в низине где-то выпь,
Но без остатка звук высокий
Уходит к сонным рыбам, в зыбь;

И нет нигде огня в округе –
Рыбак продрогший и река.
Ни друга рядом, ни подруги...
Тростник. Обнора. И века.

Зачем и по какому праву
Великую тревожу тишь?
Не комарью ли на забаву
Застыла на мгновенье мышь?

Нависли ели над рекою,
Темнеет берега откос,
Конца и края нет покою –
Стоит вода. Молчит рогоз...

* * *

Я родился в феврале в холодной сакле,
Где от лампы прочь к углам металась мгла, –
Повитуха с волосами цвета пакли
Моему рождению ночью помогла.

За окном свирепо завывала вьюга,
Дверцу печки пламени лизал язык,
И в заснеженной, завьюженной округе,
Как в родной стихии, утонул мой крик.

Матушка, вся в мелких бисеринках пота,
Знать в счастливом материнстве не могла,
Что седых метелей ледяная нота
В душу мальчика навеки залегла.

И с тех пор мотив мелодии печален,
И пою ли, плачу – всё выходит стон.
Вместо перегноем пахнущих проталин –
Льдов намёрзших резкий и холодный звон.

Но терзать уже недолго стылой ноте
Так за жизнь и не оттаявшую плоть –
Близится к концу тяжёлая работа,
И к теплу свечи зовёт, зовёт Господь...

РАЗГОВОР С КАТРУХЦАМИ

Брату Нануку

Иду по тесным улочкам Катруха,
Где некогда родился я и рос,
И в тишине доносится до слуха
Седых камней незаданный вопрос:

«Живых ли ищешь, иль позвали тени,
Что поселились в зеркалах без рам,
И помнишь ли, о чём скрипят ступени
В заброшенных жилищах по ночам?»

Какие ты в горах оставил вехи –
Принёс ли что, приехал ли за чем;
Себя ли ищешь в гулком звуке эха,
Без памяти о прошлом глух и нем?».

Что мне ответить? Я не ставил цели
Найти себя в ауле среди скал,
Изрезанных морщинами ущелий, –
Я шёл домой. Дорогу я искал.

К истокам возвращение не ново,
Но излечусь ли от сердечных ран,
Когда родную речь сменило слово,
Рождённое ветрами дальних стран?

Молчит село, молчат дома и люди –
И свой я здесь, и вроде – как чужой:
Судьбой подобен олову полуды
На стыках звеньев цепи золотой.

И нет в котомке ничего такого,
С чем прежде незнакомы были б вы, –
Давно я понял: уступает слово
Молчанию повинной головы.

Не о живых я – с ними даже проще:
Довлеет и над ними свой платёж –
Я к тем, кто ждёт за тополиной рощей, –
Пред ними не слукавишь, не соврешь.

Не знаю – не впустую ль жизнь я прожил,
Словами лишь играя на веку;
Уйти бы в синь, прозрачную до дрожи,
Внизу оставив имя роднику.

Иду, охвачен мыслями своими:
Гожусь ли я такой в соседство вам,
Катрухцы, кто в веках оставил имя
Лесам, ручьям, ущельям и горам?

МАЙ

Я знаю, что однажды ты уйдёшь
Без жалких слов в лиловый сумрак мая,
Прервав уходом долгой сказки ложь,
И станет вечной тишина сквозная.

Я знаю, что в ночах неправды нет, –
Недолговечно пламя пылкой страсти,
Но всё равно вздохну тебе вослед:
«Не уходи, не рви меня на части!».

И вздох застынет в глубине зеркал,
Где тень твоя безмолвно отразилась,
От стука двери задрожит бокал...
Как странно: не хрусталь, а ночь разбилась.

Забьётся в полукружия гардин
Тяжёлый мрак души осиротелой,
И долго буду я сидеть один,
Взирая на букет сирени белой.

Останется твоей слезинки дрожь,
Росой в сирени призрачно мерца...
Всю жизнь в ответе буду я за ложь,
Которой май дурманит, отцветая...

Сергей КАРАМЫШЕВ, священник.

ЗАМЕТКИ СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА

Окна

Сегодня разорванные ветром тучи швыряют в стёкла острые, точно иглы, капли дождя, а через мгновение они стекают неровными струйками, делая вид из окна размытым и туманным. Глядеть в окно не хочется, потому что всё там навеивает печаль: даже описывать всю эту мусть нет никакого желания.

Зато когда светит солнце, достаточно одного взгляда из окна, чтобы подвигнуть себя если не на путешествие по водной пучине, то хотя бы на какие-то работы на свежем воздухе, которые бывают тогда в радость.

В случае дождя или сильного ветра начинается поиск некоего внутреннего солнца. Оно рождается от творчества, чтения, раздумий. Окна служат в моей жизни каким-то отдалённым фоном, который помогает настроиться на определённый лад. Вроде как не особенно они и нужны, однако если представить, что окна вдруг все разом пропали, становится не по себе. Мне, например, нравится игра солнечных бликов на стенах и на полу. Если ее не будет, я немало потеряю.

За окном колышутся и гнутся под напором ветра кусты палисадника. Они напоминают сейчас митинг, когда смотришь на него издали, а ни единого звука не слышишь. Там тоже внезапно, точно от порыва ветра, люди начинают колыхаться из стороны в сторону, размахивают, будто птицы крыльями, флагами и плакатами. Потом постепенно всё затихает – до следующего порыва ветра. Обратил внимание, что дланевидный клён точно разносит по воздуху рукоплескания.

В некотором отдалении волны бьют о берег, и слышен шум прибоя. К нему привыкаешь и перестаешь замечать. То и дело пронзительно вскрикивают чайки – это бодрит и привносит в настроение нотки энергической собранности.

В моем понимании окна в доме – то же, что и глаза у человека. Поэтому дом без окон выглядит слепым. Бойницы в крепостных стенах и башнях придают сооружению своими пропорциями известную суровость. Напротив – широкие окна (как, например, в зданиях учебных заведений) предполагают открытость внешнему миру.

Вряд ли полезно часто выглядывать из окна. Так поступает человек, ищущий развлечений во внешней неопределённости. И это свидетельствует о рассеянности ума. Вряд ли полезно часто переключать телевизионные каналы или, уставившись в оконный монитор, рыскать по интернету в поисках случайной информации.

Подвижники прежних времен ради сосредоточенности на молитве уходили в затвор, дабы ничто не рассеивало их взгляда и был перекрыт поток

информации, пусть не всегда суетной, но могущей отвлечь от главного.

Чем затворник отличается от заключённого в одиночной камере? Тем, что удалился от мирской суеты, закрыв окна во внешний мир, добровольно. Заключённый может страстно мечтать и страстно стремиться к многообразной суете этого мира. В своем воображении он может открывать любые окна, чтобы всматриваться в них часами. Он может доходить до самоиступления, переходя от одного вида болезненной мечтательности к другому. Внешний мир представляется ему куда более бурно меняющимся, нежели это есть на самом деле. Не знаю, как можно жить в одиночной камере без молитвы и не сойти с ума, когда все стены ее утыканы воображаемыми окнами с живыми картинами. Они переливаются всеми цветами радуги, выливаются в любые формы, могут пульсировать самыми причудливыми звуковыми гаммами. Окна могут становиться агрессивными, они способны вытягивать из человека душу, впиваясь, точно пиявки, в его необузданные эмоции. Наконец, окна могут явиться и прорехами, через которые из души высыпается всё сколько-нибудь ценное.

Иное у подвижника. В его келье может быть окно, но он способен ни разу на протяжении целых лет в него не взглянуть. Борясь против самых слабых поползновений в сторону рассеянности, он, можно так сказать, совершенно обескровливает помнятых пиявок. Он самодержец страстей. Самодержец окон и дверей своей души.

Двери

Для не ушедшего в затвор человека двери – вещь совершенно необходимая. Мы открываем их, когда приходят дорогие сердцу люди. И закрываем, когда полагаем оградить себя от нежелательных посещений. Наши двери открываются после долгой зимы навстречу теплому весеннему воздуху. И закрываются, когда снаружи свирепствует буря, или же лютой мороз стремится всё живое сделать мертвым и окаменевшим.

В двери вносится всё потребное для внешней жизни, а всё ненужное выносится. Пользование дверями может научить человека быть бодрым стражем своей души – чтобы впускать в нее благодать Божию и затворять перед прилогами греха.

Умелое пользование дверями души открывает перед нею двери иного, высшего порядка. Так и вспоминается здесь место из церковного песнопения: «Покаяния двери отверзи ми, Жизнодавче. Утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему».

О, те двери – в вышине, и одновременно – в глубине глубин сердечных! Когда они распахиваются, через них является Господь, чтобы приблизиться к

дверям нашей души. Когда они распахиваются, от-верзается горный мир во всей его высоте, глупи-не, непостижимости. Когда они распахиваются, и растворяются одновременно двери души, можно, всматриваясь в горный мир, давать дорогу потокам жизни.

Иоанн Богослов, созерцая славу Горнего Иеру-салима, увидел в нем двенадцать ворот, которые сравнил с жемчужинами. Те врата не закрывались ни днем, ни ночью. Да и сама ночь в Горнем Иеруса-лиме отсутствовала.

Ночь

Ночи такие разные. Иногда небо бывает усеяно звёздами – точно сияющими каплями росы. Быва-ет, плотная пелена тумана обволакивает всё вокруг. Тогда ночь становится белёсой и глухой. Свет и звук тонут в тумане и доходят до нас лишь слабыми отра-жениями отражений. Когда туман умеренной плот-ности, особенно в зимнее время, всякий огонек по-сылает прямо в небо луч света, и они стоят в выщи-не наподобие торжественных столпов с загадочным назначением. Во время бури кажется, что сама тьма вздымает волны, мнёт травы и гнет деревья, обры-вая с них листья и плоды. Этот дикий танец мрака становится видимым и осязаемым с наступлением утренних сумерек, которые порой постепенно раз-ворачивают перед нами картину разрушений.

Ночь несет успокоение от дневных трудов. Хотя иногда бывает жаль, что день так короток, особенно осенью или в зимнее время, однако жить совсем без ночи было бы тяжело, во всяком случае, пока мы на-ходимся в нашей телесной оболочке.

Ночью водворяется долгожданная тишина, по-тому что все лишние окна души легче закрыть. Но-чью удобнее работать над самыми серьезными ве-щами. Ночь – время молитвы, время творчества.

Бывает, за день так устанешь, что провалива-ешься в сон, точно в необъятную пучину вод, и тог-да плывешь в них, подчиняясь неведомым течени-ям; плывешь в потоках собственного подсознания, которое иногда выдает самые неожиданные карти-ны и ощущения. Такие плаванья дают возможность лучше постигнуть себя и понять, над чем следует работать, какие именно окна души надлежит по-прикрыть, а какие – напротив – пооткрыть.

Да, ночь раскрывает многие тайны, и самый мрак уже представляется не пустотой, не всего-на-всего лишенным света воздухом, но отдельной суб-станцией, наделенной способностью порождать из себя то одно, то другое. Почему? Потому что мрак есть образ тайны. И мы говорим о «божественном мраке», под которым понимается обилие непости-жимого света. Мы говорим о «мраке божествен-ных видений», потому что таковые нуждаются в истолковании.

Путь богопознания есть последовательное рас-сматривание атрибутов Божества, последователь-ное раскрытие то одних, то других окон; а затем – их последовательное же закрытие, потому что они дают познание неких частных, а целого явить не способны. Это целое есть в то же время простое, не-делимое. Оно непостижимо, и в то же время пости-гаемо лишь подвигом самоотверженной любви.

Иоанн Богослов учит: «Кто говорит: «Я люблю

Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец: ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (1 Иоан. 4, 20). Бог скрывается в ночи, во мраке неизвестности. Поэто-му предлагается единственно возможный путь бо-гопознания – именно: когда наша душа зажигается божественным светом любви.

Тот же Иоанн Богослов пишет: «Тьма проходит, и истинный свет уже светит. Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна» (1 Иоан. 2, 8-9). Так прочерчена прямая связь между светом богопознания и любо-вью. Как свет делает явными все выступающие ему навстречу из мрака предметы, так любовь делает человека похожим на солнце.

Утро

Отрадно вспоминать утро ясного теплого дня, когда солнце является не сразу, но обретает опре-деленность очертаний, лишь прогрев своими луча-ми пелену тумана. Оно словно постепенно сбрасы-вает с себя дрёму, чтобы вступить в полноту торже-ства света и красок. Бывает холодный рассвет с рез-кими очертаниями и тенями. С началом осени мож-но наблюдать, как туман превращается в низко ле-тящие облака, и ясное утро порождает серый день. Утро может явить продолжение ночных бурь, когда свистит ветер, а волны бьют о камни, собирая за по-лосой прибоя медленно тающую пену. Зимой утро мучительно долго борется с мраком ночи.

Как бы то ни было, утро производит неизмен-ную победу над тьмою. Оно – образ обновления жизни. Когда встаем ото сна, который есть подобие смерти, – точно воскресаем. Поэтому должна зазвучать из сердец песнь благодарения Богу.

С древнейших времен Церковь встречает вос-ход солнца песнопением: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение», которое впервые было воспето ангелами при восходе ум-ного Солнца, то есть при Рождестве Богочеловека Христа.

Умное Солнце может рождаться всякое утро в душе каждого из нас. Лучшее времяпровожде-ние утра – служение Божественной литургии. Это непостижимая высота, которой мы по большому счету недостойны. Это изливание милости Божией, которую, вопреки нашему недостойнству, было бы неслыханной дерзостью отвергать.

В любом случае – есть ли возможность молить-ся за литургией, нет ли её – начатки дня почитаю необходимым посвящать Богу. Это озаряет душу на протяжении всего дальнейшего времени бодрство-вания нетленным светом; приучает её всегда иметь в себе начатки нетления. Это есть постоянное при-готовление души к вечной жизни.

После служения литургии либо творческих упражнений считаю нужным давать телу некоторую нагрузку, чтобы оно оставалось верным слугой, до-ставляющим радость, а не печаль. Господь запове-дал Адаму в поте лица есть хлеб свой. Поэтому тело следует утомлять даже до пота, дабы оно не взбун-товалось и не начало диктовать душе свои нелепые условия.

День

Так приходит день, обыкновенно наполненный разнообразными заботами. Солнце стремительно течет к своему зениту. Оно побуждает и нас производить некое восхождение, в котором мы чувствуем удовлетворение от своих трудов. Хорошо, если у каждого из наших дней есть свой зенит – вершина, поднявшись на которую, мы обзреваем всё новые и новые горизонты дальнейшей деятельности.

Как важно, чтобы труды и заботы давали ощутимый результат! В противном случае происходит непростительное убийство времени, даже убийство своей души, которая чего-то недополучает, если времяпрепровождение оставляет после себя пустоту.

Если праздник, хорошо заполнять день содержательными дружескими беседами или небольшим совместным делом, оставляющим после себя достаточное время для досуга.

Продолжительность дня – понятие условное. Если дел много, он может затянуться до глубокого вечера. Помню, я как-то в одиночестве занимался летом каменной кладкой. И так увлекся работой, что забыл о пище и прочем. Постепенно я стал ощущать в работе какое-то неудобство. Наконец, понял, что всё дело в освещении. Оно стало отчего-то скудным. Первой мыслью было – наверное, тучи надвигаются. Только посмотрев на небо, догадался справиться, который час. Оказалось, что уже двенадцатый час вечера. А мне представлялось, что всего лишь часов семь-восемь.

Я привык время дня, в зависимости от потребности, сокращать или продлевать. Последнее, правда, случается значительно чаще. Консулы республиканского Рима поступали, на мой взгляд, совершенно разумно, когда вводили в состав года ради продления собственных властных полномочий

(например, ради доведения войны до победного конца) дополнительный месяц, который (в зависимости от потребности) мог длиться от нескольких дней до одного-двух обычных месяцев. При этом особенной путаницы не возникало – ведь лунный календарь бежал тогда впереди солнечного, и его следовало периодически притормаживать.

Вечер

Чем больше времени поглощается днём, тем меньше остается его для вечера. А ведь он необходим как естественный итог, как мягкий переход от активного бодрствования к покою. Он необходим как время принесения благодарения Богу за прошедший день.

Церковь воспевает в это время торжественную песнь: «Свете тихий святых славы бессмертного Отца Небесного святого блаженного Иисуса Христа. Пришедше на запад солнца, видевши свет вечерний, поем Отца и Сына и Святого Духа Бога...»

Тихий и кроткий свет закатного солнца сравнивается здесь со Христом. Солнце уходит, чтобы прийти вновь. Так мы, входя в пределы ночи, сходной с кончиной этого мира, ожидаем обновления.

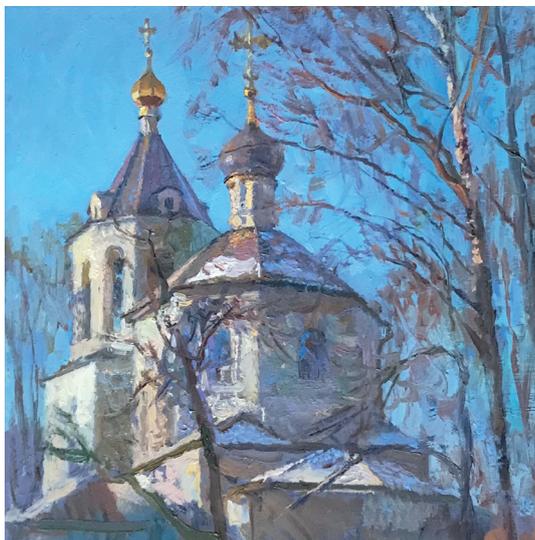
Закат солнца представляется каждый раз живописным и неповторимым. В нем нет печали. Напротив – победное торжество. Прощание солнца перед непременно имеющим наступить рассветом. Поэтому облака окрашиваются в царственный пурпур, через который то и дело сквозит расплавленное золото всепроникающих лучей света. Они скользят над потемневшей поверхностью вод, которая, оставаясь зеркалом, прямо на глазах сливается с небом в непроницаемый мрак ночи.

Вечер – время душевного общения, время вопросов и ответов, время примирения перед гранью неизвестности, перед гранью нового дня.

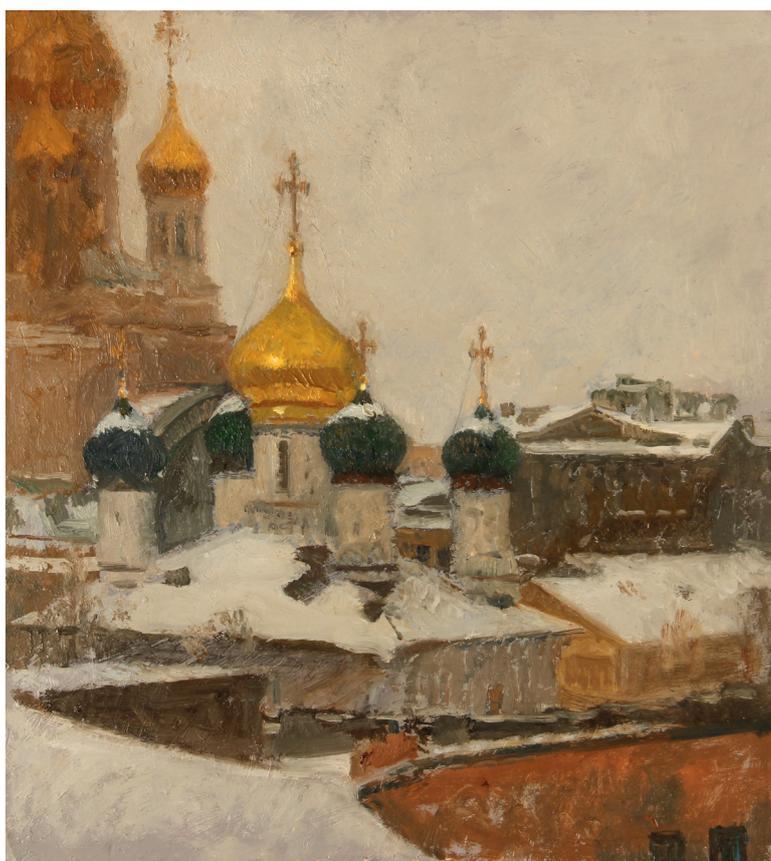
СЕРДЦЕ ЖДЕТ И ЖАЖДЕТ РОЖДЕСТВА

Картины Виктории Самсоновой

*Солнце в Леонове.
Картон, масло. 25x30*

*Сретенский монастырь.
Картон, масло. 20x20*

Зинаида МИРКИНА

* * *

Тишина – это значит, что Богу
Не мешает совсем ничего,
Что свободно сияет дорога
Для крылатых посланцев Его.

В тишине превращается в небыль,
Замирает, бездействует грех.
Тишина – это значит, что небо
Всем открыто, доступно для всех.

Тихий ветер деревья баюкал.
Ель, шурша, прислонилась к сосне.
Тишина – не отсутствие звуков,
А присутствие Бога во мне.

Виктория САМСОНОВА

Родилась в Москве в 1975 году.

В 1993 окончила МСХИМ им. Томского.

В 2002 году – Московский государственный академический художественный институт им. Сурикова (серия дипломных работ «Мир детства»), где преподавателями стали видные мастера отечественной живописи: В.Н. Забелин, В.Н. Телин, А.Н. Суховецкий, С.А. Гавриляченко, Е.Н. Максимов.

С 2002 года – член Союза художников России, Московского союза художников.

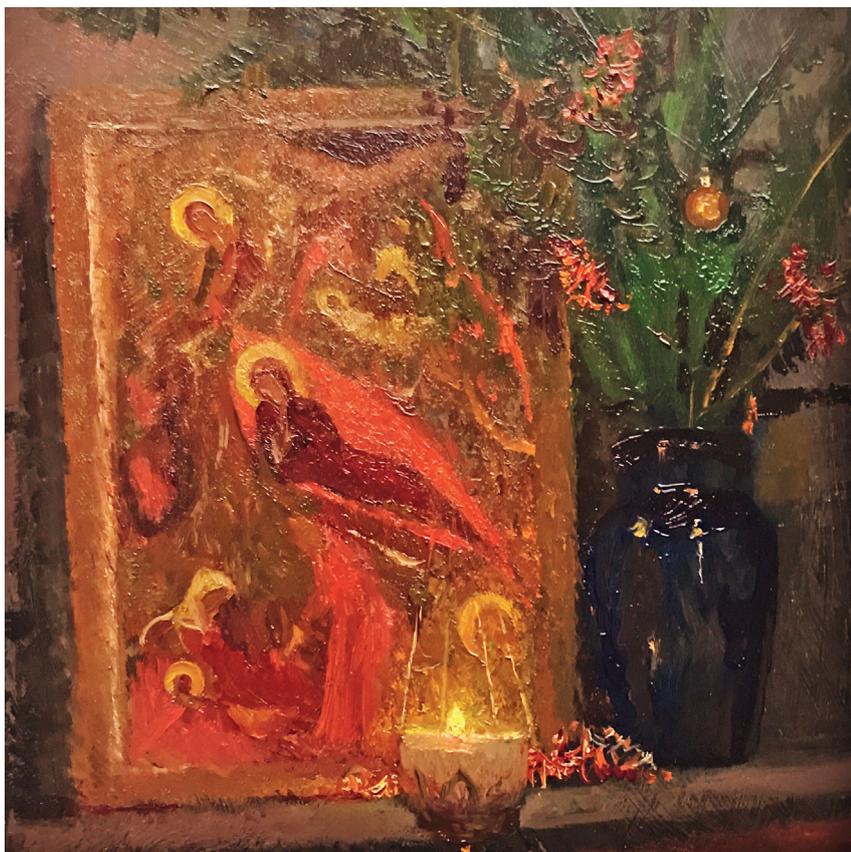
С 2005 года преподаёт в Православном Свято-Тихоновском государственном университете, является постоянной участницей московских, российских и зарубежных художественных выставок.

Работы находятся в Художественном музее им. Верещагина (Украина, город Николаев), в Ульяновском художественном музее им. А.А. Пластова, в Музее Героев (г. Москва), в частных коллекциях и галереях России и за рубежом. В июле 2021 года Виктория Самсонова приехала в Ульяновск, принимала участие в творческой школе-пленэре «Киселевские зори. Сохраняя культурное наследие».

Анатолий ЗМИЕВСКИЙ

* * *

С Рождеством! Картон, масло. 23x21

Херувим с ведёрком белит
мироздания этажи.
Без Христа всего неделю
остаётся пережить.

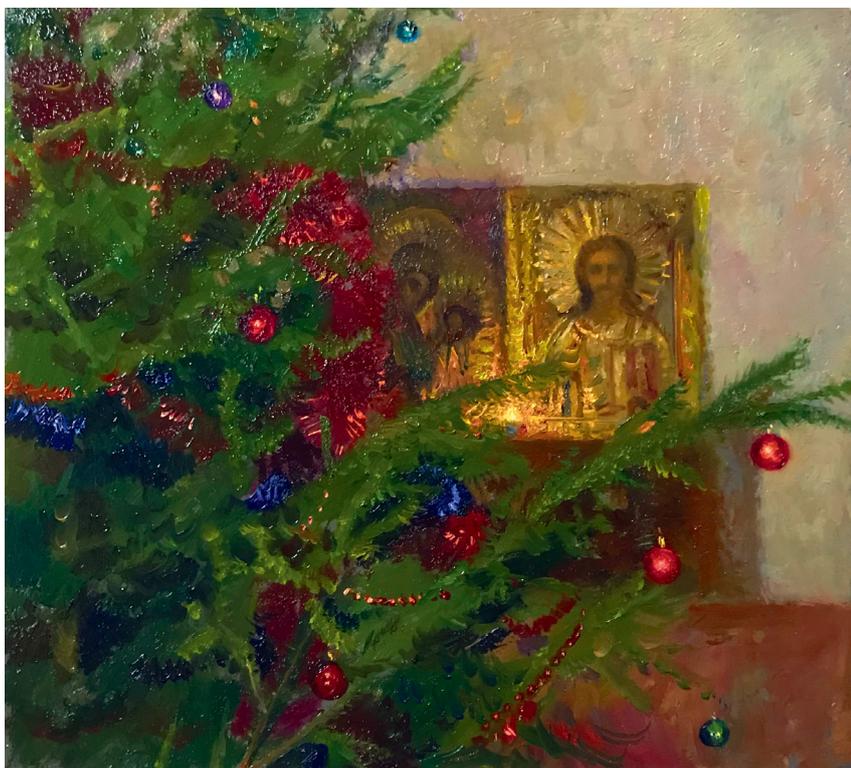
И уже без канители
в Новый вписаны Завет
разнаряженные ели
и обёртки от конфет.

Скоро в снег золотые рыбки
грусть хвостами заметут,
и особые улыбки
всюду тихо расцветут.

Ведь всего через неделю,
успевая к Рождеству,
сена свежего настелет
ангел в каменном хлеву.

И осветит угол тёмный
возле стойла со скотом
Иисус новорождённый
в ореоле золотом.

Сам Господь над Сыном встанет,
и Ему – как высший дар –
пар телячьего дыханья
будет вместо одеял.

Рождество. Картон, масло. 26x28

Грот с соломой по колена
превратится для очей
в место, в видимой Вселенной
не сравнимое ни с чем!

И звезда, блестя, как в масле,
сквозь оливковый туман,
поведёт к Младенцу в яслях
умиления караван.

Из провинций всех империй
по маршруту одному
пастухи, волхвы, метели –
всё и вся придёт к Нему.

И, персидскую сиренью
обрамив зимы сапфир,
пред ребёнком на колени
упадёт матерый мир.

Это всё на самом деле
приключится скоро, ведь
до Христа всего неделю
остаётся протерпеть!

Нежной кистью ангел белит
мироздания этажи.
Как малютка в колыбели,
месяц в облаке лежит.

Вечер. Картон, масло. 30x20

Светлана МАТЛИНА

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Ночь таинственно-темна.
Без свечи и без огня
В доме светится окно.
Так – само, как в ночь колодец,
Изнутри освещено.

В доме женщина одна
Встала, вглядываясь в темень,
И застыла у окна.
Ей уже немало лет.
И рисуют тьма и свет
Со спины ее портрет.
Словно пламень, окружая,
Наклоненный силуэт.

Что там Новый год несет?
И откуда же идет
Эта музыка ночная
Под снежинок хоровод?

Это музыка небес.
Это ночь святых чудес.
Это ночь больших надежд.
Тополь головой кивает,
В инее пушистом весь.

От волшебного окна
Обтекает женский профиль.
Золотая тишина.
Лишь хорал на белых крыльях
В ночь торжественно плывет.
Белых ангелов полет.
Оп! Гляди-ка – вот и ангел
За плечом ее встает.

Скоро Новый год.
Холст, масло. 60x70

Мир детства.
Холст, масло. 90x95

В доме предков.
Холст, масло. 90x120

Первый снег. Холст, масло. 50x40

Владимир ДВОРЯНСКОВ

* * *

Вот и Волгу сковали морозы.
Вышел утром – а волн не видать.
Потому и пытается слёзы
Резкий ветер из глаз высекать.

Посмотрите, как вольно и плавно,
Где текла и звенела река,
Где пестрели луга разнотравно,
Нынче крыльями машет пурга.

Место ищет огромная птица,
Чтобы свить поудобней гнездо,
Где смогли б у нее народиться
Сто птенцов или больше, чем сто.

Подрастут. И средь ночи однажды
Белой стаей поднимутся ввысь.
И, добравшись до звёзд, скажут каждой:
«Не сверкай над землёй – покорись».

И погаснет одна. И другая...
И лишь будет в крошечной глуби
Сквозь метели гореть, не сгорая,
Ярко звёздочка нашей любви.

Зима. Терраса. Холст, масло. 60x70

Зимняя сказка. Картон, масло. 20x25

Светлана ЗАЗИМКО

* * *

Здесь тишина. И неподвижны сосны.
И редкий снег меж соснами скользит.
Как миг, проходят осени и вёсны,
И то, на чём пока наш мир стоит.

Проходит всё: чему бываем рады
И то, что сердцу навевает грусть...
На старый год прощально кинем взгляды,
А впереди – что будет, то и пусть!

Пусть тишину не разорвут снаряды.
Пусть все болезни обойдут наш дом.
А зимам-вёснам все мы будем рады, –
И значит – мы живём,
Живём,
Живём!

Зимний этюд. Картон, масло. 20x23

КРАСОТА ЗАСНЕЖЕННОГО КРАЯ

Фотографии Ильи Таранова

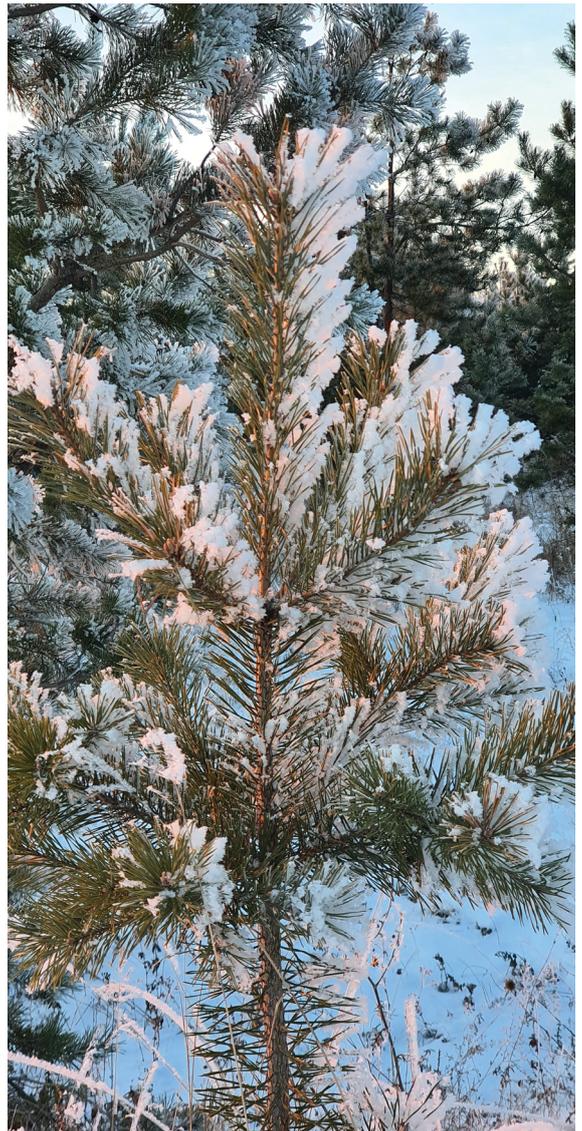
Александр ЛАЙКОВ

ЯНВАРСКИЕ НОЧИ

Январские ночи студены и долги,
Луна налипает на стекла фрамуги.
И сыплется хвоя с божественной елки
Как будто заколки с прически подруги.
И тикают ходики возле гардины,
И капает ямбом вода из-под крана,
Как звонкая рифма великой Марины,
Слегка приглушенно, морозно и странно.

Воркует голубкой вода в батарее.
Тепло и уютно. Все в доме уснули.
Янтарною каплей густой акварели
Мерцает нарядное платье на стуле.
Но дышат соблазном другие картины –
Старинные вальсы, бенгальские свечи.
И вкуса прогорклой осенней калины
Открытые томно роскошные плечи.

Январские ночи студены и долги,
Луна налипает на стекла фрамуги.
И сыплется хвоя с божественной елки
Как будто заколки с прически подруги.
Все было и будет прекрасно и мудро:
И елки, и вальсы, и шорохи снега!
Январь истекает. За окнами утро.
И длится любовь до скончания века.

Дрозд-рябинник

Синица большая

Фото Татьяны Мельник

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Анатолий ЗМИЕВСКИЙ, поэт. Родился в 1959 году в Иркутске. После окончания средней школы служил в Советской армии – в Воздушно-десантных войсках (Ферганская дивизия). Затем учился в Иркутском государственном университете, но в силу жизненных обстоятельств учёбу пришлось оставить. Работал монтировщиком сцены, грузчиком, кочегаром, плотником-бетонщиком, экспедитором, сторожем и т. п. Стихи начал писать в четырнадцать лет. Автор шести поэтических книг:

«Среди божественного хлама» (1996), «Лагерная Русь» (1998), «Я пришёл из осени» (2005), «Любовные письма» (2010), «В полушаге от звезды» (2012), «Зона обитаемости» (2020).

Член Союза писателей России с 1997 года.

Живёт в Иркутске.

ПУСТЬ ЦАРСТВУЕТ ОЧАРОВАНИЕ...

* * *

Висят садами облака,
в которых весело и страшно.
Судьба игрива и легка,
а что потом – сейчас неважно.

Забор забору мило льстит,
и льнёт к их выгоревшей сини
резной пахучий малахит
дремучих зарослей полыни.

Прикройся чем-нибудь, сирень!
Твои не вынести мне гроздь!
В крест восхищенья этот день
вбил сквозь меня золотые гвозди!

Блеснув закатною красой,
последний луч обрызгал очи,
и солнце рыжею лисой
легло в нору душистой ночи.

И, тишины не шевеля,
вошла звезда в аллею блажи,
и расступились тополя,
как растерявшаяся стража.

Звезда так близко, что глядись
в неё, как в зеркало без края...
Не знаю я, где верх, где низ,
незнание это прославляя.

* * *

Цветёт июль. Калитка в рай открыта!
Земное лето – песнь о неземном.
И мир насквозь божественным пропитан,
печать Эдема светится на нём.

Бьёт через край божественное всюду,
и самые невзрачные цветы
кричащее собой являют чудо –
в них непомерно много красоты!

Ласканьями прелестных вышивальщиц
моих скитаний вышита сума,
и от входящих в озеро купальщиц
схожу я вместе с берегом с ума.

И с бабочкой божественною вместе
схожу с ума от пестряди лугов
и разбиваюсь взглядом о созвездья
и айсберги крахмальных облаков.

Пичуги Божьи гимны распевают,
набит июль божественным битком!
Божественное всюду проступает
и отовсюду машет мне платком.

И шмель, творя божественную прозу,
в земном раю, от солнца золотом,
милует приглянувшуюся розу,
на нежный зов раскрывшую бутон.

Всем существом кричу: – Как много Бога!
И тут меня прозреньем тычет в бок:
не может Бога мало быть иль много –
нет ничего, что было бы не Бог!

Сквозит божественное даже в эхе, в тени,
нет от Любви укрытия для людей!
И то, что кто-то на земле не гений,
не говорит о том, что он злодей.

* * *

В запущенной заснеженной стране,
где только сам мороз не замерзает,
в разводах льда звездой свечи в окне
сквозь зимы ожидание мерцает.

Взор из-за штор на белом полотне
двора меня как молнией срезает.
В запущенной заснеженной стране
нельзя от слова «милый» не растаять...

Моё лицо застенчивости ром
зальёт волной пунцовой и тошной,
но, с Вашего согласия, осторожно,
едва касаясь кожицы пером,

я напишу Вам нежные стихи
на Вашем кротком, крохотном мизинце
иль на ожившем листике ольхи,
прожив минуту эту Вашим принцем.

И принцем, но без алых парусов
и белого коня, сквозь ночь в окошке
я Вас, не находя от счастья слов,
в любовь по лунной поведу дорожке.

На дивной шее чудный завиток,
весь золотящийся благословеньем,
я поцелую сна благоговейней,
и озарит нас блоковский цветок,
пылающий в есенинском портвейне!

* * *

Сникает буря, иссякает дождь,
усталость сваливает с ног туманы,
крест рассыпается, ржавеет гвоздь,
но дух – нетленен! Я не перестану
молиться на зари иконостас –
весь золотой, малиновый, червонный,
на русский под гармошку свистопляс
и русский плач, с трактиром обручённый.
На неприглядные трущобы дня,
на замок ночи в звёздах и салютах,
на люто ненавидящих меня
и любящих меня настолько ж люто.
На листопады расписных платков,
незыблемую черноту заборов,
на белые соборы облаков
над облаками белыми соборов.
Мне русская заря – иконостас,
иконы – женщины с Россиею во взгляде,
и если это всё меня предаст,
я не предаю из этого ни пяди.

Я, даже сбитый с ног, на том стою,
шепча: от ненавистников веками
за камнем получающую камень,
Господь, помилуй родину мою...

* * *

Сияет невеста в берёзе,
помолвленной с январём.
Щёки луна обморозила,
задумавшись о своём.

Как яркий румянец сквозь пудру,
сквозь иней пробился рассвет,
ризы алмазного утра
окрасив в клюквенный цвет.

Любуются дивной картиной
голуби и снегири:
кладут богомолки рябины
поклоны иконе зари.

Как больно, как сладко взгляду!
В сугробах увязла даль.
Бежит босиком из сада
яблоня, скинув шаль!

Сбудется что-то такое,
лишь бы ей в снег не упасть...
Губами о голубое
черёмуха обожглась!

Поставлю звезду, как свечку,
за это вот всё вокруг...
Кажется: я – извечный,
и никогда не умру!

Пусть травят лютыми псами,
пусть палками насмерть забьют,
но тело пусть бросят в сани
и родине отдадут.

ПАСТЕРНАКОВСКАЯ ВЕСНА

В железных челюстях заводов
зажаты папиросы труб.
На город вешняя погода
нашла, как блажь – внезапно, вдруг.

С дремотных клавишей проулков
откинув крышку бытия,
на сумасшедшую прогулку
март шумно вытащил меня!

Блестел, блистал оркестр старинный
весны, и музыка текла
ручьёв, капли и витрины
растрескавшегося стекла!

Глядел чердак в своё оконце
во все глаза, в пылинки все
на праздник праздников, где солнце
сияло новенькой совсем,

свежечеканенной монетой,
сверкая решкой и орлом.
Вжигался в лужи вензель света,
как ртутной молнии излом!

Пустились камни, хлам, растенья,
завидев свет, слышав гул,
в святой кутёж, в святой разгул
всеобщего грехопаденья.

Заборы нотными значками
испещрены и провода,
и скрипки душ страстей смычками
измучены как никогда.

Звучат в мотиве, что так звонок,
звонящ, трезвонист и звенящ,
молочнотканость распашонок
и грязь, забрызгавшая плащ.

Звучат в мотиве, что так тонок,
тягуч, то медленен, то быстр,
и со звездой в руке ребёнок,
и звёздочки трамвайных искр.

И дальше, дальше – до волшебных
лесов и в них волшебных дач! –
плывёт, окутан дымом вербным,
и женский смех, и птичий плач.

К резному сосен малахиту
шальная липнет синева,
и в золотой стремятся слиток
простые сплавиться слова...

К закату музыка стихала,
и, остывая, меркнул свет.
Заря курилась дымкой алой,
и дым из труб чадил в ответ.

Они бессмысленно торчали
на фоне неба в ряд, но всё ж
глаза на небе различали
след пастернаковских калош.

* * *

Рыдают мартовские крыши,
льют слёзы счастья из-под век
ворон, и учащённо дышит
обугливающийся снег.

Столкнулись следствие с причиной –
как солнце с собственным лучом.
Играет блёстками на минах
соперничество луж с парчой.

Восторгом выпачканный воздух
забыл, что был сатрапом стуж,
и в самых старческих бороздах
грохочет юношеский туш!

Весну выстанывают птицы,
мнут златошвейки синий шёлк.
С улыбкой измождённый волк
зарылся в шерсть худой волчицы...

И восхитительно Россия
слепающую обходит грязь,
и что ни дева – Византия,
что ни мужчина – русский князь!

Пусть тленье углей упованья
в жар упоенья перейдёт,
пусть царствует очарованье,
пока душа не упадёт

и дна, и крыш, и неба выше,
где нет ни следствий, ни причин,
где шум безмолвия лишь слышен
и мрака свет лишь различим...

* * *

Чему быть под Божьим глазом,
то случится непременно:
этот выплеснется сразу,
тот иссякнет постепенно.

Если меч всегда не в ножнах,
в полных чашах – только горе,
значит было невозможно
по-другому мир устроить.

Я от дыма и от мата
взгляд и слух укрыл за ставни
и поставил на крылатом
жирный крест, но с пор недавних

в то, что всё же грянет царство
женщин, бабочек, улыбок –
век господства их и барства,
стал я тихо верить, ибо

там, где ветер синью хлопал,
подсмотрел я ненароком,
как берёзе юной локон
целовал подросток тополь.

* * *

В синее пасхальное утро –
в красных яйцах, в белых косынках –
до звезды из предчувствий смутных
вырастает веры песчинка.
Божьей зацеловано лаской
сердце человеچه на Пасху.

Серебриста, бархатна верба,
солнечно земля и напевна,
и заря есть улыбка неба,
нам даримая каждодневно –
при отсутствии туч в просторе,
при наличии зренья во взоре.

Если созданы в сладких муках
мы по образу и подобию
Бога жизни, света и звука,
то не так и страшно надгробье.
Коль Господь бессмертен и крепок,
то таков и с Господа слепок.

ПАСХА

Душа начищена, как медь,
душа сияет!
Пасхальный праздник не звенеть
не позволяет!

Змеёю тьма скользнёт в нору,
и вскрикнет снова
Мария, встретив поутру
Христа живого!

Потрогав раны, ниц падёт
Фома счастливый...
С тех пор одно в сердцах цветёт:
все будем живы!

С тех пор в один и тот же час
в ночи знобящей
сквозь смерть огонь пронзает нас
Животворящий!

В зефире пышных облаков
у солнца щёки,
слышны повсюду между слов
лобзаний чмоки!

От куличей, светлящих кров,
всем по кусочку!
И, словно птицы, в куцах строф
щебечут строчки!

Как не смеяться тут до слёз,
не плакать, если
Воскрес Христос, Воскрес Христос,
Христос Воскресе!

Как тут не прыгать до небес,
когда на деле
Христос Воскрес, Христос Воскрес
в бессмертном теле!

Пасхальный праздник не звенеть
не позволяет!
Душа начищена, как медь,
душа – сияет.

Вячеслав ТАШЛИНСКИЙ, поэт, член Союза журналистов России, автор книг «Великое и вечное – работа» (2003), «Старый дом» (2004), «Осенний день» (2006), «Стихотворения», «Избранная лирика» (2009), «Голуби на подоконнике» (2010), «Проталины» (2012), «Мне хочется сбежать из мира взрослых» (2014), «Я сижу на сквозняке». Стихи для детей» (2016), «Отпустите пленённую птицу» (2018), «Я живу на земле, где ещё так тревожно» (2019), «Материнское сердце» (2020).

ОСТАВЬ ОДНУ СТРОКУ НА ПАМЯТЬ...

Из новой книги стихов
«Воспарит поэзия над сущим» (2021)

* * *

Первый выпадет снег,
Нет, еще не зима.
Ярче всё-таки свет
Будет в наших домах.

Мальчуган во дворе
Бросил первый снежок.
Первый снег в октябре,
И светло, и свежо.

Снег растает, дружок,
Вновь прольются дожди.
Был лишь первый звонок.
Всё ещё впереди.

* * *

Мороз нарисовал на окнах ёлки.
От жаркой печки таяли они.
Мне почему-то снились злые волки
и холодом окутанные дни.

Но что мне волки,
Что декабрь трескучий,
Я ничего на свете не боюсь.
И вот с овражной снежной кручи
с весельем озорным качусь.

На мне пальтишко лёгкое такое,
но ледяная стужа не страшит.
Лечу с горы, кажусь себе героем,
которого никто не победит.

Мальчишечья задорная отвага,
пусть до сих пор она во мне живёт.
Несусь по склону снежного оврага
и падаю, но боль моя не в счёт.

* * *

Как громко билось сердце
пташки.
Её нечаянно поймал.
Под ветром бился край
рубашки,
а птаху я к груди прижал.

О, как испуганно смотрела
она
тогда в мои глаза.
Вокруг как будто помертвело,
но не ударила гроза.

Разжал я скрюченные пальцы:
лети скорее в небеса.
А небо солнечным румянцем
настраивало паруса.

* * *

На уроке труда
лобзиком выпиливал,
Рядом Генка «борода» –
ну, Высоцкий вылитый.

Генка полку мастерил,
полочку, вернее.
Он рукастый парень был
и других честнее.

А учился – так себе,
в основном на троечки.
Навсегда в его судьбе
прописались полочки.

Только жизнь не задалась:
нет страны Советов.
Он теперь ругает власть,
нет работы, нету.

И лицо его в тоске.
Гена – парень честный.
Ходит с полочкой в руке
на базаре местном.

* * *

Ты Блока страстно любил,
декламировал, глядя в окно:
«...Кому я песни посвятил...»
А в доме становилось темно.

Мы тогда зажигали свечу
и зашторивали занавески.
Пламя было подобно лучу,
нас освещало всех вместе.

И казалось, что Блок рядом с нами,
в комнате нашей тесной.
Мы говорили его словами,
ставшими песней.

* * *

Тень в окне, может быть, Блок.
Конечно же, показалось.
Только по-прежнему таинство строк
Тайною так и осталось.

В сумерках серый Петербург.
Видишь, походка поэта.
Неспешно идёт сам-друг,
Рядом фонарь и аптека.

Часы пробьют, и тишина.
Дорога от дождя отливает глянцем.
Вот и площадь уже видна,
И близко совсем «Двенадцать».

* * *

Привычен ветер за окном,
и ветви голые деревьев,
и этот старый, старый дом,
где ты сидишь за рукодельем.

Минуты тягостно идут,
дождём захлёстывая время.
Судьбой начертанный уют
ты приняла без сожалений.

В воспоминаньях о былом
раздвинешь тихо занавески.
И только ветер за окном
осенний, одинокий, резкий.

Ушли весёлые года,
далёкой юности беспечность.
Жаль, ты не приняла тогда
всерьёз разлуки наши, встречи.

Теперь всё тот же старый дом,
где ты одна за рукодельем.
И ветер, ветер за окном
и ветви голые деревьев.

* * *

Л.С.

Когда понур и одиноко
сидишь, под музыку печали
ворвётся детский голосок,
и все невзгоды вдруг отпали.

Какая там хандра, послушай,
ребёнок звонко говорит,
что на земле ты самый лучший,
А он душою не кривит.

О, как восторженно смотрели
ребёнка ясные глаза.
О счастье птицы дружно пели,
ушла тяжёлая гроза.

* * *

Открою окно и увижу тебя,
ты белое облако в синем.
А небо шептало с восторгом:
«Судьба», и были букеты из лилий.

Начертан неясно извилистый путь,
пунктиры из слёз и улыбок.
Наверное, можно назад повернуть,
чтоб не было больше ошибок.

Но как повернуть, ведь судьба же, судьба,
упрямая эта дорога.
А рядом о счастье трубят и трубят,
и море цветов у порога.

* * *

Деревья к зиме стали нищими,
протягивали ветви, прося подаяния.
Дождь непрестанно шумел над крышами,
и где-то злобно собаки лаяли.

Они проклинали тоску осени,
искали место, где бы согреться.
Собаки всегда ходят босыми,
но куда им от холода деться.

Вот и ходят беспризорно под ливнями.
Люди считают их лишними.
Потому собаки к зиме агрессивнее,
а деревья становятся нищими.

* * *

Вот приеду я в сельский район,
где царит непомерная скука.
Будут стаи кружиться ворон,
будет бабка глядеть близоруко.

Выйдет давний товарищ ко мне,
мы обнимемся с другом по-русски.
А потом на каком-нибудь пне
мы поставим бутылку с закуской.

Мы не виделись двадцать пять лет,
время, словно стрела, пролетело.
Вспоминаем друзей, многих нет,
наша жизнь неспроста постарела.

Заночую, а утром в дорогу,
ждёт меня в душном городе дом.
Постоим на прощанье немного,
нету слов, просто в горле ком.

Вот автобус, его тарахтенье,
машут руки приветные вслед.
Окна друга мелькнут в отдаленье,
я увижу в них солнечный свет.

* * *

До твоего порога пять ступенек,
цветок герани красный у окна.
Но стужею от окон твоих веет,
и кажется, что вовсе не весна.

Хранит молчанье дом
с жестяной крышей,
дверь тяжела, надёжно заперта.
Присядешь на скамью,
ненужный,
лишний.
А рядом сад весной юной пышет.

Смотрю, как торжествует красота,
назло жилью, где окон пустота.

* * *

Осенним солнышком согреты
Стоят дома, страдальцы зим.
В квартале том живут поэты.
Мы иногда ходили к ним.

В квартирах грязных вечный хаос,
Пустых бутылок пьяный ряд.
По радио – великий Штраус,
Его здесь все боготворят.

Потом поэт, лицом опухший
Читает что-то о весне.
Поэт, конечно, не Апухтин,
Но все внимают в тишине.

Другой, такой же горемыка,
Раскроет общую тетрадь.
А сам уже не вяжет лыка,
Сейчас его уложат спать.

И всё ж мы слышим чьи-то строки,
Их произносит у окна
Какой-то человек высокий,
Чья речь, как ток, напряжена.

А строки о бессмертье были,
О вечной жизни, красоте...
Мы в ночь глухую уходили
И повторяли строки те.

* * *

За стенкою опять стучат,
В квартире продолжается расправа.
От стен отходы, как щепка летят,
Летят они налево и направо.

Терпенье стен – великое терпенье.
Порою не выдерживает тот,
Который вдруг поставил под сомненье,
Что в споре со стеною верх возьмёт.

Не раз в поту к стене он прислонялся,
Потом опять брал в руки инструмент.
И поединок этот продолжался,
Как жаль, арбитра между ними нет.

Уж он бы присудил победу точно
Вот этой твёрдокаменной стене.
Набраться б в жизни нашей краткосрочной
Такого же терпения и мне.

* * *

Мне много лет.
Я в стороне от драк.
А те, которые моложе
На много, много, много лет,
Они вполне на драчунов похожи.

Летят на снег и шапки, и перчатки.
Дерутся двое, третий к ним не лезь.
Пусть в этой честной схватке
Один положит на лопатки
Соперника, он в ссадинах,
Кровоподтёках весь.

Но всё же он не трус,
И был вполне достоин драки.
А где-то малодушное: «Боюсь...»
Несётся по дворам в кромешном мраке.

Мне много лет.
Я в стороне от драк.
А в молодости кто из нас не дрался.
Порою получал, но не был я слабак.
Я рад, что, побеждённый, не сломался.

* * *

Оставь одну строку на память,
Она улыбкой озарит.
Я знаю: слово не завянет,
Оно невзгоды победит.

Пусть жизнь – неистовый экзамен,
Напастей много на веку.
Оставь строку, оставь на память,
Всего одну, одну строку.

СЕРИЯ «ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ПОЭТА»

Санкт-Петербург

Представляем
книжную
поэтическую серию
«Визитная карточка поэта»

Показать поэтические силы Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России – такова была задача инициатора издания, составителя серии, председателя секции поэзии Ирэны Андреевны Сергеевой. В трудное время, время карантина, это издание призвано поддержать дух поэтов. В секции около сотни поэтов. Авторы привлекает «подвижный» тираж – 200-300 экземпляров – при приемлемой цене печати и при том, что редакционную подготовку ведет председатель секции.

Каждый поэт отобрал те стихи, что наиболее точно отражают его личность, творчество, интересы.

Андрей Агарков, отдавший многие годы флоту, служивший в Севастополе, воспекает красоту моря, морской службы. Отдаёт дань он и Санкт-Петербургу. Обладает ещё одним талантом – живописным, его художническое видение отражается в лирике.

Михаил Зверев – тоже моряк, тоже капитан первого ранга, родом из Пензы, отдавший службе в Североморске немало лет, воспринимает Петербург как морскую столицу России. Морское братство – очень важная тема его поэзии.

Председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов, капитан первого ранга, тоже вышел из рядов моряков-подводников. Но неразрывна его связь и с Ярославской землёй, с родным селом. С годами всё глубже и шире смотрит поэт на мир, на глобальные события в нём.

Боевое прошлое подполковника запаса Андрея Краснобородько уравнивается воспоминаниями о счастливом детстве.

Прекрасная, гармоничная книга получилась у Виктора Соколова. Он родился в Ленинграде 1 марта 1945 года. Был «впереди победный тот салют. А Виктором меня уже называли».

Самым молодым автором серии является Алексей Молчанов. Он принят в СПР на последней конференции молодых писателей Северо-Запада по секции прозы, издав в тридцать лет две прозаические книги. На сегодняшний день тридцатитрёхлетний автор имеет три книги стихов, он интересен своими стихами на философские темы и стихами о любви.

Первый номер серии стоит на книжке Натальи Апрельской. Вначале была мысль расставить всех по алфавиту, но желающих издаться множатся... Поэтесса позиционирует себя как «певец города», и её петербургские стихи запоминаются. Удаются и стихи о судьбах людских, и стихи о любви, и о природе.

Татьяна Титова – тонкий лирик, потому что так психологически точно рисует она отношения между людьми влюблёнными и отношения в семье. Не придуманы детали деревенского быта, неразрывная связь с предками и родной землёй.

Дарья Сакулина из поэтесс, авторов серии, самая молодая, но в СПР уже немало лет. Основные темы – природа и любовь. Стихи её, небольшие, лёгкие по форме, напоминают акварели, в которых вдруг проблёскивает, словно пятно света, яркая, точная и умная концовка.

Остаётся сказать о книжке Ирэны Сергеевой. У поэтессы более двадцати книг поэзии. 3 марта исполнилось 45 лет, как её приняли в Союз писателей СССР, осенью она отпраздновала свой 85-летний юбилей. Автор предлагает 60 новых стихотворений из написанных 2020 году.

Серия «Визитная карточка поэта» продолжает издаваться. Прекрасен внешний вид этих изданий. Каждый автор выбрал не только стихи, но и фотографию любимого города, села, храма или дома, где родился.

СТИХИ ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОЭТОВ

Андрей АГАРКОВ

ОТЧИЙ ДОМ

В доме оставленном, старом, со ставнями,
Новые люди живут.
Новые вещи удобно расставлены.
Нас здесь не ждут, не зовут...
Прошлое наше приходит непрощено.
Ясно припомнятся вдруг
Птицы, клюющие хлебное крошево
С темных, обветренных рук,
Старые книги, капустницы-бабочки,
Старый запущенный сад,
Дюжий мой дед, что без сухонькой бабушки
Долго не выдержал сам...
Снова примчишься полуночным поездом,
Дом свой сумеешь найти,
Тронешь калитку –
И скрипнет так горестно,
Что не решишься войти.

* * *

На сцене выступает солнце.
Сегодня в Питере аншлаг –
Он встрепенулся, прежде сонный,
Небесный распахнув бушлат.
Лучи бушуют над Невою,
Где ветер будоражит гладь.
Стихами спорю сам с собою...
И Пушкин приоткрыл тетрадь!

Михаил ЗВЕРЕВ

ВОЕННО-МОРСКОЙ ПАРАД 2017 ГОДА

Днём разведённые мосты...
Дворцовый, Троицкий, Литейный.
Громоподобный батарейный
Залп из зарядов холостых –
И... Петропавловка в дыму,
А белый адмиральский катер
Выходит чинно на фарватер
Чуть с дифферентом на корму.
Стальные небо и Нева,
И корабли того же цвета.
Тут, моряки, не до балета,
И вовсе не нужны слова...
Идут в кильватер по Неве –
По Питеру парадным строем!
Здесь каждый чувствует героем
Себя. В наш день – День ВМФ!

* * *

Друзья, дела, любовь – я рвусь на части,
Но, значит, я живу – какое счастье,
Что и до сей поры кому-то нужен.
Спешу, не замечая, что простужен.
Лечу на презентации и встречи,
Опять, опять сегодня занят вечер.
Круговорота жуть, и нет с ним слада...
А может, тормознуть?.. Нет-нет, не надо.
Мне есть что подарить по равной части –
Друзьям, делам, любви... Какое счастье!

Андрей КРАСНОБОРОДЬКО

ТУМАН НАД ФОНТАНКОЙ

Пролетели часы разговоров бесплодных,
Ты ушла, и вокруг разлилась тишина.
Я сижу на гранитных ступенях холодных,
А вода где-то рядом, но еле видна...

Мягкий снег, опускаясь степенно и чинно,
Покрывает темнеющий лёгкий причал.
Лишь теперь в двух шагах от бездонной
пучины,
Я себе уяснил неизбежный финал...

Ты ушла, не простившись... Туман над
каналом
Ходит ласковым паром по глади воды.
Вместе с тающим снегом и утром усталым
Я смотрю, как твои исчезают следы...

* * *

Я знаю, живет рядом с нами,
С доходом совсем небольшим,
Старушка с живыми глазами
И сеточкой мелких морщин.
Одна. Без подружек и сплетен.
Родных, так случилось, что нет...
Но путь её долог и светел,
И горьких не помнится лет.
И в доме её вместе с кошкой
Вдали от мирской суеты
Всегда на приветном окошке
Живут полевые цветы.

Борис ОРЛОВ

* * *

Забыв, кто предкам друг и враг,
И сушу отравив, и воды,
На звездно-полосатый флаг
Летят моральные уроды.

Кому там слава и почет?
Нерон, Атилла да Иуда...
Котел плавильный создает
Сплав фальши, подлости и блуда.

Они давно пошли вразнос...
И, что силки, расставив гранты,
Америка, как пылесос,
Всосала грязь и бриллианты.

* * *

Вопрошаешь: «Будет ли иначе?»
Отвечаю, выслушать изволь:
«Утешают тех, кто громко плачет,
И не видят тех, кто терпит боль».
Спрашивай с себя как можно строже –
Зла не причинит собачий лай.
Если боль в себе держать не можешь,
То других рыдать не заставляй.

ВЫСОТА

Разбитый дот. Осколочный металл.
Война давно ржавеет в катакомбах.
Вслепую здесь похоронил обвал
В корнях берёз невзорванную бомбу.
А соловьи поют. Земля в цвету.
Среди травы разбросаны ромашки.
Берёзы атакуют высоту,
Как моряки
В разорванных тельняшках.

* * *

Ни коронавируса, ни тифа
Люди не боятся... Память зла.
Жизнь проходит – остаются мифы
И незавершенные дела.
В дождь ли, в снег ли – при любой погоде
За собою нужен глаз да глаз.
Жизнь проходит... Да и все проходит.
Многое проходит мимо нас!

* * *

Дворцовая площадь – не людный пустырь,
Как зимний ковер, снег ложится на площадь.
Я медленно слепну – зачем поводыр?! –
А ночь узнаю с малолетства наощупь.

Прокручена в памяти жизнь, что кино,
Бесплотны и женщины в ней, и мужчины.
Я чувствую время наощупь, оно
На мне оставляет рубцы и морщины.

Не кажется вечным в ночи человек,
Она ощущается мягкой и сонной.
Сбегается в лужи предутренний снег...
И бронзовый ангел парит над колонной.

Дарья САКУЛИНА

* * *

Медленная почта принесла
в сереньком конвертике листок.
На вокзале ты его ждала,
южный ветер серебрил висок.
Дома села в кресло, замерла,
а на сердце равнодушный сон.
Вот и все. Печаль твоя светла.
Перепутал адрес почтальон.

* * *

Город раздроблен тысячами свечей.
Вечный огонь на подступах сохранит
Нас и январь с десятками жарких ночей.
Я не забуду, как в воск превращался гранит
Сердца, которое бьется еще в унисон
Сердцу, которое жадно умеет любить...
Жизнь мне всегда оставляет последний патрон.
Только живи. Только не смей уходить.

* * *

Ты стал дождем, сиренью, тишиной,
Воспоминанием, блаженством, дежавю
И никогда не встретишься со мной,
Но я тебя по-прежнему люблю.

Все то, что было тридцать лет назад,
Набрало юность, силу от потерь,
Преобразившись вдруг в цветущий сад,
Где я брожу садовником теперь.

В саду есть дом, в котором я живу,
Уютный, теплый и с окошком в сад.
Открыта дверь. Я жду тебя, зову,
Не думая, что скоро листопад.

Ирэна СЕРГЕЕВА

НАШИМ

В битвах Ленинградской, Сталинградской,
Курской и во множестве других
доводилось вам с врагами драться,
смело перебарывая их...
Сколько вас за наше счастье билось!
Сколько тысяч русских полегло!
Сколько миллионов не родилось!
Кто же нынче переборет зло?

БАНДЕРОЛЬ

Благородней, чем король,
статен, словно принц из сказки,
человек в перчатках, в маске
мне приносит бандероль.
Видно, мой любимый брат
мне прислал подарок к Пасхе...
Открываю: там лежат –
как мечта – перчатки, маски.

* * *

Победу встретит ли столица,
как вирус встретила уже?
Парад Победы состоится
хотя бы у меня в душе...
Пройдут десантники, морпехи,
а после техника пройдет.
В движенье – ни одной прорехи...
Но вирусологи – вперёд!

Виктор СОКОЛОВ

* * *

НЕ СПЕША*Индире*

Был молод – старался всё делать скорее,
 Как будто бы мог опоздать, не успеть.
 Теперь не спешу, потихоньку старею.
 Боюсь только песню свою не допеть.
 Прекрасную – ту, что ещё не звучала,
 Последнюю – ту, что всегда впереди.
 Мне только осталось придумать начало,
 А всё основное созрело в груди,
 Где сердце – хозяин усталого тела,
 И где, может быть, обитает душа.
 Она мне мелодию тихо напела,
 А я подбираю слова, не спеша.

* * *

Кошмаром заползали в сны
 Воспоминанья о блокаде,
 Но женщины тогда, в конце войны
 Уже детей рожали в Ленинграде.

Ещё на западе бои,
 Ещё по карточкам обеда,
 Но выстояв, родители мои
 Меня уже крестили в честь Победы.

Скорбь о погибших, голод, труд:
 Ремонт дорог, разбор развалин...
 Он впереди – победный тот салют!
 ...А Виктором меня УЖЕ называли...

Алексей МОЛЧАНОВ

* * *

Я буквы связывал в слова
 и дальше – в строки,
 когда мечта меня звала
 назад, в истоки.

И учащался сердца стук,
 когда, как лебедь,
 моя душа случайно, вдруг
 парила в небе.

И были в жизни на земле
 часы, минуты,
 когда любовь срывала мне
 с сознания пути.

Вот бы на несколько минут
 вздохнуть... И снова,
 и снова вдаль меня зовут
 мгновенье, слово.

Есть улочка с названием «Орбели»,
 обычная, всем остальным под стать.
 В стихах ее поэты не воспели
 и вряд ли воспоют. А я... как знать.

Восьмой этаж, куда я шел с работы
 на свет уютный в кухонном окне.
 Мои шаги напоминали ноты
 ноктюрна о любви и о луне.

Такие улицы оправдывают город
 и помогают город расширять.
 И трещины ползут домам за ворот
 чуть медленней, чем к сердцу – благодать.

Татьяна ТИТОВА

* * *

Мой вечер городом изучен –
 пишу стихи, в окно смотрю.
 Пускай опять на небе тучи –
 не верю я календарю.

Не верю, что осенний морок
 мне застит свет и радость дня.
 Я полюблю холодный город,
 а мой любимый друг – меня...

Природе ветреной послушны,
 слетают листья с тополей...
 Открою форточку, мне душно
 в холодной комнате моей.

* * *

Сколько за любовь душе восполнится,
 не гадай, по совести живя.
 К маме на могилку в эту Троицу
 не пришла, чтоб повидаться, я.

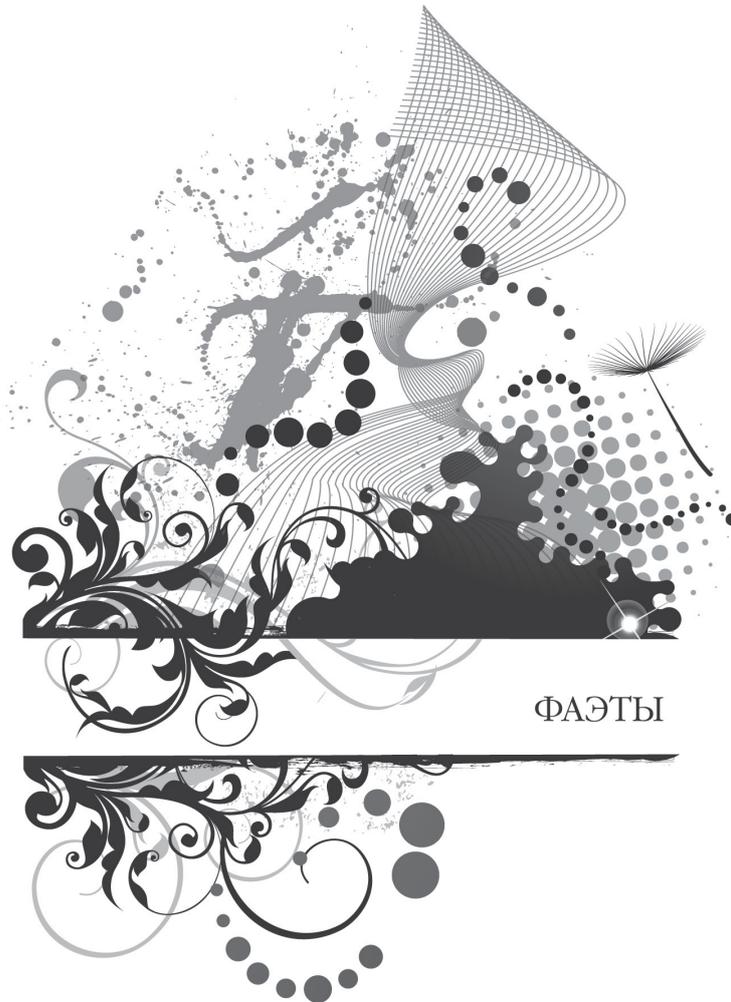
Не пришла... Прошу у Бога милости,
 тает перед образом свеча...
 Там берёзка над крестом склонилась,
 а над нею вороны кричат.

Расшумелись, никого не радуя,
 ну и пусть, на то она печаль...
 Теплилась бы только над оградой
 мамина берёзонька-свеча.

*Поздравляем поэта
 Ирэну Андреевну Сергееву
 с юбилеем!
 Добра и гармонии!*

ФАЭТЫ

*Валерий КУЗНЕЦОВ, член Союза писателей России,
доктор исторических наук.*

СЕМЬ РАССКАЗОВ

СОН СВАРОГА

Лес, густой лес, березы, дубы, сосны. В лесу тропинка. По ней идет человек. Он высок, крепок в плечах, белокур. Одет в светлую просторную рубаху, подвязанную на поясе тесьмой, и в широкие штаны. Всё явно домотканое. За человеком идет медведь. Человек что-то говорит ему. Тот отвечает. Человек говорит по-человечьи, медведь по-медвежьи. Вверху меж ветвей птица мелькает вперед – назад, что-то поет.

Человек идет домой. Там его ждут жена и четверо детей. Несет он им меду из леса. Живет человек на берегу реки. Хочет знать, в чем секрет мира, раскинувшегося вокруг, а эхом ему взрыв атомной электростанции.

Спит Сварог. Пока спит. Пока. Но придет время – проснется. Брызнет ему в глаза свет миллионов звезд. Улыбнется Сварог. Как горошинки ему все эти звезды. Начнет он их подбрасывать, перекидывать. Вот она – цель. Вот – великое творение. Какие узоры, какая красота!

Какой смысл во всем этом? Тот, что только это достойно славы Сварога.

А сон? Сколько у него было этих снов...

«И ТОМЯСЬ ПО АНТОНИИ МИЛОМ...»

В сентябре 1918 года отряд Красной Армии вошел в одно из сел ** губернии. Бойцы прямо по центральной улице прошли мимо церкви и вышли к барскому дому, где и остановились на ночлег. Дом был каменный, двухэтажный, с облупленными колоннами, весь окруженный горящим осенней желтизной садом.

Командир отряда, распределив людей и выставив караулы, ушел в сопровождении местных активистов в быстро надвигающуюся осеннюю тьму. Красноармейцы оказались предоставлены сами себе и занялись каждый своим делом. Кто-то сразу пристроился спать, кто-то начал штопать свою одежду, послышался смех.

Дом был полностью разграблен, в нем не были оставлены ни картины, ни фортепиано, ни узорные подсвечники и, уж конечно, столы, стулья, утюг, занавески. Часть оконных стекол была выбита, а часть аккуратно выставлена новыми владельцами. На полу валялся самый разный мусор.

Красноармеец Иван Григорьев, совсем еще молодой парнишка, сидел, облокотясь на ободранную стену. Думая о чем-то своем, он поднял с пола

тоненькую разорванную книжку без начала. Иван окончил приходскую школу и читать умел достаточно бегло. Без всякой цели, наугад, он раскрыл книгу и пробежал глазами:

*И томясь по Антонии милом,
Поднимая большие глаза,
Клеопатра считала над Нилом
Пробегающие паруса...*

Эти строки ни о чем не говорили красноармейцу, он не знал, кто такие Антоний и Клеопатра, что-то смутное помнил о Ниле, нужды в бумаге у него не было, и он отшвырнул книгу в угол. Главной заботой Ивана была обувь. Его мобилизовали в феврале, он ушел из дома в валенках, весной ему выдали ношенные ботинки, но уже на Пасху они стали просить каши. Иван их неоднократно чинил, но было видно, что новой починки уже не будет. Он не раз напоминал командиру о своей беде, но что тот мог сделать?

– Погоди, – отвечал бывший слесарь, – вот вступим в город, тогда и обуемся и оденемся.

Да и не у одного Ивана была закавыка с обувью.

Когда он засыпал, ему на миг привиделся дом. Изба, колодец – журавель, его молодая жена Елизавета, с которой он прожил лишь полгода, последней пришла к нему его старенькая мать, про которую он вспоминал все реже и реже.

Иван был простой и толковый парень. Всю свою жизнь до социальной революции он прожил в небольшой деревеньке и только раз был в губернском городе, который произвел на него большое впечатление. Когда попал под мобилизацию, то и не горевал-то очень: хоть Рассею-матушку посмотрю, а то здесь ничего и не увидишь.

Скоро Иван уже спал, а рано утром, с восходом солнца, подбадриваемые заметным сентябрьским морозцем красноармейцы двинулись в путь. О чем думал Григорьев, когда он, слегка сутулясь, шел вместе со всеми туда, вперед, на восток?

Он ни разу не вспомнил о ночлеге в заброшенном барском доме, а на следующий день их отряд встретился с белыми, укрепившимися в одной из деревень. Несколько красноармейцев, в том числе Иван, были посланы в обход, через овраг. Тяжело дыша, он вбежал наверх, но не успел сделать и трех шагов, как был убит наповал. Тело его упало в пыльную лебеду, где и было найдено после боя.

В этот же день растрепанную и пропыленную книжку, которую смотрел Иван, подобрал какой-то запасливый дед и, хромая, отнес домой. На растопку, на самокрутки, на прочие надобности – в самый раз.

К вечеру того же дня в барский дом въехал сельсовет.

КРИТ

Вот начало. Тебе предлагают ехать на Крит. Ты никак не реагируешь на это. Шутка, да причем неуместная, учитывая твоё финансовое положение. Но вечером – звонок. И по телефону – о том же. Дорогу, проживание оплатят, через неделю обратно. Да, ты с ним учился, роль хохмача-приколиста, если это была она, явно затянулась. Ты полетишь не один, будет еще около десяти человек, примерно твоего возраста. Но зачем я вам, зачем я там? В голове мелькает мысль о сыре в мышеловке. Нет, все серьезно.

Там будет типа фольклорного праздника, возможно, тебе придется выступить, ну там Тезеем например. Так, символически помахать минут пять мечом. Считай, что это благотворительность. Странная благотворительность. Да вот такая. А Ариадна будет? Ну если согласен, то и она будет, а заграничный паспорт у тебя, кстати, есть? Есть. Ну тем легче.

Потом ты летишь на самолете. А затем невидимая, но чудовищная волна проходит через небо, самолет и, конечно, тебя. Словно внезапно оплыло гигантское зеркало и все, что привычно отражалось в нем, исказилось до неузнаваемости. Если бы волна прошла мимо тебя, ты бы заметил, что самолет стал небольшим кораблем под парусом, небо – морем и все вы – кем-то другими. Но ты этого не замечаешь. Для тебя естественно, что вы плывете на странном корабле, что на тебе и твоих спутниках чудные одежды, скорее какие-то плащи или накидки.

Почему все они зовут тебя Тезеем? Твое имя другое. Но ты вспоминаешь о фольклорном празднике. Уже все вошли в роль. Потом ты замечаешь, что твоя роль особенная: к тебе обращаются «господин», все слушаются твоих слов.

Ах да, я же сын Эгея, царя Афин, если память не изменяет, и это я должен убить Минотавра.

– Господин, если ты убьешь Минотавра... – вздыхает один из корабельщиков.

– То имя твоё в Афинах прославится в веках... – добавляет другой.

– Такой молодой... – качает головой третий.

– И, по-видимому, отнюдь не силач, – еле шепчет четвертый.

Вас везут в жертву Минотавру на Крит. Путники твои крепятся, но у девушек порою слезы из глаз. Одна из них прижимается к тебе всем телом и шепчет что-то, шепчет, шепчет тебе. Она тебя любит. А ты ее? Ты утешаешь ее, говоришь, что сразишь Минотавра неизбежно, что по-другому не может быть. А про себя добавляешь: все будет как надо. Ведь я Тезей. Значит, Ариадна уже мотает свой клубок. Ну что ж.

Но вот впереди показалась полоска земли. Крит. Все в отчаянье. Стоны и слезы, проклятия и рыдания. Корабль некоторое время идет вдоль берега, затем входит в порт. После однообразных морских запахов здесь настоящее пиршество. Еще порт полон звуков и красок. Тебе даже интересно. Выходите с корабля. Ты – последний. Ты говоришь капитану: «Ждите. Сегодня я убью Минотавра, и мы вернемся домой». Капитан ничего не говорит. Его губы шепчут молитву. Но ты спокоен. Ты знаешь, что будет впереди.

Под конвоем (солнце отражается от щитов и шлемов, скрип кожи, лязг металла) вас доставляют на колесницы, по одному в каждую, и везут. Куда? Естественно, в столицу, к царю Миносу. А вот и он. «А, новая партия, – говорит царь, – это хорошо. Отведите их в Лабиринт». Ты крутишь головой. Вокруг царя, вокруг вас – люди, люди, мужчины и женщины, парни и девушки. Которая тут Ариадна? Толчок в спину. Ты замешкался. Надо догонять остальных. С обеих сторон воины. Щиты их сливаются в одну цепь. Как же можно передать клубок? Ты в отчаянье. Ты хочешь крикнуть: нет, всё должно быть не так! Где Ариадна?! Остановите процессию! Но ужас

сковал твой рот. Вы уже вышли из дворца, идете дорогой в тени кипарисов. Что это впереди? Лабиринт?! Нет!! Этого не должно быть!

Открывается дверь, вас вталкивают внутрь. Новый грохот двери. Все. Темнота. К тебе жметя несколько человек.

– Тезей, веди нас!

– Иди впереди!

– Вынь меч!

Они что, в своем уме? Куда идти, если абсолютная тьма. Ты вытягиваешь вперед руку. Пустота. Делаешь несколько шагов с вытянутой рукой. Затем раздается вскрик и хрип одного из твоих спутников, а после этого звук падающего тела. Следующая жертва пытается ухватиться за тебя. Ты отталкиваешь его (или ее).

Минотавр. Он уже подкрался к нам. Он уже убивает нас. Куда теперь идти? Зачем теперь идти?

Страшные минуты, а может, часы. Ты весь в чужой крови, вокруг тебя, хоть ты этого и не видишь, тела твоих спутников. Раздается чавк. Неужели он их ест? Мысль эта непереносима. Ты вскрикиваешь и теряешь сознание. Естественно, это еще не конец.

Яркий свет. Нет, не яркий – обычный, но после тьмы Лабиринта смотреть трудно. Ты опять в самолете.

– Что с тобой, – спрашивает тебя твоя соседка, – не тошнит?

Да, тебя тошнит. Ты, не мигая, смотришь на девушку. Не ее ли тело жрал Минотавр? Она, считая такой взгляд некорректным, отворачивается к иллюминатору. Ты молчишь, сжав подлокотники, но внутри тебя все кричит: нас всех ждет смерть! Надо остановить полет! Но ты не можешь сказать это вслух.

– А зачем мы летим на Крит? – вдруг спрашивает тебя соседка.

– Чтобы нас там убили, – спокойно отвечаешь ты. Всё – слово сказано, остальное неважно. Мы движемся к своей смерти.

А вот теперь уже конец. Опять Миноийский дворец. Вас опять ведут в Лабиринт. А вот и Ариадна. Теперь все идет как надо. Она бросает тебе клубок. Ты ловишь его. Стража не смеет заметить поступок царской дочери. У тебя отлегло от сердца. Слава богу, ну теперь я им покажу, но что это? Какой-то странный клубок. Ты швыряешь прочь обрывки тряпок, веревок. Записка. Она обмотала в эту дрянную записку. Ты в предчувствии краха, всего тебя бросает в жар, хотя кажется, что под критским солнцем больше, чем есть, вспотеть нельзя. Ты не веришь своим глазам: «Дорогуша, ты мне понравился. Если убьешь Минотавра, то приходи ночью к самому высокому кипарису». О! Идиотка! От отчаянья ты стоишь (до твоего стога никому нет никакого дела). Ты роняешь записку, наступаешь на нее и идешь дальше. Боги, покарайте эту идиотку! Ты оборачиваешься. Со своего возвышения Ариадна мило тебе улыбается и машет рукой.

А вот и Лабиринт. Ты бросаешься на колени и кричишь:

– Меня обманули! Мне обещали фольклорный праздник! Я не Тезей! Я не должен быть здесь! Отпустите меня!

Остановка шествия длится недолго. Тычок копьём (у тебя уже идет кровь) – и ты встаешь. И вновь дверь захлопывается за вами. Наконец, ты понимаешь. Рождается новый миф, но какой, тебе не узнать. Ты громко смеешься. И вот тут действительно наступает конец.

МЕТЕЛЬ

Кругом неистовствовала метель. Она могла длиться вечность, не стихая ни на мгновение. Посреди погруженного в безумную снежную круговерть пространства легко было не заметить повозку с тройкой рысаков. На козлах сидел человек. Когда-то, очень давно их было трое, но двое сгнули в пути. Кони, хоть и тяжело дыша, довольно быстро катили повозку. Морды их были опущены, на спинах образовалась ледяная короста, горячий пар дыхания тут же терялся в снежном пространстве.

Человек, беспрестанно озираясь, время от времени погонял рысаков длинным кнутом. Он словно боялся того, что могло появиться перед ним. «Ну, родимые, ведь доедем, – их и себя уговаривал он, – вот дорога, не сбились».

Сойти с дороги, которую уже нельзя было различить, означало или скорую гибель, или бесконечные блуждания, что было одно и то же.

Человек знал, что стоит ему крикнуть в эту муть: «Всё, я сдаюсь!», как всё прекратится: и метель, и необозримый путь, и окажется он там, где никогда никаких проблем. Если бы дело касалось только его одного, возможно, он так бы и сделал, но здесь все было сложнее. От того, удастся ли ему доехать или нет, зависело много больше, чем только его судьба.

Снег, мятущийся вокруг, стал обретать какие-то формы. Неестественно быстро мельчайшие снежинки укрупнились в хлопья, те – в фигуры, а фигуры вдруг обрели цвет плоти. Человек, не сводя глаз с рысаков, искоса смотрел на кружащихся над ним чудовищ. Их было около пятнадцати, между ними выделялось несколько наиболее крупных и омерзительных. Самым мерзким был полуразложившийся труп, уже неясно теперь – мужчины или женщины, который, как на небольшой лодке, сидел в гробу. Запах гниения явственно окружал его. Толстая, очень толстая ведьма с лицом скорее жабым, чем человеческим, сидя на метле, счастливо смеялась, указывая изогнутым пальцем на возницу. Рядом огромные челюсти с черными червивыми зубами и со слезящимися глазами по бокам судорожно раскрывались и с клацаньем закрывались.

Все они безостановочно приближались к путнику. Тот, не сбавляя хода, поудобнее ухватил кнут. Другого оружия у него уже не имелось. Слишком долг был прошедший путь. Кони еще ниже склонили шеи, словно боясь увидеть то, что сверху и с боков кружилось над ними.

Человек плотно сжал губы. Главное – не промахнуться. Он знал – удары кнута губельны для этой мерзости, но пользоваться им можно было в исключительных случаях, так как сила эта, являвшаяся смертельной для нечисти, убывала от каждого с ней соприкосновения. А пользоваться им уже приходилось.

Первый удар кнута пришелся на огромный глаз

с двумя тонкими клешнями по бокам. Раздался глухой хлопок, и глаз превратился в пар.

Дальше – больше. Кружащаяся мерзость стала налетать с разных сторон, норовя вцепиться в человека и в рысаков. Кнут то и дело совершал круги, и еще одна тварь с шипением исчезла в воздухе. Управлять конями стало невозможно, и, чтобы не потерять направление, человек остановил тройку.

После гибели еще нескольких уродов кнут стал заметно легче, а оставшаяся нежить упрямо рвалась к своей жертве. Пока человек поражал подлетевшую слева ведьму, справа уже вырвался вперед мертвец на своем гробу. Поздно среагировал на него возница, но все же смог стегнуть кнутом.

Кнут хлестнул по гробу, и тот с чмоканьем ушел в небытие, но мертвец, от которого разлетались волосы и куски кожи, смог выпрыгнуть из гроба и упал сверху на правого пристяжного, ухватившись за него зубами и всеми конечностями. Новый удар поразил и его, но дело было сделано. Конь внезапно стал черным, глаза его налились красным огнем, он встал на дыбы (повозку при этом развернуло) и упал. Остальные двое рысаков в ужасе шарахались от своего бывшего соседа, превращающегося в лужицу жижи.

Человек на все это не смотрел, он сражался: удар следовал за ударом, удар за ударом. Силы убывали, но убывала и кружащаяся вокруг нечисть. Последняя из них, извивающийся кольчатый червь размером с лошадь, смог добраться до коренника, повторившего судьбу правого пристяжного.

Бой кончился. Кнут не весил ничего, и возница швырнул его прочь. Положение было безрадостное. Мало того, что остался только один конь, было потеряно направление. Следы полозьев были заметны, а с дороги они съехали.

Возможно, случится самое худшее, и он не найдет дорогу, но стоять на месте тоже не могло считаться выходом. Человек переделал упряжь, сел на свое место и направил коня туда, куда, как он надеялся, вела дорога.

Ехал он долго. По его расчетам он или навсегда заблудился, или приблизился к концу своего пути. Между тем впереди стало просматриваться нечто. Поразмыслив, человек решил не сворачивать. Вскоре он подъехал к странному месту: там не было метели, словно стены какого-то уносящегося ввысь сооружения не пускали ее. Там даже светило солнце, пусть по-зимнему холодное, но и этого было немало. Посреди этой идиллии на большом голом валу не сидел некто, по виду человек. Увидев путника, он улыбнулся.

– Я рад тебя видеть, я как раз ждал тебя.

– Зачем?

– Помочь. Тебе.

– Почему ты должен помогать мне?

Путник находился в дороге долго. Однажды его смогли обмануть, обман раскрылся слишком поздно, ценой длительной задержки в пути.

– Я знаю, в чем твоя проблема, и могу помочь тебе.

– И в чем моя проблема?

– Ты сомневаешься, не сбился ли ты с пути. Так знай: ты сбился. Ты надеешься, что дорога подходит к концу. Увы, это не так. Ехать надо туда, – и похожий на человека махнул рукой в сторону.

Вскоре путник опять ехал среди беснующейся метели. Путь оказался очень долгим, нудным, однообразным и пугающим в своем однообразии. Ничего не происходило, ничего не менялось.

Наконец, последние остатки надежды покинули человека. Он остановил коня. Долго сидел без движения. Дорога сильно изменила его. Ему уже смутно помнилось, каким он был раньше, когда с двумя спутниками выехал в путь. Тот, изначальный, не поддался бы сейчас отчаянью и во что бы то ни стало добрался до цели. Сейчас же даже и эта цель не казалась тем, ради чего стоило претерпевать все эти испытания. Большинство даже и не знает об этом пути, зачем же ему все это?

Он стал весь белый от снега. Холод стал пробирать его. Начал замерзать рысак и нетерпеливо переступать с ноги на ногу, ему хотелось в путь, но человек уже не реагировал на движения своего единственного спутника и не мог заставить себя тронуться дальше. Что оставалось делать? Вот так сидеть и замерзать. Замерзать и засыпать. Засыпать и замерзать. Замер...

Из дремы его вывели новые звуки. К нему подошло на вид странное существо. Было не разобрать, то ли весь он зарос густыми космами, то ли это такой у него наряд. Подойдя к коню, он положил ему руку на холку. Животное вздрогнуло, но устояло.

– Что, милый, тяжело? – обратился волосатый к человеку. Тот промолчал.

– А я и так вижу, что тяжело, и мне непросто, а вместе мы поможем друг другу.

С огромным усилием человек все же смог произнести два коротких слова:

– Кто ты?

– Я? Я тот, что сам по себе и сам за себя. Хожу-брожу, зачем – не скажу. А вот куда ты ехал, я знаю и могу тебе помочь добраться туда. А за это кое-что у тебя возьму.

– Что? – человек по-прежнему говорил с трудом и неохотой. Ему было все равно, что бы ни произошло.

– Да так, сложен ты больно, милый. Много знаешь, много понимаешь, а нужно ли тебе это? Не помогает тебе оно. Отдай чуточку этого мне. И тебе проще будет, и мне польза. Мне еще долго брести своей дорогой.

Человек усилием воли сбросил с себя остатки дремы. Он чувствовал: встречный не обманывает, но и правды всей не говорит, однако другого выхода не было.

– Хорошо.

– По рукам!

Они хлопнули друг друга по ладоням. Новые силы нахлынули на человека. Все стало проще и яснее. Существо тем временем по-хозяйски залезло на облучок и натянуло поводья. Повозка сдвинулась с места.

Ехали они не очень долго.

– Ну вот, милый, доехали. Видишь, вон там просвет? Тебе туда, а я пошел.

Действительно, впереди словно солнце прорывалось сквозь осточертевшую метель, которая стала, однако ж, стихать и перестала казаться такой уж страшной.

В крепко натопленной комнате, где лежала роженица, раздался резкий и в то же время неуверенный крик. Потом вышла повивальная бабка, объявившая о рождении мальчика. Майор Сергей Львович Пушкин был доволен – у него родился наследник. Шел 1799 год.

ПРОЛОГ

Тухачевскому приснился сон. Будто бы теплым летним днем на Красной площади проходил военный парад. Михаил Николаевич по воздуху как бы подплывал к нему, особенно не удивляясь. А с чего бы? Он сам неоднократно участвовал в подобных парадах, стоял возле Мавзолея среди тех, кого, особенно этого не скрывая от них, презирал. Но чем ближе он подлетал к площади, тем большее удивление охватывало его. Участники парада несли наперевес какие-то знамена и кидали их к Мавзолею. Но даже не это поразило спящего маршала, а то, что на плечах у них были погоны, да-да, именно погоны, почти старорежимные погоны, погоны, которые когда-то он носил и сам, погоны, о которых не переставал грезить. Белая армия в Москве? Она празднует свою победу над Советами? Или это интервенты? Англичане? Французы? Немцы?

Когда же Тухачевский посмотрел на тех, кто стоял на трибуне Мавзолея, то прострация его стала полной. Здесь стоял сильно постаревший Сталин, и его китель так же сиял золотом погон. Совместить ненавистного шашлычника с благородством погон маршал не мог. Ну, хорошо, Сталин – понятно. Но кто окружал его? Почти никого из них он не знал. Где знакомые лица, этот неуч Ворошилов, наконец? Где Блюхер, Егоров, Буденный? Впрочем, командующего парадом Тухачевский встречал. Во сне даже всплыла его фамилия – Жуков, но чем он замечателен, маршал так и не мог вспомнить.

Проснулся Тухачевский внезапно. Глаза открылись сами собой. Было раннее утро. Рядом спала жена. Маршал лежал не шевелясь. Не из-за боязни разбудить жену, это ему было все равно, а боясь спугнуть сон. Он перебирал все, что ему приснилось, сон явно не был кошмаром и все же, и все же...

Михаил Николаевич ощущал, что увиденное им не отнести к разряду обычных сновидений. Настроение было тревожное, пасмурное, как грязный и серый ноябрьский день, и это при том, что там, на Красной площади, просто излучались радость и торжество. Тухачевский ничего не понимал. «В конце концов, сон это сон», – сказал он себе, повернувшись на правый бок и уснул заново.

Днем сон не забылся, а вечером маршал все же не выдержал и рассказал его, но Дорочка выслушала своего любовника вполуха. В голове она прокручивала варианты того, как лучше выпросить новые подарки.

– Зайчик мой, а я вот слышала, что в Европе сейчас носят вот такие платья, вот знаешь, вот так, а здесь вот так, а сзади... Ты не слушаешь меня, – и она подалась к нему, вытянув свои губки. Тухачевский досадливо отмахнулся от нее, отбросил одеяло, встал с кровати и начал одеваться.

– Баба ты и есть баба, – только и сказал он ей. А поделиться настроением сна все-таки хотелось. Лежа через четыре часа с женой, он и ей

поведал о непонятном сне, но и та осталась к нему равнодушной.

Через неделю на совещании с участием Сталина Тухачевский, улучив минутку, подошел к нему и как бы невзначай спросил, не собирается ли тот вводить погоны. Сталин, как всегда, не торопился с ответом. Он внимательно посмотрел на Тухачевского («подлые желтые глаза», про себя скривился Михаил Николаевич) и, вытянув к нему указательный палец, почти по слогам произнес:

– Господин поручик соскучился по погонам?

Не дожидаясь ответа, Сталин отвернулся от Тухачевского и направился к Щаденко. Михаил Николаевич стоял дурак дураком, проклиная и себя, и этого мерзкого грузина. «Кто меня за язык тянул?», – еще долго вопрошал он себя. Настроение было испорчено надолго. Ни дневной ор на подчиненных, ни вечерние ласки Дорочки не утешили его.

На следующий день он приказал вызвать к себе Жукова.

– Какого Жукова? – спросил его адъютант.

– Ну, этого, как его, который из кавалеристов. Он где сейчас у нас, в Белорусском округе, кажется? Принесите его личное дело! – вдруг резко командовал он.

Вскоре он держал в руках тоненькую папку «Георгий Константинович Жуков». Посмотрев на фотографию, Тухачевский удостоверился – да, это тот самый, хотя во сне был старше и значительнее.

На следующий день Жуков сидел у него в кабинете. Георгий Жуков испытывал сильнейшее волнение, так как ничего не понимал. Вызов к грозному Тухачевскому был настолько неожиданным и беспричинным, что вызывал лишь опасливое беспокойство.

Хозяин кабинета долго смотрел на приезжего и ничего не говорил, а на самом деле ему и нечего было сказать. И от этого он все больше хмурился и сердился.

– Когда вы начали военную службу? – спросил, наконец, Михаил Николаевич.

– В 1915 году.

– До какого чина дослужились?

– Был виц-унтер-офицером.

Все это Тухачевский знал и сам из личного дела Жукова, но что-то ведь надо было спрашивать.

– Когда стали служить в Красной армии?

– В августе 1918-го.

– С какого времени член партии?

– С марта 1919-го.

После этих слов наступило еще более долгое молчание.

– Как вы относитесь к отмене погон?

Было видно, как Жуков растерялся. Он не мог сообразить, о каких погонах идет речь, и Тухачевский это понял.

– Ликвидация погон в Красной армии, после октября 1917 года, – уточнил он.

– Погоны – символ старорежимной армии, чуждой трудящемуся народу.

– А отдание чести? Оно ведь тоже вначале было отменено?

Жуков потерялся вконец. Тухачевский встал из-за стола.

– Можете идти. Отметьте командировку – и сегодня же на место службы.

– Так точно. Разрешите идти?

– Идите.

В то время как счастливый, хотя по-прежнему ничего не понимающий командир кавалерийского полка Георгий Жуков ехал в поезде Москва – Минск и пил у себя в купе чай, Тухачевский все время возвращался к одной и той же мысли: «Почему Жуков?»

– Почему парадом командовал этот Жуков? – не заметив, проговорил он вслух.

– Какой парад, какой Жуков? – произнесла Дорочка.

Но что он ей мог ответить? Тухачевский ничего не сказал и стал делать вид, что слушает ее болтовню. А ночью так же не осознанно он задал вслух еще один вопрос:

– Так с кем же воевала Красная армия, чьи знамена кидали к Мавзолею? (Во сне он это не рассматривал.) Что это было?

Но эти слова никто не услышал. Жена уже спала.

РАСШИРЕНИЕ И СЖАТИЕ

Николай Сергеевич глядел в окно, за которым сгущались сумерки. Он держал чашку чая, но прихлебывал из нее он минут пять назад, не меньше. То ли неприятности на работе, которые сегодня сверх меры накинудись на него, то ли этот неуютный холодный и ветреный вечер, но Николай Сергеевич весь ушел в себя. Хорошо, что его никто не беспокоил – ни жена, ни дети. Он обдумывал мысль, которая уже не первый раз приходила к нему. Он не знал, как к ней относиться, есть ли в ней смысл? Однажды в курилке он поделился ею с коллегами. Он понимал, что говорить надо осторожно, иначе как минимум поднимут на смех.

– Слушайте, я тут в «Науке и жизни» или в «Технике – молодежи», не помню, где точно, прочитал, что у нашей Вселенной могут быть целые циклы расширения и сжатия.

– И?

– Так вот, там автор ставит такой вопрос: будут ли процессы каждый раз проходить одинаково?

– Вероятно, нет, какая разница? Мне бы твои заботы, я вот на «Москвич» коплю.

– Просто интересно. Так вот, я тоже так думаю, что нет, но он пишет, что если количество материи, ну всего, энергия там и прочее остается неизменным, то почему должна быть разница? Большой взрыв, расширение, сжатие, все возвращается к исходному состоянию, а оно такое же, как и до взрыва.

Разговор явно не шел. Выручил звонок жены. В курилку заглянула Ольга Петровна:

– Николай, там тебе жена звонит, иди скорее.

Николай Сергеевич быстро вышел и через полминуты уже говорил по телефону, который был один в их отделе.

Мысль эта возвращалась к нему неоднократно. И чем дальше его жизнь, как ему казалось, заходила в тупик, чем больше, как ему думалось, он делал непоправимых ошибок, тем чаще он рассуждал: «Если все эти «большие взрывы» идентичны, значит, все это уже было, и, возможно, бесконечное число раз. Значит, столько же раз я делал все эти ошибки».

Вот и сейчас он думал об этом: «Круг. Все повторяется. Одни и те же ошибки. Сколько раз я думал вот так, сколько раз сидел вот так с чашкой чая?

Мои ошибки граничат с подлостью – вот что главное! Как бы мне дать себе знак, тому, кто будет вот так же сидеть в новой Вселенной после нового большого взрыва?»

Кто-то из домашних зажег на кухне свет. Николай Сергеевич закрыл глаза. «Чтобы дать себе знать, надо, чтобы этот знак пережил нашу Вселенную, а это невозможно. Выйти за пределы материальной Вселенной, но как?» А ведь тогда бы он мог жить не подлецом.

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Несколько лет в землю не вносился песок, и она стала слипшейся, тяжелой, плохо поддающейся. Пахарь остановился. Он прошел малую часть клина, а силы оставили не только его, но и конягу. Ладно, что хотя бы день был нежаркий, как и все нынешнее лето. Солнце больше угадывалось сквозь облачную пелену, казалось даже, что пойдет дождь. И все равно, домотканая рубаха была мокра насквозь.

Скоро обед. Жена на сносях, и краюху хлеба с квасом принесет старший сынишка. От обеда мысли перешли к тому, что хватит ли ржи до нового урожая, что надо отдавать три пуда, взятых зимой в долг, что выросли подати...

Экран погас. 65483АПТ очень недовольно посмотрел на своего ассистента 456689ВАП и язвительно заметил:

– И это все?

– Дальше не получилось.

– То есть, ты хочешь сказать, что мы потратили наше время, материальные ресурсы (значительные материальные ресурсы!), чтобы получить вот это?

456689ВАП промолчал. 65483АПТ никак не мог успокоиться:

– Наш отдел занимается историей России, я пишу свой научный труд и хочу после этого получить повышение. Наконец мы прибыли сюда, я даже не знаю, сколько эту Землю отделяет от нашей родной 111ААА, отсюда и звёзды-то наши не видны, и максимум, что мы смогли восстановить – вот эту частицу прошлого?!

– Конечно, мало...

– Дело не в том, что мало, а в том, что непонятно, когда это было? Как это атрибутировать хронологически, а? Куда привязать? А без этого цена этого фрагмента (очень дорогостоящего для нас фрагмента!) ноль.

Оба помолчали.

– Ну, 456689ВАП, когда это могло быть, чтобы мне было более понятно, при ком? Правитель кто тогда был, если судить по его образу жизни, по его мыслям? Ну?

– Может быть, это предреволюционные годы, Николай II? Нет, скорее Александр I. Или Алексей Михайлович?

– А может, Иван Грозный?

– Тоже может. Или Иван III. Нет, скорее, я думаю, Владимир Мономах или Ярослав Мудрый. Хотя нет, все же Николай II. Нет, Владимир Мономах. Не знаю, простите меня.

– Ладно, не расстраивайся. Пусть будет Владимир Мономах.

– Вы правы, уважаемый 65483АПТ, какая разница, ничего же не изменилось.

***Юрий БАРАНОВ**, Иркутск. Писатель, военный летчик, подполковник. Председатель Иркутского регионального отделения Союза писателей России.*

СИЛЬВА

Рассказ

Дмитрий Яковлевич просыпался и не мог проснуться. Рассветное солнце тяжелыми яркими бликами давило на веки, вытаскивая из забытья. Но вязкая паутина сна не отпускала. Да и сам Дмитро не торопился вынырнуть из сонного морока с его видениями. Он раз за разом переживал минуты, мгновения того прощания и потери, которому не находил оправдания. Сколько лет прошло, а ничего не стерлось в памяти. Казалось, любая рана заживает, но заживление ее сопровождается мучительно-сладким желанием потрогать, слегка почесать саднящую корочку подсохшей сукровицы. Вот Дмитрий Яковлевич во сне и тербил свою так и не зажившую, вечную рану, с той лишь разницей, что в зыбком мареве сна он мог все изменить и направить в другое русло. Только проснувшись, в очередной раз ощущал, что ничего изменить уже нельзя – жизнь

прожита, как прожита. Словно ветерок прошелся по пшеничному полю, всколыхнул золотую волну и затих, опал, теряя силу, растворившись в прозрачной, солнечной пустоте.

Уже выходя из сна, понимая, что пробуждение неизбежно, он мучительно застонал, пытаясь вернуть тот счастливый, придуманный им финал. Но сон уже лопнул, и его осколки брызгами разлетелись в стороны, освобождая место реальности.

Пока Дмитрий Яковлевич умывался и брился, разглядывая себя в зеркале, он еще раз, словно фрагмент кинофильма, прокрутил в памяти обрывки сна. Из зеркала на него глядел старик: пигментные пятна на висках, глубокие залысины со лба, густая седая грива сзади, глубокие морщины от крыльев носа.

– Э-эх! Глаза б мои не глядели, – хмыкнул он.

Дмитрий Яковлевич перевел взгляд в окно, из которого виднелись залитое солнцем заснеженное поле, далекий лес и сопки, поросшие густой шерстью сосняка. Смотреть на эту картинку было приятнее, чем на себя в зеркале. Пейзаж за окном успокаивал в любую погоду. Поэтому, заваривая чай, Дмитрий Яковлевич нетерпеливо поглядывал в окно, как бы дожидаясь той минуты, когда можно будет исполнить ежеутренний ритуал. Эдакую чайно-пейзажную церемонию. Говорят, что японцы в доме вешают только одну картину, но меняют ее в зависимости от времени года. Для восстановления душевного равновесия, задержавшись на службе, в какой-нибудь конторе, усаживаются они, подогнув ноги на циновке перед картиной, и подолгу смотрят на нее – медитируют. А тут и менять картину не приходится. Она сама меняется в зависимости от того, что за время года на дворе. Заснеженное поле зимой и ранней весной у подножья сопки завораживает не меньше, чем рваные клочья облаков над влажным осенним разноцветьем леса.

С наслаждением прихлебывая ароматный, крепкий чай, Дмитрий Яковлевич открывал в себе невидимые шлюзы, впуская в душу потоки солнечных лучей, отраженных еще не растаявшим ослепительным мартовским снегом. И это жаркое весеннее солнце, и горячий чай из любимого стакана с подстаканником, который жил в его доме с незапамятных времен, успокаивали.

После завтрака, тщательно одевшись, Дмитрий Яковлевич вышел из дома. Он еще не успел открыть двери, как от калитки к нему бросился дворовый пес Гриня, радостно виляя хвостом, подпрыгивая, норовя в прыжке лизнуть хозяина в лицо.

– Ну, не собака, а чисто кенгуру, – нарочито строго проворчал Дмитрий Яковлевич. Однако Гриню погладил приговаривая: «Хороший, хороший пес». Пять лет назад в лютую январскую стужу подобрал Дмитро замерзающего щенка, нарушив закон, данный много лет назад самому себе, – не заводить собак. Щенок подрос и оказался не чистых, но весьма хороших кровей. Вероятно, помесь немецкой овчарки с лайкой. Сторож из прилюдного щена получился знатный. Чужих чуял за версту и начинал злобно лаять, подпрыгивая выше забора, чтобы увидеть того, кто приблизился к охраняемой территории. На улице Луговой, где жил отставной полковник Дейнеко, почти все держали собак.

Народ позажиточней обзаводился кавказцами или среднеазиатскими овчарками, а прочий люд держал на цепи дворян простейшей породы «кабыздох». Так что удивить собакой необычной породы было некого. Но Гриня своими прыжками над забором и яростным лаем вызвал у соседей неподдельный интерес. Не раз у Дмитрия Яковлевича спрашивали: «Это что за порода такая прыгучая?» В ответ он вполне серьезно говорил: «Бабушка у Грини кенгуру была». И молча удалялся. Среди жильцов этого небольшого дачного поселка, проглоченного городом, Дмитрий Яковлевич слыл человеком нелюбимым. Его общение с соседями сводилось к пожеланиям здоровья при встрече и односложным фразам о погоде. Молча ковтырялся полковник в своем огороде. Никогда ни у кого не просил помощи. Вероятно, эта его замкнутость, закрытость, и вызывала особый интерес у дачниц. А лет тридцать назад, когда Дмитрий Яковлевич только поселился на улице Луговой, зачастили к перспективному жениху местные бабоньки. Кто молочка поднесет, кто свежего творогу. Вдовый, по слухам, отставной полковник был бы завидной добычей, попади он в сети перезрелой, намаявшейся без мужской ласки дамы. Мягко, но решительно Дейнеко отвадил сладкоголосых бабочек от своего дома. Никто так и не узнал, что заставило Дмитрия Яковлевича, оставив квартиру дочери, жить в дачном поселке, ставшем теперь окраиной старого сибирского города. Сегодня, для своего возраста, полковник был еще вполне крепок. Правда, как говорил Дмитрий Яковлевич, подводила шаровая опора – коленный сустав правой ноги. Поэтому зимой не рисковал он выходить из дому без трости. Направляясь в сберкассу, Дмитро прихватил пакетик с остатками еды для своих друзей. Всего-то один раз в месяц совершал он свой поход за пенсией, но каждый раз на перекрестке встречали его бездомные собаки, которым приносил по кусочку хлеба, то косточки. Как они узнавали о приближении старого друга, оставалось загадкой. Еще издаля увидел Дейнеко собачью стаю во главе с большим черным псом, которого за седые бакенбарды прозвал Дмитрий Яковлевич Адмиралом. Однажды, слушая по радио передачу о бардах, обрадовался он забавной песенке, слова из которой повторял каждый раз, встречаясь адмиралом:

Мы дружим со слюнявым Адмиралом.

Он был и остается добрым малым...

Компания во главе с Адмиралом была на месте и встретила полковника нетерпеливым повизгиванием.

– Э-эх! – произнес Дмитрий Яковлевич, кряхтя, наклоняясь над талым ноздреватым сугробом у придорожной канавы, чтобы выложить перед дворнягами угощение.

– Э-эх! – крякнул он еще раз, разгибаясь и глядя, как собаки дружно набрасываются на еду. При этом наблюдающий за порядком Адмирал не дает им драться и отталкивать слабых. Что означало «э-эх», Дмитрий Яковлевич и сам не смог бы объяснить. Скорее всего, это был не только глубокомысленный комментарий к физическим усилиям, которые приходится совершать, чтобы нагнуться и разогнуться, но и сожаление по поводу того состояния, до которого люди довели своих братьев меньших.

В сберкассе, против ожидания, народу было немало. Обозначив себя в очереди из четырех человек, Дейнеко хотел было отойти в сторону и присесть. Но его внимание вдруг привлек разговор. Стоявший у самого окошка молодежавый, но уже в солидном возрасте мужичок с седым ежиком, одетый в сине-красный яркий пуховик, повернувшись к соседу, видимо, в продолжение ранее начатого, заговорил, шлепая толстыми губами: «А чего тут ловить? Те же комуняки у власти. Сами хапают, а нам не дают. Вот у меня дед старостой у немцев служил, а отец полицаем. И правильно».

Он обернулся и, золотозубо улыбаясь, общарил-оглядел стоящих за ним людей, как бы ожидая от них одобрения.

– Я и сыну, когда в армию забирали, сказал, чтобы к душманам переходил, потом двигал на запад. Война тогда была в Афгане, – добавил он.

Люди в очереди неловко молчали, словно отгородившись от золотозубого невидимой стеной, которая не спасала от гулко шлепающего комка грязи, в который превращались слова.

Жаркая, красная волна ярости вспыхнула и стала заливать мозг старого полковника, отдаваясь в кончиках пальцев острым покалыванием.

– Сволочь! – Выдохнул Дмитрий Яковлевич, с трудом разлепив онемевшие губы. Надо же, дожид до того, что ублюдок фашистский, не стесняясь, гордится ненавистью к стране, в которой живет. Ну, так катился бы в Штаты или в Германию. Нечего здесь воздух портить.

– Ая и качусь. Вот счетик закрою и свалю за бугор, а вы, победители голозадые, живите, как знаете, – расписываясь на какой-то бумажке, буркнул мужичок и обиженным воробьем запрыгал к выходу.

Разговор этот так разволновал Дмитрия Яковлевича, что он с трудом дождался своей очереди и, сдерживая колотье в груди, долго прицеливался, чтобы расписаться дрожащей рукой в квитанции. Потом сидел на стуле в тесной комнатке сберкассы, зажав в правой руке рукоять трости, прикрыв глаза и уговаривая себя успокоиться. В минуты душевной сумятицы или гнева приучил себя Дейнеко закрывать глаза и слушать гул моторов. Пролетав всю войну штурманом на бомбардировщике Ил-4, почитал он ровный гул движков привычным рабочим звуком, как шум листвы или плеск реки. Гудит, значит живет. Тишина была признаком опасности.

– Вам плохо, дедушка? – Услыхал сквозь красную пелену все еще застилающую сознание. Девичий голос прозвучал флейтой сквозь уходящие грозные облака.

– Ничего-ничего. Спасибо, милая, – пробормотал он. Неловко встал и, стараясь не хромать, зашагал к выходу. На крыльце сберкассы остановился, вдыхая влажный, едва уловимый запах весны. Послушал синичек, звонко распевующих вечную песню «синь – день, синь – день», и направился домой. Осторожно ступая по скользкой тропинке, Дмитрий Яковлевич еще и еще раз вспоминал золотозубого из сберкассы.

– А ведь капля правды в его словах была. Сколько партийных вождей мигом переокрасилось. А сейчас они снова правят нами.

– Но ведь не это главное, – спорил он сам с собой.

– Главное в том, что эта сволочь может слова, пропитанные ненавистью к России, произносить вслух. И никто не останавливает его.

– А ты тоже, нашелся русский! Чистокровный хохол. Потомок запорожских казаков. Дейнекой называли казака, вооруженного дубиной. Тебе-то чего рассуждать о любви к России?

– Да пусть нынешние политики рассуждают, как хотят. Мы от одного корня. Росичи жили на реке Росс, от Киевской земли Русь пошла. И не в том дело, кто кого главнее, а в том, что нельзя нас было разделять. Мы же проросли друг в друга. И все же... Помнится, на боевом курсе над Данцигом, когда нервы были натянуты до предела, осколок зенитного снаряда прошел штурманскую кабину и ранил в бедро. Боли он не почувствовал. Только после сброса бомб и маневрирования среди острых ножей – прожекторов пришла горячая, липкая слабость. А сегодня каждое слово этого недобитка занозой застряло в сердце.

Дмитрий Яковлевич, тяжело опираясь на трость, ковлял по оттаявшей, а от этого еще более скользкой дорожке, разговаривая с собой, совершенно забыв, где он и куда идет. Наткнувшись взглядом на сосну, у которой обычно останавливался передохнуть и которую называл характерным ориентиром, Дмитро остановился. Прижался спиной к теплему телу дерева и подумал: «Что же это происходит с людьми? Почему в сберкассе никто не остановил подлеца?» Он постоял, как бы отогревая себя теплой, золотистой плотью дерева, и зашагал дальше.

Сам того не зная, этот человек раскровянил старую рану, так и не зажившую за десятилетия мирной жизни. Раной этой была Сильва.

В 1940 году окончил Дмитрий Яковлевич Харьковскую школу летчиков – наблюдателей, так тогда называли штурманов, и получил направление в 315-й бомбардировочный полк под Житомир. Получил жилье, привез жену, быстро сошелся с такими же молодыми летчиками и штурманами. Все складывалось отлично. В конце зимы сорок первого года отправил Дмитро жену к родным в Харьков. В конце июня она должна была родить. Летать и служить было спокойней от того, что знаешь: жена под присмотром.

Полковник доковылял наконец до своего дома, вошел во двор, приласкал Грину, на всякий случай погрозил ему пальцем, когда тот, почуяв прохожего, стал подпрыгивать над забором, норovia в верхней точке прыжка зарычать и залаять. Дмитрий Яковлевич давно собирался сложить уже напиленные и нарубленные дрова, да все не до них было. Раньше он саморучно и пилил, и колот их. Работа эта даже была в удовольствии, но теперь сил уже не доставало. Пришлось нанимать заезжих таджиков, коих в последнее время бродило много по городу в поисках заработка.

– Тоже люди, – вздохнул Дмитро. – Жили в единой стране, и все у них было, а теперь скитаются по свету, за гроши соглашаются на самую черную работу.

Не торопясь, он переоделся и, побряхывая,

принялся мастырить поленницу. Однообразное это занятие вернуло к мыслям о начале войны.

Заскучав без жены, напросился лейтенант Дейнеко в гости к своему инструктору по штурманской части Николаю Свириденко. Был Свириденко старше лет на десять и казался в то время Дмитрию Яковлевичу совсем пожилым человеком. Впечатление это усиливалось от того, что носил Николай роскошные длинные усы под Тараса Шевченко, который был его кумиром. Затрепанный томик великого Кобзаря Коля носил всегда с собой и часто к месту и не к месту цитировал любимые строки. Например, после неудачного бомбометания он, став в позу, декламировал своим подопечным: «О, сестры, сестры, горе вам, // Мои голубки молодии...»

Жил Свириденко с женой Галей бездетно. Но была у них немецкая овчарка. Угольно-черная красавица и умница, она, видимо, заменяла им детеныша, которого Галя не могла родить из-за какой-то женской хвори. Звали собаку Агата. Месяцев шесть назад принесла она щенков, которых уже давно разобрали. Однако, как выяснилось, не всех. Когда Дмитро и Свириденко вошли в дом, первыми встретили их Агата с дочерью.

– Вот знакомься, землячке, – сказал Николай. – Покрупней – Агата, а помельче – Сильва.

Пока Галя накрывала на стол, он рассказывал: «Уж не знаю, почему Сильву никто не взял. Смотри, статью и мастью вся в мать пошла. Имя, конечно же, новый хозяин должен давать, но негоже собаке так долго без имени ходить. Помнишь, культпоход у нас был в Житомир? В театре давали «Сильву». Вот мы с Галей и решили нашу девочку Сильвой назвать. Бери брюнетку себе. Не пожалеешь».

– А как же ребенок, когда жена родит? – заикнулся, было Дмитро.

– Ничего ты, хлопче, не понимаешь. Хорошая собака всегда в помощь. И ребенок добрым вырастет, если собака рядом. Сильва, правда, переросток, но тебя она примет и полюбит. У меня, брат, глаз наметанный.

В общем, вышел поздним вечером Дмитро от гостеприимных супругов с собакой Сильвой.

Похрустывал тонкий весенний ледок. Воздух был чист и свеж. И шагал лейтенант Дейнеко домой легко и радостно, представляя себе, как месяца через три выйдет он на прогулку с красавицей Сильвой. Скажет ей: «Рядом», и будет она ловить его взгляд преданными глазами, а прохожие будут восхищаться молодцеватым командиром и его вышколенной овчаркой. Такие вот мальчишеские мысли одолевали в тот вечер Дмитрия Яковлевича.

Но Сильва привывкала к новому хозяину медленно. Возможно, оттого, что взял он ее не трехмесячным щенком, а уже подростком. По ночам скулила, скребла дверь, не давая спать. Но больше всего она не любила оставаться одна. Стоило Дмитрию Яковлевичу выйти из квартиры по своим делам, Сильва устраивала настоящий погром. Она ведь не только разбрасывала вещи.

– А то ведь до чего додумалась! – Даже сейчас, по прошествии стольких лет, Дмитро улыбнулся. Вернувшись однажды с полетов, он застал Сильву догрызающей учебник по астронавигации. Этажерка, на которой стояли книги, лежала на полу, а

вокруг в беспорядке валялись изорванные карты, методички, учебники по штурманскому делу.

– Ах ты паршивка! – еле сдерживая гнев, вымолвил Дмитро, снимая ремень с португеей. Сильва подняла смышленную черную морду, несмотря на грозный тон хозяина, радостно взвизгнула, подбежала к нему и, встав на задние лапы, попыталась лизнуть в лицо. При этом у нее был такой уморительный вид, словно Сильва хотела сказать: «Прости, я просто не знала, что делать, пока тебя не было. А эти бумажки – такая чепуха. У тебя ведь их много».

Гнев прошел, и Дмитро стал разговаривать с овчаркой, как с ребенком. Вечерами он рассказывал Сильве как пахнет степь на Харьковщине, где прошло его детство. Рассказывал о полетах, о премудростях навигации. Ему казалось, что Сильва все понимает, только речи ей Бог не дал. Она стала спокойней и на прогулках послушно шла рядом. По выходным они вместе ходили на почту, где Дмитрий Яковлевич по межгороду звонил матери и жене.

Как-то незаметно бурное цветение весны перешло в лето. Бело-розовые лепестки цветущих яблонь развеял ветер, и нежный аромат вишневых садов сменил запах сочной зеленой травы с горьковатым привкусом полыни.

Боевая подготовка шла своим чередом. На аэродроме появились свежевырытые траншеи, установили спаренные зенитные пулеметы. В курилке и в классах все чаще говорили о предстоящей войне, но в это как-то не хотелось верить. Свириденко отправил жену на лето в Крым, где у него были родственники. Летчик Борис Авилов, в экипаже которого летал Дейнеко, говорил о близком отпуске. В Ленинграде его ждала невеста.

Вечером двадцать первого июня Дмитро с Авиловым возвращались домой из штаба полка. Еще издали услышали они гулкие удары по мячу. На волейбольной площадке, скрытой деревьями, шла спортивная борьба. Борис тут же ускорил шаги.

– Сыграем? – Он задорно взглянул на своего штурмана и уже на ходу стал снимать ремень с португеей.

– Нет, друже, – ответил Дмитро. – Сильва ждет. Она же, как ребенок, сучает.

Дмитрий Яковлевич хорошо помнил, как они с Сильвой гуляли в тот вечер. Бродили по перелескам на окраине военного городка дотемна. А когда появились первые звезды и выпала вечерняя роса, направились домой. Дома он покормил Сильву, выпил чаю и сел писать письмо жене и матери. Макнул перо в чернильницу-непроливашку и вывел первые слова: «Здравствуйте, мамо и моя дорогая жена! Я здоров, чего и вам желаю!» Потом встал, и распахнул окно. Легкий ветерок колыхнул занавеску и принес в комнату запахи влажной земли и зелени. Где-то далеко на горизонте полыхали зарницы приближающейся грозы. Писать письмо расхотелось, и Дмитро, не раздеваясь, прилег на кровать поверх одеяла. Всю ночь он толком не спал, то забываясь в тревожном полусне, то просыпаясь. Время от времени к кровати подходила Сильва, проверяя, на месте ли хозяин. А утром, когда, казалось, уснул, послышался стук в дверь и голос посылного: «Тревога! Товарищ лейтенант!» Схватил

тревожный чемоданчик, где заранее было собрано все необходимое, и выскочил на улицу.

Приехали на аэродром, каждый к своему самолету и стали готовиться к вылету. У всех на уме было одно: неужели война? Хотя поначалу говорили о пропавшем выходном, о сорванной рыбалке. Но чем дальше тянулось время, тем больше томила неопределенность. Наконец приехал комиссар полка. Он и объявил о том, что началась война. Командир приказал отогнать самолеты за аэродромные постройки и тщательно замаскировать, а на стоянку вытянуть давно списанные Р-10 и СБ. Многие недоумевали: неужели немцы не поймут, что это фальшивка. Но, как выяснилось, недооценили замысел командира.

Дмитрий Яковлевич выронил полено и тяжело опустился на лавочку. Руки и ноги налились тяжестью.

– Перекур, – сам себе скомандовал он, хотя табаком никогда не баловался.

Эх! Как же тяжело было сидеть на земле в ожидании приказа, которого все не было.

К вечеру на аэродроме приземлились два истребителя И-16. Летчики рассказывали, что на западе идут ожесточенные бои.

– Мы уже трижды поднимались, трех «юнкеров» завалили, – рассказывал молодой черноглазый пилот. Заправившись, они улетели.

А утром, после завтрака, когда народ расслабленно расхаживал по местам стоянки своих самолетов, над аэродромом появилась восьмерка «юнкеров». Они шли плотным строем так низко, что их заметили, лишь когда фашисты стали набирать высоту для бомбометания. Кто-то крикнул: «Воздух! В укрытие!» И тут же начали рваться бомбы. Кто успел, схоронился в заранее отрытых щелях, кто просто упал в поле. Свириденко, спрятавшись в лесопосадке, пожалел новенькую гимнастерку и не стал падать в мокрую от утренней росы траву. За что и поплатился. Острый маленький осколок прошил ему плечо. Дмитрий Яковлевич не мог понять, как такой мудрый, опытный человек мог подставиться.

Немцев отогнали зенитчики. Оказалось, удар они нанесли по ложной стоянке. А через некоторое время летный состав стали группами отпускать домой собрать вещи, попрощаться и готовиться к перебазированию на другой аэродром.

Дмитро, дождавшись своей очереди, отправился в жилую зону. Семьи к этому времени уже эвакуировали. Ветер гонял между домами обрывки газет.

Валялись игрушки, разбитая мебель. А дома к нему на грудь бросилась Сильва.

Намаявшись за день, Дмитрий Яковлевич готовил себе на ужин нехитрую снедь: яичницу с салом, ржаной хлеб, заваривал чай.

Он и сегодня помнил запах Сильвы, которая, обхватив его лапами, смотрела в глаза, словно спрашивала: «Ну, где ты был так долго?» Потом, когда собирал вещи, она бегала по комнате, не зная, куда девать себя. На глаза попался листок бумаги с недописанным письмом. Дмитро схватил его и сунул в карман, не желая, чтобы к его словам любви прикоснулась чужая рука. Где-то далеко, в другом мире, осталась мать, жена с еще не родившимся ребенком. Он улетит. А что будет с Сильвой?

Не глядя на овчарку, он выскочил на улицу. Уже на стоянке, надевая парашют, увидел несущийся к самолетам черный комок. Она успела и, подбежав к хозяину, прижалась к его ногам, заскулила. Дмитро присел, погладил замшевый нос, потрепал холку и вдруг подумал: «Была не была».

Подхватил Сильву и понес к своему люку.

– Стой! Ты что, рехнулся? – окликнул его Борис. – Мы же не знаем, что с нами будет. Как ты бомбить, стрелять будешь с ней в кабине?

Авилов положил руку на плечо своему штурману и сказал: «Я понимаю тебя, но опомнись. Это война. Сильву ты взять не можешь».

Дмитро прижался щекой к холодному мокрому носу Сильвы и, не оглядываясь, направился к самолету. Последнее, что он видел из взлетающего бомбардировщика, – это бегущая по краю взлетной полосы Сильва.

Сожженный ярким весенним солнцем мартовский день догорал. Дмитрий Яковлевич сидел у окна, прихлебывая чай, и смотрел на сопки, лес, проступающий сквозь пелену сумерек. Старые тени снов, бередящие душу весь этот день, успокаивались. После первых страшных дней войны сколько еще было потерь: сын, родившийся и умерший в оккупации, которого он так и не увидел, Борис Авилов, сгоревший в самолете над Курском. Но Сильва была первой потерей. Она была горем, о котором он стеснялся говорить даже самым близким людям. Дмитрий Яковлевич считал всю жизнь, что предал безгрешную собачью душу.

Он еще долго сидел у окна и смотрел, как сгущается темнота и над горизонтом загораются первые звезды, глядящие из мрака, как собачьи глаза из далекого прошлого.

Николай ЛАРИОНОВ-ЙЕЛМЕЛ, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Чувашской Республики, лауреат премии им. А. Талвира.

ШУРАСЬКА

Рассказ

Пожилой и одинокий дядя Петя живёт в старом домике на краю села. Человек он добрый, отзывчивый. К нему постоянно обращаются односельчане. Руки у него золотые, отменно владеет ремеслом плотника и столяра. Если что, соседи сразу бегут к нему. Нужен инструмент или что-нибудь – никогда не откажет. «Пусть пользуются, работают. Я уже больной, только таким способом могу помочь людям», – говорит он. Дядя Петя инструменты содержит в образцовом порядке, соха – и та всегда готова к работе.

Здоровье у него, действительно, хромает. Он прошёл через пламя Великой Отечественной войны. На фронте был сапёром, вместе с боевыми друзьями препятствовал наступлению врага, а когда шли вперёд свои части, отыскивал вражеские мины, расчищал путь нашим войскам. На войне у него был верный друг – пёс по кличке Казбек. Сколько мин они вместе отыскивали, сколько жизней нашим солдатам спасли! В конце войны, уже при подходе к Берлину, сапёры попали под сильный артиллерийский огонь. Дядя Петя был ранен осколком снаряда, потерял сознание. Когда очнулся, узнал страшную весть: его собака погибла! Так он потерял четвероного друга.

Закончилась война. Дядя Петя вернулся домой. Со здоровьем у него стало не очень хорошо: часто болела голова, временами открывалась рана. Её мазал мазью, перевязывал бинтом. Во время войны ему не раз приходилось мёрзнуть в окопах, преодолевать холодные болота. У фронтовика развился бронхит, поэтому дышать ему было тяжело. Ко всему прочему, вскоре после возвращения домой потерял любимую жену. Как-то она целый день трудилась в поле, и её замучила жажда. Спустилась она в овраг и попила студёной воды из родника. На следующий день её свалил жар, умерла она от воспаления лёгких.

Фронтовик-сапёр остался совсем один на свете, у него не было ни детей, ни близких родственников. Одинокий мужчина частенько вспоминал боевого друга Казбека: «Я вернулся на родину живым, а он навечно остался на чужой земле. Какая умная была собака! Понимал меня с одного взгляда...»

Однажды дядя Петя не выдержал, вышел на улицу и позвал ребят. «Вы не знаете, у кого ошенилась собака? Мне нужен щенок. Принесите его мне, пожалуйста. В долгу не останусь, угощу вкусненьким», – сообщил он.

Прошло немного времени, и ребята принесли ему щенка.

– Дедуля, если нужно, то можем ещё двух принести! – бойко заявили они.

– Хватит и одного. Если будет несколько, то мне, больному человеку, за ними трудно будет ухаживать. Спасибо, вы настоящие молодцы! – похвалил он ребят.

Потом дядя Петя завёл мальчишек домой, налил чаю, угостил мёдом.

Какую кличку выбрать для щенка, он почти не задумывался. Само собой пришло на ум – Шураська.

– У соседей есть собака Хураська, у меня будет Шураська! – воскликнул он радостно.

Детям кличка понравилась. Одинокий человек мечтал, что этот щенок, как и его боевой друг, вырастет умным и храбрым. А то, что во дворе была коза, облегчало задачу по уходу за щенком.

Дядя Петя летом собирал мать-и-мачеху, сушил её, а зимой заваривал из этой травы лечебный чай. Собирал он и другие лекарственные травы. Собака ходила за ним, как привязанная. А он был очень рад, что у него появился верный друг.

– Шураська для меня – полжизни! Не представляю, как бы я жил, если бы её не было, – постоянно говорил он соседям, похваливая собаку.

Прошло два года. Собака выросла умной и толковой, как и мечтал хозяин. Научилась встречать своих овец и козу с козлятами. Она дожидалась стада, когда овцы и козы шли к дому, подгоняла их к воротам.

...Двенадцать лет так дружно прожили дядя Петя и Шураська. Со временем расшатанное на войне здоровье старого фронтовика стало сдавать всё сильнее, у него начались сердечные боли. На столе постоянно лежала целая куча лекарств. Собака тоже была не шустрая, как раньше, она также заметно постарела.

Однажды осенью дядя Петя решил навестить своего товарища Тимахви, который жил на другом конце улицы. Чтобы заварить вкусный чай, он взял с собой лекарственные травы.

При выходе из дома дядя Петя увидел соседа Осипа.

– Дойду-ка до Тимахви, давно я его не видел, – сообщил ему дядя Петя.

Собака, как всегда, сопровождала хозяина. Когда тот вошёл в дом Тимахви, Шураська осталась на улице, легла перед сенями.

Долго вспоминали товарищи своё детство и молодость за травяным чаем. Перед глазами дяди Пети промелькнули трудные времена, которые до сих пор тревожат душу: раннее сиротство, тяжёлый

труд с утра до ночи за кусок хлеба, страшные военные годы, безвременный уход из жизни супруги... Сам не заметил, как прослезился. Старый фронтовик почувствовал острую боль в сердце, поэтому тихонько стал собираться домой.

Он попрощался с приятелем, вышел из дома, приласкал собаку, которая ждала его на улице.

– Пошли, дружок. Что-то защемило сердце, надо скорее дойти до дома. Вот приму лекарство – и всё пройдёт, – сказал он тихим голосом.

По дороге домой дядя Петя почувствовал, что силы его покидают. Вскоре его начало шатать из стороны в сторону, ноги перестали держать. Он остановился, постоял на месте, затем медленно зашагал вперёд. А собака в темноте бежит впереди и показывает хозяину дорогу, иногда оглядывается, мол, пойдём быстрее. До дома осталось немного – надо пройти всего три огорода. Но грудь старика пронзила сильная резь, у него потемнело в глазах. Он вновь остановился, чтобы перевести дыхание. В этот момент старик почувствовал, что силы оставляют его, руки-ноги немеют. И дядя Петя рухнул на землю.

Собака сразу же подбежала к хозяину и стала лизать его лицо. Старик даже не шелохнулся. Шураська стала метаться, тревожно скулить. Бесполезно – хозяин не очнулся. Поднялся прохладный ветер, и вдруг дядю Петю начало трясти.

Шураська совсем замаялась, потом стремглав побежала к своему дому. Но поняла, что там никого нет, поэтому свернула к соседям и звонко залаяла перед их окном. Услышав её лай, подала голос и собака соседней. Её поддержали своим лаем и другие собаки, живущие поблизости. Услышав многоголось лай, Осип вышел на улицу. Он сразу узнал собаку соседа.

«Почему же она лает перед нашим домом?» – промелькнуло в голове. Затем он заметил, что свет в доме Пети не горит.

«Сказал, что идёт к приятелю, неужели по дороге что-нибудь случилось?» – закралась недобрая мысль.

Он зашёл домой и позвал двух сыновей. А собака всё бегала взад-вперёд перед их домом. Явно звала за собой.

– Надо идти за собакой. Мне кажется, случилось что-то неладное, – сказал Осип.

Шураська добежала до лежащего на земле хозяина и громко залаяла, указывая место в темноте.

Сыновья Осипа подняли дядю Петю, взяли его с двух сторон и доставили домой. Уложили больного на кровать и помчались за фельдшером. Тот быстро прибежал, сразу измерил давление и дал лекарство. Немного погодя дядя Петя пришёл в себя, ему стало легче, и он тихо заговорил. Когда осознал, что с ним случилось, его глаза наполнились слезами.

За больным человеком две недели ухаживали добрые соседи: кормили, поили. Один раз в день он ненадолго выходил во двор к своей собаке.

И вот, когда он в очередной раз вышел на крыльцо, позвал к себе четвероного друга, приласкал и тихим голосом заговорил:

– Ох, Шураська... Мы в этой жизни никому ведь не нужны... Немало прожили вместе, всегда понимали друг друга. Ты меня спасла от смерти. Сбежала за соседями, продлила мне жизнь. Если бы не ты, мой век был бы короче. Я, как мог, ухаживал за тобой. Но мои дни уже сочтены. С таким здоровьем долго не протяну. Сейчас переживаю не за себя, а за тебя, мой друг. Боюсь, что умру раньше тебя, и ты останешься на свете одна. Будешь ходить по дворам... Но кто приласкает тебя, как я, кто накормит? Кто будет звать так же ласково, как я? Придётся тебе бродить по деревне в поисках еды... Есть злые люди, они будут кидать в тебя чем попало. Сейчас времена суровые, частенько человек человека не жалеет, а кто же сжалится над бездомной собакой? Душа болит от этих мрачных мыслей... Сердце разрывается...

Собака слушала хозяина внимательно и безмолвно.

Старик хотел подняться, но ноги не слушались. Вдруг он схватился за сердце, пошатнулся, повалился на ступеньку крыльца. Шураська сразу сообразила, в чём дело, пролезла под воротами, побежала к дому Осипа. И стала громко лаять в их окно...

Скоро пришли соседи и пригласили фельдшера. Когда фельдшер заходил в дом, Шураська лежала у ворот. Вскоре в доме собрались и остальные соседи. Они разговаривали шёпотом и жалели одинокого человека.

В это время на улице послышался шум мотора проезжающей автомашины. И вдруг все услышали громкий визг собаки! Этот визг, как ножом, ударил в сердце больного дяди Пети.

– Это же Шураська... Что с ней? – спросил он тихим голосом.

Все побежали к окну. Под автомобилем неподвижно лежала собака.

В дом вошёл испуганный шофёр с белым, как мел, лицом.

– Шураська была на улице... И вдруг внезапно кинулась прямо под колёса! – растерянно проговорил он.

Услышав эти слова, дядя Петя очень расстроился.

– Мы с ней уже говорили о жизни... Она, видимо, почувствовала, что ждёт её впереди. Я теперь уже ничего не боюсь... – сказал он тихо.

Дядя Петя и не пытался подняться с постели. Ближе к вечеру его сердце остановилось...

*Алла ДРОЗДОВА, заведующая городской библиотекой №22
имени М.Ю. Лермонтова.*

ЛЮБИТЬ, ПРОЩАТЬ, БЛАГОДАРИТЬ СВОИХ ПРЕДКОВ

Презентация книги Н.В. Добрянской и Т.В. Лотоцкой
«Предки вещают...»

Очередное заседание в литературном клубе «Открытая книга», прошедшее в конце октября 2021 года, было, как и полагается в Год книги, знаменательным. Читатели библиотеки №22 им. М.Ю. Лермонтова, её пользователи стали участниками презентации новой книги ульяновских авторов – Нинели Васильевны Добрянской и Татьяны Владимировны Лотоцкой.

Так сложилось в текущем году, что предметом читательского внимания в литературном клубе была поэзия: представлялись новые сборники стихотворений, готовились и проводились встречи с поэтами. Октябрьское же заседание задумывалось посвятить историческому роману, что подогрело интерес: среди постоянных членов клуба в тот вечер были замечены и новые лица.

Книга Н. Добрянской и Т. Лотоцкой вышла в издательстве Александра Васильевича Качалина. «Предки вещают...» – нетрудно догадаться, что она посвящается предкам соавторов: Нинели Добрянской и её дочери Татьяны Лотоцкой. В ней авторы рассказали о соединении судеб своих родных с историческими

Татьяна Лотоцкая и Нинель Добрянская

лицами, представителями княжеского рода Голицыных, императора Николая II, императрицы Александры Федоровны и их детей. Действие романа начинается в 1913 году, заканчивается нашим временем, а происходит то в Малороссии, то в Москве, то в Петербурге.

Как признались авторы книги, они единодушно взяли эпиграфом к роману замечательные строки А.С. Пушкина:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А вот путь к книге у каждого из соавторов свой.

Идея записать историю своих предков у Татьяны Владимировны Лотоцкой уходит в детство. Тогда, близко к сердцу принимая мучения девочки Козетты из романа В. Гюго «Отверженные», маленькая Таня обливалась слезами. Её бабушка, успокаивая, говорила о жизненных сложностях, которые предстоит преодолеть каждому, и рассказывала о своей трудной жизни. Ещё тогда Таня пообещала

записать услышанное. Став взрослой, она делала попытки записей в стихотворной форме, от которой со временем отказалась. Задача же рассказать о своих родных через призму истории страны постепенно переросла по ощущению Татьяны Лотоцкой в миссию – историческую и просветительскую.

Написать роман о жизни предшествующих поколений своего рода мечтала и Нинель Васильевна Добрянская. Ей мешал страх: сможет ли, хватит ли сил? В какой-то момент пришло решение объединить усилия и выполнить задуманное. Вспомнившая рассказы родителей, дедов, прадедов, обращаясь к энциклопедическим изданиям, работам специалиста по истории России А.Н. Боханова, авторы два года неустанно, с большим желанием трудились над своей книгой.

По словам Татьяны Лотоцкой, она и её мама полностью разделяют понимание истории философа и культуролога Г. Померанца: «Историю надо принять, вынести и просветить, наполнив новым духом неизгладимые старые шрамы».

Татьяна Владимировна заметила, что на каждом из нас лежит ответ истории, и подчеркнула: «Для нас, русских людей, важно христианское её понимание: знать, любить, прощать и благодарить предков».

Гражданское мужество, трудолюбие и искренность авторов не могли не тронуть слушателей и, конечно же, тех, кто уже успел прочитать роман. Со словами благодарности за книгу выступили ульяновский поэт Ирина Николаевна Ротова, читатели библиотеки Татьяна Анатольевна Жуляева, Раиса Степановна Ростова. Подарком для всех участников вечера стало выступление поэта и музыканта Сергея Грибанова, который исполнил под гитару песни на стихи Татьяны Лотоцкой и на стихи собственного сочинения.

Председатель Ульяновской организации Российского Союза профессиональных литераторов Надежда Ивановна Малышева, поблагодарив авторов за огромный труд, пожелала им крепкого здоровья и новых творческих высот.

Владимир ВОРОБЬЁВ родился 21 июня 1945 г. в селе Старое Погорелово Вешкаймского района. Окончил местную семилетку, Бекетовскую среднюю школу, Ульяновский пединститут (отделение истории). С 1970 г. живёт в Майнском районе. Работал в школах, районных партийных и советских органах. Учитель истории высшей категории, отличник просвещения России.

Около 60 лет занимается краеведением, опубликовал более 300 статей и очерков. Автор 10 книг: «Чапанная война в Симбирской губернии» (2008 г.), «Школы Симбирского края, открытые и построенные при И.Н. Ульянове» (2008 г.), «Этих дней не смолкнет слава» (2010 г.), «Страницы истории Майнского района Ульяновской области» (2011 г.), «Школы Симбирской губернии, которые посещал И.Н. Ульянов» (2012 г.), «Селения Майнского района Ульяновской области», 2-е издание, исправленное и дополненное (2013 г.) и других.

Один из авторов книг «Край Ильича. Памятные места» (1980, 1985 гг.) и двухтомной «Ульяновской-Симбирской энциклопедии» (2000, 2004 гг.). Руководитель рабочих групп по подготовке мемориальных областных книг «Солдаты Победы», «Солдаты трудового фронта» и «Дети войны» по Майнскому району. По инициативе В.К. Воробьева создан районный краеведческий музей в Майне, ежегодно проводится День Майны.

Лауреат премии районной газеты «Ленинец» (1998 г.), областной премии «За заслуги в области региональной историографии» (2012 г.), «Человек года» Майнского района (2008 г.).

В 2021 году вышла книга Владимира Воробьева «Наш родной Вешкаймский край». Автор с большой любовью пишет о своей малой родине. Книга посвящена супруге автора Валентине Николаевне Воробьевой, которая была учителем русского языка и литературы. В этом году ее не стало...

НАШ РОДНОЙ ВЕШКАЙМСКИЙ КРАЙ

Страницы истории селений Вешкаймского района Ульяновской области

ОТ АВТОРА

Малая родина, милый сердцу родной отчий край... Таким местом для человека может быть и известный всему миру многомиллионный город, и крупное современное село, и небольшая железнодорожная станция, и затерявшаяся среди полей и лесов деревенька, и неприметный, крохотный посёлок в несколько дворов, который и на карте-то местной не найдешь. Всё, что есть у человека светлого и откровенного, всё, что он свято чтит и помнит, бережёт всю свою жизнь и передаёт по наследству детям, – это его малая родина, его исторические корни. А малая родина тысячами видимых и невидимых нитей неразрывно связана с нашим Отечеством.

Таким местом, бесконечно дорогим и близким, являются для нас сёла, посёлки и деревни нашего Вешкаймского района – маленькой частички великой России.

Откуда есть пошла Вешкаймская земля? О далёком прошлом района сведений почти нет, поскольку раскопки археологов на его территории (за исключением сёл Архангельское Куроедово и Ховрино) не проводились. Следы пребывания древнего человека здесь появились в период бронзового века (II–I тыс. до нашей эры), когда по берегам рек Барыш, Карсунка, Вешкайма, Стемасс и других жили племена срубной культуры. Позднее на реке Туарме находился «крайний на востоке пограничный отряд (сторожа)».

Согласно росписи мещёрских сторожей 1571 г., «первая сторожа на речке на Карсанаевой (так зывалась река Карсунка. – В.В.). Карсанаева речка впала в Барыш, а Барыш впал в реку Суру... а сторожем на ней быти из Олатыря шти (шести. – В.В.) человеком... а переезжати им вниз по речке Карсанаевой до речки Барыша, проезду вёрст с пятнадцать; а на другую сторону переезжати вверх реки Карсанаевы до большого до Сурского лесу; проезду вёрст с пятнадцать». Следы пребывания древних людей хранятся и в нескольких курганных группах, расположенных на территории района. До середины XVII века никаких населенных пунктов в границах нынешнего Вешкаймского района еще не существовало. Его постепенное освоение и заселение началось с середины XVII в., со времени построения Карсунской укрепленной пограничной линии. Так как она

положила начало истории района, скажем о ней несколько слов.

Карсунская линия была возведена в 1647 году по указу царя Алексея Михайловича стольником и воеводой Б.М. Хитрово. На 53 верстах «меж реки Барыш и реки Суры для береженья от татарских приходов» построили 3 города-крепости – Карсун, Малый Карсун (Старое Погорелово), Тальск и 4 острога – Сокольский, Тальский, Аргащский и Сурский.

На открытых степных местах городки и остроги соединялись высоким земляным валом, до 7 метров шириной и до

5 высотой, и глубоким земляным рвом с водой глубиной до 6 метров и шириной до 5, а в лесах устраивались из деревьев завалы шириной до 200 метров. Через каждые 500 метров на «черте» выстраивались в сторону степи трех- и четырехугольные выступы с высокими наблюдательными вышками для круглосуточного дежурства ратных людей. Возводили это мощное военно-инженерное сооружение крестьяне и ремесленники из селений Курмышского, Алатырского и Ядринского уездов. Строить военный рубеж из-за набегов кочевников было довольно опасным делом, поэтому строители вооружались не только топорами, вилами и лопатами, но и самопалами, луками, пиками, рогатинами – «кто что имеет».

После завершения строительства Карсунской линии в ее городки и остроги из селений Курмышского уезда (ныне – Нижегородской области) «на вечное житье» были переведены «с женами и с детьми и со всеми их животы» служилые люди – стрельцы, казаки, пушкари. Каждому отводилось по 7 и более десятин пашни и покосов, «смотря по людям, кому сколько мочно», выдавалось из казны жалованье. На новых местах служилые люди охраняли пограничную линию, строили дома, разрабатывали земельные участки, занимались ремеслами, промыслами, бортничеством.

В 1648–1654 гг. Карсунская черта была продолжена до Волги, на ней встали города-крепости Симбирск и Юшанск, Тагай и Урень.

Так на карте района появились первые населенные пункты: город-крепость Малый Карсун (Старое Погорелово) и приписанный к нему Сокольский острог (бывшая деревня Соколка) – одни из первых русских поселений в Ульяновской области. Во второй половине и в конце XVII в. на внешней

(татарской) стороне Карсунской линии в «диком поле» как солдатские дозорные слободы возникли нынешние селения Вешкайма и Красный Бор, Чуфарово и Белый Ключ. Тогда же «за валом» были заселены помещичьи села Бекетовка и Ховрино, Беклемишево и Ермоловка, Зимненки и Вырыпаевка, Безводовка и Канабеевка, Криуши и другие. На новых чернозёмных местах с бескрайними полями, лесами и лугами, со многими реками и ключами, с обилием дичи и рыбы охотно селились беглые крепостные крестьяне и гулящие, «вольные люди», а также ремесленники и торговцы. Рядом с русскими людьми жили чувашаи, мордва и татары.

Привольно жилось на благодатной Вешкаймской земле Хованским и Родионовым, Мятлевым и Бекетовым, Ермоловым и Морозовым, Топорниным и Сабаниным, Чуфаровым и Анненковым, Фредериксам и Герасимовым и многим другим помещикам, князьям, боярам и баринам – владельцам многих тысяч десятин земли и лесов, крепостных крестьян и дворовых людей. Именно потому, что жилось им привольно, бесправной и беспросветной была жизнь, как и повсюду в России, трудового населения района. Именно поэтому вешкаймцы веками боролись за лучшую долю, землю и волю, активно участвуя в крестьянских войнах под предводительством С.Т. Разина, Е.И. Пугачёва, в Чапанной войне, в крестьянском движении пореформенного периода и в годы Первой русской революции.

Много трудностей жителям района принес век минувший, двадцатый. Войны и революции, реквизиции и продразверстка, голод и разруха, различные эпидемии и массовые политические репрессии, непредсказуемые перестройки, реформы, радиационное заражение местности в высшей степени отрицательно сказались на общей численности населения района и уровне жизни. Только на фронтах Великой Отечественной войны погибли более 5 тысяч вешкаймцев, или каждый третий из её участников, а жертвами незаконных политических репрессий стали свыше 627 человек.

Сравнивая численность населения Вешкаймского района за последние 150 лет, приходишь к выводу: сначала наблюдался его естественный прирост, затем катастрофическое сокращение. Так, за 54 года (с 1859 г. по 1913 г.) оно увеличилось с 37411 до 43277 человек, или возросло на 5866 человек, а число населенных пунктов – с 48 до 54. За 100 лет (с 1913 г. по 2013 г.) население в районе уменьшилось на 24790 человек (с 43277 до 17487), или ежегодно сокращалось в среднем на 248 человек (число селений уменьшилось с 54 до 33).

А что принесет жителям района век двадцать первый? Новые трудности и разочарования или стабилизацию, возрождение и дальнейшее развитие? Хочется верить в лучшее.

Неистребима вера земляков в лучшую жизнь, достойную человека, и они своим повседневным добросовестным трудом ее приближают.

Вешкаймцы по праву гордятся трудовыми и боевыми подвигами и свершениями своих земляков. В районе родились 9 Героев Советского Союза, 5 Героев Социалистического Труда, 2 полных кавалера ордена Славы, сотни передовиков и новаторов производства. Крепостной художник И.М. Горбунов,

заслуженная артистка РСФСР П.Н. Кушманцева, лауреат Государственной премии СССР Н.Н. Борисов, довольно большая группа крупных ученых и генералов, других видных людей – они тоже родились и жили на нашей земле.

Здесь бывали легендарные полководцы М.Н. Тухачевский и Г.Д. Гай, видные русские писатели А.Н. Толстой и Н.Г. Гарин-Михайловский, В.Н. Назарьев и Г.П. Потанин, Скиталец (С.Г. Петров) и А.М. Дунаевский, поэты пушкинского окружения И.П. Мятлев и Н.М. Языков, отец и сын Д.И. и Д.Д. Минаевы, известные писатели И.Н. Юркин и В.С. Орлов, Н.В. Нарышкин и Рябинин (Н.Р. Сидоров). Имеют свои книги прозы и стихов вешкаймцы М.Ф. Кошкин и Т.Ф. Аверьянов, Н.А. Троицкий и В.П. Трошин, В.Н. Кузнецов и В.А. Криминский, М.А. Чеботаев и В.И. Патяев, А.В. Фошин и Л.Н. Сафиуллина, Ю.Б. Лощенина и М.Н. Шоржина-Зинкевич, краеведы А.Ф. Макеев и П.Д. Дорогойченко. Во многих сёлах района побывали видные деятели народного просвещения И.Н. Ульянов и А.А. Красев, В.М. Стржалковский и В.И. Фармаковский, И.В. Ишерский и А.И. Червяковский. В с. Вешкайма с произведениями искусства работали московский скульптор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии С.Т. Конёнков и художники Макаровы (один из них стал академиком живописи). Во многих других селениях трудились на пользу науки автор двухтомного труда о Симбирской губернии – генерал-майор российского Генштаба А.О. Липинский и автор монографий о лугах Ульяновской области – член-корреспондент АН СССР ботаник А.П. Шейников.

В районе станций Чуфарово и Майна родилась знаменитая Симбирская Железная дивизия. Здесь возникли одни из первых в области коммуны и кооперативы, МТС и ТОЗ, колхозы и совхозы, избы-читальни и народные дома. Во многих селах района (в некоторых из них – неоднократно) на традиционных днях открытого письма и различных совещаниях побывали глава областной администрации Ю.Ф. Горячев, губернаторы Ульяновской области В.А. Шаманов и С.И. Морозов, много сделавшие для развития экономики, культуры и социальной сферы района.

Вешкаймцы живо интересуются событиями в стране, прошлым своего родного края. К сожалению, история района очень слабо изучена. О многих его селах и деревнях в краеведческой литературе нет совершенно никаких сведений. Нет и обобщающей работы по истории района, необходимость в которой особенно велика.

Много лет собирая сведения и изучая историю родного Вешкаймского края, автор подготовил эту работу. Книга имеет в основном справочный характер.

Много фактического материала взято из трудов симбирян Н.И. Баженова, А.Н. Зерцалова, В.Э. Красовского, П.Л. Мартынова, Д. Троицкого, И.Н. Ульянова, В. Холмогорова, А.И. Червяковского, А.О. Липинского, из книг ульяновских ученых В.Ф. Барашкова, М.А. Гнутова и Н.А. Кузминского, из работ краеведов П.Д. Дорогойченко, Ю.В. Панкова, А.И. Сметанина, из исследований краеведов области А.М. Авдониной, А.Н. Блохинцева, Ф.А. Галимова,

А.Ф. Макеева, К.А. Селиванова, А.Ф. Соловьёва, из очерков и публикаций журналистов В. Никитина, Н. Сазонова, Ф. Каширина, Ю. Агеева, Л. Грачёвой, Л. Салиной, А. Чашиной, А. Дороднова и других, опубликованных в районной газете «Путь Октября» («Вешкаймские вести»).

В книге широко использовалась краеведческая, справочная и мемуарная литература Ульяновского дворца книги имени В.И. Ленина, документы и материалы Ульяновского облгосархива и Госархива новейшей истории Ульяновской области, публикации губернской и областной периодической печати, статистический материал, воспоминания современников.

Также использовались сведения из уникальной книги «Родства связующая нить... (Очерки о семьях земли Вешкаймской)» (попутно отметим: подобных изданий во многих других районах области нет).

В книге впервые в алфавитном порядке и хронологической последовательности приводятся краткие, энциклопедически сжатые и собранные воедино сведения по истории всех 34 нынешних и 23 исчезнувших селений Вешкаймского района. Большая часть включённых в неё имён, фактов и событий вводится в научный оборот впервые.

В книгу не вошли многочисленные уникальные документы о первоначальном периоде исторического прошлого селений района XVI–XIX веков из фондов Российского государственного архива древних актов (РГА-ДА, г. Москва): всевозможные писцовые, переписные и ландратские книги, ревизские сказки и материалы генеральных межеваний и другие. Эти ценнейшие письменные источники, по словам работавшего с ними доктора исторических наук УлГПУ Е.А. Бурдина, позволяют «по сути дела написать заново историю многих сёл и деревень» бывшей Симбирской губернии (и Вешкаймского района, добавим мы). Какая интересная книга по ранней истории района получилась бы на основе неизвестных пока нам документов!

Автор считает, что его книга – по большому счёту лишь первый шаг в изучении истории малой родины.

В ней больше внимания уделено историческому прошлому сёл, деревень и посёлков района и меньше – их сегодняшнему дню. Это можно объяснить тем, что о некоторых из них собрано недостаточно сведений. К тому же сегодняшний день – это своеобразная «раскрытая книга», прочитать и понять которую по-своему может каждый желающий. Прав поэт-классик, писавший, что «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Впрочем, рыночные реформы уже привели к

непредсказуемым последствиям. Банкротство многих предприятий и организаций, массовая безработица, беспредельные скачки цен и тарифов, оптимизация учреждений образования, культуры и медицины, подмена человеческих ценностей культом денег и насилия, рост преступности и чиновничьего бюрократизма уже сказались на деградации общества, обнищании населения и вымирании селений.

Книга адресована широкому кругу читателей. Её материал можно использовать на уроках, во внеклассной и внешкольной работе, при подготовке бесед и рефератов, викторин и тематических вечеров, при оформлении альбомов и экспозиций музеев. В какой степени удалась работа – судить читателям.

Автор убеждён, что знание истории малой родины не только расширяет кругозор, но и способствует более осмысленному и глубокому изучению истории Отечества, а историческое прошлое России становится более близким и понятным, когда знаешь местную историю. Это взаимосвязано и неотделимо друг от друга.

Книга нуждается в дальнейшем совершенствовании, дополнении новыми, неизвестными сведениями. Да простит автора читатель за то, что в ней названы не все достойные земляки. Это объясняется, с одной стороны, недостатком или отсутствием информации о таких людях, а с другой – невозможностью рассказать о каждом из них в жанре короткого исторического описания селений.

Для сохранения и знания своей истории нужна не одна книга, и прежде всего нужна «Энциклопедия Вешкаймского района», подготовленная и изданная общими усилиями местной власти и общественности.

Автор признателен всем, кто предоставил необходимый материал для книги или оказал поддержку при её подготовке к изданию: главе администрации муниципального образования «Вешкаймский район» Татьяне Николаевне Стельмах, первому заместителю главы районной администрации Алексею Викторовичу Марунину, бывшему директору Вешкаймской средней школы №2 – лицея УлГТУ, помощнику губернатора Ульяновской области по Вешкаймскому району Николаю Ивановичу Кузнецову, краеведам Н.А. Кузминскому и А.И. Сметанину, директору районного историко-краеведческого музея В.А. Коптилкиной, учителям Т.С. Лисовой из с. Бекетовка и Г.В. Аладиной из п. Залесный.

Особую благодарность автор выражает известному ульяновскому журналисту Сергею Александровичу Давыдову за помощь в издании этой книги и директору издательского дома «Ульяновская правда» Алексею Владимировичу Шишову за предоставленные фотографии.

ЮБИЛЕИ

Маргарита СМЕРНОВА

СОЗВЕЗДИЕ НАРОДНЫХ МАСТЕРОВ

В декабре 2021 года исполнилось 30 лет со дня основания Музея народного творчества.

Музей народного творчества был открыт в 1991 году в Ульяновске в бывшем доме А.С. Прибыловской, здание которого расположено в историческом центре города и входит в архитектурный комплекс Ленинского мемориала.

С 2017 года Музей временно располагается во Дворце дружбы народов «Губернаторский» (в связи с ремонтно-реставрационными работами на территории Ленинского мемориала).

Музей народного творчества – негосударственный музей, который является филиалом Центра народной культуры Ульяновской области.

Основу музейной коллекции составляет творчество народных художников и мастеров Ульяновской области. Фонды музея народного творчества насчитывают более 1000 ед. хранения.

Создание этого уникального музея – знак признания таланта народных художников и мастеров Ульяновской области.

Традиционное народное искусство в коллекции музея представлено образцами крестьянского

искусства (домотканые полотенца, плетение из лыка) и художественных промыслов Симбирской губернии – Ульяновской области. Видное место в экспозиции отведено художественной обработке дерева, лозы, местного минерала, названного в честь города Симбирска, – симбирцита, тканым и вышитым изделиям. Целый раздел посвящён гончарному ремеслу. Это и бытовые изделия старинного гончарного промысла с. Сухой Карсун (ныне Карсунского района) и «выставочные» работы творческой мастерской «Керамос» г. Ульяновска.

Самодельное декоративно-прикладное искусство представлено работами современных мастеров, многие из которых отличаются самобытностью и близостью к народным истокам (глиняные игрушки, щепная игрушка, вышивка, ситцевая мозаика, резьба по дереву).

Наиболее ценную и значимую часть коллекции музея составляют произведения художников «наивного направления» в искусстве: М. Двугрошева, К. Медведевой, П. Картюкова, Н. Козырина,

Е. Фофанова. Их работы нашли признание, демонстрировались на престижных выставках, хранятся в коллекциях многих музеев страны. Их имена вошли в каталог Российской энциклопедии народного искусства.

В Музее народного творчества наиболее ярко представлена коллекция изделий из глины народных мастеров-игрушечников России и Узбекистана из частных собраний В.И. Колмыкова (Саранск), В.Ф. Шевченко (Ульяновск). Среди авторов коллекции такие знаменитые имена, как У. Бабкина (Каргополь), А. Трифонова (д. Хлуднево). Глиняная игрушка представлена такими центрами, как Абашево, Курск, Хлуднево, Филимоново, Каргополь, Тверь, Дымково, Романово.

Хранится в музее и коллекция глиняной игрушки ульяновских мастеров: Одиноква Владимира, Асафьевой Надежды, Деева Александра. Игрушка этих мастеров вобрала в себя черты народной традиции и авторского стиля.

В фондах музея собраны изделия гончарного промысла с. Сухой Карсун Карсунского района Ульяновской области (мастера Медведева Л.В., Андреев А.Ф., Кузин М.Г.). Сухокарсунские мастера изготавливали квашенки, горшки, корчаги, сковороды – «жарехи», рукомойки, балакири (крынки для молока оригинальной формы – с низким туловом и узкой горловиной), кувшины, тарелки, тазы, печные трубы. Изделия ныне исчезающего гончарного промысла села Сухой Карсун признаны уникальными.

В фондах музея – коллекция щепной федосеевской народной игрушки Нижегородской губернии

(Кокурин З.Р., Егоров С.В.). Федосеевская деревянная игрушка представлена тридцатью экспонатами.

Музей хранит коллекцию вышитых панно мастера из Н. Майны Мелекесского района Ульяновской области Тамары Теленковой. Основная тема произведений Тамары Теленковой – сказки. Она создает панно и по мотивам русских народных сказок «Сестрица Аленушка», «Морозко», и по мотивам сказок С.Т. Аксакова «Аленький цветочек», Г.Х. Андерсена «Снежная королева», «Дикие лебеди» и др.

Широкому кругу специалистов и ценителей «наивного» искусства известно имя ульяновского художника-самоучки Петра Семеновича Картюкова (1925–2001), ветерана войны и труда, заслуженного работника культуры Чувашии. Коллекция его картин хранится в музее.

Важную часть музейной работы составляет выставочная деятельность. За 30 лет в музее организованы и проведены сотни выставок ульяновских художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, что является несомненной поддержкой талантливых ульяновских авторов, позволяет открывать новые имена в искусстве и способствует формированию уникальной коллекции народного творчества Ульяновской области.

Собрание Музея народного творчества удачно дополняет экспозиции других музеев города, рассказывает о богатстве и своеобразии местных художественных традиций и их развитии в наши дни, демонстрирует неиссякаемый талант, выдумку и мастерство наших современников.

Ссылки на официальные страницы:

Музей народного творчества

Центр народной культуры Ульяновской области

РЕМЕСЛО ПРЕВРАЩАЯ В ИСКУССТВО

К юбилею музея народного творчества

Заведующий музея народного творчества
Маргарита Смирнова (справа) с рукодельницей
Татьяной Кораблевой.

Мастер-класс по войлоковалянию

Мастер-класс по росписи ведёт Мария Винокурова

Мастер-класс по гончарству

Мастер по точению С.А. Клевогин со студентами

Н.Н. Акимова. Декор. панно по мотивам женского городского костюма XIX века (г. Сенгилей, Симбирская губерния)

А.И. Деев. Лесовик и ворона

Н.Н. Акимова. Декор. панно по мотивам русского народного костюма Симбирской губернии

Маргарита Смирнова.
За Русь святую!

Ольга Вуколова (г. Димитровград). Птица

Т.Н. Теленкова.
Дикие лебеди

А.В. Киселев. Черемшанский залив

Н. Козырин. Утро. Прибалтика

УЧИТЬ ДОБРУ И КРАСОТЕ

К юбилею детской художественной школы

Преподаватель О. Козак

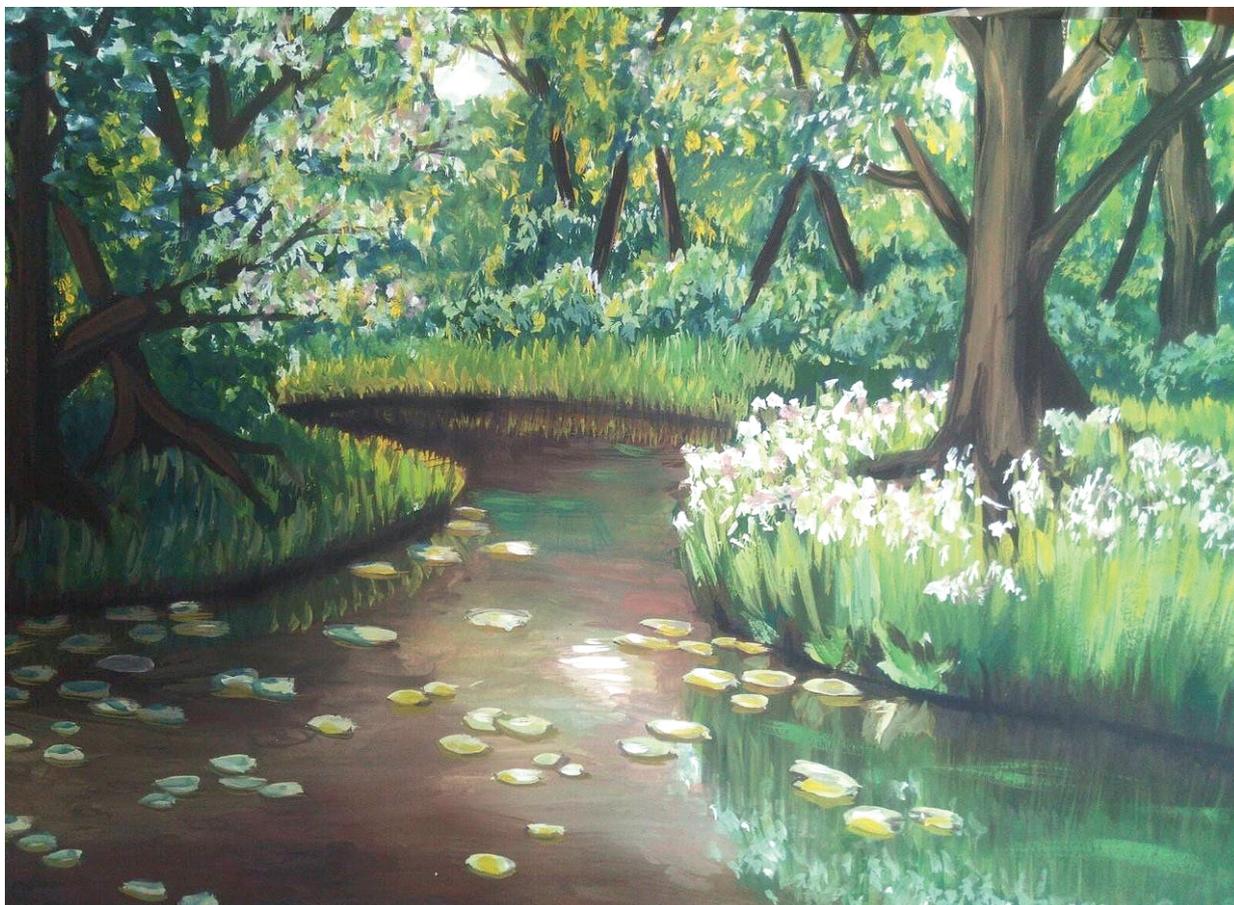
Преподаватель Е. Усерднов

Преподаватель В. Кузнецов

Богоутдинова Алиса, преп. Г.А. Будаева

Панина Екатерина, преп. Г.А. Будаева

Ирина ПОГОДИНА

ХУДОЖЕСТВЕННО ПРЕОБРАЖАТЬ ЖИЗНЬ

Любимая всеми художка в декабре этого года отмечает 60-летие со дня основания. Уникальность этого учебного заведения в его специализации: это первая и единственная в городе детская художественная школа.

Школа и её первый директор

*Весна всегда прекрасна всюду,
Но этих мест я не забуду!
С тех пор, как вышел на Венец, –
Симбирск и мать мне, и отец.*

Эти стихи были напечатаны в «Ульяновской правде» 22 октября 2004 года, в канун 75-летия Юрия Васильевича Павлова, куда автор их принёс сам, и тогда ульяновцы, друзья – художники узнали, что он еще и талантливый поэт.

В душу западают и такие строки:

*Моя задумчивая осень!
Люблю тебя, как и весну.
И в серых облаках, и вприсинь!
Тебя, увидев, не засну
Ни днём, ни ночью глубокой...
Ты кажешься мне ясноокой,
Румяной, пасмурной и ясной.
И так возвышенно прекрасной!
Недаром так любил тебя поэт –
Таких певцов, пожалуй, нет
Как жаль, что он погиб так рано!
Ты дочь –
С полотен Левитана.*

Юрий Васильевич Павлов

Ученики и педагоги Детской художественной школы. Фото из архива ДХШ.

Справа налево: Юрий Васильевич Павлов, Галина Мельникова, Наталья Долгова (Ушакова), Татьяна Комиссарова, Ольга Горбунова, Татьяна Горшунова.

Как сквозь поэта просматривается художник...

А был он еще организатором и первым директором художественной школы, посвятившим ей 45 лет своей жизни. Когда он приехал в Ульяновск, то за плечами имел диплом с отличием Ивановского художественного училища, был педагогом в обычной школе. Свои холсты хранил, по признанию его ученика Льва Нецветаева, на чердаке съемной комнатухи. Другой талантливый человек – фотохудожник Александр Маркельчев – уговорил его раскрыть холсты и руководить изостудией.

В 1961 году по инициативе начальника областного управления культуры М.М. Кошкина и председателя Союза художников А.В. Моторина, обратив внимание на успешную работу изостудии под руководством Павлова, начальники решили открыть в Ульяновске первую детскую художественную школу, и Павлову было предложено стать её директором.

– Из двух путей – блистать самому или гордиться питомцами – он выбрал самый благородный, – пишет Лев Николаевич, – быть Учителем.

Тогда, в 1961 году, всё начиналось с нуля: не было ни стола, ни стула, и хлопоты эти неописуемы: достаточно сказать, что в течение восемнадцати (!) лет не было в школе ни завхоза, ни завуча, ни секретаря – всё это вёз, как говорится, на своём горбу неутомимый Юрий Васильевич. Заочно он учился в пединституте на факультете русского языка и литературы. Писал множество стихов. Недостаток профессионального мастерства искупался предельной искренностью. Любил рисовать всё, что легло на душу, из-за чего не спится и не ложится, пока не нарисует!

Целая жизнь, отданная юным дарованиям! Именно его принципы отношения к делу и детям являются ориентиром для сегодняшних педагогов, среди которых его ученики: Г. Будаева, В. Кузнецов, Г. Мельникова, П. Паймушкин, Е. Усерднов.

При Павлове школа выполняла не только учебную работу, когда велись занятия по рисунку, живописи, композиции, прикладному искусству, скульп-

птуре, истории искусств, но это были и выезды на пленэр и экскурсии на систематические выставки в Ульяновске и других городах. В выставочных залах города, витринах магазинов, других школах демонстрировались тематические экспозиции из лучших детских работ, персональные выставки преподавателей.

На базе художественной школы по инициативе директора проводились творческие встречи с интересными и известными людьми, в первую очередь художниками: Дмитрием Архангельским, Аркадием Пластовым, Виктором Киселёвым, скульптором Матвеем Манизером и др. Большая удача, что ученики того времени могли сами встретиться и пообщаться с такими замечательными большими творческими личностями. Кроме того, Юрий Васильевич приглашал преподавать профессиональных художников. В разные годы в школе работали члены Союза художников В.А. Никулин, В.С. Капташкин, В.И. Черкунов, С.Б. Худяков, передавая свое мастерство детям, помогая им делать первые шаги в большой и интересный мир искусства.

Осталась в ДХШ традиция, которую неизменно поддерживал Юрий Васильевич, – летняя практика – работа с детьми на природе, которая развивает художественные навыки и воспитывает любовь к родному краю.

Время династий

На протяжении долгого ряда лет художественная школа располагалась в маленьких зданиях на улицах Гончарова и Федерации. И только в 1976 году Постановлением Совета Министров РСФСР ей было передано двухэтажное деревянное здание по улице Ленина, 92, отреставрированное по проекту под художественную школу, с учетом специфики обучения изобразительному искусству. Помимо мастерских по рисунку и живописи, в школе есть единственный в городе специализированный класс дизайна одежды и оборудованный кабинет для занятий скульптурой.

П.И. Паймушкин

Г.А. Будаева

Преподаватели школы

Л.А. Какичева

Г.Л. Мельникова

*Анна Анатольевна
Вилкова,
директор ДХШ*

Ю.М. Ермакова

За 60 лет существования в художке, как любовно её называют выпускники и сегодняшние учащиеся, сложилось много традиций, накоплен богатый опыт обучения и воспитания детей, создан работоспособный творческий коллектив.

За эти годы из школы выпустилось более 3500 учащихся, практически маленький посёлок сплошь из творческих людей. Из 85 членов Ульяновского регионального отделения ВТОО «Союз художников России» 41 – выпускник детской художественной школы разных лет, 6 выпускников школы – члены ВТОО «Союз дизайнеров России». Многие её выпускники приводят сюда уже своих детей, образуя многочисленные художественные династии. Конечно же, школа гордится своими выпускниками, среди которых народный художник России А.Е. Егуткин и почётный архитектор России, лауреат Золотой пушкинской медали Л.Н. Нецветаев – первые «студийцы» Ю.В. Павлова, члены-корреспонденты Российской академии художеств Ю.Н. Мерзликина и О.А. Трушников, заслуженный художник России И.В. Сафронова. Многие выпускники продолжают работать в городах России и мира и вносить свой вклад в историю изобразительного искусства.

Главная ценность школы – это сформировавшиеся традиции, передающиеся от одного поколения педагогов другому. Многие нынешние преподаватели учились в художественной школе и пришли работать сюда уже для того, чтобы взрастить следующие поколения. Так, завершив обучение в Пензенском художественном училище имени К.А. Савицкого, молодым преподавателем пришёл работать выпускник художки Евгений Георгиевич Усерднов, и работает он в школе непрерывно уже

46 лет. Можно сказать, что мастер взрастил следующие поколения преподавателей: преподавал скульптуру Кузнецову В.С., Какичевой Л.А., Ермаковой Ю.М., Филиной Н.А., нынешнему директору школы Вилковой А.А., молодому преподавателю Кауновой А.С. А Петр Иванович Паймушкин и Галина Александровна Будаева были преподавателями художественных дисциплин у Какичевой Л.А., Филиной Н.А., Кауновой А.С. Мельникова Галина Львовна, окончив школу вместе с Е.Г. Усердновым и П.И. Паймушкиным, уже по прошествии времени придя работать в родную художку, создала вместе с Н.В. Ушаковой курс «Дизайн одежды», выпускающий и по сей день будущих дизайнеров, модельеров, стилистов. Именно эта преемственность – та нить, которая позволяет передавать сформировавшиеся в школе традиции из поколения в поколение, которая связывает прошлое, настоящее и будущее.

Традиции и перспективы

Главное достоинство детской художественной школы – это сохранение традиций академического обучения. Ежегодно более 20% выпускников успешно продолжают свое образование в профессиональных художественных учебных заведениях нашего города, в Москве, Санкт-Петербурге, Пензе по разным направлениям: скульптура, графика, живопись, архитектура, дизайн интерьера, история искусств, дизайн одежды.

В школе учатся ребята со всех районов города по 14 образовательным программам.

В детской художественной школе работают 15 преподавателей, что самое важное – практически все они выпускники этой школы. Пятеро, включая директора школы Анну Вилкову, а также Евгений

Усерднов, Петр Паймушкин, Валерий Кузнецов, Любовь Какичева – члены Союза художников России, а Е.Г. Усерднов удостоен и почетного звания «Заслуженный работник культуры Ульяновской области». У каждого преподавателя интересный жизненный и творческий путь.

За годы своего существования школа заслужила много отличных оценок и положительных отзывов жителей города и области, стала известной за пределами региона. Об этом свидетельствуют награды учащихся – победителей конкурсов, фестивалей разных уровней, от городских до международных. Второй год учащиеся художки становятся победителями и призёрами Всероссийской олимпиады по комплексу предметов «Культура и искусство», проводимой Санкт-Петербургским университетом промышленных технологий и дизайна. В этом году пятерка талантливых и творческих ребят стала обладателем ежегодной премии города. Ежемесячную стипендию губернатора Ульяновской области получает ученица Любви Какичевой – Софья Гиль.

Преподаватели-художники школы постоянно участвуют в областных, зональных, республиканских выставках, их работы находятся в частных коллекциях в России, США, Англии, Германии, Югославии, Венгрии, Польши и т. д.

Сохраняя академические традиции, школа идёт в ногу со временем, развивается, внедряя новые направления и совершенствуя свою материально-техническую базу. В настоящее время помимо академической живописи и скульптуры осуществляется обучение по направлениям «Архитектура»

и «Дизайн». Ученики школы имеют возможность обучаться во внешних классах в разных районах города: в Новом городе, в Засвияжском и Ленинском районах.

Кроме обучения изобразительной грамоте, воспитанники детской художественной школы и все желающие от мала до велика становятся участниками таких интересных тематических мероприятий, как «Ночь в мастерской» и «Ночь музейных дворов».

В 2021 году школа получила грантовую поддержку Президентского Фонда культурных инициатив на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий под названием «Мульти-Симбирск». Проект предусматривает создание нового креативного мультимедийного пространства, обучение преподавателей, проведение серии мастер-классов и конкурса «Я и мои соседи», реализацию образовательной программы «Мультипликация».

17 декабря в выставочной галерее Ульяновского отделения Союза художников России состоялось открытие областной художественной выставки «Ю.В. Павлов и его ученики». В экспозиции представлены работы Юрия Васильевича Павлова, художников-выпускников Детской художественной школы, преподавателей школы.

В школе учат главному: уметь замечать, видеть, творить прекрасное, художественно преображать жизнь.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

ВРЕМЯ НОВЫХ ДОСТИЖЕНИЙ И УТРАТ

*Александр Дашко, председатель Ульяновского
Совета молодых литераторов*

2021 год стал для Совета молодых литераторов Ульяновской области не менее плодотворным, чем предыдущий. Наши ряды пополнились талантливыми молодыми авторами, нам удалось реализовать ряд интересных проектов, среди которых особое место занимает выход сборника «Образ слова».

Работа литературной студии «ЛИК» была высоко оценена в Союзе писателей России. Наша студия заняла второе место во Всероссийском конкурсе литературных объединений «ЛИТОсфера».

В мае этого года в четвертый раз в Подмосковье прошло Всероссийское совещание молодых литераторов СПР. В студенческой программе наш регион представили поэт Влада Митрофанова и прозаик Екатерина Богданова. Впервые в совещании приняла участие начинающий критик Анастасия Миронова.

В сентябре в Крыму прошел фестиваль «Таврида-АРТ», в котором среди других молодых деятелей культуры участвовали писатели Александр Дашко и Алина Осокина. Четыре дня лекций от ведущих издательств нашей страны, презентации книг, встречи с известными людьми, концерты, а также жаркое южное солнце сделали эту поездку незабываемой.

В конце сентября председатель ульяновского Совета молодых литераторов Александр Дашко во второй раз посетил фестиваль «Литература Тихоокеанской России» во Владивостоке.

Были в этом году не только радостные вести, но и печальные. В сентябре ушел из жизни поэт Александр Дмитриевич Лайков, который был добрым другом молодых ульяновских писателей. Александр Дмитриевич обладал удивительной чуткостью к слову и неподдельным интересом к творчеству молодых. В каждом человеке он умел разглядеть потенциал и дать важный совет. Александр Дмитриевич открывал талантливых писателей, именно благодаря ему на страницах «Симбирска» состоялись многие поэтические и прозаические дебюты. Александр Дмитриевич всегда с удовольствием принимал участие в поэтических встречах, работал в качестве члена жюри многих литературных конкурсов и премий, к его слову всегда прислушивались, его мнению доверяли. Александр Дмитриевич, нам Вас будет не хватать...

ДАРЯ ТЕПЛО, ТЕПЛЕЕ СТАНОВЛЮСЬ

Анисия МАТЛИНА НОВОГОДНИЙ ГОРОД

Ветер яблоком веет.
Ритм веселый дворов.
В серпантиновом снеге
Шерсть созвездия Псов.

Эта ночь не уснула
И полна волшебства!
Вывожу на прогулку
Я небесного Льва.

Снег взлетает и лепится.
Дети смотрят в окно.
Пред созвездием Лебеда
Рассыпаю пшено.

Фейерверками в синем
Ёлки всюду сейчас!
Рядом с белыми крыльями
Мой пасётся Пегас.

Задираю я голову –
Неподвижна одна
Та, над шествием ёлок,
В центре неба – Звезда.

Александр БУХАРИН МОЕЙ МАМЕ

Кругом безмолвье... Час ночной.
Пространство меж тобой и мной.
Пижама давит, как оковы.
Глотаешь воздух бестолково.
И воздух будто вороной,
И шорох как удар подковы.

На штурм идёт безликий враг.
Его густой скрывает мрак.
Но каждый воин бастиона
Здесь стоит копий легиона,
Готовый, спрятав белый флаг,
Ждать своего Багратиона.

Глуха больничная стена.
Ей крепко скорбь окружена.
С надеждой имя называя,
Я слышу, как сквозь сон, – живая.
И вновь (который раз) без сна
От заплывавшего трамвая.

Замолк, и в городской черте
Всё покорилось немоте,
Как у столпа в густом тумане,
У той победы стёрты грани.
Ты выйдешь с солнцем на щите,
Прижав к лицу отрезок ткани.

Мария БОГДАН

* * *

На вечнозелёном разбухшем асфальте
осколки зимы.
Деревья оттаяли в сумрачном марте.
Отгаем и мы.

Воскреснет всё то, что уснуло когда-то
под толщею льда.
Сыграет мечта голубую сонату
во всех городах.

И песни пойдут по неспящим проспектам,
и в них будет всё...
Весна-почтальон голубые конверты
до нас донесет.

Лишь несколько строчек в конверте заветном,
но сколько тепла!
Так хочется, чтобы сиреневым цветом
душа расцвела.

Так хочется долго и громко смеяться,
и жить не во сне...
И выйдет зима – неприветливый канцлер –
навстречу весне.

Виктория ВАРФОЛОМЕЕВА

* * *

Даря любовь, сама преображаюсь.
Даря тепло, теплее становлюсь.
Пусть счастье, вновь на место возвращаясь,
Исполнит то, о чем всегда молюсь.

Исполнятся желания, победы.
И светло в доме будет день за днём.
Мелодии сыграют нам рассветы,
Что вместе проведём с тобой вдвоём.

Наполнится сиянием пространство,
И будет слышен каждый нежный звук.
Твоей души прекрасное убранство,
Мягкая нежность твоих тёплых рук.

Влада МИТРОФАНОВА

* * *

Мне снится бескрайнее поле тюльпанов
И лес вдалеке, бесконечное лето,
Как сыплются горстью из старых карманов
Охапки цветов бирюзового цвета.

Дугой огибаю душистое поле,
Срываю цветы и вдыхаю их запах,
У них и у сна моего одна доля –
На миг осчастливить и спрятаться в лапах

Бегущего времени. Только на память
Останется в час моего пробужденья
Тот привкус мечты, что ничем не разбавить,
И синий цветок – моих снов порожденье.

Владислав ВАНЮКОВ

* * *

А.Д. Лайкову посвящается...

Сжигает осень всё дотла
Горящим знаменем заката.
Пылит по городу метла,
Минуя точку невозврата.

И уплывают корабли
Неспешно вслед за облаками,
Прочь от заснеженной Земли,
Играя в небе парусами.

Оставив нас наедине
С обледенелыми мечтами,
Тоскою о прошедшем дне
И драгоценными стихами.

Алина ОСОКИНА родилась в Ульяновске в 1991 году. Окончила исторический факультет УлГПУ им. И.Н. Ульянова. Работает в областной библиотеке. Неоднократно участвовала в межрегиональных и всероссийских совещаниях молодых литераторов. Лауреат конкурса молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы», Всероссийских конкурсов «Хрустальный родник», «Сестра таланта», «Северная звезда», «Стилисты добра» областной премии «Первая роса». Публиковалась в журналах «Подъем», «Русское эхо», «Молодежная волна», «Симбирск», «Кольцо А», «Причал», «Веретено», «Неман», «Дон новый», «Литература», «Север» и др. Член Союза писателей России.

МОРЕ СВОБОДЫ

Рассказ

Саша смотрит на болтающиеся, словно маятник, боксёрские перчатки на зеркале заднего вида.

– О чём ты думаешь вообще? – раздражённо говорит отец, сжимая руль машины. – Ну ладно сейчас я договорился, выдали тебе этот чёртов аттестат, а дальше что?

Саша не отводит взгляд от перчаток, ему кажется, что это два карликовых боксёра лупцуют друг друга. Резкий поворот – и левый боксёр отправляет противника в нокаут.

– Директриса эта ваша чокнутая мне прямым текстом сказала, что тебя в десятый класс не возьмут. В колледж ты тоже, как я понимаю, не собираешься. Чего ты вообще хочешь от жизни?

Саше надоело следить за воображаемым поединком. Он отвернулся к окну и стал считать проезжающие машины.

– В конце концов я не могу бесконечно всё решать за тебя. Это твоя жизнь. Что молчишь? А?

– Да, достало всё уже! – огрызается Саша. – Хватит всё решать за меня! Я сам разберусь со своей жизнью!

– Конечно, разберёшься, – отец дёргает руль. – Я тебя кормлю. Я тебя одеваю. Я решаю твои проблемы. Ты ничего этого не можешь. Тебя даже на работу до совершеннолетия не возьмут.

– В курьеры пойду, – буркнул Саша.

– Много же ты заработаешь курьером, – отец усмехнулся. – В общем, я всё решил. Сейчас лето – есть время подумать, что делать дальше. А пока устрою тебя на заправку. Поработаешь – может, тяга к учёбе проснётся.

– Не буду я на твоей вонючей заправке корячиться.

– Куда ты денешься!

Саше захотелось открыть дверь машины и на полной скорости выпрыгнуть. Пусть он разобьётся или угодит под колёса несущегося по правой полосе грузовика, только бы не слушать отца. Никогда не слушать отца.

Через несколько дней Саша курил на заднем дворе с заправщиком Арсеном. Арсен – худощавый, смуглый, юркий парень с рассечённой бровью – глубоко затягивался и выпускал короткие облачка дыма.

– Чё ты у меня всё время сиги стреляешь? – сказал он Саше в перерыве между затяжками. – Папаша карманные деньги не даёт, что ли?

– Ничё он мне не даёт, – буркнул подросток. – Даже скутер в гараже запер. Говорит, заработаешь на бензин – тогда посмотрим. А сам зарплату только через месяц обещает, если не найдёт до чего покопаться.

Саша глубоко затянулся, но не смог совладать с дымом и закашлялся.

– Э, полегче, – протянул Арсен и похлопал его по спине.

Когда Саша перестал кашлять, парень затянулся и, выпустив облачка на воздух, спросил:

– Тебя отец на всё лето устроил? Типа трудовой лагерь?

– Да хрен его знает. Он мне с колледжем своим все мозги вынес. Типа учиться надо, и вся такая фигня. А меня эта учёба в школе уже достала. Там дебилы одни.

– Я тоже после школы учиться дальше не хотел, но родители ультиматум поставили: либо институт, либо армия. Сам понимаешь, выбор небольшой. Ещё два года осталось, и всё – свобода. Хотя универ меня не напрягает, я даже стипендию получаю. Думаешь, я на все лекции хожу и зубрю по ночам? Не-а. Просто я умею договариваться. В жизни вообще важно уметь договариваться. Без этого никак.

Арсен многозначительно поднял бровь.

– И чё, тебе нравится, как ты живешь? Учёба, эта тупая работа? – спросил Саша.

Арсен хмыкнул.

– У меня же нет папашки с бизнесом и тугим карманом. Я сам верчусь как умею, чтобы шмотки, клубешники и так, по мелочи, деньги были.

– И сколько ты здесь зарабатываешь?

– Как все: оклад плюс премия.

– Так я и поверил, что вы здесь ничего не мутите.

– Сейчас я тебе всё расскажу, а ты потом пойдёшь и отцу нашу контору сдашь.

Арсен усмехнулся и сплюнул на асфальт.

– Думаешь, отец не знает, что вы тут бензин не доливаете, а разницу себе в карман кладёте? – хмыкнул Саша и потушил сигарету.

– Тогда чё спрашиваешь? Только если ты хочешь папашку на бабки кидануть, тебе тут никто не помощник. Скажу по секрету, тебя здесь стукачом считают. Так что не обижайся.

– Да пошли они все. Я и сам заработаю.

– Заработаешь, куда ты денешься, – засмеялся Арсен. – Только бабло ты здесь не поднимешь. Так, мелочёвка. За баблом в Сочи надо ехать. У меня дядька там кафешку держит, так он говорит, что официанты на чаевых нехило так поднимаются. В следующем году сдам сессию досрочно, типа семейные обстоятельства, и рвану на весь сезон. Тачку бэушную куплю, чтоб перед тёлками понтоваться.

– Эй, вы там офигели совсем, – крикнул выглянувший из двери охранник. – Устроили себе перекур, а клиентов обслуживать кто будет?

– Идём, чё разорался-то, – ответил Арсен и потушил сигарету. – Короче, думать надо, джаник, головой, – сказал он Саше и постучал двумя пальцами по его лбу.

– Да пошёл ты, – увернулся подросток, и они вместе пошли к колонкам.

Сотни машин ежедневно проезжали через заправку: старые ржавеющие «десятки» с оглушительно орущей магнитолой, дорогие иномарки с серьёзными мужчинами и красивыми женщинами. Всё, что нужно было сделать Саше, – залить бензин в каждую из этих машин. Всего лишь вдохнуть жизнь в этих безвольных стальных животных, которые безропотно следовали приказам своих хозяев. Рядом суетился Арсен. Он успевал не только обслуживать клиентов, но и улыбаться симпатичным девушкам, те улыбались в ответ, а некоторые даже оставляли номера телефонов. Сашу тошнило. То ли от едкого запаха бензина, то ли от фальшивых улыбок.

Он смотрел в боковые зеркала чужих машин и видел там белёсого недовольного подростка в серой мешковатой куртке. Саше казалось, что это кто-то другой держит заправочный пистолет. Вся жизнь, отражающаяся в зеркалах, казалась ему ненастоящей. И люди, тратящие столько времени на скучную ненавистную работу, чтобы только заполучить и прокормить заветное стальное животное, тоже казались ему ненастоящими.

Задумавшись, Саша не успевал вовремя остановить поток бензина, и тот лился на асфальт. Хозяева машин кричали на подростка, он огрызался. На помощь приходил Арсен, который мигом успокаивал разгневанных клиентов.

– Чё, перед отцом выслуживаешься? Думаешь, тебе из-за меня чё-то перепадёт? – вместо благодарности бросал Саша.

– Дурак, – спокойно отвечал Арсен и стучал пальцами по его голове.

Саша дёргал головой и обиженно уходил.

И всё повторялось заново. Каждый раз Саше хотелось скинуть с себя уродливую форму и уйти навсегда. Единственное, что его удерживало, – это обещание отца в конце месяца выдать зарплату. Саше казалось, что это тот самый ключик к свободе, что после этого всё изменится. На уважение или одобрение отца он давно уже не рассчитывал, но понимание того, что он может сам себя обеспечить, придавало сил. Он стискивал зубы и терпел,

как терпят пульсирующую в висках головную боль, ради единственной цели – свободы.

Чёрный «Лексус» подъехал к заправке. Из него вышел загорелый седеющий мужчина в белоснежной рубашке.

– Эй, пацан, – позвал он Сашу.

Тот нехотя подошёл.

– Заправь мне полный бак и стёкла протри, – сказал мужчина и сунул ему сторублёвку.

– Сам свои стёкла протирай, – резко ответил Саша.

– Эй, ты как разговариваешь? – начал выходить из себя мужчина. – Совсем оборзел.

– Да пошёл ты, – буркнул подросток.

– Где вас таких только берут? Быстро старшего мне сюда позвал, – не унимался мужчина. – Тебя через пять минут тут не будет, выродок!

– Это тебя тут не будет, придурок, – не отступал Саша.

– Ты что такой борзый? Тебе эта работа не нужна что ли? Так давай я сделаю, чтобы тебя больше никуда не взяли.

– Давайте, я вам всё сделаю. И стёкла протру, – вмешался подоспевший Арсен. – А на этого, – он кивнул в сторону Саши, – не обращайтесь внимания. Понимаете, хозяйский сынок чудит.

– Так это что, отец тебя сюда засунул? Типа на перевоспитание? – мужчина усмехнулся. – Ай, молодец. Мне вот тоже надо моего балбеса куда-нибудь пристроить. Поговорю с твоим отцом, – он бросил ещё одну едкую усмешку в сторону подростка и отправился к кассе.

– Ты чё, с ума сошёл? – прошипел Арсен. – Думаешь, я без конца буду твою задницу перед клиентами прикрывать?

– Я тебя не просил, – ответил Саша и пошёл прочь.

– А работать кто за тебя будет? – кинул ему вслед Арсен, но получил в ответ вытянутый средний палец.

В последний день июля Саша за завтраком напомнил отцу:

– Мы договаривались, что, когда я отработаю на твоей долбаной заправке месяц, ты мне заплатишь.

Отец откусил от бутерброда и полез в карман пиджака. Он достал кошелек и, отсчитав две тысячные купюры, бросил их на стол. Саша перевёл взгляд с денег на работающие челюсти отца и обратно.

– Это что? – спросил он.

– Твоя зарплата, – спокойно ответил отец, проглотив бутерброд.

– И всё? – спросил Саша, не понимая, шутит отец или нет.

– А что ты хотел? – ответил он, отхлёбывая из чашки. – Что ни день, то жалобы на тебя. То ты опоздал, то где-то гулял посреди рабочего дня, то клиентам хамил. Вот я тебя и оштрафовал. Бери, ты и на это не наработал.

– Ты специально ко мне этого придурка армянского приставил? Это он стучал на меня? – закипал Саша.

– Успокойся, вся заправка видела твои выкрутасы, – строго ответил отец. – Мне серьёзные люди звонили, спрашивали, что за быдло у меня работает.

– А я не нанимался всяким упырям стёкла их

сранных машин вытирать, – чуть не кричал подросток.

– А на что ты вообще способен? – повысил голос отец. – Если бы не я, у тебя бы даже аттестата не было.

– Да пошёл ты со своим аттестатом, и деньги свои засунь себе...

Саша вскочил из-за стола и побежал к себе в комнату. Ему хотелось с разбега удариться о стену или разгромить всё: кинуть на пол ноутбук и растоптать его, сбросить книги и учебники с полки, свалить шкаф и скакать на куче барахла до потери сознания. Но вместо этого он бросился на кровать и стал в ярости колотить подушку.

Саша слышал, как отец с кем-то говорил по телефону. Затем дверь захлопнулась, и подросток остался один. Он отправил в нокаут подушку и вскочил с кровати.

Двери шкафа растворились, и одежда полетела на пол. Бежать. Бежать, куда угодно, как угодно, хоть автостопом, хоть пешком. Саша быстро сообразил, что могло понадобиться ему в дороге. Окинув беглым взглядом получившуюся кучу, он вышел в коридор и полез на антресоль. Чемодан и спортивная сумка мешали ему дотянуться до рюкзака. Саша отпихивал их и тянул рюкзак за лямку. Наконец чемодан не выдержал такого давления и с грохотом рухнул на пол, чуть не задев подростка. Саша выругался и, достав рюкзак, принялся поднимать чемодан. Пока подросток проделывал все эти нехитрые манипуляции, из открытого бокового кармана чемодана выпал белый конверт. Саша машинально заглянул внутрь, конверт был туго набит пятитысячными купюрами. Сперва он хотел засунуть конверт обратно в чемодан, но остановился и стал пересчитывать купюры. Содержимого конверта вполне могло хватить не только на побег, но и на несколько месяцев безбедного существования. Саша помял конверт, соображая, можно ли считать находку достойной компенсацией за месяц его мучений на заправке. И вот уже Саша закрывал антресоль и запихивал вещи в рюкзак, попутно поглядывая на конверт и прикидывая, на что можно потратить деньги.

Саша точно знал, что без этого конверта отец не обеднеет, скорее всего он даже не заметит пропажи. Как не заметит и отсутствия сына, хотя бы пару дней. А там будет уже поздно, Саша растворится в знойном морском воздухе. И никто его не найдёт. Никогда.

Выбор направления пришёл сам собой. Если бежать, то на юг. Если начинать новую жизнь, то на море. Он закинул рюкзак на плечи и отправился на автовокзал. Ещё чуть-чуть – и душный автобус умчит его отсюда к новой свободной жизни. И жизнь эта просто обязана быть прекрасной!

Саша вышел в первом попавшемся приморском посёлке. Едва он ступил на южную землю, как со всех сторон на него обрушился огулительный шквал предложений. Предлагали жильё разной степени удалённости от пляжа, такси по любому направлению, хоть до Архангельска, что-то из еды и головных уборов.

Протиснувшись сквозь толпу, Саша заметил бабку в синем платочке, которая держала картонку с надписью: «Жильё. Недорого». Подросток направился к ней.

– За сколько сдаёте? – спросил он.

– Не дороже, чем у других, – оживилась бабка. – И от пляжа недалеко. Всего две остановки на маршрутке.

Саша одобритительно кивнул.

– А деньги у тебя есть? – бабка прищурила глаза.

– Есть, – ответил подросток и для убедительности похлопал себя по карманам.

– Откуда ж у тебя такого молодого деньги? – не отступала бабка.

– Заработал, – соврал Саша. – Я студент, отдохнуть приехал. Вам какое дело?

– Да мне-то всё равно. Лишь бы заплатил. Пошли.

И бабка повела его к остановке. Они кружили по узким кривым улицам на старенькой разбитой маршрутке, а потом лезли в крутую гору меж плотной стены заборов. Наконец, бабка остановилась и открыла калитку.

– Ты на сколько приехал-то? – спросила она.

– На месяц, – ответил Саша. Этого срока должно было хватить, чтобы осмотреться и определиться с планами.

– Только ты деньги сразу давай, а то был у меня один такой студент, так после него утюг пропал.

– Сначала комнату надо посмотреть, – твёрдо ответил Саша.

– Конечно, смотри. Всё равно дешевле не найдёшь.

Они вошли на маленький двор. От забора до двухэтажного дома было шагов пять, не больше. Справа от дома находился белый кирпичный пристрой – летняя кухня. За ней ещё один пристрой – летний душ. Все эти строения были связаны между собой толстыми бельевыми верёвками, на которых сушились купальники, плавки, полотенца и постельное бельё. Возле дома одиноко стоял синий мопед.

– Это чей? – спросил Саша, немедленно оценив транспортное средство.

– Внука, Генки, – ответила бабка. – Он сейчас на заработках, мост строит. А железяка эта без дела стоит, только мешается. Хочешь – можешь ездить, если умеешь. Только за дополнительную плату, и под залог, и за бензин, сам думай.

Саша ещё раз осмотрел пусть не новый, но вполне жизнеспособный мопед и согласился. Они поднялись на второй этаж дома. Бабка показала ему комнату – узкий пенал с кроватью, тумбочкой и крючками для одежды.

– Если телевизор захочешь посмотреть, вниз спускайся. Бельё, полотенце – всё чистое. Девочек не водить, не шуметь, – скороговоркой поясняла бабка. – Ну, что решил?

– Пойдёт, – небрежно ответил Саша.

– Надо бы рассчитаться, – напомнила бабка.

Саша достал деньги и отсчитал нужную сумму, даже чуть больше. Бабка сделала вид, что не заметила этого. Когда подросток остался один, он рухнул на кровать и закрыл глаза. Ни голоса, доносящиеся с улицы, ни орущий внизу телевизор не могли его разбудить.

Утром Саша первым делом направился к мопеду. Он нашёл старую тряпку и стал тщательно протирать запыхавшийся мопед и единственный

шлем. Саша проверил педали газа и тормоза, и когда убедился в исправности транспорта, отправился на пляж.

Он ступил на влажный после ночи песок и вышел к морю. Утренний бриз приятно щекотал лицо, а прохладные волны омывали ноги. Впереди было бесконечное море. Казалось, что именно здесь и начинается свобода, что нужно только протянуть руку и поймать её. Саша дышал свободой, она пахла солью.

Единственный раз он был на море лет семь назад. Тогда ещё мать жила с ними, и они втроём полетели в Турцию. Неделю лил дождь, море штормило, так что приходилось плескаться в мелком бассейне, кишасшем отдыхающими.

В последний день вся семья подхватила кишечную инфекцию. Сашу рвало прямо в самолёте на высоте десять тысяч километров над уровнем моря. Когда они вернулись домой, отец сказал, что на море делать нечего. И больше они не ездили. Никуда.

После ухода матери отец тоже ушёл, только в работу. Отпуск он никогда не брал, а редкие выходные проводил в незнакомых Саше компаниях. Сын был предоставлен сам себе. Дома они редко обменивались коротким фразами. Со временем эти фразы становились всё короче, а расстояние между отцом и сыном стремительно росло.

Живот заурчал, и Саша вспомнил, что толком не ел больше суток. Он направился к кафешке, где завтракали редкие туристы. Поднявшись на деревянную веранду, он сел за ближайший столик. Через несколько минут к нему подошла официантка – белокурая хрупкая девушка с неряшливым пучком на голове и крупной родинкой на подбородке. Девушка щурилась от слепящего солнца и прикрывала ладонью глаза.

– Сразу закажете или меню посмотрите? – спросила она и сунула Саше толстую папку.

Подросток демонстративно отодвинул от себя меню и вальяжно ответил:

– Принесите что-нибудь на свой вкус.

Почему-то ему хотелось выглядеть более взрослым, раскованным, свободным перед этой девушкой. Она забрала папку и удалилась. Прошло десять минут, потом ещё несколько раз по десять минут – официантка всё не появлялась. Саша переживал, что девушка просто забыла про него или, что того хуже, подумала, что он шутит. Он готовился вскочить, найти её и заткнуть скандал на всё кафе. В тот же миг на веранде появилась хрупкая фигурка с большим подносом. Официантка подлетела к его столу и поставила перед Сашей тарелку густой овсяной каши и стакан апельсинового сока.

– Что это? – спросил Саша, рассматривая накрытый стол.

– Вкусный и полезный завтрак, – ответила девушка, едва сдерживая усмешку.

– Сама это ешь, – он демонстративно отодвинул тарелку. – Пива мне принеси.

– Не рано для пива? – спросила девушка, обнимая пустой поднос.

– Тебе какая разница? Неси, – огрызнулся Саша.

– Сначала паспорт покажи, – строго ответила девушка.

– Да пошла ты. И забегаловка эта сраная, – подросток встал и собрался уходить.

– Эй, а платить кто будет? – крикнула ему вслед официантка.

– Подавись, – ответил Саша и кинул ей пару мятых стуроблёвок.

Он сел на мопед и помчался куда глаза глядят. Остановившись возле первого киоска, он купил два огромных чебурека и с жадностью съел их. Через несколько часов живот скрутило, и Саша проклинал и чебуреки, и официантку.

Вечером он вернулся на пляж. Проходя мимо кафешки, которая теперь была забита до отказа, Саша заметил ту самую девушку. Она сновала между столиками с подносом, то выполняя заказ, то убирая посуду. Такая неутомимая бабочка, порхающая с цветка на цветок и собирающая вместо нектара скудные чаевые.

Подросток демонстративно отвернулся. Ему хотелось выбросить эту девчонку из головы. Ничего в ней особенного не было: девчонка как девчонка, его ровесница, может, на год старше. Саша пытался перевести взгляд на что-то другое, но голова упрямо поворачивалась в сторону кафешки, и глаза ловили лёгкие девичьи движения. Наконец, он нашёл в себе силы сдвинуться с места и пойти к морю.

В 6 лет отец привёл его в бассейн. Саша захлёбывался в хлорированной воде, она заливалась в нос, рот и уши. После каждого занятия мальчик говорил, что больше не пойдёт на тренировку. Но отец не слушал его и безжалостно тащил в бассейн. Так продолжалось восемь лет, пока Саша не бросил тренировки, поняв, что отцу плевать на его спортивные успехи.

Море ласкало его. Саша сделал несколько мощных гребков, побеждая волны, и перевернулся на спину. Теплая, солёная вода выталкивала наружу. Саша лёгкими движениями рук удерживал тело на поверхности воды, а сам смотрел на затухающее сумеречное небо. Ещё немного – и оно погаснет совсем, пляж опустеет, останутся лишь редкие любители ночного купания и влюблённые пары.

Саша направился к берегу. Выйдя из воды, он натянул одежду на мокрое тело, взял кроссовки и босиком направился к мопеду.

– Эй, – донеслось с веранды кафе.

Саша машинально повернул голову и увидел ту самую официантку, она облокотилась о перила и улыбалась.

– Может, ты голодный? Заходи, я тебя накормлю, – она засмеялась.

– Пошла ты, – буркнул Саша.

– Постой, шуток, что ли, не понимаешь, – она спустилась с веранды и направилась к нему.

– Чё те надо? – сказал подросток, остановившись.

– На, – она протянула ему деньги. – Ты же так ничего и не поел, а зря. Каша очень вкусная была.

– Себе оставь, – отрезал Саша.

– Какой обидчивый. Приходи ещё, – кричала ему в спину девушка, пока он упрямо следовал к мопеду. – Ты классно плаваешь, я видела, – она залилась звонким смехом.

В голове крутились нелепые мысли. Типа узнай, как её зовут, позови прогуляться по пляжу. Подросток пытался выбросить из головы мысли о

девушке, как камешки в открытое море. Но упрямые волны возвращали всё на берег.

Саша ворочался на кровати, пытаясь забыть события минувшего дня. Он твёрдо решил, что больше не пойдёт на пляж, а будет купаться где-нибудь в другом месте. Утром он сидел за столиком той самой кафешки, и Лена – именно так звали официантку – несла ему ароматные блинчики с джемом. А вечером, когда толпа отдыхающих растеклась по своим съёмным комнатам, Саша с Леной сидели на пирсе.

– Ты надолго приехал? – спросила девушка, болтая босыми ногами.

– На месяц где-то, – нехотя ответил подросток. – Осмотрюсь, а потом дальше двину. Я вообще на море хочу остаться. Может, в Сочи рвану, там куча возможностей и бабла.

Лена усмехнулась.

– И чем же ты будешь там заниматься? – спросила она.

– Не знаю, придумаю что-нибудь. Хотя в официанты пойду... знаешь, какие в Сочи чаевые?

– Думаешь, это так легко? Носишься весь день с подносами, так что к вечеру ноги и руки отваливаются. А чаевые администратор забирает. И клиенты всякие попадают, – она кивнула в сторону собеседника.

– Я вообще, знаешь, управляющим на заправке работал, – врал Саша.

Лена подавила смех.

– И как тебя родители отпустили одного? – спросила она.

– Им плевать на меня. Отец целыми днями на работе, он даже не заметит, что меня нет. Мать давно уже с другим мужиком живёт. Она звонит раз в месяц, спрашивает, как дела, хотя по голосу понятно, что её мои дела не особо волнуют.

– Везёт, у тебя родители есть. А у меня только тётка, хотя ей тоже на меня плевать. Приходится на сезон официанткой устраиваться, чтобы только она не выла, что я её объедаю. Скорей бы школу закончить и уехать отсюда навсегда. Хотя в Сочи, хоть ещё куда.

– А я бы с моря никуда не уезжал, – протянул Саша.

– Море и море. Что в нём особенного? Я за всё лето ни разу не купалась даже.

– Серьёзно? – удивился подросток. – Ты в двух шагах от моря и ни разу не купалась?

– Ага, – засмеялась Лена.

– Так пошли, – предложил Саша.

– Ночью? У меня даже купальника нет. И вообще мне домой пора, тётка уже потеряла наверно.

Она вскочила и начала судорожно надевать босоножки.

– Давай подвезу, – предложил Саша.

– Не надо, – отмахнулась Лена.

– Постой, ты чё обиделась? – пытался он её удержать.

– Нет, мне правда пора, пока. Завтра увидимся.

Она помахала ему и скрылась в темноте южной ночи. Саша следил за удаляющейся хрупкой фигуркой, а волны за спиной пели понятную лишь им одним песню.

Через несколько дней у Лены выдался выходной,

и они помчались на дикий пляж под скалой. Тёплые руки девушки на животе Саши во время поездки на мопеде, её жёлтый купальник, морские брызги – всё это подростку хотелось сохранить, как моментальный фотоснимок, на память о лучшем лете.

Накупавшись, они сели на берегу. Лена распутала мокрые волосы и начала перебирать их, разделяя слипшиеся пряди. Саша внимательно следил за её движениями, ему казалось, что именно сейчас и начинается его жизнь. Настоящая, свободная, счастливая жизнь.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила Лена.

– Просто, – ответил Саша и дотронулся до её плеча.

Он водил пальцем по гладкой, высохшей на знойном солнце коже, выделявая восьмёрки и поднимаясь всё выше, пока не достиг лямки купальника.

– Не надо, – Лена дёрнула плечом и сбросила его палец.

– Чё не надо? – спросил Саша.

– Ничего не надо, – твёрдо сказала девушка. – У вас всех только одно на уме.

– Может, у меня совсем другое, – обиженно сказал подросток и зачерпнул ладонью горсть песка.

– И что же? – усмехнулась Лена и повернулась к нему.

– Тебе какая разница, – грубо ответил Саша.

Он сжал пальцы, и песок быстро потёк вниз. Прилипшие к ладони песчинки он смахнул, и ничего не осталось.

– Нет, я тебя серьёзно спрашиваю: чего ты хочешь в жизни? – не отставала Лена.

Саша пожал плечами.

– Хочу, чтобы у меня всё было. Дом, девушка красивая, машина, дело своё. И на море чтобы каждый год ездить, а лучше вообще жить на море.

Лена засмеялась.

– Чё смешного? – спросил Саша. – Сама-то ты чего хочешь?

Лена пожала плечами.

– От тётки хочу свалить. Ещё в Москву хочу поехать или в Питер. А море? Ничего в нём нет особенного. Не знаю, почему у людей такой фетиш: каждое лето ехать на море.

– Ты просто живёшь всё время на море и не понимаешь. Это как продавать мороженое или торты. Когда что-то классное у тебя под носом, ты перестаёшь это ценить.

Лена рассмеялась и задрала подбородок, подставив лицо солнцу. Саша смотрел на неё, и ему хотелось лишь одного, чтобы этот день и этот миг никогда не заканчивались. Чтобы морские волны так же размеренно опускались на кромку пляжа, чтобы лёгкий бриз колыхал волосы и чтобы Лена вот так же щурилась на солнце, закрывала глаза, а потом снова открывала и корчила смешные гримасы. Мир казался таким огромным и безлюдным, и не было большего счастья понимать, что он принадлежит только тебе.

– Мне домой надо, – внезапно нарушила тишину Лена.

– У тебя же выходной, – сказал Саша.

– Да, тётке помочь надо в огороде.

– Давай ещё посидим, успеешь в свой огород.

– Неохота, но надо идти, а то тётка орать будет, что я по дому ничего не делаю.

Она встала и начала лениво собираться. Саше хотелось придумать какой-нибудь нелепый повод, чтобы она осталась, или же силой удержать её. Но вместо этого он покорно последовал за ней. Они подъехали к зелёной металлической калитке, и Лена скрылась в тени сада. Ветви абрикоса свешивались через забор на улицу и ломились под тяжестью плодов. Саша сорвал один абрикос и засунул в рот, тот оказался кислым. Подросток выплюнул невкусное фруктовое месиво и поехал дальше.

Жизнь Саши теперь состояла из купания в море, бесцельных поездок по окрестностям и встреч с Леной. Время, как детская карусель, несло бессмысленно и весело. Казалось, что ни до, ни после никакой другой жизни не было и нет, что только этот отрезок и есть настоящая жизнь и настоящая свобода.

Как-то вечером Саша, как обычно, ждал Лену возле кафе. На веранде, сдвинув столики, что-то праздновала большая компания мужчин среднего возраста. Они громко разговаривали, произносили тосты, ели и пили. А Лена кружила вокруг них, то поднося очередной заказ, то забирая лишнюю посуду. Вдруг один из мужчин приобнял её за талию.

– Эй, красавица, сядь с нами, – сказал он и усадил её к себе на колено.

– Мне работать надо, – ответила Лена и попыталась высвободиться.

– Никуда твоя работа не денется. Посиди с нами, покушай, – не отпускал её мужчина.

– Я не могу, хозяин будет ругаться, – Лена извивалась, пытаясь встать.

– Договорюсь я с твоим хозяином, не бойся, – мужчина тянул её к себе.

В Саше закипала злость. На мужика, который так бесцеремонно лапал его девушку, и на Лену, которая вяло сопротивлялась вместо того, чтобы залепить этому упырю пощечину.

Он взлетел на веранду, подбежал к ним и со всей силы ударил мужика. Лена взвизгнула и отскочила в сторону. Саша схватил её за руку и потащил за собой.

– Что ты делаешь, отпусти! – кричала она, но Саша всё сильнее сжимал её запястье. – Ты мне руку сломаешь, сумасшедший.

Саша ослабил хватку, но всё равно упорно тащил её за собой.

– Пусти же! – кричала Лена, пытаясь его остановить. – Зачем ты вообще полез? Кто тебя просил?

– Тебя мужик пьяный лапал, – сказал Саша, остановившись. – Или тебе приятно было? – язвительно спросил он, глядя Лене в глаза.

– Нет! – крикнула она. – Но это друзья хозяина, теперь он меня точно уволит. Где я найду другую работу? А?

– Да, и черт с ней, с этой работой, – сказал Саша и отпустил девушку. – Хочешь, вообще отсюда уедем. Куда угодно, хоть в Сочи. Там устроишься в такую же забегаловку, комнату снимем.

Лена обиженно скрестила руки на груди и отвернулась. Из кафе выскочили двое мужчин – кто-то из гостей шумной компании.

– Поехали! – скомандовала Лена.

Они побежали к мопеду.

– На, – Саша протянул Лене шлем.

– Лучше ты надень, ты же впереди едешь, – ответила она.

На споры не было времени. Саша застегнул шлем и завёл мопед. Преследователи запрыгнули в машину и поспешили за ними.

Саша пытался выжать из мопеда максимум, но тот плёлся, как уставшая черепаха. Машина стремительно нагоняла их. Саша со всей силы давил на газ, но это не помогало, ещё как назло автобус, ехавший перед ними, стал тормозить. Подросток стал обгонять автобус, он хотел первым войти в слепой поворот. А дальше жать на газ и надеяться, что преследователи потеряют их в потоке.

Мопед выехал на встречную полосу, из поворота прямо ему в лоб вылетела белая иномарка. Стало темно.

Первое, что услышал Саша, когда очнулся, это оглушительное тиканье часов. Казалось, что они ходились прямо в мозгу, бешено отстукивая секунды. Саша попытался открыть глаза, но не смог.

Незнакомый женский голос говорил полушёпотом:

– Девочку жалко, такая молоденькая. Ей бы жить и жить.

В палате был кто-то еще. Саша чувствовал, что это отец. Он молчал, но Саша и так знал наперед всё, что он скажет.

Нестерпимо тикали часы, как будто стрелки соревновались в беге. Где-то вдалеке шумело море, но Саша его больше не слышал.

АРХИВ

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ БАЙДУЛА ИСКЕЕВА

*Памятник Байдулу Искееву
(скульптор А. Молоков)*

350 лет назад погиб в бою чувашский поэт Байдул Искеев, возглавлявший один из повстанческих отрядов в войске Степана Разина. Незадолго до этого, осенью 1670 года, он участвовал в боях под Симбирском и, согласно одному из преданий, сочинил здесь песню «Два крыла имел я в жизни», когда узнал, что его возлюбленная Минесса попала в плен к царским войскам... Чувашский народ сложил сказания и легенды о батыре Байдуле, а приписываемые ему стихи и песни были записаны собирателями фольклора во многих районах Чувашии и за её пределами.

Согласно Чувашской энциклопедии, родился Байдул Искеев в деревне Хоракасы Цивильского уезда. Дата рождения национального героя пока не выяснена. Летом 1670 года он был руководителем отряда крестьян-повстанцев в войске Степана Разина. Собрав соратников в чувашских селениях края, Байдул Искеев по призыву предводителя крестьянского восстания спустился со своим отрядом вниз по Волге, где принимал участие во взятии

Царицына и дошёл до Астрахани. Затем вместе с восставшими казаками вернулся в уезды Среднего Поволжья. Со своим атаманом Тойдемиром Емайдином (из деревни Искеево Цивильского уезда) был участником многих боёв против войск, посланных на Волгу царём Алексеем Михайловичем для усмирения бунтовщиков.

В сентябре 1670-го разинское войско захватило пригороды Симбирска и взяло в осаду Симбирский

кремль. Осаждённый гарнизон под командованием князя Ивана Милославского отразил четыре попытки штурма города, чему способствовала поддержка стрельцов идущего из Москвы воеводы Юрия Барятинского. Чтобы помешать царским войскам прийти на выручку симбирскому гарнизону, Разин отправил небольшие отряды к городам правобережной Волги с целью поднять на борьбу крестьян и посадских людей. Отряд Байдула Искеева, пополнившийся новыми повстанцами, от Симбирска дошёл через присурские леса до Цивильска и 9 сентября участвовал в его осаде и захвате, а 23 сентября – в крупном сражении на реке Карле, притоке Свияги; сражался Байдул также под селениями Досаево, Яндоба и Хоракасы. За храбрость и умелое руководство своим боевым отрядом он получил от Разина звание полковника.

На подавление крестьянского бунта были направлены крупные силы правительственных войск, и уже в октябре повстанцы были разбиты и у Симбирска, и у Цивильска. В начале 1671 года Байдул Искеев попал в плен, несколько дней подвергался допросам и жестоким пыткам. Затем, по преданиям, он был освобождён повстанцами-сподвижниками, продолжил борьбу против царских войск и погиб в бою у деревни Цыганкасы Чебоксарского уезда (с 1975-го она вошла в состав города Новочебоксарска); похоронен национальный герой на холме, который местное население назвало Байдуловым. Точная дата гибели тоже не установлена – предположительно, это 1671-й или 1672-й год.

Как известно, про Стеньку Разина народ сложил много легенд, преданий, стихов и песен, несмотря даже на то, что был он разбойником и бунтовщиком. Среди чувашей такой же чести удостоился и Байдул Искеев: в народной памяти он прослыл не только отважным полководцем и национальным героем, но и как стихотворец и сочинитель чувашских песен. Его можно назвать первым в истории народа чувашским поэтом. Когда Байдул со своими отрядами воевал под Симбирском, его возлюбленную Минессу, по одной из легенд, захватили в плен, и всё своё горе он выразил в песне «Два крыла имел я в жизни». В своих стихах поэт воспевал крестьянские мечты о земле и свободе, боевые подвиги своих соратников. Кроме того, Байдул Искеев стал первым в мировой литературе поэтом, упомянувшим реку Суру в стихотворении «Ветры»: «Я над Волгой и Сурой / Взмыл бы белой чайкой ввысь!».

О месте рождения поэта у земляков нет единой точки зрения. Деревня Хоракасы Цивильского уезда Приказа Казанского дворца ныне находится в Моргаушском районе Чувашской Республики. Но в книге «История Чувашской АССР», изданной в 1966 году, сообщается, что деревня Хоракасы Цивильского уезда, откуда был родом Байдул Искеев, имела ранее второе название – Карайкасы, а ныне это деревня Сормхири Красноармейского района Чувашии (в 30 километрах от сегодняшней деревни Хоракасы). В 2009 году был даже утверждён флаг Караевского сельского поселения, в которое входит деревня Сормхири; на нём изображена голова богатыря Байдула в чувашском шлеме, с которого взлетает сокол. В Сормхири регулярно проводятся праздники памяти поэта и полководца. Местные жители

*Голова батыра Байдула
на флаге Караевского поселения*

не сомневаются, что именно здесь Байдул Искеев родился и сражался с царскими войсками. А вот в деревне Байдуши Цивильского района Чувашии считают, что национальный герой Байдул – это их односельчанин, и даже предложили скульптору Андрею Молокову разработать макет памятника легендарному воину и начали сбор средств на его установку.

Земляки стихотворца уверены, что народные рассказы, баллады и песни о Байдуле, записанные сказителями в разные годы, отражают подлинные исторические события, сведения о которых сохранились в архивных документах. Байдула Искеева считают не только храбрым и отважным военачальником, но и незаурядным поэтом и настоящим рыцарем, песни которого и по сегодняшний день живут в народной памяти. В одной из таких песен он называет Чувашию своим крылом, которое поднимало его, как сказочного исполина Ульпа, в богатырский полёт. Тесно связан с именем Байдула и образ сокола, о чём сообщали в своих исследованиях этнографы и фольклористы.

Согласно преданию, которое чувашский поэт Кирилл Лисицын (Кирук Васянка) записал в 1916 году в селе Уби (ныне Дрожжановского района Республики Татарстан), Байдул Искеев был из княжеского рода Улхаша, военному искусству обучался в семье деда, а одет был в красную епанчу, накинутую поверх лёгкой кольчуги. Он любил гарцевать на белом аргамеке, которого звали Халат (Сокол). В песне, сложенной о самом Байдуле, говорится, что аргамак по кличке Халат – быстрый, как ветер, и звезда горит на его лбу, показывая дорогу чувашским героям. Сам Кирук Васянка (1901–1918) бывал в Симбирске, встречался в Симбирской чувашской школе с Иваном Яковлевым; в селе Уби он записал песни Байдула «Вражь головы – кочаны», «Нас никто не научит», «Два крыла имел я в жизни». В другой песне, записанной учителем Ф.И. Ивановым, поётся о том, что Байдул стал полководцем в семнадцать лет и был силен, как медведь. Он летал на своём аргамеке, споря с орлами, а его отряды, как соколы, обрушивались на врага. Стрелял Байдул так метко, что люди верили, будто он имеет соколиные глаза.

В 1928–1930 гг. от стариков села Большое Микушкино Средневожской области (ныне

Иса克林ского района Самарской области) несколько песен Байдула Искеева записал М.Т. Казанков (Михайли Тилли), в том числе «Эй вы, ветры, буйны ветры». Впервые они были напечатаны в 1973 году в сборнике «Палнай», который составлен знатоком чувашского фольклора Валемом Ахунном. По рассказам Казанкова, Байдул был ближайшим соратником и другом Степана Разина. Валем Ахун в предисловии книги отмечал, что чувашские отряды, руководимые Байдулом, участвовали во взятии Чар-города (Царицына), дошли до Астрахани, в 1670 году вели бои с войсками Бярятинского под Симбирском, а впоследствии через сурские леса пробились обратно на территорию Чувашии и ещё раз подняли здесь пламя восстания.

А в 1937 году поэт и фольклорист Иван Юркин записал в селе Ишеево песню Байдула «Мы из чувашского рода», а в деревне Марково – «Борьба за чувашей». Юркин тоже связан с нашим городом: он учился в Симбирской чувашской учительской школе, до 1926 года служил в Ульяновском губернском статистическом управлении. Выйдя на пенсию, целиком посвятил себя литературному творчеству, в 1934 году

Песчаная фигура Байдула на выставке в Чебоксарах

стал членом Союза писателей СССР. Умер Иван Юркин в 1943 году в Ульяновске.

В честь Байдула Искеева была названа улица в столице Чувашской Республики – Чебоксарах. Его имя присвоено библиотеке в Новочебоксарске. Всечувашский общественно-культурный центр даже ходатайствовал о переименовании этого города в Пайдул (так имя национального героя звучит по-чувашски), а архитектор Станислав Удяков предлагает назвать именем Пайдула Искеева новый микрорайон в Новочебоксарске. Учреждена также литературная премия имени Байдула Искеева...

В письменных источниках не сохранилось ни одного стихотворения поэта. Песни Байдула передавались из уст в уста и пелись в чувашских деревнях, а записаны были фоль-

клористами лишь сто лет назад, в первой половине XX века. Мне удалось найти и перевести с чувашского на русский язык пока только 9 стихов и песен легендарного воина. Если считать с 1648 года, когда был основан Симбирск, Байдул Искеев является первым поэтом, связанным с Симбирским-Ульяновским краем.

*Николай МАРЯНИН,
поэт и краевед*

Байдул ИСКЕЕВ

«КТО ПОДНЯЛ МЕЧ – ТОТ ПОРОДИЛ МЕЧТУ...»

Перевёл с чувашского Николай Марянин

ДВА КРЫЛА

Два крыла имел я в жизни
Средь чувашских бурь и вьюг:
То любовь к моей Отчизне
И любовь к тебе, мой друг...

Милая Минесса, где ты,
В чьём плену, по чьей вине?
Степь пуста, мрачны рассветы,
Подрубили крылья мне!

Не хотят вернуть – и ладно,
Сам тебя спасти смогу:
Меч мой острый беспощадно
Срубит голову врагу.

ВЕТРЫ

Ветры буйные, куда
Вы стремитесь тыщи лет?
Вдоль по Волге, как всегда,
За волной летите вслед
И качаете суда...

Ветры буйные, сойтись
С вами хочется порой,
Чтоб на крыльях вознестись:
Я над Волгой и Сурой
Взмыл бы белой чайкой ввысь!

Ветры буйные, я стать
Вольным жажду, как и вы...
Что ж вы плачете опять,
Душу рвете и, увы,
Не хотите в небо взять?

ГОЛОВА ВРАГА

Наш дремучий лес – урман,
Не владеет им лашман...
Старый дуб в нём – талисман:
Выше крону, атаман!

Семь дорог нас не страшат,
Встретит меч чужой отряд:
Обойдём врага стократ –
И отправим прямо в ад.

А ещё – луга вокруг,
Не спеши, постой, мой друг:
Заросли травой поля –
Здесь чувашская земля.

Трав зелёных – океан,
И коса сечёт, как меч...
Голова врага – кочан,
Час придёт её отсечь.

ЧУВАШСКИЕ ГЕРОИ

Вдоль Волги мчимся, веруя в судьбу,
Проскакывая сёла на лету...
Зовём народ чувашский на борьбу:
Кто поднял меч – тот породил мечту.

В больших полях и дремлющих лесах
Нам прятаться, как трусам, не дано:
Чувашской стороне неведом страх,
Вставайте, братья, с нами заодно!

Скажите громко все: «Мы – не рабы,
И головы врагов уроним с плеч!»
Откликнитесь на вечный зов судьбы:
Чувашские герои, выше меч!

Активней будьте, братья-земляки,
Взметните меч родного очага:
Остры чувашской армии клинки,
Погибель ждёт коварного врага!

БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ

Птица сокол, в небе чистом
Ты летишь, как резвый конь,
Пробуждая ветра свистом
В сердце яростный огонь.

От Томи с тобою к Волге
Полететь мне разреши;
Ночь звезду зажжёт в восторге
Счастьем для моей души.

Наш чувашский край прекрасен –
Пусть завидуют враги...
Я – Байдул, и клич мой ясен:
Землю свято береги!

Правду всю скажу чувашу,
Голос до крови сорву;
На борьбу за землю нашу
Лучших соколов зову.

НЕ СДАДИМСЯ

Не сдадимся мы врагу,
Не отступим ни на шаг,
И с мечом пойдём в пургу,
Чтоб наш дух почувал враг.

Не сломить нас буре впредь
Там, где дикий лес вокруг,
И врагу не одолеть,
Если рядом верный друг.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Зима, и мёрзнут уши,
В тулуп упрятан нос,
Но не остынут души,
Не страшен им мороз.

Чуваш – собрат чувашу,
Земляк и близкий друг:
Возвысим веру нашу,
Смирять зло вокруг.

Призыв мой станет благом,
К наследникам спеша,
И под победным флагом
Очистится душа!..

ТРЫН–ТРАВА

По следам идут враги,
Гонят к югу много дней:
Аж стоптали сапоги,
Чтобы нас настичь быстрее...
Но укрыться проще нам,
Если лес дремучий есть;
Не по силам мы им там,
Где лосиных троп не счесть.

Окружали нас семь раз,
И свистел вокруг свинец:
Думали, разбили нас,
Уверяли, нам конец...
Но всё это трын-трава,
Если меч поёт в руках
И тугая тетива
На врага наводит страх!

ИЗ ЧУВАШСКОГО РОДА

Чёрный ворон, чёрный ворон, –
Белым быть нельзя врагу;
Снова вышел на простор он,
Но презреть я страх смогу!

Нам дано за честь народа
На своей земле стоять...
Из чувашского мы рода,
Нам ли головы склонять!

Скакунов скорей седлайте,
Мы пойдём сквозь чёрный мрак;
Меч свой острый поднимайте,
Уничтожен будет враг!

*Ольга ДАРАНОВА, ученый секретарь Дворца книги,
руководитель Ульяновской писательской организации.*

ЗАДЕРЖИТЕСЬ ХОТЬ СЛОВОМ ВЫ В ЭТОЙ СТРОЧКЕ МОЕЙ...

Памяти Анатолия Чеснокова

25 октября 2021 года исполнилось 70 лет со дня рождения ульяновского поэта Анатолия Чеснокова (25.10.1951–09.03.2010).

Фото Владимира Ламзина

Он был из поколения 70-х прошлого века. Из тех дерзновенных, которые любили мечтать, учиться, читать, путешествовать. Из тех, кто жарко спорил на кухне о сущности поэта и поэзии, из тех, кто ценил дружбу и бескорыстно, всем сердцем любил свою родину.

Стихи были его сущностью, его воздухом, как и родные места. Он родился и жил на благословенной Карсунской земле, богатой не только своей природой, но и талантливыми людьми. Земля Языкова и Пластова, земля, на которую ступал Пушкин... Эта земля, прекрасная в любое время года, питала творческую натуру поэта. Строчки рождались в его душе, как «надежда, восторг и добро».

Надо было видеть, как он читал стихи! Как верно отметил литературовед Александр Рассадин, «... это было не проговаривание, а *горение*, а само чтение превращалось в своеобразное обрядовое действие, в центре которого был Поэт, властно втягивающий себя в орбиту своего литературного священнодействия».

...Вновь перечитываю стихи Анатолия Чеснокова и вновь понимаю, что он, этот странник, безбывный, выпадающий из привычных норм жизни человек, был действительно «весь из нежности, из жалости». И неважно, о ком он писал, – о родине, о любимой, о матери, о природе родного края – всё живое вызывало в его душе трепет и восхищение. И ещё одно слово кочует у него со страницы на страницу – это слово «радость»... Та радость, которая рождает слезу благодарности за всё сущее, за то, что живёшь, радость сопричастности, радость даже в грусти, потому что грусть светлая. Летит, летит чистая его строка, вобравшая в себя свою милую родину, а значит, частицу мира, уникальная в своей простоте, прозрачности и песенности:

*Мёдом пропахшие травы:
Донник, шалфей, зверобой...
Где, у какой переправы
Встречусь я, радость, с тобой?
И у какого колодца,
И у какого плетня
Встреча та отзовется
Песней любви для меня?
И у какого истока,
И у какого крыльца
Музыкой чистой, высокой
Наши зальются сердца?*

Его стихи цельны своим настроением, интонацией, из них невозможно выделить фрагмент для комментария – всё разрушится, прервётся мелодия, внутренний монолог поэта:

*Надвигается вечер
на безлюдье равнин,
Гасит медленно свечи
отпылавших рябин.
Луч прощальный, нерезкий
промелькнет на стекле.
И поля, перелески
исчезают во мгле.
И осеннее олово,
и безлюдье полей.
Задержитесь хоть словом вы
в этой строчке моей.
Глушь да темени бремя –
ни звезды в небесах...
Осыпается время,
как в песочных часах.*

А вот совсем незатейливая картинка серого осеннего дня, а перед глазами родина, вместившаяся в одну фразу благодаря точной метафоре (деревня как «стаяка неотлетевших гусей»).

*День словно серенький зайка.
Осень – сентябрь – хмаросей.
Наша деревня – как стайка
неотлетевших гусей.
Стоит лишь мне приглядеться,
будто бы это к беде –
Лист, как горячее сердце,
в стынущей бьётся воде.*

Стихи Анатолия Чеснокова передают мир природы в тончайших переливах звука, в оттенках света и тени, и каждое слово дополняет общую картину стиха:

*Ощущеньем потери
Сосны возле оград.
В грозовой атмосфере
Прокатился разряд.
А потом в изначальной
тишине всех округ
Что-то птицей печальной
упорхнуло из рук.
Капли – точно подвески,
Тронь рукой – зазвенят.
В доме на занавесках
Чутко бабочки спят.
Ощущеньем потери
Месяц в окнах застыл.
Лепестки, словно двери,
Одуванчик закрыл.*

Поэт выражает себя творчеством. Горение его сердца передаётся в речи, поэтому у Анатолия Чеснокова стоят в одном ряду такие, соединённые внутренней силой слова: «свеча», «речь», «горение». Его пламя «хохочет», у него «цветная речь огня». Наряду с образом свечи, огня, жизни-горения есть у него и замечательный образ метели.

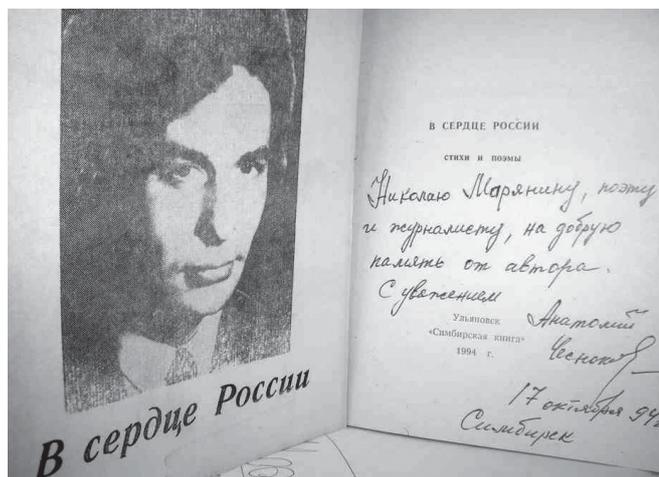
*Любите зимние пейзажи –
В них столько кружев и слюды,
В них – тёмные глаза воды
Из прорубей глядят неделями...
В них роза белая метели...*

Его поэзия прочно держится на золотом слове русской классической литературы («Я – мысль Толстого, Тютчева строка, / Из будущего светлая река»). Его родные места «навеют Языкова сказы и Пушкина звонкую речь». Миру его стихов близки строки Есенина, Блока, Заболоцкого, Рубцова. Он соединяет времена, встречается в дне сегодняшнем с Цветаевой и Блоком. В его стихах

*Вновь зацветает дрок
И золотятся кручи
Цветая и Блок
Беседуют о будущем.*

Впитал он и благовские традиции. У него снег как гусиный пух и серебряная прядь волос матери, а сама зима седая, как былинная Русь.

Как настоящий большой поэт, он слышит поэтический язык природы, именно она, природа, её пробуждение или увядание, формирует его речь, её первоначальную, ясную певучесть. Он не «ломал» строку, не искал особенных искусственных

эпитетов. Его слово было глубоко и самодостаточно своей изначальной лексической образностью. И в то же время оно было свежо, как глоток зимнего воздуха, легко, как весенний ветер, и покойно, как гладь озера.

Этому поэту крышей над головой часто служило небо, а постелью – теплая летняя земля. Но всегда находились люди, готовые дать ему чистую рубашку и кусок хлеба... Он бывал разным, часто выходящим из формата привычной жизни, но поэзия для него была свята. Он был пропитан ею, как светом Родины.

Его спасало и держало на этой земле чувство слитности с миром, растворённости в нем. Это была его защита. Его одиночество было одиночеством в людях, но не в мире. Он был слит с музыкой Грига, с Пушкиным, с песней Сольвейг и огненной пляской Кармен, с полыханьем молдавской галбенуцы и нашей российской мать-и-мачехи, с землёй Пластова и с осенним смолистым днём в родной Теньковке.

Он был человеком мира, грустным и глубоким лириком, «счастья бедным птицеловом», как сам он себя однажды назвал в стихах.

Смотрю кинохронику, вижу, как он идёт по улице нашего города в чём-то белом (он любил белый

цвет), с пышной гривой волос. У него была лёгкая походка, он идёт с сумкой книг, дымя сигаретой, идёт сквозь поток прохожих, сквозь солнечный день, сквозь время... Он дарит нам свои стихи, щедро протягивая листы направо и налево, он смеётся... Он желает нам добрых дел и мыслей, дружества и любви ко всему родному, как в его последней поэме «Пока ещё октябрь...»:

*Будь славен, мой октябрь!
Я в октябре родился
У месяца в конце,
Под цифрой 25,
Как озимь, зеленой!
На белый свет пробился
С улыбкой на лице –
так говорила мать.
Октябрь, пока октябрь,
Давайте приниматься
За добрые дела,
Не в ссорах, не во зле.
Давайте мы, друзья,
Всем сердцем прижиматься
К любимой – навсегда! –
Отеческой земле.
Пока ещё октябрь...*

Чесноковские чтения в Карсуне.
Из архива О. Дарановой

Ольга ДАРАНОВА

* * *

Анатолию Чеснокову

Как гулко лес шумит, ты слышишь?
И как смолисто пахнет день!
Мне кажется, ты рядом дышишь,
Ступив в березовую сень.
Всё мнится, что идёшь по лесу,
Как прежде, радуясь листве!
И так тебе светло, не тесно!
И столько строчек в голове!
Рубашка белая прощеньем
За несуразность бытия,
Молитвой – жаворонков пенье,
Ручья прозрачная струя.
Твой воздух и твои туманы,
И твой октябрь горит свечой,
И ты, оставленными званый
Сегодня в этот день земной.
И этот горький дым разлуки
Соединяет нам сердца.
И осени не молкнут звуки,
И литургии нет конца.

Наша справка:

Анатолий Петрович Чесноков родился в селе Теньковка Карсунского района Ульяновской области. Окончил Ульяновский пединститут. Работал учителем русского языка и литературы в сельских школах Ульяновской и Хмельницкой (УССР) областей. Служил в рядах Советской армии в Заполярье. Много путешествовал по России, Прибалтике, Молдавии. Несколько лет Анатолий Чесноков прожил в Молдавии, преподавал в школе, изучал молдавскую поэзию. Вернувшись на родину, сотрудничал со многими газетами области. Был участником различных всесоюзных и региональных писательских совещаний, одним из авторов поэтических подборок в коллективных сборниках. Автор книг «В сердце России», «Прямая речь», «Свет родины». Трагически погиб с 8 на 9 марта 2010 года. Похоронен в родной Теньковке. С 2010 года ежегодно в Карсуне проводятся литературные чтения, посвящённые памяти Анатолия Чеснокова. В 2015 году издана книга Г. Дёмочкина «Я весь из нежности, из жалости...» о жизни и судьбе поэта. В 2016 году в издательстве «Корпорация технологий продвижения» вышел сборник стихотворений и поэм А. Чеснокова «Росой омытая строка...».

25 октября нынешнего года исполнилось 70 лет со дня рождения талантливому ульяновскому поэту Анатолия Петровича Чеснокова. Его курсник по ульяновскому пединституту Владимир Янушевский написал книгу воспоминаний под названием «Слова, слова, слова...». Главным персонажем является именно Анатолий Чесноков, а в состав повествования включены письма и стихи поэта. Сейчас книга готовится к изданию. Ниже мы публикуем сокращенный вариант текста будущей книги.

Владимир ЯНУШЕВСКИЙ

СЛОВА, СЛОВА, СЛОВА...

Заметки провинциала

Журнальный вариант

«Прекрасный наш язык способен ко всему...»
Александр СУМАРОКОВ

«Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать...»
Сергей ЕСЕНИН

«Ты написал много букв; еще одна будет лишней...»
Иосиф БРОДСКИЙ

У Сартра есть повесть под названием «Слова», а у меня вот – «Слова, слова, слова...». Разумеется, Жан Поль Сартр – классик, всемирно известный писатель и философ, а я непонятно кто, поэтому и повторяю вслед за шекспировским Гамлетом: «Слова, слова, слова...»

И вот еще что: я хочу сохранить в этом тексте подлинные имена и фамилии людей, о которых пишу. Обожаемый мною Катаев в «Алмазном венце»¹ зачем-то зашифровал имена друзей-литераторов или просто людей, которых знал в молодые годы. Понятно, что это такая традиция: каскад мистификаций, литературная игра, культурный код для «своих». Но книги-то пишутся для читателей...

Моргая, мы режем видимую реальность на куски, как нож кромсает пшеничный батон, а ножницы режут киноплёнку на кадры...

Что было раньше: *текст* или *слова*, из которых он состоит?

Приснилось недавно: иду я по улице имени музыкального критика Стасова (есть такая улица в нашем городе), подхожу к перекрестку с улицей Ефремова (и такая улица имеется, там прошло мое школьное детство), и вот на торцовом балконе пятого этажа <...> вижу Толяна Чеснокова (ему тут примерно 30-35 лет). В юности мы с ним были однокурсниками и дружили.

Анатолий – поэт. Он стоит в одной белой сорочке (цветных, клетчатых и полосатых рубашек он не носил), поеживаясь от холода (уже конец осени, ноябрь), разбирает папки со своими стихами, которые оставлял тут на хранение (по-видимому, он в этой квартире когда-то угол снимал, хотя в

действительности такого не было никогда), вытряхивает из них мертвых засохших тараканов и говорит хозяину, который находится в комнате:

– У тебя тут тараканы *запсблелись*.

По-видимому, диалектное слово, ударение на второй слог.

Воспоминания реализуются в зрительных образах и почти мгновенно отливаются в слова. Это как чтение художественных книг, только наоборот: читаю, мы проскальзываем сквозь строки, как через штакетины забора, в яркий, видимый внутренним зрением мир (не будем мучить себя вопросом о том, что есть *внутреннее зрение* – на этот вопрос нет вразумительного ответа). А когда нас захлестывают воспоминания, видимые образы сами себя проговаривают, становятся словами. Если слова записать, получатся строки (то есть *стихи*). В этих строчках – застывший образ мизерного фрагмента мира, *остановленное мгновение*. Поэзия отображает именно такие фрагменты. Вот известное хокку японского поэта Мацуо Басё:

Старый пруд.

Прыгнула в воду лягушка.

Всплеск в тишине.

Анатолий Чесноков родился 25 октября 1951 года в деревне Теньковке Карсунского района. В семье было семь человек детей: четыре девочки и три пацана. Мать, Мария Евлампиевна, воспитала девчонок трудолюбивыми и упорными. Все они после сельской школы отучились в Ульяновском пединституте, повыходили замуж за курсантов военных училищ, которых (училищ) в областном центре было предостаточно, и разъехались – кто куда.

¹ Имеется в виду мемуарный роман-памфлет «Алмазный мой венец» В.П. Катаева.

Братья в основном удались в отца, неказистого мужичонку, сельского механизатора, который, как мне кажется, не особенно любил работать, зато был *не дурак выпить*. Впрочем, все трое пацанов выучились ловко орудовать косой и любили бывать *на покосе*, как иные любят охоту или рыбалку.

Слово – одна из основных структурных единиц языка, которая служит для именованя предметов, их качеств и характеристик, их взаимодействий, а также именованя мнимых и отвлеченных понятий, создаваемых человеческим воображением («Википедия»).

Вот, вспомнилась строчка Тютчева: «Моя душа – элизиум теней...» В древнегреческой мифологии *элизиум* – это часть загробного мира, обитель душ блаженных.

Федор Иванович Тютчев – не профессиональный поэт, он был дипломатом. И Пушкин числился в каком-то там ведомстве, служил, в частности, чиновником по особым поручениям – отважно боролся с саранчой, как герой Василия Аксенова *старик Моченкин дед Иван*² безжалостно изводил колорадского жука. Лермонтов был занят ратным трудом – храбро воевал в гусарском, драгунском и даже пехотном полку, хотя его, прирожденного всадника, трудно представить пехотинцем. «А поручик Лермонтов похмелялся вермутом...» – любимое при словье студента Чеснокова.

Тютчев деловые, частные и любовные письма писал только по-французски, а композитор Сергей Танеев вел дневники на *эсперанто*.

И когда только они, поэты XIX века, успевали писать стихи, поэмы, драматические *пьесы* и повести-романы? А вот *профессиональные поэты* существовали только в СССР.

Всем детям читают книжки, в прозе и стихах. Все дети слышат от взрослых ритмически оформленные шутки-прибаутки – когда их кормят, когда моют, когда сажают на горшок. Но едва ли не первое знакомство с живой стихотворной речью мне обеспечивали детские *считалочки*, призванные распределить роли в той или иной игре. Среди них встречались разные. Были вполне себе сюжетные:

Из-под горки катится
Голубое платьице,
На боку зеленый бант,
Тебя любит *капитант*,
Капитант молоденький,
Звать его Володенькой,
Через месяц, через два
Будешь ты его жена.

Попадались исторические:

Вышел немец из тумана,
Вынул ножик из кармана
– Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить.

Иные исторические считалки нередко проистекали из частушек и при этом имели явно патристическую окраску:

Ехал Гитлер на машине
В партизанские леса.
Подорвался он на mine,
Полетел под небеса.
С неба звездочка упала
Прямо Гитлеру на нос.
Вся Германия узнала,
Что у Гитлера понос.
И т.д.

Считалки легко запоминались, даже если были сложены на *тарабарском* языке:

Акаты, пакаты, чукаты мэ,
Амбаль, фамбаль думанэ,
Йки, пики, грамматики -
Кленус!

Все-таки повезло Толяну Чеснокову: родился в Карсунском районе Ульяновской области, бывшей Симбирской губернии.

В чем везение? Ну как же! По соседству располагается имение Языковых, впрочем, уже несуществующее; там бывал Пушкин (от Языкова до Теньковки – 12 верст). В деревне Прислонихе неустанно пишет портреты своих земляков живой классик – Аркадий Пластов, академик живописи. В самом Карсуне тоже поэты встречаются: и в редакции районной газеты, и в школе, и в библиотеке, и даже в районной больнице...

Мое дошкольное детство прошло на Южном Урале, в маленьком, на девяносто пять процентов одноэтажном, городишке Кусá Челябинской области. Как-то раз отец объяснил мне, что «КУСА» – это *аббревиатура* (разумеется, он не знал этого термина), и расшифровывается она так: *колония уголовно-ссылных арестантов*. Я тогда подумал, что это шутка. Но вот, дожив до *эры интернета*, я обнаружил сразу несколько городских сайтов Кусы, на одном из которых прочитал именно такое толкование имени моего родного города.

Нельзя вспомнить все. Вспоминаются фрагменты, обрывки, куски... Мы воспринимаем мир отрывочно, мозаично, *дискретно*; так же и вспоминаем. А сознание наше, которому присуща функция *горизонтности*, воссоздает единую картину мира. Но и эта картина не предстает перед внутренним взором целиком, мы «видим» поочередно отдельные ее фрагменты.

В раннем детстве я не дружил с мальчишками, потому что в радиусе полукилометра от нашего дома трудно было найти мальчика моего возраста. Так что я довольствовался тем, что имелось в наличии. А в наличии была соседка Танька Никифорова (она жила в другой *половине* нашего дома), которая почему-то редко выходила гулять, и еще Ирка Аксенова – девочка очень маленького роста. Моя мама говорила про нее, что она *крóхотная*. Родители Иры тоже были низкорослыми. Жили они на нашей улице в очень маленьком доме в два оконца.

Ирка была спокойной и покладистой, безропотно соглашалась играть в те игры, которые я

² Персонаж повести В.П. Аксенова «Затоваренная бочкотара».

предлагал, всегда и во всем полагалась на мой выбор. Еще Ирка любила ходить с мамой в магазин, где, как она говорила, можно было что-нибудь *куплять*.

На первом курсе Анатолий Чесноков влюбился в свою однокурсницу. Предполагаю, что они учились в одной группе и жили в одном общежитии. Ее звали Людмила: темно-русая, красивая, не улыбка и молчаливая. Хмурыми осенними вечерами он выходил из общежития, шел до перекрестка, где стоял телефон-автомат, звонил вахтеру и просил позвать Людю из такой-то комнаты. Если она подходила, Толян хриплым от волнения голосом декламировал: «Мадам, уже падают листья...»

В возрасте пяти лет я придумал слово «*пятьдцать*», числительное. Помню день, когда мне исполнилось пять лет: был конец ноября, на улице холодно и грязно, снег еще не выпал, а только *припорошил* землю, и я решил, что не пойду гулять: устроился возле радиоприемника с большим ярко-зеленым глазом и вальяжно обмахивался веером, сделанным из конфетной обертки. Тут диктор объявил название очередной передачи: «Крепка́ как сталь, тонка́ как паутинка». По-видимому, там речь шла о *капрóновых* или *нейло́новых* нитях. Но мне название передачи почему-то *услышалось* так: «Младка́ как сталь, тонка́ как паутинка». Это слово – «младка́» – казалось мне более удачным.

А когда мы переехали в Ульяновск и у нас дома появился телевизор «Енисей», первый фильм, который мы всей семьей посмотрели, назывался «Господин 420». А вот как запомнилось мне название еще одного фильма: «*Дóнный ход*» («Дон Кихот»). Смотреть это кино мне не разрешили, потому что был поздний час, и, засыпая, я представлял широкую реку Дон, по которой ходили-плыли *челны* или какие-нибудь там *стру́ги*...

Людя, зазноба Толяна Чеснокова, была родом из села Волинщина Кузоватовского района. Дорога туда долгая: надо было на автобусе доехать до райцентра Кузоватово (еще есть село с таким же названием – *топóнным*, образованным от личного имени *Кузовáт*), а потом на станции ждать *электричку*, которая ходила 1-2 раза в сутки, чтобы добраться до ближайшей от Волинщины станции. Или ловить попутку из Кузоватово. Или как-то еще. Точно не знаю – сам я там никогда не бывал.

Условно всех людей можно поделить на две категории: на тех, кто использует и/или производит материальные *предметы*, и тех, кто манипулирует *именами этих и других предметов*, то есть *словами*, а с точки зрения *семиотики* – *зна́ками*, конкретно – *символами*.

Профессиональная деятельность многих людей – учителей, руководителей, политиков и т.д. заключается в основном в том, что они говорят, говорят, говорят... Даже врач не столько *лечит*, сколько *говорит*. Древние знахари применяли травы, корни, древесную кору, но главным их снадобьем было *слово*, *за́говор*. Болезнь, хворь надо было *заговорить*, то

есть войти с ней в контакт и уговорить ее покинуть тело *хвóрого, нéмощного* человека...

Вся литература сделана из слов. Там нет ничего *настоящего*, к чему можно прикоснуться или взять в руки, там только *слова́*.

Мой отец Николай Александрович Янушевский был *литейщиком*, работал с расплавленным металлом. После голодного сиротского детства, после тяжелой работы на медном руднике во время войны (таких, как он, на фронт не брали – у них была *бронь*, и мастер участка предупредил: в военкомат не ходите, на фронт не проситесь, а то пожалеете) он поступил в Свердловский машиностроительный техникум, а потом по распределению приехал в Кусу. Там на машиностроительном заводе был литейный цех, где он последовательно работал мастером *участка ширпотреба*, старшим мастером цеха, а затем начальником цеха. Участок ширпотреба – часть производственных площадей, где производили изделия широкого потребления.

На участке ширпотреба изготавливали чугунные сковородки, утятницы, чугунные же утюги со стальным зеркалом (такой утюг надо было разогревать на обычной дровяной плите), а также там выпускали *художественное литье* (статуэтки, пепельницы, *подчасники* – подставки-рамки для карманных часов) и другое. Коллекционерам хорошо известно *каслинское художественное литье* (его производили в городе Касли той же Челябинской области), но кусинское литье ничем не хуже.

Отец любил свою работу, гордился своей профессией (еще бы, ведь культовый фильм «Весна на Заречной улице» был как раз про таких, как он, – про металлургов), его вполне устраивала доставшаяся ему *участь*. И думаю, он был доволен своей судьбой. В Кусе родилась моя старшая сестра, потом брат Владимир, которого, однако, нянька простудила, когда отец пришел в роддом и попросил показать ему сына, и ребенок умер от пневмонии в возрасте одного месяца. Через год родился я, и меня тоже называли Владимиром.

Мой отец Николай Янушевский (в центре) с однокурсниками Свердловского машиностроительного техникума во время производственной практики на Уралмашизаводе. 1947 год.

Счастье, участь, честь – слова однокоренные, этимологически близкие. Как ни странно, все они восходят к слову *часть*, а *часть* – это *удел, надел*, «*кусок пирога*», *доля* в наследстве.

Удалство литейщиков: смачно плюнуть на указательный палец и с молниеносной скоростью *чёркнуть* им под ослепительно яркой струей расплавленного металла, текущего из *лётки* (отверстия) *вагранки* (плавильной печи). Слюна мгновенно высыхает, а кожа на пальце не получает ожога.

Отец рассказывал, что много раз проделывал это, хотя мне кажется, что подобные истории – из серии «*охотничьих рассказов*».

Моя мама Варвара Андреевна Никоненко родом с Украины, из Харьковской области, из города *Люботин*. Поверив «Декрету о земле», а потом и «Основному закону о социализации земли», ее семья получила в пользование участок земли и жила в селе *Манченки* (сейчас – поселок городского типа).

На Урал мама приехала в вагоне, предназначенном для перевозки коров и свиней, вместе с родителями и братом в числе других *репрессированных*. Тогда, в конце 20-х – начале 30-х годов, всех тех, кто умел и любил работать на земле и умудрялся получать неплохие урожаи, принято было считать *кулаками* и *мироедами*. Их сбивали в группы, грузили в *скотские вагоны* и увозили куда подальше – в Сибирь, на Алтай, на Урал. Когда люди в сапогах и гимнастерках пришли забирать моих родичей, дома были только родители и младшие дети; вот их и *повязали*. Остальные – два брата и четыре сестры моей мамы под репрессии не попали. Их просто не стали искать: бюрократические и рутинные *затылки* изначально поразили все советские учреждения.

В Китае книги продаются на вес: их буквально взвешивают на весах. Так что «Война и мир» Льва Толстого там значительно дороже пушкинских «Повестей Белкина».

Ссылных из Харьковской области привезли в глухой лес неподалеку от Свердловска и оставили под охраной нескольких конвоиров. Люди стали рыть землянки, затем начали строить дома. Возле домов появились фруктовые деревья и ягодные кустарники, а вот коренные жители Урала садоводством никогда не занимались, довольствовались дикой ягодой: малиной, земляникой, черникой...

Среди переселенцев нашлись люди с геологическим образованием. Именно они обнаружили вблизи их нового места жительства месторождение *талька*. Об этом узнало «начальство», было принято решение рыть карьер и организовать добычу этого минерала... Спустя несколько лет поселение, получившее название *Тальк*, уже состояло из крепких добротных домов, а благополучие его жителей вызывало зависть у местного населения-я-я...

Мне было года четыре, когда я увидел, как мой родственник дядя Гена готовится к завтрашней охоте: набивает порохом ружейные гильзы. На столе, помимо всех необходимых причиндалов, я увидел замечательные штучки: *капсюли* для охотничьих ружей – миниатюрные золотистые стаканчики

с крошечными зеркальцами на донышках. Сразу вспомнилось: «Свет мой, зеркальце, скажи...»

Тальк – распространенный минерал, силикат, группа пиррофиллита-талька.

Разновидности:

- *агалит* (тонковолокнистый тальк);
- *благородный тальк* (прозрачный светлый тальк);
- *виллемсеит* (никелевый тальк);
- *миннесотаит* (железистый тальк);
- *стеатит* (жировик, – плотный массивный тальк).

Тальк используют для изготовления огнеупорных материалов, применяют в металлургии, в текстильной, бумажной и химической промышленности, в медицине. Стеатит идет в дело при изготовлении различных поделок. Порошок, приготовленный из талька или на его основе, издревле и поныне широко используется в виде присыпки для кожи в медицине (известная *детская присыпка* – чистый тальк, но прошедший процесс отсева железистых пород), а также в быту для предотвращения slipping и трения соприкасающихся поверхностей (в резиновых перчатках и прочих изделиях, в обуви и т.д.). Как наполнитель тальк применяется в резиновой, бумажной, лакокрасочной и других отраслях промышленности (в медицинской и парфюмерно-косметической). Используется в керамике (особенно радиоизоляционной). Спортсмены-тяжеловесы перед выходом на помост натирают ладони тальком, чтобы крепче держать *гриф* штанги.

Источник:

<https://catalogmineralov.ru/mineral/talc.html>

Все друзья моего отца были одновременно его *коллегами*, все работали на машиностроительном заводе. Больше всего я любил, когда к нам в гости приходил человек по фамилии Марков, с редким именем Аполлос. Но выговорить полное его имя – Аполлос Александрович – был трудно, и все, взрослые и дети, звали его *Палсаньчем*. Он работал на заводе *скульптором*, делал модели и формы для будущих уникальных изделий – *художественного литья* из чугуна и алюминия. У него были невероятно сильные и в то же время очень ловкие, способные на ювелирную работу, руки. В кармане пиджака Палсаньча всегда лежал *перочинный ножик* с множеством режущих и колющих орудий, но обычно пользовался он самым маленьким лезвием ножа, и когда этот человек приходил к нам, я всегда подсовывал ему какую-нибудь деревяшку – щепочку, веточку или сосновый брусочек, и уже минут через пять он вручал мне готовое изделие: лодочку, куколку, лошадку...

Про него говорили, что на скучных производственных совещаниях он тоже часто орудовал своим ножиком. Если под рукой не было какой-либо деревянной заготовки, он доставал спичку из коробки... Отец рассказывал, что однажды он на *профсоюзном собрании* вырезал из спички цельную щепочку, состоящую из пяти или шести звеньев. Впрочем, тогда, в середине 50-х годов прошлого века, спички были другие: толстые, крепкие, и делали их из качественной древесины.

Популярную мужскую закуску – пряного посола

кильки с выпученными глазами – Палсаных ласково называл «анютины глазки».

Анатолий, подписывая стихи, по-разному трактовал свою фамилию: Чесноков, Честноков, Честнаков. И подпись у него была как минимум в двух вариантах: *Чесноков* и *Честноков*... Мы учились на историко-филологическом в пединституте. Толик был на курс старше, но впоследствии мы сравнялись, постигали науки вместе и даже в одной академической группе филологического отделения.

У нас была однокурсница Светлана Трошина (в замужестве Матлина): красивая русоволосая девушка с большими серыми глазами, с глубоким грудным голосом. Училась она средне, будущая профессия ее не привлекала, на педпрактику в школу она отправлялась как на казнь... Только спустя годы мы узнали, что Света тоже пишет стихи.

Так вот, день, когда мне исполнилось пять лет: конец ноября, на улице холодно и грязно, снег еще не выпал, а только чуть-чуть просыпался редкими крупинками. Поэтому я стою у окна второго этажа и смотрю на улицу, где редко попадаются прохожие, – и я открыто смотрю, безбоязненно, не опасаясь, что кто-нибудь увидит, как я смотрю, и вдруг замечаю незнакомого мне человека, мужчину, который топчется под деревом и наблюдает за мной. Я тотчас отступаю вглубь комнаты, а потом помещаюсь за прозрачной тюлевой занавеской и продолжаю, невидимый снаружи, смотреть. Человек уходит...

Думка – это маленькая подушка на диване.

Готовя снасти на рыбалку, отец мог *мастерски* вырезать недостающий *на́плав* (поплавок) для удочки. Для этого он брал кусок сосновой коры и перочинным или малым сапожным ножичком превращал его в некое подобие укороченного веретена с шишечкой на верхнем конце. На эту шишечку он накидывал петлю из лески и затягивал.

Я однажды тоже попробовал самостоятельно вырезать поплавок и, испортив два-три куса сосновой коры, в конце концов с легкостью освоил это нехитрое дело.

«Полоний:
– Что вы читаете, принц?
Гамлет:
– Слова, слова, слова...»³

Все болеют в детстве. В пору моего детства, в середине пятидесятых годов прошлого века, дети болели *кóрью*, *кóкклюшем*, *дифте́ритом* и т.п... Самые распространенные лекарства – *рыбий жир* и *кíслица*. Собственно, это не лекарства даже, а профилактические средства. Тогда почему-то считалось, что пилюля должна быть непременно горькой. Рыбий жир – источник витаминов и микроэлементов, но каким же отвратительным он был на вкус! Да и всё предназначенное для внутреннего употребления было горьким и невкусным. А наружные средства, такие как *мазь Вишневского*, имели отвратительный,

мерзкий запах, но этой самой мазью мне за несколько дней вылечили *лишай* на лбу.

Так вот, о кислице. Хотя мы и жили на Южном Урале, никакого южного колорита там не было, как не было (или почти не было) и естественных источников витаминов. Поэтому диагноз *авитаминоз* врач-педиатр ставил почти каждому ребенку и давал совет родителям: «Ешьте *кíслицу!*» В современных *определителях трав* этим словом обозначают самые разные растения, а у нас в Кусе кислицей называли вертикальные семенные побеги, или *столбунцы́*, которые уже в начале лета вырастали над кустиками дикого *щавéля*. Заросли кислицы можно было встретить на лесных полянах и в лугах. Но все-таки мы были городскими жителями и потому чаще всего кислицу покупали на базаре, куда ее привозили целыми *возáми*. На телеге были навалены связанные мочалом пучки кислицы, этакие небольшие веники, и возница продавал их за сущие копейки. Чтобы лошадь не скучала, пока шла торговля, он время от времени и ей совал в зубы пучок кислицы.

А мы, дети, вытягивали из пучка один стебелек, удаляли с него тонкую кожицу и с хрустом поедали. Лакомство было действительно кислым, но вкусным!

Слово *Миáсс* я услышал раньше слова *Москва*. Столица Москва была далеко, отец со временем стал ездить туда в командировки и привозил нам с сестрой красивые теплые трикотажные костюмы с *начёсом*, а город Миасс располагался где-то поблизости.

Однажды у нас в доме появился мужчина в темно-синем костюме, он сидел на диване, закинув ногу на ногу, и ждал, когда вернется с работы отец. Мама объяснила мне, что это *инженер* из Миасса.

Смешное слово *комод*. Два небольших верхних ящика, а ниже – три больших. В верхнем левом хранились различные документы, которые меня, конечно же, не интересовали. В верхнем правом можно было найти моток *суровой нитки*, *химический карандаш* и бутылочку с пробкой, наполненную *цитва́рным семенем*.

Суровая нитка – это крепкая и довольно толстая нитка; ей соответствовала большая игла с широким *ушком*, чтобы пришивать пуговицы к тулупу или *кошмой* подшивать *пимы́* (валенки). Среди елочных украшений имелись и *бусы*, тоже нанизанные на суровую нитку.

Химический карандаш с виду был как обычный *простой карандаш*, но стоило *послoнóвить* его заостренный сердечник и начать писать, как на бумаге возникала чернильная строка. Если на такой лист бумаги попадала вода, то строки расплывались бледной синей лужей...

Цитварное семя – семена *по́льни цитва́рной*, средство для выведения из организма *глисто́в*.

В Кусе наша семья сначала жила в *казенной квартире*, причем родители держали корову, чтобы

³ Шекспир У. Гамлет. Акт II. Сцена 2.

было молоко для нас, детей; потом мы переехали в *свой дом*, который отец как-то умудрился построить. Теперь я понимаю, что это был *подвиг*: отстоять рабочий день в горячем цеху, а вечером идти *на дбм*. Конечно, у него были помощники, профессиональные плотники, но все равно основной объем строительных работ он выполнил сам.

Вместе со своим дальним родственником Геннадием Пономаревым они получили участок, нарисовали проект: двухэтажный деревянный сруб из толстенных бревен на две половины. Когда построились, то у нас на втором этаже оказалось три комнаты: гостиная и две спальни, а на первом этаже располагалась просторная кухня с большой русской печкой. В печь был вмонтирован водогрейный котел, и горячая вода по трубам поднималась на второй этаж и заполняла чугунные батареи.

В этом доме мы прожили около трех лет, а потом его пришлось продать: мы уехали в Ульяновск. Для отца это был непростой выбор: он понимал, что другой *такой* дом он уже никогда не сможет построить.

Мой отец Николай Александрович Янушевский (в центре) с работниками литейного цеха Кулинского машиностроительного завода возле своего дома. 2 августа 1959 года.

У взрослых *папирбсы* в алюминиевом *портсигаре*, у детей – леденцы *монпансье* в жестяной коробке. Лучшие в мире конфеты: «Мишка козлапый», «Южная ночь» и «Озеро Рица».

Однажды, уже научившись кое-как читать, я открыл верхний левый ящик комода и развернул плотный лист бумаги, на котором было написано: «Свидетельство о смерти». И дальше значились мои имя, отчество и фамилия. В документе утверждалось, что будто бы я умер приблизительно за год до своего рождения. Получалось, что я сначала умер, а потом снова родился...

Спустя какое-то время я догадался, что эта бумага свидетельствует о смерти моего старшего брата Владимира, умершего в младенчестве.

Каслі – так в «Википедии» обозначено ударение. Но та же «Википедия» утверждает, что город Каслі является центром Каслинского района. Да, конечно, в русском языке ударение *разноместное* и *подвижное*, то есть может падать на любой от начала

слова слог, а при изменении формы слова способно сдвигаться на соседние слоги. И все же чудны дела Твои, Господи...

Таблетки из домашней аптечки 1950-х годов:

- *аскофен*;
- *асфен*;
- *кодеин*;
- *кодтерпин*;
- *норсульфазол*;
- *стрептомицин*;
- *стрептоцид*;
- *пурген*.

Куса: чугунные изделия там можно было встретить на каждом шагу: скамейки на улицах, дверные ручки домов, вешалки в сенях и комнатах, даже могильные кресты на кладбище... А последний путь покойника всегда устилали еловыми или пихтовыми ветками. Путь этот начинался как раз от нашего *нового дома*: рано утром на дорогу, ведущую в сторону кладбища, заворачивала машина, в кузове которой стояли два человека в тулупах – они и разбирали хвойный лапник. Мне почему-то запомнилось, что *покойников* всегда хоронили зимой.

В канун Нового года отец ставил в углу большой комнаты *пихту* на деревянной *крестовине*, и я тотчас вспоминал хвойный лапник, последний путь, кладбище... Однажды я видел, как хоронили умершего ребенка: один мужчина спустился в могилу, ему подали крошечный, крашенный красной краской гробик, похожий на шкатулку или коробку с новогодним подарком (*бонбоньерку*), и он осторожно поставил этот *ларец* в углу прямоугольной ямы.

От отца я узнал названия некоторых сплавов: *латунь*, *силумин*, *победит*.

Ловлю ушами фразы прохожих, проходящих по улице Ефремова в Засвияжском районе Ульяновска:

- Волосы *дыбом*!
- Грудь *колесом*!
- Усы *штóпором*!

Чтобы хоть как-то защитить своих детей от авитаминоза, в начале лета мама повезла нас с сестрой на Украину, в Манченки, где в то время жили бабушка и мамина сестра, наша тетя Лида. Мне тогда было года три. Стояла середина июня, под деревьями валялись первые *падальцы* – мелкие зеленые яблочки. На другой день под яблонями было чисто – я незаметно для себя самого и окружающих собрал и съел все падальцы, вместе с сердцевинкой и червяками.

А вот новые слова, из украинского языка, были заметны, они буквально лезли в уши, выскальзывая из похожего на скороговорку частого потока речи тети Лиды:

- *кїшка* (кошка);
- *дробїна* (лестница);
- *рбїть* (делать что-либо);
- *бачить* (видеть);
- *тикать* (убегать);
- *злякаться* (испугаться).

Как-то само собой получилось, что я стал наблюдать за разговорной речью жителей Ульяновска.

И вот заметил: слова *блатной фени* стремительно входят в активный словарь взрослых и детей: *пахан, откосить, придурок, отморозок, смотрящий...*

Тетя Лида Никоненко в детстве была непоседой и егзой и как-то умудрилась повредить себе ногу: сильно зашибла колено. Ее не показывали врачам – их просто-напросто не было в украинский глубинке в конце 1920-х годов, и перелом сросся сам собой, но колено перестало гибаться. Возможно, в силу этого увечья Лидия Андреевна никогда не была замужем. Но она оставалась живой и активной, даже освоила велосипед⁴: садилась верхом, вытягивала вперед покалеченную ногу, а другой отталкивалась от земли.

Одно время тетя Лида служила на железной дороге: была *дежурной по переезду* и носила на пояском ремне сумку с разноцветными флажками, работала кассиром на полустанке. Соответственно, у нее было право ежегодного бесплатного проезда в любом направлении, хоть до Владивостока. Но наша тетя Лида этой льготой никогда не пользовалась, даже на Западной Украине ни разу не побывала и, соответственно, не могла пропитаться *западёнской* идеологией. Тем не менее смутные черты *украинского национализма* в ее характере и мировоззрении отчетливо просматривались. Она, к примеру, последовательно противопоставляла *хохлов – кацапам*, хоть и делала это в режиме *модального монолога* – с неизменной усмешкой, как бы подсмеиваясь над собой, над своим *милым невежеством* в национальном вопросе, сквозь которое, однако, просвечивала интуитивная опора на наивную доктрину *физической антропологии и антропометрии*⁵. Тетя Лида знала десяток грубоватых шуток-прибауток наподобие этой: шел хохол – *наспрал* на пол, шел кацап – *рукою цап!*

Я думаю, что *глубинный экзистенциальный* конфликт между украинцами и русскими существовал всегда, причем возник он даже не после Полтавской битвы, а еще раньше. И конфликт этот носит *хтонический* характер, идет от *земли, от почвы*. Стоит коренному украинцу переехать на ПМЖ в какой-либо российский регион, и вскоре он становится убежденным «кацапом» или даже «москалем», но, оставаясь в пределах своей родной земли, он всегда будет находиться в оппозиции к русским. Всегда!

Живая очередь – распространенное в устной речи выражение советской эпохи.

Со временем поселок Тальк уже ни в чем не уступал соседним населенным пунктам, там появилась, как теперь принято говорить, *социальная инфраструктура*: школа, медпункт, клуб с десятком кружков. Мама играла на гитаре в музыкальном ансамбле, ее брат Вася занимался в изостудии.

После окончания средней школы мама поехала в далекую Тюмень подавать документы в пединститут⁶, но в приемной комиссии с ней даже

разговаривать не стали по причине ее сомнительного *социального происхождения*. От других абитуриентов она узнала, что вроде бы можно поступить в педучилище. Мама вернулась домой и вскоре стала студенткой Свердловского педагогического училища. Брат Василий, который был старше мамы на два года, уже жил в Свердловске, где учился в художественно-промышленном училище.

В июле 1941 года дядя Вася был призван в армию. «Сомнительное» *социальное происхождение* не мешало ему отважно защищать свою родину и беспощадно бить фашистов. Он благополучно, без серьезных ранений, дошел до Берлина и вернулся домой в поселок Тальк, причем с трофеями: сестре Варе (моей маме) подарил дамские наручные часы, бусы из *стекляруса* и медальон на серебряной цепочке.

Мой дядя Василий Андреевич Никоненко у развалин Рейхстага. Берлин, 1 августа 1945 года

У Палсаньча Маркова была красавица-жена по имени Екатерина Александровна и две дочки. Поскольку стиль наших взаимодействий с людьми закладывается в детстве, то, возможно, мои отношения с девушками и женщинами во много отделились знакомством с этими двумя девчонками.

Старшая, темноволосая Маринка, уже ходила в школу. Это была суцая бестия, она никому не давала прохода и спуска. Во дворе того дома, где жили Марковы, мне приходилось слышать от других детей, будто «у Маринки пиписька как у мальчишки». Рассказывали также, что, когда она писала за компанию с девочками, то приседала на корточки, а с мальчиками делала это стоя. Так начинали формироваться наши мифологические представления о важнейшей сфере жизни людей – мужчин и женщин.

Я был младше Маринки года на два, и мне от нее тоже доставалось. Моему характеру были свойственны чувствительность, мечтательность, иногда слезливость. Почти уже доведя меня до слез назойливыми приставаниями, Маринка упивалась своим могуществом и дразнила: «Слезки на колески – скоро заревет». Если Палсаньч оказывался свидетелем наших ссор, он назидательно восклицал:

– При всякой неудаче всегда давайте сдачи, иначе вам удачи не видать!

Младшая, светловолосая Леночка, напротив,

⁴ Это был так называемый дамский велосипед, с измененной рамой: горизонтальная перекладина между рулем и седлом отсутствовала; на таком велосипеде можно было ездить в юбке или платье.

⁵ Физическая антропология и антропометрия – термины, входящие в комплекс теорий и идей о решающем влиянии расовых различий на историю и культуру, общественный и государственный строй отдельных народов.

⁶ Это был именно пединститут, дающий высшее образование, а не Учительский институт, призванный готовить педагогические кадры для семилетних школ.

была тихой, нежной и доброжелательной. От нее исходил чудесный запах – она *пахла девочкой*. Лена готова была часами играть со мной. Однажды меня привели к Марковым и оставили у них на пару часов, и вот в какой-то момент я, как это нередко бывает с детьми, почувствовал позывы к опорожнению кишечника.

Марковы жили в благоустроенной квартире, с ванной комнатой и *ватерклозэтом*, но унитаз был рассчитан только на взрослых, так что Екатерина Александровна, ничуть не смутившись, усадила меня на Ленкин горшок, а сама добросердечная Леночка заботливо протянула мне фланелевую тряпочку, которой ей подтирали попку. На тряпочке были заметны засохшие крапинки Ленкиных *какáшек*...

У мамы на момент окончания войны уже имелся немалый *педстаж*: она успела поработать в нескольких сельских школах, а затем оказалась в городе Ревдá. Это был городишко совсем маленький, но удаленный: свою историю он исчислял с 1730 года.

Моя мама Варвара Андреевна (крайняя справа в первом ряду) среди педагогов средней школы города Ревда Свердловской области. 1941 год

Евгений Евтушенко, комментируя как-то свой роман «Ягодные места», использовал словосочетание *тотальная проза*. В словарях и справочниках это понятие отсутствует, или я не сумел отыскать. Что ж, можно попробовать сконструировать самодельную дефиницию. Итак...

Проза – это структура, которая естественно использует язык для выражения понятий. Эта форма не подлежит определенным мерам или ритмам, в отличие от стиха.

<https://ru/tax-definition/org/62991-prose>.

Тотальный [фр. total – весь, полный, целиком] – полный, всеохватывающий, всеобъемлющий. https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36342.

И вот что получается: *тотальная проза* – это всеохватывающая, всеобъемлющая проза; это эпический текст, где соединяются прошлое и настоящее

(и, возможно, будущее), высокое и низкое, а также сходятся материальное, душевное и духовное. Это повествование обо всем и сразу, не приемлющее какой-либо узкой темы; это сплав художественной и документальной литературы, сдобренный *публицистической присáдкой*. Вот в романе Тургенева «Отцы и дети» говорится про взаимоотношения *отцов и детей*. «Война и мир» Толстого – *про войну и мир*. А у Бориса Можаяева есть роман «Мужики и бабы», так вот там много чего понаписано про *мужиков и баб*. Но тотальная проза свободна и нещепетильна в выборе материала; и выбора-то никакого нет: все подряд без разбору облекается в слова и *каким-то образом* становится текстом. Тут все дело в этом самом «каким-то образом». И еще в таких текстах допустимы элементы *центонной прозы*⁷ – там могут присутствовать цитаты, как явные, со ссылками, так и неявные.

Однажды в Кусе в воскресный день у нас собрались гости. Помню, что это было летом – возможно, отмечали день рождения моего отца (1 августа). После застолья по традиции пошли гулять, в какой-то момент оказались на окраине города. И тут Палсаныч предложил завернуть в лес. Пройдя несколько десятков метров, мы увидели потемневший сруб недостроенного дома. Оказалось, что это дом, который Палсаныч некогда начал было строить для своей семьи, но потом отказался от этой затеи.

Предполагалось, что в доме будут две половины: одна жилая, в другой – мастерская хозяина...

В тот день я увидел обожаемого мною Аполлоса Александровича Маркова таким, каким тот был на самом деле: невысокого роста, с грустными глазами и неуверенными движениями. Еще бы, мой отец построил дом, а Палсаныч – нет! Не выполнил того, что в первую очередь положено всякому мужчине...

Любая *конкурéнтная среда* враждебна мне по своей сути. Я не боец и не умею в поединках самоутверждаться, выигрывать у соперников. У меня низкая самооценка – об этом позаботилась мама. В детстве я был робким, застенчивым и плаксивым.

После окончания школы я не смог поступить на *журфáк* Ленинградского университета, еще через год меня не приняли в Казанский университет. Спустя некоторое время я в *утешение* придумал для себя такую байку: Лев Толстой поучился год-другой в Казанском университете, а потом бросил; Владимира Ульянова с треском вышибли с первого курса этого же университета; Алексея Пешкова, будущего Максима Горького, вообще туда не приняли – слишком слаба была подготовка. Ну и меня не приняли...

Впрочем, вступительные экзамены в Казани я сдал неплохо, на 4 и 5, но не дотянул до проходного балла. Заверенную подписями и печатями экзаменационную ведомость вместе с заявлением и школьным аттестатом я принес в приемную комиссию Ульяновского пединститута, когда экзамены уже закончились. Разумеется, тут не обошлось без некоторой *протекции* – да-да, она имела место, и я ею воспользовался. Не буду углубляться

⁷ Центон (от лат. cento одежда или одеяло из лоскутков) – текст, составленный из «заготовок» – цитат из произведений одного или нескольких авторов. «Центонная проза» – эпический текст, избоблюющий подобными включениями. Примером центонной прозы может служить поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки».

в подробности, но время показало, что я оказался на своем месте, и даже, возможно, был достоин лучшей участи.

У моих родителей в Кусе были замечательные друзья. По праздничным дням всегда собиралась компания *избранных*. Это были по-настоящему образованные люди, рафинированные интеллигенты, съехавшиеся со всей страны: русские, татары, башкиры, евреи. Их фамилии звучали для меня какой-то таинственной музыкой: Марковы, Напольских, Мурзины, Хабировы, Арна́дские, Гёмба...

Инициатором нашего переезда *поближе к цивилизации* была мама. Мы еще жили в Кусе, как вдруг неожиданно сорвались и уехали в город Белгород⁸ Марковы: Палсаных нашел себе подходящую работу и увез всю семью. Ну и мои родители решились. Вот только здесь, в Ульяновске, они никогда уже не имели такого отборного круга друзей, как в Кусе. Родители мои растерялись, у отца не заладилась карьера, мама вообще долгое время не могла найти работу по специальности.

Я всю свою жизнь размышлял над тем, что же с нами всеми произошло, пока не понял: в 50-годы прошлого века Москва не была столицей СССР, потому что *настоящая* столичная публика рассеялась по небольшим городкам. Таким, как Куса.

Сильные *запахи* – как сильные эмоции – необходимы. Тут не работают понятия «хороший» – «плохой», «приятный» – «неприятный». Главное – запах, сильный, пьянящий, оглушающий. Именно так мне запомнились запахи сыромятных ремней, жеваного черемухового листа или столярного клея – черных тяжелых пластин, разогреваемых в мятой алюминиевой кастрюльке на старенькой электроплитке...

Достопримечательности города Кусы

1. *Горсад* – летний парк с аллеями кустов цветущей желтой акации: поздней весной, после дождя, мне казалось, что свежая ярко-зеленая листва обрызгана густым яичным желтком. В этом саду был летний кинотеатр, в который мама с папой пришли летом 1952 года посмотреть какой-то фильм, а я помещался у мамы на коленях. Мне было чуть больше полугодика от роду, и, разумеется, я не чувствовал себя спокойно в темном кинозале: *ёрзал, бараблил* руками, пытался за что-нибудь ухватиться, пока не зацепил мамины бусы из стекляруса, нанизанные на простую хлопчатобумажную нитку, – подарок брата Васи, моего дяди. Нитка порвалась, бусины рассыпались и покатались по наклонному полу. Когда фильм закончился, папа попытался собрать стеклярусные шарики у барьера ramпы, за которой находился экран, но почти все они провалились в широкие щели между досками пола – *половицами*...

2. Прямоугольный *сквер* в центре города. Я не помню, чтобы там были памятники каким-либо вождям, зато хорошо помню, как морозной зимой, в канун какого-то нового года (пусть это будет канун 1957 года), Палсаных и его молодые помощники

(возможно, то были обычные ребята с завода, рабочие, каких теперь называют *волонтерами*) соорудили потрясающе красивые ледяные скульптуры.

В центре сквера высилась огромная голова витязя в шлеме – как раз такого, какого повстречал на своем пути пушкинский Руслан. Со стороны затылка были сделаны аккуратные ступеньки, поднявшись по которым, можно было оказаться внутри головы – там начиналась горка, ледяное ложе которой в виде языка выходило из широко раскрытого рта витязя и заканчивалось далеко-далеко, почти у самого входа в сквер, а длинные усы служили естественным ограждением слева и справа и никому не позволяли куда-нибудь завалиться. По сторонам горки приветливо улыбались ледяные же Дед Мороз и Снегурочка, а в каждом углу сквера стояли сказочные персонажи: черт, баба Яга, крестьянский паренек верхом на Коньке-Горбунке и Емеля с поймающей щучкой в руках.

3. *Баня*. В городскую баню мы ходили с папой по субботам. Мыльное отделение сразу же оглушало меня хором задорных голосов, размноженных эхом, звоном металлических тазов и плеском горячей воды... В *парилке* стоял, точно туман, густой пар, и когда отец уходил от меня и поднимался куда-то вверх, чтобы посидеть на деревянных ступенях, а я оставался один, то мне не видно было никого и ничего... Тут из тумана ко мне протягивалась волосатая нога и осторожно щипала меня за лодыжку, отчего мне сразу становилось спокойнее: это был дядя *Казя*. Вероятно, его полное имя – Казимир, он обожал маленьких мальчиков и ласково, немного щипал их двумя пальцами ног: *большим* и соседним. На руках такой – соседний с большим – палец считается *указательным*. А как называется этот палец на ноге? Никто не знает. *Нет такого слова*...

Потом мы с папой сидели в раздевалке и пили вкуснейший клюквенный морс, налитый из бутылки в бумажные стаканчики, который пузырился и крепко ударял в ноздри. Одевшись, мы выходили на морозную улицу, где слышался скрип снега под ногами вечерних прохожих (почему-то мне помнятся возвращения из бани исключительно зимними вечерами). По дороге мне хотелось о чем-нибудь говорить, но отец просил меня помолчать, чтобы я не застудил распаренное в бане горло...

В Риновке, на картофельном поле, я впервые услышал слово *мацепура* (картофелекопалка). Мы лениво шли за мацепурой и собирали картофельные клубни в мятые оцинкованные ведра, содержимое которых надо было опрокидывать в деревянный кузов грузовика марки ГАЗ-51. Иногда мы украдкой кидали друг в друга (друг в дружку) мелкими картофелинами – так *всегда* делали *все* студенты за неимением других развлечений. А вот Светы Трошиной среди нас не было: она вместе с двумя другими девушками готовила нам завтраки, обеды и ужины в полевой столовой, которая представляла собой деревянный сарайчик, сколоченный из *необрезных* березовых досок.

⁸ Во время войны Белгород сильно пострадал, и с начала 50-х годов там развернулись масштабные строительные работы: ремонтировали старые здания, возводили новые.

В Кусе я прожил первые семь лет своей жизни, а потом наша семья переехала в Ульяновск. Тут строились корпуса станкостроительного завода – УЗТС. В одном из корпусов готовился к пуску литейный цех, нужны были специалисты. Отец узнал об этом, мотаясь по командировкам, и написал письмо в отдел кадров. Ему ответили, пригласили приехать для предметного разговора...

Ульяновск поразила меня тем, что здесь говорили совсем по-другому. Вокруг звучали незнакомые, *другие слова*. В Кусе кнут или хлыст обозначался словом *витень*. Сделать витень было проще простого: надо было к концу палки привязать веревку. Сарай у жителей Урала назывался словами *ста́йка* (помещение для коров, свиней, овец) и *дровя́ник* (там хранили дрова – поленья для печки). Валенки – это *пимы*, детские валенки – *пимки*. Мочалка – *вехотка*. Тонкая ветка или прут – *ви́ца, ви́чка*. Снежная горка для катания на санках (или на чем придется) – *кату́шка*. А когда мы в Кусе играли в прятки, и кто-то один стоял у столба, закрыв глаза, ожидая, когда все спрячутся, то его функция обозначалась не глаголом «водить», а другим – *галить*.

Но наиболее сильный удар по барабанным перепонкам производило не это, а то, что в Ульяновске я впервые услышал грубую матерную брань, *ненормативную лексику и фразеологию*. Там, на Южном Урале, в пору моего детства, люди вообще не ругались матом.

Жора, Эдик, Вадик, Алик – популярные в 60-х годах XX века имена мальчиков.

В начале осени 1959 года я пошел в первый класс школы №25, в 1-й «В», к учительнице Екатерине Александровне. Наша параллель состояла из трех классов, причем *лучших* – детей начальников – собрали в 1-й «Б», где была учительница по имени Любовь Михайловна.

При формировании первых классов любой школы всегда имеет место *отбор*. Это было, есть и будет. Родители малышей всегда точно знают, какой учитель самый опытный, методически подкованный, держит дисциплину, и вообще стремятся пристроить своего ребенка в определенный класс. Впрочем, встречаются родители, которым это все *фиолетово*, и они дают возможность событиям идти своим чередом.

Моя мама – учительница начальных классов, и она, конечно же, знала все эти тонкости, но мы приехали в Ульяновск в середине августа, за две недели до начала учебного года, когда списки классов были уже составлены и утверждены. Папа так называл подобную ситуацию: *прибыть к шапошному разбору*.

Если бы я пошел в школу в Кусе, то попал бы в класс к самому лучшему учителю...

Итак, я утверждаю: в послевоенные годы Москва *не была столицей*. Потому что Москва, как и любой город, – это прежде всего люди, ее жители. А они *рассеялись* – по лагерным баракам, по номерным и

литерным поселкам политических ссыльных, упокоились на воинских кладбищах от Москвы до Берлина, по всей Европе. Почему-то *этого феномена* не заметили ни Илья Эренбург, ни Вениамин Каверин, ни Даниил Гранин, ни Юрий Домбровский, ни Василий Гроссман, ни Александр Генис, ни другие наши пронизательные и вездельные писатели. Почему? Возможно потому, что они наблюдали за событиями преимущественно из Москвы, а тут нужен был взгляд со стороны.

Многие люди, составившие цвет нации, чтобы избежать репрессий, по-тихому уезжали в провинцию, в маленькие городки, где требовались инженеры, врачи, учителя. Они образовывали довольно сплоченную общность, своего рода *диáспору*⁹. И Куса в определенный период своей истории являла собой фрагмент столичного города. Так что я родился в *столице*, ни больше и не меньше!

Ульяновск *как город* в то время и в той ситуации соответствовал определению *ни то ни сё*, являя собой *квинтэссенцию* среднестатистического провинциального города: старый мещанско-купеческий дух уже выветрился, а новое содержание еще не оформилось.

В Ульяновске одно время отбывал *добровольную ссылку* гениальный философ и биолог Александр Александрович Любичев. В короткой статье из «Википедии» можно прочитать: «Годы (с 1950 по 1972 год), проведенные в Ульяновске, оказались самыми плодотворными. Он (Любичев – В.Я.) был окружен дружеским вниманием учеников и коллег, которые проявляли большой интерес к его идеям».

Но я не склонен верить такому утверждению: ученый не был интегрирован в местную академическую среду (да и не было этой самой *среды*). Писатель Даниил Гранин в посвященной Любичеву повести «Эта странная жизнь» пишет, например, что однажды «заходили Шустовы» – и всё, о других контактах своего героя Гранин не упоминает. И Михаил Бахтин в Саранске был чужим, а вот в Невеле – *сво́им!* И хотя невеликий период жизни всемирно известного ученого относится совсем к другой эпохе (1918 – 1920 годы), но и тут просматривается уже отмеченная нами закономерность: люди, которые несли по жизни большую или малую *ми́ссию*, часто предпочитали провинциальное уединение.

Заканчивая первый класс в школе № 25 Ульяновска, я записался в школьную библиотеку. На лето мне дали какую-то книгу в прозе, названия которой я не запомнил. Попытался ее читать, но что-то не заладилось. Причем, я старался «читать» молча, слегка шевеля губами. В конце концов я стал *имитировать чтение*, чтобы взрослые меня не попрекали, что я ничего не читаю.

Так что с первого захода не получилось из меня читателя. И в дальнейшем читать я не очень-то любил, да и сейчас больше пишу, чем читаю. Как в анекдоте: «чукча не читатель...».

В общем, *урбанистический парадокс*: послевоенная Москва – *это нестолица*. Подобные феномены

⁹ Диáспора (греч. *διασπορά*, «рассеяние») – часть народа (этноса), проживающая вне страны своего происхождения, образующая сплоченные и устойчивые этнические группы в стране проживания, и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности (Википедия).

хорошо изучены учеными и, соответственно, описаны; в частности, Ю.М. Лотман неоднократно говорил и писал о «географическом перемещении центров и «окраин» мировых цивилизаций»¹⁰.

Оппозиции *метрополия – колония, центр – периферия* сформировались еще во времена Римской империи или даже раньше. А что было раньше? Афины – столица, Помпеи – нечто вроде древнегреческой Рублевки...

В СССР в первой половине 50-х годов ось «центр – периферия» развернулась на 180°. Опустошенная репрессиями Москва стала *холостым городом*, а чудом сохранившая себя интеллектуальная элита сосредоточилась в небольших провинциальных городках и поселках.

Но уже к середине первого послевоенного десятилетия ситуация изменилась, и это избранное общество потянулось обратно, вливаясь во всё расширяющиеся *центростремительные потоки* своих соотечественников. Случилось то, что было неизбежно: все истосковались по *нормальной жизни*, по дружеским застолям с хорошо накрытым столом. Людям хотелось элементарного – накормить и одеть детей. Но в глухой провинции это было невозможно. А возвращаться в Москву уже было можно: Сталин умер в марте 1953-го, Лаврентия Берия расстреляли в конце того же 1953 года, и сама репрессивная система приказала долго жить: трусливые чекисты, безжалостные палачи-расстрельщики и продажные доносчики сами стали опасаться за свою жизнь.

В Советском Союзе существовали *категории обеспечения* населения городов продуктами и промышленными товарами. Их было четыре: *особая* (лучше всего снабжались регионы вдоль западной границы страны: Прибалтика, Белоруссия, Украина, а также обе столицы – Москва и Ленинград), затем шли 1-я, 2-я и 3-я категории. Но на значительной территории огромной страны категории снабжения городам вообще не присваивались. Куса была в числе таких городов. Что можно было купить в *тамошних* в магазинах? А вот что: хлеб, водку, рыбные консервы «Лосось» и сливочное мороженое с изюмом. Еще, возможно, бочковую килькупряного посла «анютины глазки».

Члены первого советского правительства – Совнаркома – оказались бездарными хозяйственниками. Молодая Советская республика голодала и мерзла. Особенно тяжело приходилось жителям крупных городов. Даже школьникам известны относящиеся к тем годам факты биографии Владимира Маяковского: отправляясь в гости к Лиле Брик, он нес в подарок то пару морковок (еда, содержащая витамины), то полполена дров. Известен также случай, что у наркома продовольствия Александра Дмитриевича Цюрупы однажды случился голодный обморок на заседании Совнаркома. Не будем гадать, обморок это был или его *имитация*, но закономерен вопрос: зачем надо было «до основания» разрушать сытую и благополучную жизнь?

Вот как журналист и бытописатель Владимир Алексеевич Гиляровский перечислял ассортимент Елисеевского магазина в Москве, куда ему приходилось захаживать незадолго до 1917 года: «Окорока вареные, с откинутой плащом кожей, румятели розоватым салом. Окорока вестфальские провесные, тоже с откинутым плащом, спорили нежной белизной с скатертью. Они с математической точностью нарезаны были тонкими, как лист, пластами во весь поперечник окорока, и опять пласты были сложены на свои места так, что окорок казался целым.

Жирные остендские устрицы, фигурно разложенные на слое снега, покрывавшего блюда, казалось, дышали.

Наискось широкого стола розовели и янтарились белорыбьи и осетровые балыки. Чернелась в серебряных ведрах, в кольце прозрачного льда, стерляжья мелкая икра, высилась над краями горькой темная осетровая и крупная, зернышко к зернышку, белужья. Ароматная паюсная, мартовская, с Сальянских промыслов, пухла на серебряных блюдах...»¹¹

Мне могут возразить, что Елисеевский магазин обслуживал аристократов, простой люд туда не захаживал. Хорошо, пусть так. Но вот отрывок из повести Ивана Сергеевича Шмелева «Лето Господне»: «Перед Рождеством, на Конной площади в Москве... стон стоит... И вся – в санях. Тысячи саней, рядами. Мороженые свиные – как дрова, лежат на версту. А то чана огромные... А это солонина... Перед свиной – поросячий ряд, на версту. А там гусиный, куриный, утка, глухари-тетерки, рябчик... Прямо из саней торговля. И без весов, поштучно больше. Широка Россия, – без весов, на глаз. Бывало, фабричные впрягутся в розвальни – большие сани, – везут-смеются. Горой навалят: поросят, свиные, солонины, баранины... Богато жили»¹².

У Толяна Чеснокова любимым предметом в Теньковской школе была литература, а у меня в школе № 25 города Ульяновска – физика. Я даже пару раз побывал на районных олимпиадах по этому предмету, где показал неплохие результаты.

Музыканты группы «Чайф» обозначили *формат* кулинарных запросов советского человека: «Бутылка кефира, полбатона...»

Проводив своего парня в армию, Света Трошина через какое-то время познакомилась в поезде с Мишей Матлиным, который собирался поступать на тот же факультет, что и мы, и тоже был начинающим поэтом. Вскоре они поженились. Благодаря Мише Света стала печататься, потом ее приняли в Союз писателей, а в дальнейшем она какое-то время даже возглавляла местное отделение того самого СП. Миша Матлин, напротив, перестал заниматься *версификаторством*, окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию и стал преподавать студентам фольклор и древнерусскую литературу.

АзБука, АЛФАвит – это, возможно, детские слова, точнее, словечки из школьного сленга (наподобие слов «хорошист», «ашник», «бешник» и т.п.).

¹⁰ Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллинн: «Александра», 1992. С. 16.

¹¹ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: «Правда», 1979, с. 232.

¹² Шмелев И.С. Лето Господне. Повесть. – М.: Детская литература, 1997. – С. 94-95.

В Ульяновске наша семья поселилась в заводском поселке УЗТС – в те годы слово *микрорайон* еще не утвердилось в бытовой речи. Были поселки автомобильного, моторного, патронного заводов. Мои родители купили несколько предметов мебели: раздвижной круглый стол, стулья, диван, который почему-то назывался незнакомым мне словом *тахта*.

В нашем подъезде трехэтажного дома было девять квартир. В этих квартирах жили представители самых разных национальностей: русские, украинцы, татары, чувашаи, позднее приехала семья из Йошкар-Олы. На верхнем этаже в отдельной трехкомнатной квартире жил с семьей директор завода Владислав Петрович Камыщенко (все остальные квартиры были коммунальными, на несколько семей каждая). У супруги директора, красивой черноволосой женщины, имелись какие-то родственники в Грузии, и когда почтальону лень было подниматься до третьего этажа (в то время почтовые ящики висели на двери каждой квартиры), то он выкладывал письма на подоконник лестничной площадки, расположенной между первым и вторым этажом, и там часто можно было видеть конверты с обратным адресом: Грузинская ССР, город Цулукидзе, улица Чавчавадзе, дом... квартира...

Мы жили в многонациональной стране, и представители других этносов воспринимались мною как норма, национальность человека не имела значения.

Слова «физра», «литра» (изначально они использовались в письменной речи как записи в дневнике школьника – *физ-ра*, *лит-ра*) придумали дети. С необходимостью ежедневно убирать класс после уроков связано появление слова *мусорка* (корзина для мусора). Позднее, в студенческую пору, у нас в ходу уже были другие слова: *общага*, *истмат*, *диамат*, *литвэд* (литературоведение).

Так проявляет себя закон экономии в лингвистике, который вот что означает: всякое длинное слово и любая пространная фраза в устной (да и письменной тоже) речи всегда стремятся к *усекновению*. Отсюда армейские словечки и словосочетания *старлэй*, *каплэй*, *погранцы на дэмбеле*...

Укорачиваются длинные названия городов: *Владик* (Владивосток), *Новосиб* (Новосибирск), *Магнитка* (Магнитогорск). В Чувашии есть районный центр (разговорное *райцентр* – тоже результат действия закона экономии) под названием Марьин Посад. Район называется Марьинополадский. Такое состоящее из шести слогов слово ни один нормальный человек не сможет произнести на одном дыхании, поэтому местные жители говорят так: *Марпосадский* район. И сам Марьин Посад, как шагрeneвая кожа, *сукóжилсЯ* до слова *Марпосад*.

Кстати, у *топонимистов* есть предположение, что поименование Толстовской вотчины Ясная Поляна – тоже результат действия закона экономии. Не исключено, что изначально село называлось *ЯсеневаЯ Поляна*.

Моя мама иногда использовала понятие *нацмэн* (сложносокращенное слово, означает – национальное меньшинство). Это очень удобный прием: не надо было заморачиваться и выяснять, какой

именно национальности человек. Нацмен – он и есть нацмен. Сама мама была украинкой по рождению, но, по-видимому, украинцев нацменами не считала. На Урале украинцев было достаточно много: их, как и мою маму, моих дедушку и бабушку свозили сюда в товарных вагонах из хлебобродных регионов в ссылку как раскулаченных. И вот тогда в стране начался голод...

Прозвища пацанов во дворе: *Бы́ня*, *Зы́ля*, *Сисвьо́ня*. Товарища моего отца, рабочего литейного цеха, за глаза звали *Мухомо́ром*.

...

Проходим лирику Пушкина на уроках литературы. Читаю у Пушкина: «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил...» Дальше не могу читать, потому что включается воображение: вижу, как на выстланном широкими досками полу стоит обтянутый красным кумачом *гроб* (других гробов я еще не видел). Подходит старик Державин, ложится, кряхтя и постанывая, в этот гроб, складывает руки на груди и закрывает глаза... Потом какие-то люди ставят гроб на *табуреты* (или *табуретки*), входит военный оркестр, и музыканты-красноармейцы не вполне складно исполняют сонату №2 Фредерика Шопена...

Я ничего не мог поделать с проклятым воображением, оно мешало мне читать... А вообще-то гроб – общеславянское слово латинского происхождения. Происходит от глагола *сгребать*, то есть «гроб» – это могила. Именно так *погребен* Лев Толстой в своем имени Ясная Поляна: на высоком месте над оврагом виден узкий продолговатый холмик, по форме напоминающий обычный деревянный гроб. Памятника нет – так завещал сам Лев Николаевич.

Калькированные фразы:

- один момент;
- ein moment;
- one a moment;
- uno momento.

По ночам мне иногда снилось, как я иду легкой походкой по коридорам МФТИ – Московского физико-технического института, который, однако, располагался не в Москве, а в городе Долгопрудном. В кармане у меня студенческий билет этого легендарного вуза, через плечо сумка на ремне...

До окончания восьмилетки в школе №25 я нигде не ездил в летние каникулы, только пару раз побывал в пионерлагере возле села Акшуат Барышского района, а вот после восьмого класса гостил у маминых родственников в Харькове и Бердянске. Мама старалась снова *собрать* воедино своих братьев и сестер, которых жизнь раскидала по городам и весям СССР.

В середине 60-х, в июле, к нам приехал из Москвы мамин старший брат дядя Гриша со своей супругой Галиной Александровной. Это был его второй брак, Галина Александровна сумела кардинально изменить образ жизни мужа: имея педагогическое образование, дядя окончил еще и медицинский вуз и стал успешным московским доктором. У

него водились *сертификаты* и *бóны*, а затем и чеки Внешпосылторга, и он мог отовариваться в сети магазинов «Березка».

Балагур и весельчак, дядя Гриша любил вкусно поесть и ценил жизненные блага. Сама Галина Александровна что-то преподавала в Московском химико-технологическом институте. Она была, как про нее говорили, *дочерью белогвардейца* и на чем свет стоит ругала советскую власть. Она курила папиросы и полировала ногти на ногах слесарным напильником с крупной насечкой, который ей любезно предоставил мой отец. Ее любимым писателем был Илья Эренбург.

Осенью 1967 года в Ульяновском политехническом институте один раз в неделю проходили научные *штудии*¹³, на которых преподаватели вуза читали лекции для старшеклассников городских школ. Мы с моим одноклассником и приятелем Олегом Черновым поехали на первое занятие, да так и втянулись. К тому же встретили там знакомых пацанов из школы № 33, вместе с которыми участвовали в районной олимпиаде по физике.

Однако мне вскоре стало ясно, что хорошая, в общем-то, идея, имеет не вполне правильное воплощение. Лекции нам читали преподавательницы (исключительно женщины, а в аудитории сидели одни мальчишки) вуза, без ученой степени, но с университетским образованием. Они плохо представляли себе, что можно предложить школьникам, и потому темы для наших занятий брали из программы по высшей математике для первого курса. Результат: те ребята, которые через год-два стали студентами, зевали и скучали на лекциях тех же самых преподавательниц.

На одном из занятий, где рассматривалась тема «Комплексные числа», пожилая тетя минут пятнадцать объясняла нам, что говорить *кóмплексные числа* – это неправильно, а правильно – *комплéксные числа*... Это вывело меня из себя, и я вышел из аудитории. Больше я там не появлялся.

Летом после восьмого класса я собрал дома на подоконнике радиоприемник на четырех транзисторах, который уверенно принимал несколько радиостанций. Это был приемник *прямого усиления*, а в магазинах культтоваров продавались другие – *супергетерóдинные*.

Как-то раз в девятом классе (теперь я уже учился в 53-й средней школе, а 25-я стала *восьмилéткой*) на перемене учительница литературы Галина Александровна Гращенко сказала мне:

– Зачем ты старательно изображаешь из себя *технаря*? Ты же типичный гуманитарий! И с математикой у тебя не все благополучно, я узнавала: у тебя пять с плюсом по геометрии и четыре с минусом по алгебре. А математика – это прежде всего алгебра. Зато ты блестяще пишешь сочинения на свободную тему. Тебе бы книжек побольше читать...

Я был, что называется, обескуражен. Шагая по

школьному коридору, я чувствовал, как доски пола прогибаются под ногами.

Лучшую, на мой вкус, биографию Державина написал Ходасевич. Самое известное стихотворение Державина – «Фелица» (еще у него есть «Благодарность Фелице»).

Полное имя Ходасевича – Владислав Фелицианович. Редкое мужское имя Фелициан переводится как «Счастливый».

Не поступив на *журфа́к* Ленинградского университета, я почти год проработал корреспондентом многотиражной¹⁴ газеты «Станкостроитель» на УЗТС – мне туда помог устроиться отец. Редактором газеты был Валентин Иванович Кузьмин, бывший фронтовик, уже после войны успевший поработать в нескольких дивизионных газетах. Я сразу узнал кучу новых слов и словосочетаний: *строкоме́р*, *клише́*, *метранпа́ж*, *технология высокой печати*... Или вот названия типографских шрифтов: *петит светлый*, *петит* черный (или жирный), *кóрпус*, *бо́ргес*, *курсíв*, а *нонпарéль* – самый мелкий шрифт.

Еще услышал от редактора слово *оргинап*. В нем зашифрована фраза «организовал и написал». Тут не столько *аббревиация* имеет место, сколько *банальное сжатие*.

Оргинап – это один из принципов работы журналиста дивизионной газеты, должность которого называлась так: *корреспондент-организатор*. Такой журналист должен был поговорить с бойцом, а потом написать заметку от имени этого человека. И подписать ее его же именем. Этот принцип работы Валентин Иванович широко практиковал и в газете «Станкостроитель».

Я писал заметки, корреспонденции и фотографировал, а в июле, перед самым увольнением, когда редактор был в отпуске, поставил эффектную жирную точку: подготовил фоторепортаж на целую *пóлосу* (газетную страницу) из заводского пионерлагеря «Чайка» в Чердаклинском районе. Так что я стал первокурсником не сразу после школы, а имея некоторый практический опыт. На таких студентов в любом вузе всегда обращали внимание...

Один мой однокурсник говорил про своего отца, передовика производства: «Мой папаша – *знáтный чувáк*».

Редакция многотиражной газеты «Станкостроитель» оказалась местом притягательным. Туда заходили люди как по делу, так и просто так. Однажды пришел слесарь-сборщик Вячеслав Сизов – парень лет тридцати – и выложил на стол редактора мятый тетрадный листок. Там были стихи, которые вскоре и были напечатаны. Потом еще, еще...

А тут как раз в смежной с заводом организации – в Головном конструкторском бюро фрезерных станков, располагавшемся на улице Ефремова, – появилась новая сотрудница инженер-конструктор Элеонора Рудашевская, которая тоже принесла стихи в нашу редакцию. Слава Сизов

¹³ Это слово я узнал в начале 90-х годов в Москве, когда мне довелось участвовать в «культурологических студиях», которые регулярно организовывал Владимир Соломонович Библер.

¹⁴ Стандартный тираж многотиражки в нашем городе в то время составлял 800 – 1000 экземпляров.

немедленно откликнулся на публикацию молодой поэтессы стихами «по поводу», возникла поэтическая переключка...

Я думаю, что стремление к творчеству, в частности поэтическому, продиктовано интуитивными поисками человеком *свободы самовыражения* (тут ключевое слово – «свобода»). Самого меня журналистика, как я теперь понимаю, потому и влекла, что профессия эта казалась мне воплощением свободы: бери бумагу, ручку и пиши о чем хочешь. И, кстати, первая моя публикация была именно такой. Лирическая *зарисовка* (точнее, *эссе*) под названием «Выпускники» была напечатана в газете «Ульяновская правда» в день выпускного бала в нашей школе № 53, которую я закончил в июне 1969 года. В дальнейшем мне стало понятно, что в работе журналиста свободы не больше, чем в любой другой профессиональной деятельности. Пришлось согласиться с тем, что «свобода есть осознанная необходимость». Авторство этой формулы кому только не приписывали: и Спинозе, и Гегелю, и Энгельсу...

В Ульяновске мой отец все-таки построил дом, и даже не один. Сначала у нас появился садовый участок в заводском дачном кооперативе – стандартные шесть соток. Это было в черте города, вдоль улицы Самарской: с одной стороны тянулась линия бревенчатых домов частного сектора, а с другой шел общий забор наших садов. На участке отец построил небольшой домик в два окна, потом пристроил и остеклил веранду. Но в середине 1970-х дальше Засвияжье стремительно расширялось, и вся территория кооператива пошла под застройку.

Спустя несколько лет работникам УЗТС выделили новые земли для садового некоммерческого товарищества (СНТ) в селе Погребы, и там мы получили участок поменьше – четыре сотки. Дом мы с отцом возводили уже вместе, по моему проекту, который в процессе строительства неоднократно менялся.

Редакция газеты «Станкостроитель» размещалась в небольшом кабинете на первом этаже заводоуправления. За стеной, в помещении попросторнее, простирались владения заводского комитета ВЛКСМ, секретарем которого был Борис Пекарский: высокий, стройный, гибкий молодой человек. Он носил вполне элегантный черный костюм с белыми *водолазками*, а сорочку с галстуком надевал лишь в дни важных совещаний и заседаний, которые, впрочем, случались довольно часто. Боря показался мне таким хлыщем, баловнем судьбы, даже эпикурейцем: он плавно двигался, был любезен с девушками, курил хорошие сигареты, любил выпить и знал множество анекдотов...

Много лет спустя я догадался (точнее, предположил), что своим *прикидом* и повадками Борис Пекарский подражал агенту 007 в исполнении Шона О'Коннери из самого первого фильма про Джеймса Бонда «Доктор Ноу» 1962 года. Но вот вопрос: где простой комсомольский работник мог посмотреть это недоступное для советских зрителей кино?..

Недавно я нашел в интернете несколько версий биографии Бориса и сильно удивился, узнав,

насколько отличался его наигранный имидж той поры от реального Бори Пекарского, каким он был в отроческие и юношеские годы. Оказалось, что Борька Пекарский в 15 лет поступил учеником токаря на УАЗ, параллельно упорно учился: сначала школа рабочей молодежи, затем автомеханический техникум, далее политехнический институт. На УЗТС он начал работать инженером отдела главного технолога, откуда и попал в комитет комсомола. Ну а дальше стандартная номенклатурная карьера: от секретаря Засвияжского райкома ВЛКСМ до второго секретаря горкома КПСС. В 1986 году Борис Михайлович стал генеральным директором УЗТС.

Открывшийся к 100-летию со дня рождения Ленина Мемориальный центр был разделен на несколько, так сказать, *пространств*. В северном его крыле расположился «Дом политического просвещения», включающий пять-шесть просторных аудиторий и два зала для многолюдных собраний. В малом кинозале, рассчитанном примерно на сто человек, еженедельно стали проводиться пресс-конференции исключительно для журналистов *многотиражек*. Случались и так называемые *культурные мероприятия*. Например, мы смогли посмотреть только что отснятый и еще не вышедший в широкий прокат фильм кинорежиссера Андрея Смирнова «Белорусский вокзал».

В начале мая 1970 года в Ульяновске высадился «десант» поэтов-фронтовиков. Только что открылась навигация на Волге, и они прибыли на специально зафрахтованном теплоходе. Мы с редактором тоже пришли послушать стихи в уже обжитом нами кинозале. Но встреча началась со скандала. Небольшая группа поэтов вышла на сцену прямо в плащах и куртках. Вперед выступил коренастый мужчина и без предисловий начал гневно осуждать «ульяновских *делопутов*».

Это был, как вскоре стало понятно, Яков Шведов, автор слов популярных песен «Орленок» и «Смуглянка». Оказалось, что одна из местных газет (вероятно, «Ульяновская правда») анонсировала приезд в город поэтов. Так вот, Якова Шведова там в первополосной заметке назвали *Яковом Светловым*. Неизвестно, сколько времени продолжалось бы негодование обиженного поэта, но тут из-за кулис вышел мужчина в черном плаще и неуклюже-театрально поклонился прибывшим гостям. Это, как объяснил мне наш редактор, был секретарь по идеологии Ульяновского обкома КПСС Владимир Николаевич Сверкалов, я видел его впервые.

– Пожалуйста, простите... извините нашего журналиста, – сбивчиво начал он, – который неверно написал фамилию уважаемого поэта. Но я прошу вас также понять этого журналиста, потому что все вы – *Светловы*, все вы *светлые*, несете *свет* всем людям нашей великой страны...

Сверкалов извергал эту словесную *белиберду* в течение нескольких минут, а потом исчез за кулисами.

В европейских странах *горчица* – это приправа к мясу и птице, и только *наши люди* продолжают намазывать горчицу на хлеб. В СССР в заводских и фабричных столовых горчица вместе с солью стояла

на каждом столе, и с подачи неизвестных остряков работяги стали называть эту приправу *профсоюзным маслом*.

Прежде чем заслужить публикацию в главной областной газете (орган обкома, облисполкома и т.д.), я, будучи еще школьником, месяца три ходил в редакцию «Ульяновской правды», подолгу сидел на обтянутых коричневым *дерматин*ом стульях, выслушивал наставления матерых журналистов. Разумеется, я не с пустыми руками пришел в газету. Я принес несколько тетрадных страничек со статьей под названием «Мода глазами десятиклассника».

Честно говоря, меня никогда не интересовала мода. Но тогда я предположил, что мне удалось заметить или даже открыть закономерность – взаимную *корреляцию* ширины брюк, ширины галстука и длины-ширины ворота рубашек. Об этом я и написал.

Из секретариата газеты меня направили в отдел культуры. Его возглавлял Лев Александрович Рукавишников, недавно приехавший из Ленинграда, где он доселе был преподавателем журфака ЛГУ (именно от него я узнал, что «журналист – вторая древнейшая профессия, а первая древнейшая – прости-тутка»). Вместе с ним работала Людмила Геннадьевна Бару́, немолодая, но красивая женщина, которая курила ароматные сигареты с золотым фильтром, а разговаривая, чуть загадочно улыбалась. Третьей сотрудницей отдела была Танька Скочилова (за глаза они так ее и называли – *Танька*), тоже курившая сигареты, единственная и любимая дочь первого секретаря обкома КПСС.

Наш историко-филологический факультет занимал два верхних этажа четырехэтажного учебного корпуса № 2 на улице Корюкина (в те годы фамилию этого Героя Советского Союза писали иначе: *Корюкин*). На нижних этажах обитали химики-биологи. У них мужской туалет располагался возле лестничной площадки второго этажа, а у нас – на третьем. В перерывах между лекциями все мужское население *истфила* концентрировалось возле унитазов, было тесно, потому что здесь же, по умолчанию, располагалась курительная комната.

Однажды, где-то в октябре-ноябре 1970 года, мы стояли и разговаривали у окна туалета с Игорем Николаевичем Полосухиным, молодым преподавателем зарубежной литературы средних веков. У нас, первокурсников, *зарубежка* пока была только в формате античной литературы, но я познакомился с Полосухиным еще до института, так уж получилось. Он курил папиросы «Любительские» и знал множество анекдотов. Вдруг в туалет ворвался высокий развязный парень, ткнул Игоря Николаевича в плечо и процедил сквозь зубы: «Дай закурить!» Он вел себя столь напористо и развязно, что мой собеседник, чуть помедлив, достал папиросу из пачки и протянул наглицу, а мне тихо сказал: «Обычно я в таких случаях говорю, что, мол, свои надо иметь». Парень быстро прошел дальше – туда, где журчала вода. Я слышал, как сокурсники объяснили ему, что, вообще-то, он стрельнул *күрево* у преподавателя, но тот только махнул рукой.

Это был Юрий Коган, студент-историк второго

курса. Его каким-то ветром занесло в наше захолустье из южного города Одессы.

Осенью 1970 года в Ульяновском педагогическом институте шла подготовка к очередной комсомольской отчетно-выборной конференции. Секретарь комитета ВЛКСМ Светлана Губа затребовала в приемной комиссии личные дела первокурсников, которые имели педагогический или производственный стаж. Мои документы произвели на нее впечатление, и она пригласила меня для разговора, предложила возглавить в комитете сектор печати и пропаганды. Я был застенчив, и у меня не хватило решительности отказаться, так что я согласился. А уж утверждение моей кандидатуры было делом техники: на конференции голосовали единым списком за весь новый состав комитета комсомола.

Примерно в это же время я познакомился с Анатолием Чесноковым, который учился на втором курсе. Знакомились мы тогда легко, на раз-два...

В разные времена есть готовые формулы, используемые в начале фразы. «Если хочешь знать...» – так, пикируясь с мальчишками, начинали очередную реплику начитанные девочки в пору моего детства. Сейчас все чаще в начале разговорных отрезков молодые люди ставят слово «короче».

Заканчивался мой первый семестр. В начале зимы 1970-го всех юношей-первокурсников приказом ректора на неделю сняли с занятий для выполнения подсобных работ на строительстве нового главного корпуса института рядом с уже действующим Ленинским мемориалом, который был сдан в эксплуатацию на полгода раньше, еще в апреле.

Мы разгребали кучи строительного мусора в вестибюле и на носилках доставляли его к подъездам аудиторий, свозили мебель для учебных аудиторий, хранящуюся до сей поры в складских помещениях разных школ города. А еще мы могли просто ходить по этажам будущей альма-матер и заглядывать в разные помещения. И видели много любопытного. Например, однажды я случайно обнаружил винтовые лестницы в подсобках нескольких поточных аудиторий, которые вели куда-то вверх, на подвесные мостики, «на колосники».

Также нашел еще две винтовые лестницы между первым и вторым этажами, которые располагались в узких шахтах и позволяли незаметно покинуть здание. По сути, это были *потайные ходы*. Когда учебный корпус сдали в эксплуатацию, и мы стали в нем заниматься, я смог завершить это свое исследование: оказалось, что один потайной ход начинался в читальном зале библиотеки, а другой – в кабинете ректора. Вот такие тайны «мадридского двора».

Казанская улица, икона Казанской Божьей Матери, казанская сирота...

У Чеснокова Анатолия была правильная речь, никакие оканье, аканье, уканье, иканье ему не были свойственны, хотя говор обитателей средневожских сел был весьма выразительным и поражал своим разнообразием: даже мой сосед по подвезду

дошкольник Женька Клоков с особым шиком-смаком произносил слово *угурец*. И диалектных слов я от Толяна почти не слышал, хотя, впрочем, вот сейчас вспомнилось слово *водополье*, то есть половодье. Впрочем, слово это довольно распространенное, оно есть в словаре Д.Н. Ушакова. А вот культура речи у Анатолия не всегда была на высоте... Например, он мог сказать «очень прекрасно». Зато почерк у него был отменный. Не то что у меня...

Мой однокурсник Фарид Бакиров, который поначалу жил в общежитии (в *обща́ге*), рассказал, что ребята-историки, устав от выкрутасов Юрки Когана, устроили ему «темную»: накиннули пальто на голову и *отмутузили* (или *отметелили*). Коган понял, что зашел слишком далеко, и затеял *мировую*: купил ящик *бормотухи* (дешевого красного вина) и угостил своих обидчиков. В следующем семестре он *свалил* из общаги и поселился *на хате* у бабушки-еврейки.

Толян Чесноков придумал ему звучное прозвище: *Дерибас*.

Чудо. Чудище. Чудовище...

Как бы сильно я не опаздывал на первую пару, я почти всегда встречал на лестнице нашего учебного корпуса Светлану Романовну Шустову, которая преподавала нам античную литературу и к тому же была куратором нашей академической группы. Я мог встретить ее на площадке между первым и вторым этажом, на площадке второго этажа, на площадке между вторым и третьим этажом и т.д. Она стояла и с кем-нибудь разговаривала. И, разумеется, тоже опаздывала, но ничуть не спешила. Опоздать для нее – это было, выражаясь на современном, напичканном *эффемизмами* сленге, как *два пальца об асфальт*... Сленг легко, естественно и даже гармонично вписывался в ее речь, особенно часто она использовала эвфемизм «*мать честная*».

Уж. Уже. Ужас. Ужасно...

Первый раз я пришел в редакцию институтской многотиражки «Призвание» уже не просто студентом, а членом комитета ВЛКСМ, курирующим это издание. Разумеется, я не хотел, да и не умел «руководить и направлять», мне в голову не приходило усиливать идеологическую направленность газеты. Просто я хотел, чтобы газета была интересна студентам, а для этого, считал я, там надо чаще печатать критические статьи, а также стихи, короткие рассказы, эссе, юморески...

В составе партийного комитета института не было человека, отвечающего за печать и пропаганду, поэтому за газетой присматривал сам секретарь парткома Евгений Сергеевич Ерофеев. Это был мягкий интеллигентный человек, вынужденный, впрочем, отстаивать линию партии, а потому требовал, чтобы в газете были *передовые статьи*, материалы, раскрывающие содержание партийной и комсомольской жизни преподавателей и студентов, другие идеологически выдержанные публикации. Редактора «Призвания» Галю Потапову регулярно приглашали на беседы с секретарем парткома, и она

всегда возвращалась оттуда заплаканная, с красным лицом...

Как установили многочисленные психологические исследования, женщина думает, когда говорит. А мужчина думает только тогда, когда молчит. И те и другие – мужчины и женщины – принадлежат к виду *homo sapiens*, но в них встроены совершенно разные механизмы, благодаря которым мысль облекается в слово.

Однажды я увидел Светлану Романовну на лестничной площадке третьего этажа: она беседовала с молодым человеком, которого я уже знал, его имя – Женя Мельников.

Светлана Романовна Шустова писала диссертацию, посвященную анализу творчества Джона Рёскина. Она ее долго писала, лет этак двадцать. И написала-таки – защитила аж в 1981 году. Вот сведения из «Википедии»: «Джон Рёскин – английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик, член Арундельского общества. Оказал большое влияние на развитие искусствознания и эстетики второй половины XIX – начала XX века».

Гермафродит – это всего лишь Гермес + Афродита.

Еще одна дискуссия – то ли в «Литературной газете», то ли в «Литературной России». Тема: значение реплики Гамлета «Быть или не быть – вот в чем вопрос...» А из-за чего тут копыя ломать? Реплика «*To be, or not to be, that is the question...*» переводится однозначно. Точнее, она вообще ничего не значит для Гамлета: он – в смятении, он – в состоянии прострации и *на автомате* бездумно бормочет, повторяет фразы, услышанные на университетских лекциях и диспутах. В данном случае он цитирует греческого философа Парменида. Я это обнаружил, когда готовился к экзамену по истмату, и долго смеялся. В наших вузовских учебниках и философских словарях эту фразу Парменида обычно переводят так: «Быть или не быть – вот в чем существово вопрос...»

Весной 1971 года наш факультет переезжал в новый, только что отстроенный корпус, расположенный на площади 100-летия со дня рождения В.И. Ленина (площадь тоже была новой). Мы, студенты-первокурсники, несли в руках все необходимое: книги и словари, магнитофоны и проигрыватели, проекционные аппараты, бюсты Пушкина и Толстого и т.п. Просто проходили вдоль восточной стены Мемориала и пересекали эту самую площадь.

Деканат *истфилфака* разместился на третьем этаже, профильные кафедры расположились на четвертом. Все было новое: аудитории, мебель, двери. Вдоль восточной стены вестибюля, простирающейся от пола до крыши, были смонтированы леса, и художники еще в течение полутора лет делали роспись этой стены, украшая ее идеологически выдержанной фреской.

Зачин Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово...» Тут вся правда о религии и Боге: и то и

другое всего лишь смутное впечатление, эффект, который произвели *мимэсис* и *диэгэсис*. Так что Бог сотворен из слов (изображение речью). А слово Божье – это всего лишь записанное слово (изображенная речь).

И все-таки мне удалось в какой-то мере повлиять на тематическую направленность хотя бы отдельных номеров газеты «Призвание». Там появились и критические статьи, и юморески, и стихи, в том числе мои и Анатолия Чеснокова. А в канун нового, 1973 года вышел праздничный номер, сразу ставший «библиографической редкостью». Все содержание газеты было подчинено единому замыслу, который разработала редактор Галя Потапова. Ей принадлежит идея сквозного персонажа – Чародейки, этакой студентки Снегурочки, визуальный образ которой создали наши девочки-художницы. И стихи в этом номере были, и розыгрыши, и приколы. Я написал короткий фельетончик в вычурном стиле и подписался псевдонимом «Я. Вова».

Женя Мельников писал стихи.

Этим грешили многие студенты-филологи. Вот начало стихотворения, опубликованного в многотиражной газете «Призвание» в начале 70-х годов:

Обернулась водою талою
Цепенящая ширь снегов.
А тебя у меня не стало,
И других не придумать слов.
Седоватой покрылся пылью
Тротуаров сухой настил.
Улететь бы к тебе на крыльях,
Жаль, что нету в запасе крыл...

Автора звали, если я ничего не путаю, Борис Фридляндский, он был однокурсником Гали Потаповой и учился на филфаке лет на десять раньше нас.

Но Женя Мельников не только в местных газетах печатался, у него в 1972 году вышла книжка стихов «Подземная вода» в Приволжском книжном издательстве. Она представляла собой тоненькую книжечку (23 страницы), в числе других девяти вложенную в картонную коробку. Это была так называемая тематическая *кассета*: десять сборников молодых поэтов Поволжья. И стихи для Евгения были всего лишь пробой пера: он намеревался писать прозу.

Став студентом, я какое-то время продолжал оставаться юношей с городской окраины, необщительным, робким и застенчивым. Работа в комитете комсомола способствовала моей, как теперь говорят школьные психологи, *социализации*, и где-то к концу третьего курса я был знаком не только *почти со всеми* студентами нашего историко-филологического факультета, но знал многих ребят и девчонок с других факультетов.

Сразу после первого курса я отправился в диалектологическую экспедицию, которой руководил доцент Венедикт Федорович Барашков. Мы проехали и прошли пешком значительную часть Старомайнского района, затем оказались на территории

Татарстана, побывали в Болгарах. В блокнотах той поры остались записи: слова и обороты местных жителей. Один старик рассказал, что в годы его молодости бревенчатые срубы собирали двумя способами: «в угол» и «в лапу» (я проверил в интернете, и оказалось, что это разные названия одной и той же технологии). А нестарая еще бабушка вспомнила слово «питишна» или «пятишна» – так некогда называли купюру в пять рублей. А у городских жителей были в ходу слова *пятерка* и *трояк* – так же на сленге студентов и школьников назывались оценки в дневниках и зачетках.

Потом был стройотряд в рабочем поселке Кузоватово, мы строили новое здание сувенирной фабрики. Я оказался в бригаде, состоящей из одних парней, студентов-историков. *Фронт работ* был неопределенный: сегодня есть работа, завтра – нет. Причиной такого *бардака* было отсутствие элементарного порядка и пьянство мастеров. Тогда мы, взяв инициативу в свои руки, отправились в ту часть железнодорожной станции, где останавливались под разгрузку товарные вагоны, нашли кирпичную халупу, в которой располагалась некая *контора*, и предложили находящимся там мужикам свои услуги в качестве грузчиков. Те переглянулись и согласились.

С тех пор, если ночью прибывали груженные товарные вагоны, то с утра пораньше к нам заглядывал один и тот же дядька (мы жили в самом центре рабочего поселка, в помещении бывшей библиотеки) и объяснял задачу. Так мы сочетали работу на стройке и *шабáшку* на станции. Чаще всего в вагонах были мешки с минеральными удобрениями и глыбы каменной соли, которая требовалась для поддержания нужного баланса в рационе питания сельскохозяйственных животных, в основном коров. Деньги за выполненную работу нам выплачивали уже на следующий день...

По возвращении из стройотряда, в один из дней в конце августа, я отправился в институт, увиделся с однокурсниками, с Чесноковым. Мы пошли в парк им. Я.М. Свердлова и там, в кафе-стекляшке «Ветерок», распили пол-литровую бутылку дешевого сухого вина «Алжирское». Затем я поспешил вернуться домой – были какие-то срочные дела, а ребята, как оказалось, «продолжили банкет» в кафе гостиницы «Венец».

Сон: мы с Толей Чесноковым на острове посредине Волги. У нас есть бутылка водки, есть буханка хлеба и кое-какая снедь, но нет стакана – забыли. Вот ведь незадача! Я брожу босиком по прибрежному песку в поисках хоть какой-нибудь посуды, хоть консервной банки – *червяночки*, как говаривал мой отец. Червяночка – это ржавая банка из-под килек, в которую он обычно собирал червей, готовясь к рыбалке. Но на этом острове, как ни странно, не оказалось следов присутствия человека: ни консервных банок, ни пустых бутылок, ни кострищ.

Вернувшись к месту нашей стоянки, я замечаю на разложенной газете большой перезрелый огурец и моментально соображаю, что надо делать: срезаю ножом верхнюю его часть, аккуратно удаляю мякоть и получаю замечательную *чáрку*. А вот Толя сообразительностью (или, как теперь говорят, *креативностью*) не отличался.

Слушаю лекцию по дисциплине «История КПСС», а в голове сами собой складываются строки:

Рифмы мужские и женские,
Вальсы и стулья венские,
Стук каблучков по паркету...

Еще мне часто снится вокзал в райцентре Кузоватово. Я никогда и никуда не уезжал с этого вокзала, но его окрестности мне хорошо знакомы.

Самый памятный объект – *туалет*. Обыкновенный «туалет типа сортир» на два отделения: «М» и «Ж». В мужском отделении был выстроен высокий помост из толстых необструганных досок с прорезанными в них тремя или четырьмя круглыми отверстиями. Помост упирался в стену, выкрашенную разведенным в воде мелом, на которой красовалась впечатляющая надпись, выполненная голубой масляной краской:

ПУСТЬ СТЕНЫ НАШЕГО СОРТИРА УКРАСЯТ
ЮМОР И САТИРА!

Итак, в один из последних дней августа 1971 года Толик Чесноков «со товарищи» отправились в кафе гостиницы «Венец». Эта гостиница была ровесницей Ленинского мемориала и нового главного корпуса нашего института, все три объекта входили в состав так называемой *мемориальной зоны*, созданной к столетию со дня рождения В.И. Ленина.

Годы спустя, расширяя собственные представления об архитектуре Симбирска-Ульяновска, я догадался, что сборные конструкции для гостиницы «Венец» были изготовлены на Засвияжском ДСК, или, иначе, заводе сборного железобетона, где в то время делали детали стен и перегородок панельных хрущевок. Соответственно и сама гостиница – заурядная хрущевка высотой в 23 этажа.

В здании гостиницы имелись одноименный ресторан, а также кафе, состоящее из двух залов: верхнего и нижнего. Вот в один из этих залов и отправилась компания уже изрядно подгулявших студентов. Их было трое: кроме Чеснокова, один мой однокурсник Игорь Ермолин и еще абитуриент по имени Владик, пока не внесенный в списки студентов, но уже успевший познакомиться с будущими *одноклассниками*. Они вполне могли купить дешевого вина в любом гастрономе или в «комсомольском» магазине (находился на первом этаже жилого дома в конце ул. Гончарова, на четной стороне), но им хотелось *праздника*.

Заказали бутылку «Наурского» – марочного вина, производимого в Чечено-Ингушетии. Повидимому, пили почти без закуски. Быстро сомлели, расплатились и пошли к выходу. Двустворчатые стеклянные входные двери изнутри были закрыты посредством большой металлической скобы,

вставлявшейся в проушины дверных ручек, чтобы отсечь новых посетителей от залов уже заполненного кафе. Двое портые – пожилых, но еще крепких мужчин-пенсионеров, с неодобрением посмотрели на нетвердо стоящих на ногах студентов и не спешили открывать дверь: они требовали к себе уважения, им, возможно, хотелось даже *покуражиться*.

Студенты тоже не были чужды куражу, стали сами открывать дверь, а пенсионеры их не выпускали, случилась небольшая потасовка. В конце концов компания вырвалась на вольный воздух, но пенсионеры уже возбудились, стали звонить по номеру 02, и наряд милиции прибыл незамедлительно (еще бы: мемориальная зона!), стражи порядка посадили к себе в «воронок» одного из пенсионеров-портые и отправились на поиски правонарушителей. И вскоре обнаружили их на одной из аллей бульвара Новый Венец. В общем, ребят «замели» и доставили в РОВД Ленинского района.

Однажды Женя Мельников заявил: «Я не из тех, кто пишет в стол». Выражение «писать в стол» означало *писать и не публиковаться*. А его печатали. Он понял правила игры, принимал участие в совещаниях молодых писателей, заводил связи, знакомился с *мэтрами*, и его прозу помещали в журналах, у него стали выходить книги.

У студента Чеснокова были неровные отношения с преподавателями: одним он *благоволил*, других откровенно недолюбливал, одаривая едкой эпиграммой. Это было свойственно и другим студентам. Уже упомянутый мною Борис Фридляндский, как гласило факультетское предание, сочинил на отличавшегося экстравагантными выходками доцента Романа Яковлевича Домбровского такую эпиграмму:

Он может сблехать, спеть, икнуть –
То ли всерьез, а то ли сдуру...
Он может кафедру перевернуть,
А думает – перевернул литературу...

Так вот... Не знаю, что произошло на семинарском занятии у другого доцента – Николая Дмитриевича Подвицкого (я тогда еще не был студентом), но Толик Чесноков посвятил одной своей однокурснице такие строки:

Подвицкий, не понявший Льва Толстого,
Не смог помыслить головой седой,
Что ты была Наташею Ростовской,
Но только лишь с фамилией другой...

(Продолжение следует)

janushevsky@yandex.ru

Уходящий 2021 год принес много утрат. Ушли люди достойные, внесшие свой вклад в культуру Ульяновской области, любившие и прославлявшие наш край. Мы простились с художником Борисом Николаевичем Складруком, краеведом Владимиром Константиновичем Кузьминым, бессменным руководителем ансамбля «Волга» Владимиром Андреевичем Ионовым, балетмейстером Маргаритой Валентиновной Январевой, поэтом Александром Дмитриевичем Лайковым.

Ольга ДАРАНОВА

ОН БЫЛ НАСТОЯЩИМ ПОЭТОМ

Памяти Александра Лайкова (1953–2021)

Бывают потери, в которые невозможно поверить... Утраты, которые сваливаются, как снег на голову, как гром среди ясного неба.

Умер Саша Лайков...

Накануне он писал эсэмэски, был озабочен созданием нового коллективного сборника. Плохо себя чувствовал, но уверял, что «оклемается к выходным» и выйдет на работу.

И никто не усомнился, что так и будет.

Он любил людей, любил быть в коллективе, любил работать. Любил литературу, книги, поэзию... Любил жизнь, движение, редко бывал грустным, чаще улыбчивым, весёлым.

Он был настоящим поэтом, в строчках которого жизнь цвела земными красками, дышала водой и ветром родной Волги, Каспия, Суходола.

Он любил родину и Россию.

Однажды, в детстве, он нашёл подкову в золе, и мама сказала ему, что это к счастью. Он и был счастливым человеком, не злобным, не злопамятным, порой наивным, как ребёнок. Горячо любил свою жену, свою Натали, дочек и внучек.

Любил копаться в земле, радовался своему урожаю, любовался суходольскими закатами. Он был труженик и весельчак, мудрец и простак одновременно.

Прокаленный солнцем астраханец, ставший навсегда симбирянином.

Многим он помогал создавать свои книги, публикации, старался, чтобы ульяновских писателей знали и любили в России. Его отточенное журналистское перо быстро и умело реагировало на события, вовремя донося информацию.

Он всегда помнил своих наставников, учителей, вспоминал часто поэта Александра Семеновича Бунина и литературное объединение «Надежда».

Вот уж не думала, что мне придётся писать эти скорбные строки, мой дорогой друг...

А помнишь, как мы ездили в районные библиотеки, колесили по всей Ульяновской области с «Литературной филармонией», и ты читал, «чтоб в круг собирались поэты». Осталась фотография, где мы стоим в бескрайнем поле подсолнухов... А на другой – мы среди лазорек, в Радищеве, там, где растёт «аленький цветочек».

Сколько встреч, сколько поездок и выступлений ты провел! И везде тебя знали, ждали и любили. Ох, Саша, Саша, ну как же так...

Ты давал мне рекомендацию в Союз писателей, ты подталкивал с выходом книжки, ты находил нужные слова в минуты растерянности и грусти...

Как странно писать о тебе в прошедшем времени... Не вяжется это с тобой, не укладывается в голове, не соглашается душа.

Сколько стихов ещё не написал! Сколько слов не сказал...

А как же мы будем без твоих шуток и метких словечек? А кто же будет говорить и напоминать нам о любви?

А написанное тобой останется навсегда с нами. Будем перечитывать...

И когда наступят «январские ночи, студёны и долги», будем слушать твои стихи и неповторимую музыку к ним, и побежит слеза, как сейчас...

Прости и прощай, дорогой друг... Вечная память и Царствие Небесное тебе и соболезнования родным твоим.

Скорбят все наши собраты-писатели.

Когда уходят артисты, их провожают аплодисментами. А когда поэты?

Стихами...

Вот одно из стихотворений Александра Лайкова. Как живой с нами говорит...

Облака, как брызги акварели,
На холсте задумчивых небес.
И витает дух сырой сирени
Над фатой молоденьких невест.

Бьёт фонтан Симбирского разлива
На любовь и счастье молодым.
Но плывёт на Каспий сиротливо
Одиноких теплоходов дым.

Я давно в Ульяновск врос корнями,
Здесь мои друзья, семья и дом...
Отчего мне снится свист моряны,
Шорох волн и вёсел за окном?

Я наполнен горечью полыни,
Соком вишен, плотью огурцов...
А когда трещат дрова в камине,
Слышу хруст медовых леденцов.

Фонари, как ягоды калины,
Город рассыпает ночью вновь,
А в Икряном – бакен у залива,
Ветряки и первая любовь.

Фото Владимира Ламзина

Чайки кружат на просторе синем
Над высокой волжскою волной...
Здесь, на главной улице России,
Я живу – волжанин коренной.

В осенние дни прощания у меня родились такие строки:

Александр Лайкову

* * *

Приходит осень с думой о друзьях...
Так поезд делает в дороге остановку.
Так лист зелёный медлит на ветвях
За миг паденья на родную бровку.

Приходит осень, нас не торопя,
А мы спешим, что завтра – не предвидя,
Так кони в беге резвые храпят,
Влюбляясь в жизнь, опасности не видя...

Но славен бег того, кто крупно жил,
Кто, задыхаясь, жизни улыбался,
Кто ближнего, как родину, любил
И в суете времен не потерялся.

«Ах, сердце, сердце, ты любви полно!
Не всё ещё отдал друзьям и милым,
Я пью за вас бодрящее вино!
И дай вам Бог любви, надежд и силы!»

Приходит осень с думой о друзьях,
И часто вечер длится в одиночку.
И мысли в слог ложатся в второпях,
...А ты опять подсказываешь строчку!

Среди горестных утрат уходящего 2021 года – уход отца Пантелеимона, насельника Санакарского монастыря, автора журнала «Симбирск». Иеромонах Пантелеимон был талантливым литератором, автором запомнившихся читателям рассказов, он был для многих из нас другом и духовным наставником, человеком, который поддерживал и молитвой, и добрым словом.

В одной из последних смс из ковидной больницы отец Пантелеимон написал: «Пусть наш родной журнал «Симбирск» живёт!». И далее, самое последнее: «Я счастлив, что все вы у меня есть!» Слава Богу, дорогой отец Пантелеимон, что мы в жизни встретились! На сердце больно и светло. Царство Небесное. Светлая память!

Иеромонах Пантелеимон (КРАВЕЦ)

ПИСЬМО БОЖЕНЬКЕ

Рассказ

Удивительно... – довольно времени пожив в обители, из множества невнятных шагов за дверью начинаешь безошибочно узнавать поступь монастырского сторожа. Даром что братья на послушаниях то и дело меняются, шаги монастырского сторожа – сакральный метроном. С годами к тому же вполне точно уже можешь определить, к тебе он направляется сейчас или кому-то другому? И что ещё удивительнее – с какими он явился вестями: добрыми, не очень, грозит тебе какой-то нагоняй или это обычное поручение от начальства.

В то утро, едва хлопнула подъездная дверь и топпливые шаги раздалась на лестнице – я прочитал по ним: сторож спешит ко мне, новости у него тревожные, но, кажется, особых неприятностей не сулящие. Часом раньше вернувшись с ранней Литургии, я уже успел к этому времени вздремнуть и сейчас, в ожидании звона к обеду, собирался варить чашечку крепкого кофе. Пока сторож, читая молитву (умеренно громко – тоже добрый знак!), стучал в мою дверь, я уже смирился с тем, что от кофе (mmm! – а какие флюиды плыли от кофемолки!) придётся отказаться, и был готов срочно бежать: куда и зачем – пока сам ещё не знал.

– Отец, там Авва бушует! – стоя на пороге, брат Л. смущённо пожимал плечами: – Автобусы с паломниками приехали, а на исповеди один отец А. Завал! Благочинному влетело... Срочно велели всех иеромонахов собрать!

– Я на ранней исповедовал... – это было скорее робкой попыткой.

– Я знаю. Но велели всех. Прости уж...

– За что прости? Ты-то при чём?

– Да так... – брат Л. опять смущённо пожал плечами и улыбнулся, беспомощно, как школьник, сказавший глупость. Сторожа почему-то всегда чувствовали причастность к неприятным указаниям, которые вынуждены были передавать. Наверное, братская любовь подвигала их к этому.

– Сейчас бегу! Не тужи, брат! Давай вот шоколадку пополам!

Брат Л. снова смущённо улыбнулся...

На входе в храм я чуть не сбил с ног женщину с дочерью.

– Простите, пожалуйста!

– Ничего-ничего! – улыбнувшись, поспешила успокоить меня женщина. – Это мы вас так перехватить хотели!

Девочка лет семи-восьми – чин по чину: в платочке и юбочке в пол, смешно замотанная поверх курточки огромным клетчатым шарфом, – пронзительно смотрела на меня серьёзными ярко-синими глазами и молча протягивала небольшой свёрнутый листок.

– Это что, моя хорошая?

– Передайте, пожалуйста, Боженьке, – тихо сказала она.

– Куда? – от растерянности я, кажется, задал глупый вопрос. Потому что в глазах у девочки появилась тревога: мол, ты вообще поп-то настоящий, если не знаешь, куда Боженьке письма надо передавать? Она указала рукой в сторону алтаря и осторожно добавила:

– Туда...

– Конечно! Конечно! – спохватился я. – Давай, моя хорошая! Давай! Обязательно передам!

– Спасибо... – глаза у девочки потеплели: вроде настоящий.

Я взял листочек, улыбнулся ей на прощанье и поспешил в алтарь. По дороге всё думал, что действительно не знаю, куда мне передавать это письмо и что мне с ним теперь делать. Ладно, разберёмся... Народ толпился у пустых аналоев, а служба уже начиналась. Надо было спешить.

В алтаре явно ощущался благодатный озон, который бывает обычно после сильной наместничьей грозы. Очень полезный воздух, хочу вам сказать! Вдохнул – и любое дело по плечу! Все были *оболчены и смыслящи* – и в тонусе! Но сам наместник уже больше походил на остывающий вулкан (Фу-у-у-х-х! Повезло!) и огненную лаву извергал только искрами.

– Отец, чего вы ерундой занимаетесь? – строго сказал он, едва завидев меня. – Чего вы по нормам прячетесь? Бегать нужно, каждого приглашать?! Видите – аврал, надо всем выходить! Что тут сложного?!

– Простите... не подумал...

– Простите... прохворостите... – проворчал

наместник. – Вам «простите» сказать, что на землю плюнуть! В следующий раз думай о монастыре, а не о своём преподавании. Исихасты... Давай, облачайся и вперёд на исповедь!

– Благословите! – я кинулся к вешалке с требными епитрахиями, но по дороге подумал, что не могу обмануть эту маленькую девочку, и коль уж взялся, то обязан выполнить её поручение. Но как? И я...

– Отец Наместник, простите, тут такое дело...

– Ну, чего ещё? – сердито отозвался наместник, явно недовольный моей медлительностью.

– Да тут... – и я объяснил ситуацию. Но сразу же начал об этом жалеть: наместник не в настроении – сейчас влетит только, и всё! Но, на удивление, тот поднял на меня серьёзные глаза и с укоризной – а значит, я спросил действительно важную вещь – сказал:

– Ты что, отец, как маленький! Не знаешь, куда Богу письма передавать?

В этот момент мне подумалось, что во всём мире я, кажется, остался единственным дурнем,

который ещё не знает, куда передают письма Боженьке. Всем остальным это каким-то образом уже было известно.

– Вставай на колени перед Престолом и читай! – добавил наместник. – Только быстрее давай! Как просто!

Я встал на колени у Престола и развернул письмо. На небольшом листочке были нарисованы солнце и цветы. Маленький домик, где сейчас, наверное, уютно горел очаг: дым поднимался к небу из высокой трубы. Детской, нетвёрдой рукой было написано: «Здравствуй, Боженька! Меня зовут Таня. Сделай, пожалуйста, так, чтобы моя мама больше не болела и мы были счастливы». Мне вдруг стало так хорошо и спокойно... И пусть в письме тут и там зияли ошибки – это было совсем неважно. Сердце милой, доброй Тани не ошибалось, и это было главное! А орфография – это дело наживное. Я стоял на коленях у Престола, и в душе моей, как нежное утро, воскресало что-то... не знаю... словно Боженька, выслушав послание, сказал мне: «Передай Тане...»

Светлана КЕКОВА

* * *

Памяти иеромонаха Пантелеимона

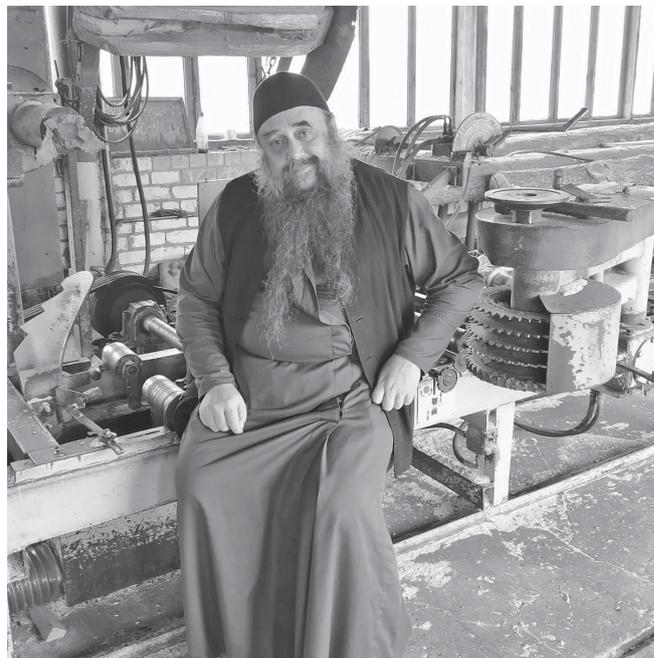
Наш пастырь путь в Небесный град
избрал – и жертвенный, и царский...

Его у монастырских врат
встречает, словно брата брат,
святой Феодор Санаксарский.

Нам – старикам и молодым,
нам, к небесам поднявшим лица,
всё кажется,
что пар иль дым
над светлым озером клубится.

Нам чудится, что стонет лес,
качаются, рыдая, ели,
что мы под куполом небес
внезапно все осиротели.

Как нам услышать голос твой?
Он, обретая с ветром сходство,
твердит, что лишь разрыв с землёй
есть образ нашего сиротства.

Мария БОРУХОВА

* * *

Мир сузился до размеров
солнечного луча.
Но нас укрепляет вера
в душ и телес Врача...
Мы все устремились к свету:
нам рассказала тень,
что Бог призовет к ответу
каждого в Судный День...
Корнями в земле оставшись,
к небу летит душа.
Мы рядом стоим, обнявшись:
молимся, чуть дыша...
Для нас, истомлённых мукой,
эти слова, как мёд:
за временною разлукой
новая встреча ждёт.

РЕКА

ВОСПОМИНАНИЙ

*Татьяна Царева
(Алисевиц), 16 лет*

Татьяна АЛИСЕВИЧ родилась в с. Радищево Ульяновской области в семье писателя Андрея Ивановича Царёва. Окончила филологическое отделение Ульяновского педагогического института.

Долгие годы работала в библиотеках. В ЦГБ им. И.А. Гончарова вела спецкурс «Литературный Симбирск и современный читатель».

БУКЕТ БЕЛЫХ КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Из книги

«Очень личные истории»

В свободное время я путешествую по городу. Путешествие можно было бы назвать просто прогулкой, если бы маршрут не пролегал по тем местам, которые я каждый раз вижу не столько зрением, сколько памятью. Но ведь недаром сказано: «Всё видимое – временно, невидимое – вечно». Я вижу то, что спрятано за ширмой не так уж и давно, по историческим меркам, времени – всего-то чуть больше полувека. Однако, и это уже история, и мой хронометр с каждым годом все настойчивее напоминает мне об этом. Сколько событий – важных, величественных, смешных, грустных – сразу оживают перед внутренним зрением! Сколько людей, которые именно в этом дорогом для меня городском пространстве были частью моей жизни!

А.И. Царев, Таня, М.И. Царева, стоит сестра Лидия

Судьба столкнула нас на космическое мгновение, и люди-кометы скрылись навсегда. Волей-неволей с течением времени оказываешься обладателем пресловутых драгоценностей, имя которым – воспоминания. Может быть, они необходимы как главные подтверждения того, что жизнь всё-таки происходила? Твоя личная жизнь... И всё, что в ней было обычным, кажется сегодня особенным.

Три тополя на Венце и деревянный Бродвей

Особое представительское место города. Да что там говорить, лучшее его место! Как повезло мне и моим соседям-сверстникам, что здесь, в этом прямо-таки концентрате красоты, в самой середине прошлого бурного века состоялось наше общее детство! Какие музы заманчиво окружали нас и были привычным фоном нашего детского существования – изящные здания с постоянной пропиской в них музыки, живописи, литературы, театра и различных наук! А гармония парковой культуры и садовой поэзии! Волшебное место... В общем, нам повезло!

Вид на заволжские дали, воспетые в прозе и стихах. Умиротворяющие слух и зрение фонтаны. Кстати, о фонтанах. Чашу одного, очень давно не действующего, убрали при реставрации бульвара. Спилили старый, с просторно разросшейся кроной, низко наклонившийся над этим фонтаном тополь. Осенью он ронял в дождевую воду в чаше огромные ярко-жёлтые листья, похожие на уснувших глубоководных рыб. В детстве этот уютный пятачок бульвара всегда казался мне таинственным кусочком какой-то неведомой прошлой жизни, забытой декорацией происходивших здесь событий... Воображение тут же уносило вглубь неопределённого времени, давая почувствовать колорит прежнего и совершенно незнакомого Симбирска. Я придумывала его себе.

А совсем рядом, возле балкона – выступа в ажурном ограждении бульвара тоже спилили тополь, возвышавшийся летом, как зелёный маяк, и под ветвями которого можно было укрыться в те самые «зной и непогоду». Впрочем, именно этот тополь удостоился почти личного портрета. На ксилографии художника Бориса Николаевича Склярюка «На Венце» он могуч и горделив: У тополей не кроны, а короны, / Как золотит их солнце на закате! / Как хорошо быть юной и влюблённой, / Бежать на встречу собственному счастью!

Борис Склярюк. На Венце

Сегодня из трёх тополей, некогда стоящих недалеко друг от друга, почти как в знаменитом фильме, остался один. Помнит ли он своих собратьев? А помнит ли он меня, школьницу? А помнит ли он бессменных по всем жарким летам двух морожениц у главного входа на бульвар – для нас, детей, настоящих волшебниц, скрывавшихся под обычными именами – тётя Нина и тётя Валя? Плотную сладкую массу они доставали ложками из дымящихся глубин тележки-холодильника и ловко укладывали между вафельными кругляшками в специальное алюминиевое, очевидно, приспособление, а затем, надавив на его поршень, подавали миниатюрное лакомство. Умение с ним изящно обращаться и его божественный сливочный вкус плавают в тумане памяти и почти забыты... А вскоре это священнодействие заменил легендарный вафельный стаканчик, который, впрочем, тоже сначала наполнялся вручную... Добрые волшебницы часто и угощали сладкой «некондией» настырных окрестных мальчишек.

Плотно обитаемая некогда по обе свои стороны длинная лестница, ведущая к реке. Здесь виденья наплывают одно за другим.

Сегодня по лестнице сосредоточенно бегают спортсмены и желающие похудеть. А когда-то для обитателей этой примечательной местности такие, с позволения сказать, «тренировки» были привычной, хотя и суровой необходимостью, да и не один раз в день: Гуляющих толпа с Венца посмотрит вниз / – Пугает их и восхищает вид Ступеней множества, / Где мы детьми играли, / Где мы их без труда одолевали...

О этот деревянный многоступенчатый крутой Бродвей Подгорья! Главная улица городской слободы, названной в советское время спуском Железной Дивизии. В детстве все время возбуждёно представлялось, как лихая конница когда-то тяжело проносились по булыжникам почти отвесного спуска и под копытами коней высверкивали искры. И ещё таинственные всадники, появляющиеся ниоткуда и исчезающие в никуда. Может, так приходило ощущение времени и истории?

Дома-усады, утонувшие в садах. Дома, скрывающие тайны своих владельцев. Кто из них кто, какое-такое происхождение? По малолетству не очень задумывались, а ведь всё было наглядно – колоритно: у кого в родословной купечество, у кого – дворянство, у кого – разночинство. Но разговоров об этом не было. Все работали и жили непросто. Жили плотно, комнатки многих деревянных домов сдавались. К кому-то заселялись целые семьи, к кому-то – студенты-одиночки – ведь рукой подать было до двух институтов. Молодая жизнь то взрывалась смехом на скамейках возле калиток по летним вечерам, то азартно и звонко играла в волейбол на крохотных ровных пятках земли, а мелюзга гонялась за стремительно убегающим под гору мячом. Но вообще-то молодёжь так же задорно и училась, и слова – «конспект», «зачёт», «практика», «экзамен», «лекция» были самыми популярными в то первое послевоенное десятилетие в моём окружении.

Всё это должны были помнить и те тополя, мимо которых прогуливались или прогуливали, под тенью которых готовились к летней сессии и радовались или плакали в зависимости от её результатов, возле которых назначали свидания и объяснялись в любви, расставаясь на каникулы. Тополя помнили. Это были верные друзья тех, кто вырастал, уезжал и возвращался, надеясь заново пережить молодое своё половодье.

Один тополиный аксакал остался – с поредевшей и поседевшей шевелюрой, отливающей на ветру серебром. Его особенные, с зазубринками листья по осени разлетаются по бульвару. Иногда я подбираю, как письма без адреса. Мне кажется, что они адресованы и мне, и всем тем, кто некогда населял эту округу, о которых тоже скучает старый тополь. И надо же, только спустя много лет, я обратила внимание, что тополь этот – особенный, как в песне, – белый. И теперь к строчкам песни – «Белый тополь, белый клён» – у меня особенное щемящее чувство – «Эх, вернуться б в те края, где до неба тополя, тополя, моё детство».

Я каждый раз пытаюсь вернуться...

Симбирская «Барселона»

В романе «Звёздный билет» писателя Василия Аксёнова, которым в 60-е годы прошлого уже (!) века зачитывалось юное (моё) поколение, есть образ старого дома в центре Москвы. Его насельники, особенно молодёжь, нетерпеливо ждали переезда в новое жильё. Дом, обречённый на снос, они иронически нарекли «Барселоной». Подобная «Барселона» была и в нашем детстве – мощная коммуналка в два высоких этажа на Венце, в одном здании с военной комендатурой. Вообще-то это здание со своей симбирской историей. Рядом был простенький скверик, впрочем, обнесённый решёткой, как и бульвар напротив, – неизменное место сбора тогдашнего подрастающего племени.

В этом доме жило много моих одноклассников. Повезло тем, у кого в причудливо изогнутом каменном строении окна квартир распахивались на Волгу с постоянно меняющейся игрой красок неба и воды. А также можно было наблюдать «весь город», что непременно прогуливался душными летними вечерами по аллеям бульвара, яростно благоухающих ароматом «ночной красавицы» – невзрачного фиолетового цветка, раскрывающегося только к сумеркам. Городские модницы демонстрировали искусственность своих портних, особенно тех, с ещё знаменитой дореволюционной выучкой, которые вынуждены были сменить социальный статус заказчиц. Но хорошая портниха при любом строе портниха, как говаривали тогда. Всё это дефиле можно было наблюдать, просто выглядывая из большого полукруглого окна.

Жители «Барселоны». Витя Яковлев с дедушкой.

Возле подъезда «Барселоны»

Люди, живущие довольно сурово в симбирской «Барселоне», как могли налаживали свой коммунальный быт. И помогали создавать уют трофейные вещи. Как к этому можно было тогда относиться? Как к музейному и в то же время личностному нестандартному пространству. Трофейная Европа представляла перед нами, детьми, тонкими разноцветными (и разномастными) фарфоровыми чашками на столах при чаепитии, массивными резными буфетами, где хранилось много случайных затейливых вещей, и даже белоснежным фаянсовым (личным!) умывальником моей подруги, за которой я часто заходила по дороге в школу.

Особенно я любила слушать звон напольных часов, что удачно вписались в узкое пространство выгороженной спальни этой удивительной, вообще-то

Возле «Барселоны», 1 сентября 1961 года. Люба Лукина, будущая актриса Казанского ТЮЗа, Таня Царева, Надя Шмелева, будущая художница, выпускница художественного училища им. Мухомовой в Ленинграде

однокомнатной, квартиры с высокими потолками. Ритмичное покачивание маятника нарушалось мелодичным звоном каждые полчаса, а каждый час с удвоенным числом ударов они тонко отбивали время, что показывал благородного вида застеклённый циферблат. Высокий худощавый корпус часов напоминал мне суховатого европейского господина. Вежливого и пунктуального.

Но чтобы попасть к подруге, надо было подняться по угрюмой каменной лестнице на второй этаж, с трудом открыть тяжёлую, обитую войлоком общую дверь, пройти через весь длинный коридор, тонувший в электрическом полумраке, мимо импровизированных кухонных закутков с кипящими кастрюлями и шипящими сковородками, утонуть в запахах готовящейся еды – и вдруг оказаться в уютной просторной чистой комнате, где у каждого домочадца был свой заботливо обустроенный уголок.

Мы росли, «Барселона» катастрофически выходила из моды... Где-то на горизонте маячили вождельные пятиэтажки.

А пока к урокам присоединялись пластинки, первые каблуки, первые влюблённости, выбор института, первые сессии... Сейчас, когда пространство «Барселоны» и скверика рядом с ней заняты другими знаковыми объектами города, странно видеть из почти той же точки обзора, из окна этого важного объекта тот же волжский пейзаж, но знать, что с уроками черчения, заданными по литературе сочинениями на свободную тему, которые кропотливо выполнялись и вдохновенно создавались на этом самом месте под крышей исчезнувшего дома, давно закончено... И никогда не услышать звона почти уже мифических часов! Далеко вперёд убежало время... Кстати, на подругу, с которой жизнь развела безжалостно и бесповоротно, её соседняя муза повлияла – она стала художницей, и на берегах другой исторической реки затерялись её следы...

«Барселона» и весь мир

Вообще, время, которое хранит память и которое прячется сегодня в сохранившихся немногочисленных его молчаливых свидетелях, было необыкновенно творчески устремлённым. Недаром появилось понятие «шестидесятники». Оно ведь применимо не только к тем именам, что и сейчас на слуху. Многие мои сверстники видели себя будущими художниками, скульпторами, музыкантами, архитекторами, учёными, дипломатами, журналистами... Это было время мечты и... разочарований. И всё же... Фестиваль молодёжи и студентов в Москве стал символом новых горизонтов, больших возможностей. Даже если тебе не пришлось там побывать. А вот брату другой моей подруги из «Барселоны» удалось. И нас это не удивляло. Так и должно это было быть. Студент, художественная натура, ставший впоследствии скульптором, общительный молодой человек, он, безусловно, вписывался в этот праздник юности (кстати, его работу мы можем сегодня увидеть на той самой улице нашей общей юности). Он сам был неким символом новой жизни, хозяевами которой собиралось стать молодое поколение. «Танечка, ни хао!» – так приветствовал он меня по своему возвращению, когда я приходила к ним в гости в «Барселону». И это тоже было эхо интернационализма, покорявшего наши детские сердца.

Именно в «Барселоне» мы писали письма ровесникам в разные страны и города стран социалистического лагеря. И нам отвечали, я долго переписывалась с мальчиком и девочкой из Северной, конечно, Кореи – ведь им так была нужна наша поддержка! Поддержка друзей из Советского Союза! И на адрес несуществующей ныне улицы регулярно шли международные (!) письма из Германии, Румынии, Кореи, кстати, на русском языке. Вспоминают ли наши адресаты нас по прошествии стольких лет, после многих и многих событий в наших странах? Красавица Дойна из Бухареста, улыбчивая Розмари из Дрездена (выбор города также был продиктован политическими нашими детскими соображениями – ведь Берлин был расколот, а дрезденскую картинную галерею спасали наши солдаты!). А девочка и мальчик с труднопроизносимыми именами из Северной Кореи!

Куба тогда глубоко вошла в наши сердца. Мы воспринимали её для нашего поколения Испанией конца 30-х годов XX века.

И конечно, не могли остаться в стороне – если не участвовать по обидному малолетству в борьбе, то хотя бы эпистолярно выразить поддержку борцам за свободу.

А музыкальные ритмы латинос, выпущенные вскоре в 1959 году фирмой «Мелодия», пластинки с кубинскими зажигательными песнями переносили в неведомый мир, совсем непохожий на привычные школьные будни. «Гуантанамера» – загадочное слово вошло в жизнь, как пароль. Так, под кубинские песни мы входили в нашу раннюю юность с отчетливым привкусом непримиримой борьбы против империализма и всем, что с ним связано.

Кстати, в случайно найденном недавно и каким-то чудом сохранившемся своём детском дневнике я нашла запись про жажду общения со сверстниками из других стран. В 1961 году у нас, шестиклассников, были далеко идущие планы общения со сверстниками Кубы, Албании, Индонезии, и выбор был не случаен. Мы внимательно следили за международными событиями. Память о не так уж и давней войне жила в каждой семье живыми о ней рассказами.

«Парни, парни! Это в наших силах – Землю от пожара уберечь! Мы за мир и дружбу, за улыбки милых, за сердечность встреч!» – такие песни звучали по радио, так проникновенно и с воодушевлением пел Марк Бернес. Вот это – «если б собраться все вместе могли» и «до грядущего подать рукой» – это и определяло наши, пафосно говоря, убеждения и конкретные действия. Ну, потом мы были всё-таки первое послевоенное поколение и понимали уже, что и мы отвечаем за сохранение мира. Каждый как может, но отвечает. Только вопрос был к песне: почему только парни?

Хозяйка гостиницы

Но что же близкий родной город на Волге? Как нетерпеливо хотелось, чтобы он тоже менялся, чтобы будущее скорее состоялось сегодняшним. Но он так еще тесно был связан с прошлым. Еще вокруг было много людей, помнивших это прошлое. И люди эти были – страшно сказать – домовладельцами! Это сегодня мы снова оказались собственниками недвижимости. А тогда...

По приезде в Ульяновск в 1954 году наша семья поселилась в гостинице «Москва», бывшей «Троицкой». Гостиниц и коммунальных квартир в моей семилетней жизни было уже достаточно, поэтому гостиничный быт меня вполне устраивал, чего не скажешь про остальных членов семьи. А мне всё нравилось – широкие длинные коридоры с коврами дорожками, даже запах табака, но не прокуренности в них, просторная комната с четырьмя кроватями, из окон вид на Волгу и памятник В.И. Ленину. Дом правительства ещё только строился, пока ещё не загораживал чудесную волжскую панораму и энергичный памятник. Я даже смогла из окна увидеть парад 7 ноября на площади, не говоря о том, что и всю подготовку к нему. Музыка, колонна, чёткий шаг участников – курсантов... А за этим – ощущение силы, такой необходимой надёжности... – ведь уже почти десять лет прошло со дня окончания войны.

В гостиничном же здании находился кукольный театр! А еще – меня завораживали старинная тяжёлая входная дверь в гостиницу и такая же старинная дверная ручка! Не представляя событий, ранее происходивших в этом красивом доме, знаменитых и судьбоносных для города людей, в разное время проживавших здесь, я испытывала странное чувство, когда перешагивала его порог. Как будто история поглощала меня, обволакивала. Невидимые тени прошлого скользили мимо. Впрочем, прошлое имело и конкретный образ. На первом этаже в очень маленькой комнате жили двое – муж и жена. Помню величественную Еву Константиновну. Мне в мои семь лет она казалась очень большой женщиной. Её мужа помню смутно – маленького человечка. А вот Ева Константиновна была колоритной фигурой. Она была гением этого места – много знавшей, помнившей, да чуть не бывшей владелицей! Возможно, это был миф. Меня занимало другое: эта конкретная женщина была живым свидетельством и доказательством «другой», «нетеперишной» жизни. И она была носителем этой жизни – взглядов, привычек, даже одежды – языка другой эпохи! Но от всей прошлой жизни у этой женщины осталась маленькая комнатка с низким окном, в которое с улицы было легко постучать при желании даже ребёнку. Окно выходило в сторону бывшего кадетского корпуса. О чём она думала и вспоминала вечерами за столиком возле этого окна, с чашкой слабого чая из чайника, тайно нагретого на электроплитке? Да ещё у неё была невероятная шляпка, по-моему, с вуалеткой, что в сочетании с её возрастом и комплекцией не могло не вызывать улыбку у прохожих. Никто, кроме меня, не помнит сегодня некогда довольно знаменитую Еву. Зачем она задержалась в моей памяти и не уходит долгие годы?

Но эта, даже пусть мифическая, домовладелица, была далеко не единственной встреченной в моей жизни в этом городе.

Я очень жалела гостиницу, когда пришлось её покинуть. Этот двухэтажный кирпичный дом дышал таким благородством и достоинством, что было непонятно, где же ещё и можно было жить.

В знойный день сегодня уже очень взрослые липы густо затеняют здесь небольшой переулок. А в пору моего детства казалось, что маленькие липки никогда не вырастут.

По новым адресам

Но вот новый адрес жизни – ведомственный дом. Даже удивительно, что деревянный дом без намёка на какие-либо удобства мог оказаться ведомственным. Да ещё и добираться до него было непросто – он стоял на крутом волжском склоне. Лишь спустя многие годы, я узнала, что это частное (но в два этажа) домовладение было продано собственником газете «Пролетарский путь». Очевидно, этот поступок диктовало время. Удивительно было и то, что бывшим собственником оказался дед моего очень хорошо знакомого ровесника, мальчика Вовы. И воображение тут же в тот момент, когда я это узнала, нарисовало забавную картину – как в случае другого поворота истории мой двадцатилетний тогда ровесник был бы сейчас богатым наследником. Обладателем нескольких домов в Симбирске с огромными прилегающими земельными угодьями на живописном волжском склоне. А я ведь наблюдала этого дедушку, невысокого, сухощавого старичка, каждое лето рьяно с берданкой охранявшего свой бесконечный сад возле знаменитой «восьмёрки». А в самом доме, с обязательной застеклённой верандой, был вечный «раскардаш», как выражался зять этого старичка – известный в ту пору в городе врач Иноземцев.

Вообще люди в возрасте поры моего детства казались мне существами таинственными. И действительно, у каждого было о чём умалчивать. Это сейчас на многих старинных домах в городе появились доски с историческими справками. И вдруг возникли прямые соответствия. Доходный дом купца такого-то оказался домом деда моих товарищей – брата и сестры – по детским играм по соседству.

– Знали ли вы об этом раньше? – спрашивала я их. И дружный ответ: никогда.

Только гораздо позже можно было получить приблизительные ответы на мои детские вопросы, адресованные самой себе. Почему вблизи Венца, на бывшем Николаевском спуске, так много просторных деревянных домов на прочном каменном фундаменте с внушительными удобными сухими подвалами – загадочная территория, освоенная нами, детьми, под игры, особенно в дождливую погоду? Почему в этих подвалах хранятся прочные деревянные бочки огромных размеров? Почему некоторые взрослые ведут себя несколько странно по отношению к другим жильцам дома, где проживают сами? Почему соседка-старушка не очень любила нас, детей, и называла «архаровцами», а своему долгожданному маленькому внуку неохотно разрешала общаться с нами. Да и сам внук, подрастая, поражал нас каким-то нездешним мироощущением. Он был другой, не такой, как мы все. Всё это от чудной бабки, решили мы. И были недалеки от истины – бабушка дворянских корней всеми силами противостояла влиянию разношёрстной детской компании. Может быть, её внук был для неё продолжением жизни, которая исчезла навсегда? Смутной надеждой, символом возможности нового витка истории. Недаром, сидя летом на тёплой деревянной ступеньке парадного входа в свой дом под высокими вязами, осыпающими всё вокруг невесомыми семенами-монетками, она не выпускала внука из рук, с молчаливым страданием терпя наше детское обще-

ство вокруг него. Парадный вход с улицы никогда не открывался, в темноватом палисаднике только самосевом вырастали лиловые колокольцы, а в окнах единственной комнаты не задерживались солнечные лучи. Другие комнаты домовладелица сдавала. Большая веранда служила общей кухней, а половина дома и вовсе принадлежала другим людям.

Усадьбы тянулись вдоль всего спуска Железной Дивизии. На мало-мальски ровных участках земли лепились дома и маленькие дворики, а сады и огороды отчаянно цеплялись за землю крутых склонов. Случались и оползни. В неутомимых поисках освоения новых территорий для детских игр набрели на обширную «ничейную» площадку недалеко от филармонии, любимого моего здания в городе. Практически это был овраг, со странной серо-голубой почвой, клочками травянистой растительности. Зато Волга лежала перед глазами как на ладони, переливаясь нежными серо-голубыми оттенками, а в солнечные дни слепя бликами, как огромная пойманная рыбина серебряной своей чешуёй. В случае нападения недружественных ребячьих ватаг можно было укрыться в знакомом саду, который и граничил с этим оврагом. Лазая по его крутизне, копаясь в сером щебне, находили вожделенные «хрусталики».

Потом овраг засадили деревцами, и это уже стал не овраг, а молодая рощица. Она просматривалась вся насквозь. Видны были все тропинки, гуляющие люди, которым полюбилось это ставшее живописным место. В роще поселились соловьи и кукушка. Конечно, и другие неведомые мне птицы, чьё затейливое пение стало классическим аккомпанементом к волжскому пейзажу. Зазеленела земля возле деревьев, появились ландышевые поляны. Сейчас это диковатое место, заросшее кустарником, выросшие уцелевшие деревья почти не пропускают солнечный свет, а с Венца уже так вольготно не видна краса города – Волга.

Вспоминая изменившие свой облик, не единожды переименованные, а то вовсе исчезнувшие улочки города, невозможно не вспоминать и людей, населявших эти улицы и дома, их привычки, уклад жизни, из чего и складывался облик полу-Симбирска, полу-Ульяновска. Именно так – новые веяния сосуществовали с прежними непоколебимыми убеждениями. Помню, в детстве очень удивил вопрос подружки перед наступающим Новым годом, не будем ли мы выбрасывать ёлку сразу после праздника. Ёлка всегда с холодным достоинством поблёскивала в комнате небогатым нарядом – серебряным картонажем – все зимние каникулы. И как жаль было с ней расставаться! Правда, она до весны красовалась во дворе, на вершине высокого сугроба, принимая своими ветками ветра и снегопады. Но это как будто была другая ель. Зачем торопиться выносить сказку на мороз? Я понятия тогда не имела, что семья подружки отмечает Рождество, да и о самом празднике понятия не имела и что смолистое деревце выполняет другую функцию, кроме «детишкам радости», а Новый год, как оказывается, и полагается, наступит после. Именно так, как в стихах Бориса Пастернака – «не оглянешься – и Святки, только промежутки краткий, смотришь – там и Новый год». Воспитывавшаяся в строгом атеизме, я смутно понимала, что люди вокруг суще-

Елка на площади Ленина. 1950-е гг.

ствуют в разных координатах при внешней общей модели жизни. Вообще, пятидесятые годы прошлого века в нашем городе – это сложный людской коктейль, это микс укладов, взглядов и, ужас, внутренних собственных идеологий.

В детстве, проживая на этом спуске (жилые спуски являли собой уникальные явления города), я никогда не видела солнечных закатов. Довольно рано солнце скрывалось, даже продолжая светить, за крутым подъёмом на Венец. Это потом я поняла восторг Маленького принца из сказки Экзюпери, который переставлял свой стульчик, чтобы дольше любоваться надмирной игрой красок закатного светила.

Но зато вволю можно было любоваться расцветами. Есенинское «выткался на озере алый свет зари» было конкретным образом, регулярно въявь виденной картиной. Сначала небо светлело, чуть розовело наливающимся яблоком от приближающихся лучей солнца, из-за Волги показывался краешек малинового диска, чтобы стремительно увеличиваться и разливать цветные краски – волжская вода покрывалась бледными красноватыми мазками играющих волн, секунды – и слепящий свет охватывал уже всё небо. Было что-то неуловимо мистическое в этом ежедневном ритуале. Мать – Волга рождала сына Солнце.

Вся высокая Симбирская гора была вразброс уставлена деревянными домиками – эдакими ласточкиными гнёздами. Почти каждый дом имел террасу, на которой, как на теплоходной палубе, летом кипела жизнь: чаёвничали, пели, танцевали, любовались неутомимой Волгой с её буксирами, плотами, баржами, огнями бакенов по вечерам. О короткие летние ночи в нашей подгорной слободе, высокие звёзды, лунная зыбкая дорожка от берега к берегу! Тишина в огромных чёрных провалах садов – безветрие. Летучие мыши проскальзывают совсем низко и рядом. Кто-то недалеко упорно наигрывает на гармонии возле своего дома на скамейке, а с железнодорожного моста через Волгу часто накатывает отчётливый стук колёс проходящих поездов. Казалось, что мы отделились от земли и висим в ночном космосе, только эти звуки пока и держат нас, чтобы совсем мы не пропали в бездонном небе.

Автономность нашего проживания всегда очень чувствовалась. Её границей были трамвайные пути по бывшей Советской (в моё время), нынешней снова Спасской. Переижда «из города» через трамвайные рельсы, вы и сегодня попадаете в осо-

бый мир. Несмотря на перемены и различные «инновации», эта территория упорно сохраняет прошлое. Странная душевная отрешённость объедает тебя, перешагнувшего эту границу сиюминутного и вечного. Мне жаль тех, кто этого не чувствует. Несколько шагов – и взор летит далеко, в этот береговой разлом, дальше по течению реки, преодолевая громадные расстояния, а высота Венца как пусковая площадка твоего мысленного взора, течение подхватило его, и вот ты уже движешься то ли в пространстве, то ли во времени. Представляете, люди подгорья неосознанно это чувство испытывали каждый раз, когда буднично, возвращаясь с работы, подходили к своему Бродвею – деревянной многострадальной лестнице, ведущей к родимым домашним очагам.

Трамвай возле сквера Карамзина и монастырской стены. В бывшей часовне располагалась парикмахерская.

Летней порой жизнь поздно затихала на этой людской магистрали. Перестук каблучков по деревянным ступенькам долго не умолкал.

С Венца наплывал сладкий запах раскрывшихся к ночи цветов – фиалки, душистого табака, терпкой настурции. Приглушённый звук последнего трамвая там, наверху, незримо очерчивал границу между сном и явью.

Конечно, зимой все звуки тонули в щедром снегу, как будто за двойными рамами окон, тщательно проткнутыми ватой и заклеенными бумагой.

Особенно отчётливо здесь ощущалась неповторимость каждого месяца, каждого времени года. Ахматовская строчка «нежна апрельская прохлада» прочно связана с моими детскими ощущениями волнующих запахов оттаивающей земли вокруг в садах, остывающих в мягких предвечерних сумерках, когда пора идти домой и почему-то невозможно это сделать, покинуть это весеннее волшебство. Может быть, потому что это замороженное состояние души смутно предвосхищало другое – следующие строки – «ты опоздал на много лет, но всё-таки тебе я рада»? Конечно, это потом, потом, это пророчество...

А осень. Та самая прекрасная поздняя осень... Тёмные, промокшие, озябшие ветки деревьев в беззащитной своей наготе, первый снег редкими белыми точками на фоне низкого сизоватого неба. Сиротливый запах дыма из печных труб. Ещё немного – и появится «лёд неокрепший на речке студёной». И будет он «словно как тающий сахар» – это Некрасов. Те самые некрасовские «покой и простор»

воцарялись в природе. Где ещё можно было заметить это в суетливой городской среде совсем рядом?

Поэтичность была разлита вокруг щедро, как сам упоительный воздух подгорья, который речной свежестью поднимался снизу, смешиваясь с запахами цветущих трав и садов, а по осени – сладко-пряным яблоневым духом. Недаром наш гениальный земляк Иван Александрович Гончаров постоянно вспоминал в холодном Петербурге особенный симбирский воздух. Кстати, в нашей подгорной слободе его роман «Обрыв» читался как произведение несколько не устаревшее, и герои его вызвали оживлённые обсуждения, как если бы они были близкими знакомыми. Да и сама топография романа была очень понятной, особенно волновало название – уж не про нас ли? Книги вообще сильно влияли тогда на жизнь их читающих людей. А у некоторых впечатлительных натур – просто по Пушкину – «они им заменяли всё». И часто модели их жизни выстраивались по книжному примеру. А что уж из этого выходило... Конечно, романских героинь для подражания читательницы (всё больше они!) выбирали по своим природным склонностям и темпераменту, и больше из популярной отечественной классики. А вот наше подросшее поколение почему-то запало на Ремарка. Да что удивительного, уважаемая библиотека с новыми поступлениями литературы была, как сейчас говорят, в шаговой доступности. Помню, как мы с подругами репетировали походку Пат – главной героини романа «Три товарища».

Плавное перетекание из мира грёз в реальную жизнь и обратно – головокружительное состояние нашей юности. Это подобно тому, как ты зависал на мгновение на самом вершине огромного колеса обозрения, что некогда стояло в любимом парке, но знал, что через минуты окажешься на земле, и важно было сохранить в себе ощущение свободно парения...

Подгорье – земля обетованная.

Почка тополиная горька –
Привкус лет, прожитых после детства.
Никуда от памяти не деться,
Да назад дорога далека.

Уютно расположившись на волжском склоне, наша Подгорная слобода на подходе к её спуску была эдакой невидимкой. Только зимой, в мороз, издали обнаруживала она себя дымами из печных труб, что приветно и высоко струились над обрывистой местностью. Да здесь люди живут, удивлялись многие, оглядывая с высоты Венца затерянные среди садов крыши домов.

В первое моё лето на Волге я застала её ещё какой-то домашней – с густыми плавнями, песчаными островками, отмелями, вязким глинистым низким берегом, к которому прибывало огромное количество гладкой мелкой древесины от сплавляемого тогда старинным способом по реке леса. Никто не боялся отпускать детей купаться. Прогретая вода, жаркое солнце... Мы пробегали до конца нашу лестницу, переходили не очень загруженное шоссе, потом – всегда заманчивую железную дорогу – и вот она, Волга – тёплая, ласковая, родная.

Совсем рядом шла неутомимая речная жизнь.

Мы махали руками плотогонам, чьи огромные плоты тащили маленькие деловитые буксиры. Там шла загадочная плавучая жизнь – горели костерки на толстенных брёвнах, что-то готовилось в котелках, на верёвках сушилось бельё, стояли шалаши, а иногда по плоту бегала симпатичная дворняга. Больше я не видела Волгу такой. Она осталась только в моих снах. А по прошествии достаточного времени уже кажется, что только сном и была.

После бесконечного купанья, вконец уставшие, мы шли, глядя, как на маяк, на распахнутые окна нашего дома – они были видны с берега.

*Мама Мария
Иустиновна Царева
(1917–2006)*

Конечно, дом был хорош тем, что нас там ждала мама. Это она рано утром летом открывала все окна в доме на реку, на солнце, на свежесть волжской волны, на сладость разнотравья. Это она ставила нам греться на солнце воду.

Это она уже резала нам свой испечённый ягодный пирог, пока мы смывали с себя песок на террасе, чтобы идти по чистым деревянным половицам комнат. На круглом столе на крахмаль-

ной скатерти уже стояли любимые мною голубые чашки с нарисованными на них белыми с позолотой колокольчиками (привет гайдаровской, очень мне полюбившейся повести в детстве!) высоко вздымались от налетавшего ветерка на окнах паруса занавесок, на диване лежало только что выглаженное бельё. Мама чудом всё успевала, оставаясь изящной, какой-то неземной красавицей с серо-зелёными глазами и чёрными на прямой пробор вьющимися волосами. В маму влюблялись. Ею восхищались. Она была любимицей своих старших сестёр. Её ученики её боготворили, а среди них – много воспитанников детского дома, что находился тогда в доме Языковых, ныне литературном музее. Им она отдавала всё своё терпение и внимание. С нею дружило огромное количество людей – самых разных. Со многими она вела обширную переписку. Ей посвящали стихи. Мамина красота и присущий ей лиризм перекликались с поэзией и величием волжского простора нашей обители.

Тёплый вечер, осень золотая;
Волги остывающей стекло;
Просверкало, просинь разрезая,
Торопливой ласточки крыло.

В сердце тишь и горечь без укора
От пронзительной голубизны,
Грусть неисчерпаемая... скоро
Всё заснёт под снегом до весны.

А когда наступит снова, светел,
Вешний день, встающий ото льда,
Всё оттаёт... лишь одно на свете
Сердце не оттаёт никогда.

Этот автограф сочинителя, известного уроженца Симбирска, друга нашей семьи Владимира Андреевича Никонова, мама сохранила не в пример другим. Написано стихотворение в сентябре 1960 года на вдохновляющем поэтов Венце и вскоре записано автором в нашем подгорном доме и чудом сохранилось. А вот стихи – посвящения своего мужа, Андрея Ивановича Царева, мама берегла:

Я твой голос выделю из тысячи,
Отыщу твой взгляд в толпе любой.
Сердца бесконечная владычица,
Боль моя, тревога и покой.

Не печалься, славная, сердечная.
И не надо так, не говори,
Что, мол, жизнь проходит быстротечная,
Что пора вечерней ждать зари.

Посмотри, какие звёзды зрелые,
Нам с тобой под ними жить да жить.
На ресницах кружевники белые
Мне позволь губами растопить.

Ну это уже датируется двадцать лет спустя.
Мама по-прежнему Муза.

А музы поэзии на Венце возле бывшего спуска
в нашу обетованную землю сменились музами здо-
рового образа жизни новых поколений.

Картины природы нашего детства часто рождали у нас фантазийные образы будущего. Иногда они становились явью, как будто время и пространство здесь хаотично перемещались и занимались предсказанием.

*Таня Царева на Венце.
Осень 1962 года*

В тёплый осенний вечер, например, вдруг начиналось нежное перешёптыванье дождя с листьями деревьев окрестных садов. Огни фонарей вдоль деревянной лестницы расплывались в бисерной водяной взвеси, а её ступеньки и перила темнели от влаги и совсем пропадали из вида. Где-то далеко внизу, в туманном дождливом мареве, угадывалось шоссе, изогнутая линия железной дороги. И если в этот момент лестница была ещё и безлюдна, то легко было представить себя в любой точке мира. Это как детские переводные картинки, которыми мы увлекались: очень осторожно под нашими пальцами на бумаге мутноватые контуры превращались вдруг в ясное изображение.

В такие моменты хотелось – в неясный, смутный день – вдруг пассажиром сделаться и даже, не захватив увесистой поклажи, дать ощутить рукам благую лень и т. д..., глоток тумана, как глоток

вина, вкусить, – всё это и подобное вертелось в моей юной голове. Я представляла, что возвращаюсь домой по мокрым и скользким ступеням из дальней командировки, откуда-нибудь из Парижа, иду одна под дождём, храня парижские впечатления о таком же дождливом тёплом вечере. Такая была переводная картинка в воображении, но на бумаге, то есть, в действительности, всё получалось по-другому. И всё же... Предошущения и предсказания этих мест сбываются... Прошла целая жизнь, пока случился в моей жизни не Париж, но чудесная Ницца. Её знаменитый железнодорожный вокзал, пятый этаж узкой маленькой гостиницы напротив, с балкончика вид на православную церковь Святого Николая, поднимающийся снизу, из кухни, аромат свежесваренного кофе ранним утром, случайная встреча на Английской набережной с русскими эмигрантами, соскучившимися по родной речи и России. А ведь эта картинка мне в мои пятнадцать лет была показана здесь, на моей крутой лестнице с опасно скользкими от дождя ступеньками. Колдовское место... Каждый может это проверить, только нужно попасть в унисон с волновыми здешними потоками, которые не хочется называть информационными, скорее уж inferнальными.

На улице Труда шумели тополя...

Изящная миниатюрная улочка города, короткой ниточкой связывающая две главные магистрали города – улицы Гончарова и Спасскую. А улицей Труда она называлась в моём детстве. Её название ещё бытует в разговорах старожилов. Но она давно сменила и облик, и своё имя. Конечно, сейчас всё презентабельнее, так и должно быть... Но... В симпатичных (и очень приличных) двухэтажных домиках на два подъезда (а то и вовсе один!) когда-то жило много знакомых и известных в городе людей. Да, кажется, в центре города все знали друг друга. Тихая уютная улочка с высокими тополями, дворы с цветочными клумбами, столами для тенниса волейбольными площадками – здесь проживала, в основном городская интеллигенция, и фамилии этих людей бытуют и сегодня, правда, совсем по другим адресам – Тюрины, Лытяковы, Старостины... И живут потомки фамилий Ботовых, Шаховых, Селюковых...

Для меня здесь было два важных места притяжения – дом номер пять и дом номер семь.

Один дом – №5 – моей одноклассницы Вали Ботовой, дружба с которой давно перешагнула полувековую юбилей. Другой – №7 – ульяновское книжное издательство, где несколько лет редактором художественной литературы работал мой отец. Папины «работы» всегда привлекали меня. Будучи первокурсницей и ученицей в то время школы №3, после уроков вместе с соседом по парте Геной

Валя Ботова

Богдановым, сыном главреда «Ульяновской правды», отправлялись к отцам на работу в редакцию. Не скажу, что это было часто, но бывало, и всегда запоминалось. Идти недалеко, и появлялись мы в разгар рабочего редакционного дня, когда, понятно, было совсем не до нас. Меня оглушали постоянные звонки телефонов, громкие разговоры сотрудников по этим телефонам и поражало виртуозное движение журналистского карандаша по бумаге под эти разговоры.

Накурено было страшно, резко пахло типографской краской от подносимых сотрудникам свежих оттисков полос газеты. Генка куда-то исчезал, а меня сажали на чёрный кожаный продавленный скользкий диван в отделе, и я благоговейно сидела на нём, присутствуя при рождении очередного номера областной газеты.

Сотрудники Ульяновского книжного издательства. Стоит второй слева Андрей Иванович Царёв.

Всё по-другому было в небольшом домике издательства на улице Труда. Была некая спокойная внешняя гармония существования издательства на этой улочке. Лихорадочная жизнь ежедневной газеты уступила место вдумчивой неспешной работе с авторскими текстами. Проще ли это было? Нисколько, учитывая, что каждый автор считал свой текст совершенством. Приходя к папе в этот тихий с виду домик, наблюдала, какие амбиции и страсти кипели вокруг будущих книг. Иногда рушились дружеские отношения.

А вот дружеская связь по другому адресу этой улочки только крепла.

Моя детская (с третьего класса, когда я сменила школу) подруга выросла в красавицу-старшеклассницу с каким-то особым магнетизмом. Всё в ней было лёгким, привлекательным – пышные волосы, лукавые глаза, стройные ноги... Даже удивительно, что любимый предмет у неё был химия. А казалось, она должна купаться в чарующих звуках музыки, которой она училась в музыкальной школе, или упиваться поэтическими строками стихов, которые наизусть читал иногда нам её отец, кстати, физик. А мама (в которую и пошла моя подруга), по

моим детским понятиям, должна была быть непременно киноактрисой – такой статной и приметной она была. Но именно она научила меня решать химические, приводившие меня в отчаяние, уравнения – родители моей подруги были институтскими преподавателями.

В этой квартире на улице Труда, окончив школу и поступив в институт на разные факультеты, поняв, что пока ещё трудно отказаться от прежней дружбы, мы готовили совместный номер на творческий конкурс в студенческий театр эстрадных миниатюр, сокращённо СТЭМ.

Этому было много причин, но одна из многих – третья наша закадычная подруга, Люба Лукина, поступила в театральное училище и теперь жила в другом городе. Чтобы не отстать от театральных веяний, и мы решили приобщиться, хотя бы косвенно, к этому искусству, тем более что руководили СТЭМом молодые тогда артисты нашего драмтеатра – Николай Четвергов и Анатолий Аршавский. Они-то и решали судьбу конкурсантов.

Мучительные творческие поиски привели нас к мелодекламации.

О, сколько раз мы репетировали знаменитое есенинское – «Отговорила роща золотая...»! По нашему разумению, строчки стихотворения должны были актуально перекликаться с наступившим временем года. Подруга плавно открывала крышку домашнего фортепьяно и с нарочито задумчивым выражением светящегося юного лица брала первые аккорды... Но так как наше состояние духа было, очевидно, далеко от этого упаднического настроения, у нас ничего не получалось. Как-то особенно не о чем было ещё жалеть, а даже напротив... Но день конкурса приближался, а кроме того, этот меч над тобой – ты не записался ни в один студенческий кружок? Жизнь может пройти мимо! За считанные часы нас осенило: никакой мелодекламации – будет стихотворный сатирический дуэт!

И с чтением стихов про электротехника Жана Владимира Маяковского мы с большим успехом были зачислены в ряды студенческого театра. нас даже похвалили за неординарность номера! А на гастролях с агитбригадой по городским и сельским клубам мы неизменно срывали аплодисменты. Правда, постоянно приходилось работать над репертуаром. Но Маяковский был в нём всегда.

Да разве только это! Улица Труда (так уж получилось!) – это улица взросления наших душ, которые, как известно, обязаны трудиться.

Кстати, дома под номерами 5 и 7 существуют поныне, но это другие дома... А вдоль улицы молча стоят вполне себе ландшафтно-корректные липы...

Мои путешествия по городу проходят привычными маршрутами. Но каждый раз это другое путешествие, в котором я заново переживаю происшедшие в детстве и юности очень личные истории. Мои и не только. И эти цветы воспоминаний невольно собираются в букет. Букет белых колокольчиков.

Фото из личных архивов Т.А. Алисевиц и В.Э. Яковлева

ЛУКОМОРЬЕ

*Валентина ИГНАТЬЕВА-ТАРАВАТ, член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин Ульяновской области.*

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Стихи для детей

НОВЫЙ ГОД

А гостей, смотрите, сколько
Понаехало на ёлку!
Из берлоги Мишка встал,
Прибежал и закричал:
– Что за ёлка без меня?!
Колокольчиком звеня,
Рыжа Лисонька запела:
– Ёлка без меня?! Не дело!
Зубы скалит Серый Волк:
– Я в веселье знаю толк!
Настежь всем открыты двери.
Загалдели птицы, звери...
Веселись, честной народ!
Ведь на то и Новый год!

ЁЛКА

Дед Мороз проспал на ёлку.
– Где ты, Дедушка Мороз?!
А Яга пришла с метёлкой
И суёт повсюду нос.

Мы сюда Ягу не звали.
Нам зачем её метла?
Мы же все подарки ждали,
А она не принесла.

Широко раскрылись двери.
– Ой, простите! Опоздал.
Деду рады дети, звери...
В пляс нас Дедушка позвал.

Пели мы, стихи читали
Про его красивый нос,
И подарки получали –
Очень щедрый Дед Мороз.

ВОТ ВОПРОС.

Какой весёлый детский сад!
Красивой ёлочке он рад.
И у сестрёнки Оли
Сегодня ёлка в школе.

У Коли, Саши, Владика –
В соседних с нами садиках.
А как успеет – вот вопрос –
Раздать подарки Дед Мороз?

Фото Иллы Таранова

ЗИМА

Дороги укутаны снегом,
И сосны все в шубах стоят.
Мальчишки и с визгом, со смехом
За вьюгой на лыжах спешат.

А вьюга – задорная птица,
Снует она вверх, а то – вниз,
Снежинки бросает им в лица,
Хохочет:

– Эй, вы, берегись!

Ребята смеются:

– На трусов мы разве похожи?
Скажи!

Не злись! Не дадим тебе спуску,
Хоть пой, хоть свисти, хоть пляши.

А вьюга прислушалась, видно:
Смирненно притихла у ног.
Теперь никому не обидно!
Всем мужества ясен урок...

ДЕД МОРОЗ

– Дед Мороз! Дед Мороз!
Ты ответь на мой вопрос:
Кто твой отец и мать?
Где же дом твой отыскать?

– Мама – матушка-зима,
С ней ты встретишься сама.
Папа мой – большой мороз,
Встретишь –
Мигом спрячешь нос.

Мы на севере живём.
Ледяной дворец – наш дом.

– Погостить ты к нам приехал?
– Да, мой милый, погостить.
А чуть мимо не проехал –
Надо ж речки замостить...

Чтоб родне открыть дорогу,
Я трудился очень много.
Сколько дней не пил, не ел.
Слава Богу! Всё ж успел.

– Ясно, ясно, Дед Мороз,
Почему ты так оброс.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Тёмный зимний вечер.
В дверь стучится ветер.
Ведь морозы первые,
Он продрог, наверное.

Дверь открыл, и он ворвался,
Быстро до меня добрался,
С ног до головы накрыл,
Охнул я – и дверь закрыл.

БЕРЕЗА ВСТРЕЧАЕТ НОВЫЙ ГОД

Привезли с базара ёлочку вчера,
Нарядили ёлку с самого утра.
А берёза плачет под моим окном,
И берёза хочет, чтоб пустили в дом.

Хочется нарядной тоже постоять,
Хочется огнями тоже засиять.
...И берёза светится от игрушек вся,
Хороводы водит здесь моя семья!

МАСТЕРА

Скоро Новый год. Еноту
Волк принёс баян и ноты:
– Славный ты игрок, Енот,
Развлекай лесной народ.
Знаю, друг, ты не откажешь,
Нам концерт большой покажешь.

А Енот баяну рад,
Учит он играть щенят.
А щенята-то все в маму –
Пальцы смело ходят сами...

Волк:
– Заботушка опять.
Где ж баянов столько взять?

ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Отшумели, отпели метели.
Снегопады у нас, снегопады...

А сосна в палисаднике рада:
Шубу новую нынче одела
На зелёную – пышную, белую.
И стоит величавая, смелая.

Как согреться берёзе родной?
Нету шубки у ней ни одной.

Всегда радуют отклики читателей.
Мы благодарны димитровградским друзьям
за внимание к нашему журналу.

Поздравляем Светлану Витальевну Зазимко
с юбилеем!
Желаем добра и радости!

Наталья РЕЗНИКОВА, заведующая библиотекой
«Дворец книги», г. Димитровград.

ЖУРНАЛ «СИМБИРСКЪ» – В КЛУБЕ «ЭХО»

Литературный журнал «СимбирскЪ» уже долгое время добрый друг и желанный гость в городском общественном клубе любителей поэзии «Эхо» при библиотеке «Дворец книги» г. Димитровграда. Вот и новый сезон открылся знакомством с его публикациями. Председатель клуба Светлана Зазимко провела обзор номеров журнала. Собравшиеся познакомились с проведенными мероприятиями в честь 70-летия образования Ульяновской региональной писательской организации Союза писателей России. Информация сопровождалась демонстрацией фотографий и видеоролика, снятыми писателем и художником Юрием Шерстневым. Так же красочно была представлена информация о Благовском фестивале «Жар-СЛОВО», проводившемся в Андреевке, с использованием большого фоторепортажа заведующей Чердаклинской районной библиотекой Натальи Уресметовой. Большое ей спасибо! «Юбилейный календарь» журнала как помогает обратиться к творчеству давних, иногда уже даже забытых писателей, так и знакомит нас с юбилярами современниками. На этот раз в клубе звучали произведения Лидолии Никитиной, Виктора Малахова. Председатель призвала участников клуба оформлять по возможности подписку на журнал «СимбирскЪ», чтобы быть в курсе новостей культуры, чтобы знакомиться с творчеством и поэтов, и прозаиков, и художников нашего края и других регионов. Ведь особая радость – получать свежий номер журнала с доставкой на дом.

Не смогли участники встречи в клубе «Эхо» обойти стороной и печальное событие: уход Александра Дмитриевича Лайкова, ошеломивший своей неожиданностью. Неоднократно он бывал на наших поэтических вечерах – мы все полюбили его чистое,

легкое СЛОВО, его доброжелательность, человечность. И вот на экране портрет поэта и крупно строфа из его стихотворения:

– И когда я уйду – белый свет не померкнет!
Крест дубовый мой путь увенчает земной.
Кто я есть и кем был на земле своих предков?
Да пребудет земля эта вечно со мной!

А стихи его всё звучали и звучали – из антологии «Ульяновская словесность. Начало XXI века», из сборника «Симбирская пристань». Их читали Галина Медведева, Надежда Ларионова, Изольда Воронкова, Наталья Резникова. Прочитав стихотворение «Я в прошлом столетии печь затопил...», Светлана Зазимко сказала:

«Истлеют дискетки
И рухнет гранит –
Одно только СЛОВО бессмертно!

Это изречение Александра Лайкова я всегда использую в авторских встречах со школьниками, призывая их читать книги, любить поэзию, впитывать в себя родную речь и бережно к ней относиться».

Участники клуба почтили память поэта минутой молчания...

Вечер продолжился чтением любимых стихов других авторов. Их представили Кадрия Шакурова, Лидия Степанова, Елена Ермошина, Наталья Глазнова и другие.

Отрадно, что в клубе появляются новые участники – значит, поэтическое «ЭХО» будет звучать еще долго. В 2023 году клубу исполнится 50 лет! И верными помощниками в его работе являются библиотекари «Дворца книги» и литературный журнал «СимбирскЪ».

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

Подробности всех новостей
на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

ОБЪЯВЛЕНЫ НОВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГОРОДА ЮНЕСКО

В ЮНЕСКО назвали новые 49 креативных городов, в том числе литературных – это Гетеборг, Джакарта и Вильнюс. Теперь сеть креативных городов ЮНЕСКО насчитывает 295 городов из 90 стран (в т. ч. 42 литературных). В России появился четвертый креативный город ЮНЕСКО – городом гастрономии стал Санкт-Петербург. Напомним: Ульяновск – единственный в России город литературы ЮНЕСКО, Казань – город музыки ЮНЕСКО, а Каргополь – город ремесел.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

МОЛОДЫХ АВТОРОВ УЛЬЯНОВСКА ПРИГЛАШАЮТ ПОУЧАСТВОВАТЬ В КОНКУРСЕ НА ПУБЛИКАЦИЮ В МЕЖДУНАРОДНОЙ АНТОЛОГИИ

Данидин – город литературы ЮНЕСКО в Новой Зеландии – готовит к выпуску международную цифровую антологию *The Heat is On: Young Writers*

on the Climate Crisis, посвященную вопросам климатического кризиса.

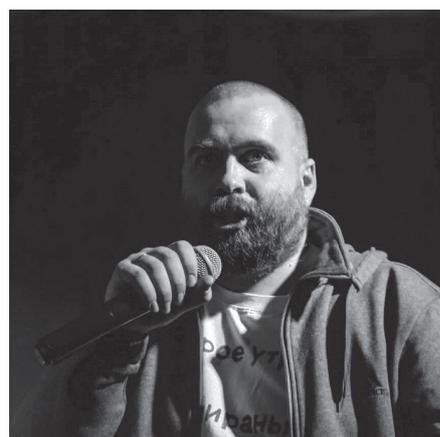
Авторы в возрасте 20 лет и младше из литературных городов ЮНЕСКО, в том числе из Ульяновска, приглашаются поучаствовать в конкурсе на публикацию в антологии. Текст может быть представлен в любом формате: проза, поэзия, флеш-фантастика, графический рассказ, тексты песен, отрывки из более длинного произведения и т.д. Максимальный объем – 750 слов. Это может быть как специально написанный новый текст, так и ранее созданный. Один выбранный от Ульяновска текст войдет в международную антологию. Дедлайн: 30 декабря 2021 года.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

УЛЬЯНОВСКИЕ АВТОРЫ ПРОШЛИ ОТБОР НА ФОРУМ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ «ЛИПКИ»

Участники форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки», который проходит в Подмосковье с 28 ноября по 4 декабря, – 160 авторов в возрасте до 35 лет, в том числе из Ульяновска: поэт и прозаик Игорь Улитин (Ульяновск) и поэт Данила Ноздряков (Ульяновск – Москва), который не сможет принять участие в мероприятии. Форум организован Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ и проходит совместно с литературными журналами «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Иностранная литература», «Новый мир», «Современная драматургия», «Юность» и др. В конкурсе приняли участие более 400 молодых писателей из 65 регионов России и 8 стран СНГ и зарубежья. В программе форума – мастер-классы от редакторов литературных журналов, круглые столы, встречи с известными писателями. Рекомендованным авторам назначат стипендии.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

В следующем номере журнала читайте заметки о форуме молодых писателей.

ВИРТУАЛЬНАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В МЕЛЬБУРНЕ

Мельбурн – город литературы ЮНЕСКО в Австралии – объявил участников Виртуальной писательской резиденции, прошедших конкурсной отбор.

Среди 10 авторов из Эдинбурга, Кракова, Манчестера и Ноттингема, работающих в Мельбурне онлайн, – поэт и писатель из Ульяновска Гала Узрютова.

Онлайн-программа реализуется в сотрудничестве с десятью литературными организациями Мельбурна, включая библиотеки, книжные магазины, издательства, писательские организации и т.д.

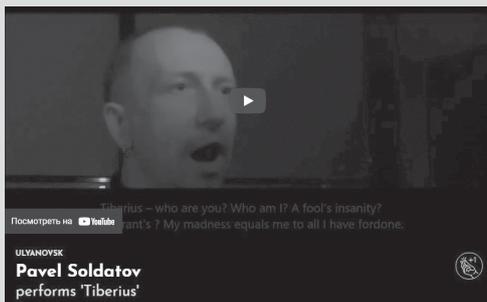
Так, в процессе работы Гала Узрютова сотрудничает с Australian

Poetry Organization, занимаясь написанием серии стихов о Мельбурне, переводом стихотворений австралийских поэтов и подготовкой статьи о современной австралийской поэзии.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ПОЭТ ПАВЕЛ СОЛДАТОВ ПРЕДСТАВИЛ УЛЬЯНОВСК НА «СЛЭМОВИДЕНИИ – 2021»

Уже в третий раз литературные города ЮНЕСКО проводят конкурс «Слэмовидение» – онлайн-соревнование на лучшее авторское чтение текста. В этом году Ульяновск на «Слэмовидении» представляет поэт Павел Солдатов. В конкурсе участвуют 8 поэтов из литературных городов ЮНЕСКО: Ульяновска, Эдинбурга, Гейдельберга, Кухмо, Манчестера, Ноттингема, Тарту и Квебека. Специально для конкурса Павел Солдатов записал видео с чтением своего стихотворения «Тибериус» (перевод на английский – Антонина Черташ). В 2020 году победителями «Слэмовидения» стали поэты из Манчестера и Квебека. В прошлом году Ульяновск на конкурсе представил поэт Данила Ноздряков.

THE ONLY QUESTION

В новом международном проекте The Only Question (Authors in conversation) дирекции программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» принимают участие около 40 поэтов, писателей и драматургов из 17 литературных городов ЮНЕСКО, в том числе из Ульяновска. Авторам предложили представить, что у них есть возможность задать всего один вопрос писателю из любого другого литературного города. Материалы проекта публикуются на сайте ulyanovskcreativecity.ru. Инициатива поможет познакомиться авторов литературных городов друг с другом, наладить их диалог и будет способствовать развитию совместных писательских проектов. Проект также позволит понять, какие вопросы волнуют авторов разных стран сегодня. Кроме того, он даст возможность читателям узнать новых писателей.

ПОДПИШИСЬ НА ЛИТЕРАТУРНУЮ РАССЫЛКУ УЛЬЯНОВСКА

- ▶ ЛИТАФИША ГОРОДА
- ▶ НОВОСТИ О МЕСТНЫХ АВТОРАХ
- ▶ ИНФОРМАЦИЯ О РЕЗИДЕНЦИЯХ, СТИПЕНДИЯХ, ПРЕМИЯХ
- ▶ НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ РОССИИ И МИРА

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Ульяновские авторы и те, кому интересна литература, регулярно получают информацию о литературных мероприятиях города, новости о местных авторах, конкурсах и резиденциях от дирекции программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» через бесплатную рассылку Writer's Info Point.

Чтобы подписаться на нее, достаточно отправить письмо по адресу: infopoint.ulskcitoyliterature@gmail.com

ЮБИЛЕЙНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

ДЕКАБРЬ 2021

1 декабря – 80-летний юбилей отмечает поэт, прозаик **Николай Иванович Коваль** (р. 01.12.1941, д. Зимник Абанского р-на Красноярского края). Окончил Ульяновский политехнический институт, работал на механическом и радиоламповом заводах. С 1989-го возглавлял Ульяновский центр стандартизации и метрологии. Автор поэтических сборников «Таёжный звон» (2000), «Лунная нежность» (2003), «Весёлый дом» (2007), «Родные узоры» (2010), «Далёкое эхо» (2014), книги рассказов «Марафон» (2012) и др. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» (2000).

1 декабря – 80 лет со дня рождения татарского поэта, прозаика **Равиля Хасиятовича Шафигуллина** (01.12.1941, с. Боровка Мелекесского р-на – 07.10.2020, г. Димитровград). С 1994 года жил в Димитровграде. Был председателем Ульяновского объединения татарских писателей, членом Союза писателей Татарстана. Автор сборников стихов и рассказов «Родники души» (2007), «Загадочный Парау» (2008), «На том берегу» (2012), «В сердце – навсегда» (2013), «На светлом пути» (2013), «Достаю звёзды» (2017). Лауреат литературных премий им. С. Урайского и им. Г. Кандаля.

2 декабря – 50 лет исполняется прозаику, литературному критику **Роману Валерьевичу Сенчину** (р. 02.12.1971, г. Кызыл Тувинской АССР). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (2001). Автор сборников повестей и рассказов «Афинские ночи» (2001), «День без числа» (2006), «Абсолютное соло» (2010), «Изобилие» (2010), «В обратную сторону» (2014), «Напрямик» (2016) и др. Посетил Ульяновск 13-14 сентября 2016 года: выступал в Ульяновской детской школе искусств №8, провёл встречи с читателями в Чердаклах и Димитровграде.

3 декабря – 50-летний юбилей отмечает писатель, журналист **Шамиль Шаухатович Идиатуллин**, псевдоним – Наиль Измайлов (р. 03.12.1971, г. Ульяновск). Окончил Казанский университет. С 2003 года руководитель регионального отдела ИД «Коммерсантъ» в Москве. Автор книг прозы «Татарский удар» (2005), «СССР™» (2010), «Убыр» (2012), «Убыр. Никто не умрёт» (2013), «За старшего» (2013), «Это просто игра» (2016), «Город Брежнев» (2017), «Тубагач» (2018), «Бывшая Ленина» (2019) и др. Лауреат премий «Новые горизонты» (2013) и «Большая книга» (2017).

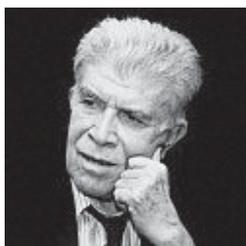
4 декабря – 225 лет назад родился критик, поэт **Матвей Михайлович Карниолин-Пинский** (04.12.1796, Сосницкий у. Черниговского наместничества – 02.01.1867, г. С.-Петербург). В 1816–1823 гг. жил в Симбирске, преподавал в мужской гимназии, вступил в

масонскую ложу «Ключ к добродетели». В 1823 году переехал в Москву; в 1831-м переведён в Петербург. Автор стихотворений «К спокойствию» (1824), «Охотник» (1824); критических статей «Об открытии большого Петровского театра» (1825), «Разговоры с приятелем, или Нечто вместо ответа» (1825) и др.

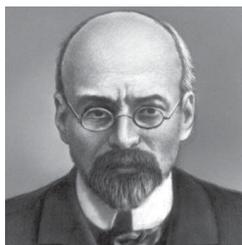
4 декабря – 125 лет со дня рождения писателя **Николая Семёновича Тихонова** (04.12.1896, г. С.-Петербург – 08.02.1979, г. Москва). В 1926 и 1930 гг. выезжал с писательской бригадой на поезде в творческие командировки в Туркмению; бывал проездом

на станциях Инза, Барыш, Базарный Сызган, Кузоватово. С 1944 года – секретарь Союза писателей СССР. Автор поэм «Сами» (1920), «Лицом к лицу» (1924); циклов стихов «Орда» (1922), «Брага» (1922), «Тень друга» (1936), «Два потока» (1951); сборников прозы «Белое чудо» (1956), «Зелёная тьма» (1966), «Шесть колонн» (1968) и др.

4 декабря – 110 лет назад родился прозаик **Александр Иванович Аборский**, настоящая фамилия – Аборкин (04.12.1911, с. Папузы, ныне Базарносызганского р-на Ульяновской обл. – 1987, г. Ашхабад Туркменской ССР). Член Союза писателей СССР. Автор

книг прозы «На Мургабе» (1940), «Владимир Грецкий» (1943), «Сур» (1955), «Каракумское лето» (1962), «Ата Каушутов» (1963), «Год весёлых речек» (1969), «Земной рай» (1976), «Матушка Абадан» (1978) и др. Был главным редактором журнала «Ашхабад». В Папузинской школе открыт музей писателя (1991).

8 декабря – 160 лет назад родился публицист, мемуарист **Осип Соломонович Минор**, настоящая фамилия – Залкинд (08.12.1861, г. Минск – 24.09.1932, коммуна Сюрен близ Парижа). В 1917 году редактировал эсеровскую газету «Труд», публиковал в ней свои стихи; председатель Московской городской думы. Был арестован большевиками; в сентябре 1918-го уехал в Симбирск. Позже перебрался в Уфу, а затем во Владивосток, откуда весной 1919 года эмигрировал в Париж. Автор книги мемуаров «Это было давно... Воспоминания солдата революции» (1933).

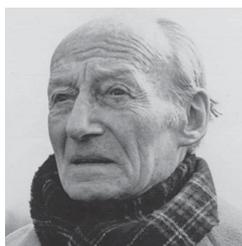

8 декабря – 95 лет со дня рождения журналиста, писателя **Тимура Аркадьевича Гайдара** (08.12.1926, г. Архангельск – 23.12.1999, г. Москва). Сын писателя А.П. Гайдара. Член Союза писателей СССР (1979). Автор книг «Поход «Невы» вокруг Европы» (1955), «Из Гаваны по телефону» (1967), «Бойцы и командиры» (1973), «Берег. Небо. Океан» (1982), «Грозы на юге» (1984), «Голиков Аркадий из Арзамаса» (1988) и др. Приезжал в Ульяновск 31 октября 1987 года; открыл во Дворце пионеров и школьников VI Всесоюзную юношескую филателистическую выставку.

8 декабря – 70-летний юбилей отмечает поэт **Евгений Петрович Ильин** (р. 08.12.1951, с. Старое Томышёво Новоспасского р-на Ульяновской обл.). Учился в Высшей школе КГБ СССР. Служил в ФСБ, в Национальном антитеррористическом комитете. Написал более

50 научных трудов по противодействию терроризму. Почётный сотрудник контрразведки (2002). Автор книги стихов «Случившиеся строки» (1998); редактор и соавтор поэтических сборников «Посвящение Отдушине» (2009, 2015), поэтического раздела книги «Самарцы в Москве» (2011).

9 декабря – 120 лет назад родился французский писатель **Робер-Жан Густав Лонге** (09.12.1901, г. Париж – 19.03.1987, там же). Автор книг «Колониализм и цивилизация» (1934), «Карл Маркс – мой прадед» (1977), «Террористы и охранка» (1991) и др. Был в

Ульяновске 3 сентября 1969 года; записал в книге отзывов: «Мне трудно выразить чувства, охватившие меня при посещении Дома-музея, наполненного всем тем, что создало великого Ленина. Мы находим здесь ту простоту, ту честность, ту выдержку, ту волю, которые Ленин унаследовал от отца и энергии матери».

9 декабря – 65 лет исполняется поэтессе, прозаику **Марине Олеговне Саввиных** (р. 09.12.1956, г. Красноярск). Автор проекта и первый директор Красноярского литературного лицея (1998–2012). С 2007 – года главный редактор журнала «День и Ночь». Автор

книг стихов и прозы «Знак Стрельца» (1993), «Фамильное серебро» (1995), «Абигайль» (2013), «По великим снегам» (2016) и др. Приезжала в Ульяновск 15 июня 2015 года; участник 1-го Всероссийского фестиваля литературных журналов «Волжская пристань». Член Союза российских писателей.

10 декабря – 145 лет со дня рождения прозаика, драматурга, журналиста **Юрия Дмитриевича Белева** (10.12.1876, г. Симбирск – 18.01.1917, г. Петроград). Учился в Симбирской мужской гимназии. Жил в Петербурге.

Автор книги очерков «В некотором царстве» (1907); пьес «Путаница, или 1840» (1910), «Псиша» (1912), «Царевна-лягушка» (1913); повести «Барышни Шнейдер» (1914); романа «Ведьма» (1916); сборников «Городок в табакерке» (1914), «Открытки с войны» (1915), «Восемь рассказов» (1917) и др. Его именем названа улица в Ульяновске.

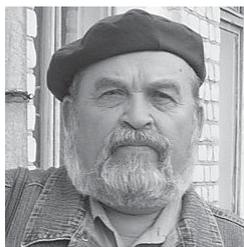
10 декабря – 120 лет назад родился чувашский литературовед, фольклорист, переводчик **Николай Фёдорович Данилов** (10.12.1901, г. Симбирск – 28.01.1969, г. Чебоксары). Учился в Симбирской чувашской учительской школе. Член Союза писателей СССР (1934).

Был председателем Союза писателей Чувашии. Составил сборники «Чувашские народные сказки» (1949), «Чувашские народные сказки и предания» (1959) и др. Переводил на чувашский язык произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.М. Горького, А.Н. Толстого и др. Награждён орденом Красной Звезды.

10 декабря – 105 лет со дня рождения литератора **Бориса Алексеевича Викторова** (10.12.1916, станция Милославское, ныне Милославского р-на Рязанской обл. – 15.04.1993, г. Москва). В 1967–1978 гг. – зам. министра внутренних дел СССР. Генерал-лейтенант юстиции. Приезжал в Ульяновск 23 марта 1977 года на Всесоюзное совещание руководителей управлений и отделов БХСС; выступал в Доме политпросвещения.

Автор книг «Шпионы под маской туристов» (1963), «Твоя милиция и ты» (1975), «Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора» (1990) и др.

10 декабря – 75-летний юбилей отмечает прозаик, поэт **Валерий Александрович Ерёмин** (р. 10.12.1946, р.п. Сурское Ульяновской обл.). С 2007 года – председатель районного литобъединения «Промзинские слоги». Член Союза писателей России

(2016). Автор книг стихов и прозы «Пройду по улицам Промзинским» (2012), «Камешки» (2012), «Сурский хоровод» (2013), «Радуга над Сурой» (2014), «Суры золотые рассветы» (2014), «Суры охотничьи просторы» (2015), «Суры золотые пески» (2016), «Картины жизни. Там, где течёт Сура» (2017) и др. Живёт в р.п. Сурское.

12 декабря – 255 лет назад родился прозаик, поэт, историкограф **Николай Михайлович Карамзин** (12.12.1766, с. Знаменское, ныне с. Карамзинка Майнского р-на Ульяновской обл. – 03.06.1826, г. С.-Петербург). В «Московском журнале» опубликовал

«Письма русского путешественника» (1792); повести «Лиодор» (1792), «Бедная Лиза» (1792), «Наталья, боярская дочь» (1792); оду «К Милости» (1792) и др. Его имя носят улица (1900) и переулок (2011) в Ульяновске; аэропорт Ульяновск-Центральный (2011), где установлен памятник историкографу (2018).

13 декабря – 130 лет со дня рождения поэта, литератора, библиографа **Валентина Ивановича Вольпина** (13.12.1891, г. Полтава – 1956, г. Москва). Жил в Ташкенте, затем в Москве. Дружил с поэтом С.А. Есениным. Не раз бывал проездом на станциях Инза,

Барыш, Базарный Сызган, Кузоватово Симбирской губ. Написал воспоминания «Есенин в Ташкенте», издал «Памятку о Сергее Есенине» (1926); составитель библиографии его произведений. Автор поэтических сборников «Обманный путь» (1917), «Ярмо и Воля» (1919), «Переводы из Абдулла Тукаева» (1920) и др.

13 декабря – 85 лет назад родился поэт **Вячеслав Александрович Гинжул** (13.12.1936, с. Новая Одесса Николаевской обл. Украинской ССР – 02.02.2010, г. Ульяновск). Окончил Ленинградский электротехнический институт (1959). С марта 1960 года жил в Ульяновске.

Работал конструктором на Ульяновском радиоламповом заводе (1960–1989). С 1974 года посещал заседания литературного клуба «Источник». Автор поэтических сборников: «Судьба» (2001), «Два возраста» (2002), «По вельню души» (2004), «Узнав тебя...» (2006), «Мартовский урожай» (2008).

14 декабря – 80-летний юбилей отмечает поэтесса **Светлана Витальевна Зазимко** (р. 14.12.1941, д. Скарединка Гольшмановского р-на Тюменской обл.). Окончила Тюменский пединститут. С 1980 года живёт в Димитровграде; работала в НИИАРа. Автор поэтических сборников «А любовь живёт...» (2001), «Карусели» (2008), «Просто – Любовь...» (2008), «Здравствуй, день!» (2013), «Круговорот любви» (2019). С 2012 года – председатель клуба любителей поэзии «Эхо». Член Союза писателей России (2017). Награждена медалью «А.С. Пушкин – 220 лет» (2019).

15 декабря – 120 лет назад родился татарский писатель **Кави Гибятович Наджми** (15.12.1901, д. Красный Остров, ныне Сеченовского р-на Нижегородской обл. – 24.03.1957, г. Казань). Окончил педагогические курсы в Симбирске (1919). Был избран в правление Союза писателей СССР (1934). Первый председатель правления Союза писателей ТАССР. Автор сборников поэзии и прозы «Вихри» (1925), «Вопрос стоит ребром» (1925); повестей «Прибрежные костры» (1928), «Светлая тропа» (1929); поэм «Хаят» (1941), «Фарида» (1944); романа «Весенние ветры» (1949) и др.

19 декабря – 115 лет со дня рождения государственного деятеля, мемуариста **Леонида Ильича Брежнева** (19.12.1906, с. Каменское, ныне г. Днепродзержинск, Украина – 10.11.1982, г. Москва). Генеральный секретарь ЦК КПСС (1966–1982), председатель Президиума Верховного Совета СССР (1977–1982). Посетил Ульяновск 16 апреля 1970 года: участвовал в открытии Ленинского мемориала, посадил берёзку, посетил Дом-музей В.И. Ленина и школу №1. Автор воспоминаний «Малая земля», «Возрождение», «Целина» (1978). Лауреат Ленинской премии по литературе (1980).

20 декабря – 170 лет назад родился крестьянский поэт **Спиридон Васильевич Денисов** (20.12.1851, с. Кандаковка Ставропольского у. Самарской губ., позже Мелекесского р-на Ульяновской обл., ныне не существует – 23.01.1910, посад Мелекес, ныне г. Димитровград). В 1880-х гг. жил в с. Старая Бесовка, ныне Новомалыклинского р-на. Работал волостным писарем и вёл уроки в школе, открытой при его участии. Автор сборника «Стихотворения крестьянина Денисова» (1886). С 1902 года жил в Мелекесе; оказал влияние на творческое становление писателя А.С. Неверова.

21 декабря – 75 лет со дня рождения прозаика, поэта **Евгения Зиновьевича Мельникова** (21.12.1946, г. Красный Сулин Ростовской обл. – 2.03.2011, г. Ульяновск). Окончил УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1970). Член Союза писателей СССР (1977). Работал в драмтеатре, в газете «Ульяновский комсомолец», в книжном издательстве. Возглавлял областное отделение Союза писателей России (1991–1997). Автор книг «Подземная вода» (1972), «Угол прицела» (1975), «Тень аиста» (1984), «Шаровая молния» (1989), «Я вас любил» (1993), «Призраки Николиной горы» (1995), «Любовница Иуды» (2004) и др.

24 декабря – 135 лет назад родился прозаик, драматург **Александр Сергеевич Неверов**, настоящая фамилия – Скобелев (24.12.1886, с. Новиковка, ныне Старомайского р-на Ульяновской обл. – 24.12.1923, г. Москва). Автор пьес «Корона» (1919), «Гражданская война» (1922); бытовых драм «Бабы» (1920), «Захарова смерть» (1921); комедий «Смех и горе» (1922), «Богомолы» (1922); повестей «Ташкент – город хлебный» (1923), «Андрон Непутёвый» (1923); романа «Гуси-лебеди» (1924) и др. Его именем названа улица в Железнодорожном р-не Ульяновска.

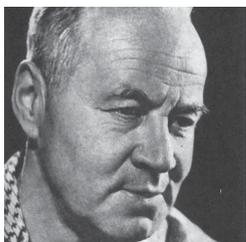
24 декабря – 110 лет со дня рождения публициста **Леонида Яковлевича Флорентьева** (24.12.1911, г. Нижний Новгород – 08.02.2003, г. Москва). Партийный и государственный деятель. Был председателем Ульяновского облисполкома (1947–1948), министром сельского хозяйства РСФСР (1965–1983). Приезжал в Ульяновск в 1973, 1977, 1981 гг. Член Союза писателей России. Автор и редактор изданий «Теория и практика планирования сельского хозяйства» (1970), «От ленинского Декрета о земле...» (1977), «Горизонты Нечерноземья» (1977), «Сельское хозяйство России» (1982) и др.

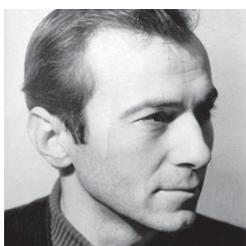
24 декабря – 85-летие отмечает американский фотограф, журналист **Дирк Сторм Холстед** (р. 24.12.1936, г. Хантингтон, США). Приезжал в Ульяновск 15 мая 1987 года для съёмки фотоальбома «Один день в жизни СССР»; был в Ленинском мемориале, Доме-музее В.И. Ленина, школе №1, на УЗТС, в Центре гражданской авиации стран-членов СЭВ, бюро по трудоустройству, приёмной облисполкома, у обелиска 30-летия Победы. Автор книги «Моменты времени: фотографии и рассказы одного из лучших фотожурналистов Америки» (Нью-Йорк, 2006).

29 декабря – 80 лет со дня рождения писателя **Николая Николаевича Романова** (29.12.1941, с. Тургенево Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – 31.01.2015, г. Ульяновск). Окончил Рязановский сельскохозяйственный техникум, отделение журналистики Казанского государственного университета. Работал в газетах «Приволжская правда» и «Ульяновская правда», в областном комитете по телевидению и радиовещанию, местном отделении Приволжского книжного издательства. Член Союза русских писателей. Автор книги стихов и рассказов «Полюби и жалея!» (2013).

31 декабря – 110 лет назад родился писатель, журналист **Георгий Иванович Кублицкий** (31.12.1911, г. Красноярск – 01.05.1989, г. Москва). Окончил факультет журналистики МГУ. Член Союза писателей СССР (1951). Бывал в Ульяновске в 1941, 1952, 1957, 1969, 1970 гг.; посетил Языково, Прислониху и Ленинский мемориал. Автор книг «По материкам и океанам» (1950), «Большая Волга» (1951), «На великой реке» (1953), «На Волгу!» (1960), «Восьмое чудо света» (1966), «Про Волгу, берега и годы» (1971), «Гораздо больше, чем река...» (1976), «Волга» (1978) и др.

31 декабря – 90 лет со дня рождения поэта, журналиста **Александра Семёновича Бунина** (31.12.1931 г. Константиновка Донецкой обл. Украинской ССР – 21.02.1982, г. Ульяновск). В 1956 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. В 1961–1970 гг. работал в газетах «Ульяновский комсомолец» и «Ульяновская правда». С 1979-го возглавлял литературное объединение «Надежда» при Дворце культуры профсоюзов. Автор поэтических сборников: «Стремление» (1963), «Открытые строки» (1967), «Возвращение» (1972), «Три клёна» (1983).

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ ДЕКАБРЯ

Николай КОВАЛЬ (р. 1941)

СЕРЕБРЯНАЯ ПЫЛЬ

Стоят дома, напялив шапки снега.
Вокруг поля под белым полотном.
Мужик в санях на лошадёнке пегой,
От холода укрылся шубняком.

Дымы встают до неба неспешливо.
На улице отчаянный мороз.
Сквозь дымку мутную лучи свои, как диво,
Роняет солнышко в заснеженный хаос.

Тропинки узкие. Притихшие собаки.
Стоят, сутулясь, яблоньки в саду.
Метель прикрыла снегом буераки
Ещё в былом, умчавшемся году.

Над фермами весёлый пар клубится.
Текущий день, как добрый старый друг,
Прищурился... От инея лучится
Село застывшее, красивое, как струг.

А за околицей стеною серебрится
Лес, принаряженный сердитым январём.
С ветвей берёз, как облачко, кружится
Пыль серебристая с летящим снегирём.

Петляя, вьётся санная дорога.
Обочь стоят кусты-снеговики...
Скрипят полозья. Следом строгим
Ложится путь морозам вопреки.

СЕДЬМОЕ НЕБО

Ищу тебя, Седьмое небо.
Всю жизнь ищу среди суеты,
Там, где живут не ради хлеба,
А ради Чести и Мечты.

Пока искал, где только ни был:
Пахал, ваял, сажал цветы...
И осознал: Седьмое небо –
Где был любим другими ты.

Равиль ШАФИГУЛЛИН (1941–2020)

ЛУЧ МЕЧТЫ

Иду по жизни вброд тропкою зыбкой,
Судьбою не обласкан столько лет,
Но юности беспечной шлю улыбку –
Той, что уже давно на свете нет...

А счастье было? Даже вспомнить трудно,
Одoleвал судьбы круговорот.
Но луч какой-то вёл меня подспудно,
Когда переходил я этот брод.

И даже ночью мне луна светила
Тем сказочным лучом мечты, огня –
Пускай с годами юность уходила,
Всё чаще уплывала от меня...

Во ржи далёкой перепёлка плачет,
Мою, наверно, чувствуя беду.
Но, может, всё сегодняшнее значит,
Что я обратно к юности иду?..

ЗДЕСЬ Я СВОЙ!

Здесь всё мое – и радости, и горе,
Господь мне дал деревья и траву.
На этом нескончаемом просторе
Я много лет надеждами живу.

Растут колосья на полях весенних,
Подрагивает в реках синева,
Я снова слышу под небесной сенью
Знакомые татарские слова.

Для всех я свой! Среди людей – не лишний,
Деливший с ними счастье и беду.
И если призовет меня Всевышний –
Из памяти людской я не уйду.

Да, час придёт – покину всё земное,
Но слов мерцанье Небо сохранит,
И песня эта, сложенная мною,
Когда-то в сердце сына прозвенит.

Вот потому живу надеждой этой
И верю нескончаемо в одно:
Останусь навсегда частицей света,
Которому погаснуть не дано.

*Перевёл с татарского
Григорий Медведевский*

Матвей КАРНИОЛИН-ПИНСКИЙ (1796–1867)

ОХОТНИК

Не знаемый светом и робкий певец,
Я цитры стыдливой струнами
Тебя величаю, мой юный ловец:
Внимайте и горы, и доли с лесами!
Облекшись в дрожащий, холодный свой свет,

Прекрасною твердью луна овладела –
И сетует небо! Так счастья нет
И сердцу, в котором любовь пламенела,
Угасла, но думу волнует порой
И прежнюю радость на память приводит!
Но сумрак подвластных гигантов толпой
Из дебрей по долам разводит,
И царствуют тени – и царство их мрак;
Природа ко сну поспешает,
И Бога, подателя истинных благ,
Длань благотворна мечты рассыпает.
Наперсник Дианы, ловец молодой
Спешил утомлённый с ловитвы:
Войне обречённый и славе судьбой,
Грядущие думой предчувствуя битвы.
Недолго, мечтал он, родительский кров,
Прибрежны дубравы с водами –
Вас шорохом буду тревожить шагов,
Когда тишина прострётся над вами;
Недолго, в пустыню маняся мечтой,
В час неги ходить мне с свободой
В сень леса священну, заглохшей тропой –
К беседе с природой;
Сын Марса, к кровавым я битвам рождён,
И к ним устремляю мой дух беспокойный:
В ком пламень к отчизне и чести возжён –
На них поспешает веселия полный.
Но прежде чем грудь испытала врага,
Из ловчих счастливый – удачи я знаю:
Мне верен мой глаз и метка рука,
Когда легкокрылых я птиц поражаю.
И слышит станицу весёлых гусей,
Летящих к покою, и лук напрягает:
Стрела полетела, и стаи вожатай своей,
Вияся, на землю в крови упадает.

1825

Николай ТИХОНОВ (1896–1979)

* * *

Базара пустынные камни,
Дома, где отчаянье спит,
На окнах дубовые ставни
Глядят в безысходность раки.

Всё вымерло в улицах малых,
Как будто их мрак откупил,
Как будто чума пировала
И пеплом засыпала пир.

Товарищ ругался беззлобно,
Свистал я, чтоб ночь превозмочь,
Но были мы вкованы оба
В совсем неподвижную ночь.

И вдруг эскадронов в разбеге
Донёсся чеканеный гул,
И мёртвый солдат на телеге
Тяжёлой рукой шевельнул.

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стёр с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперёд!»
Сухими шагами командир идёт.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс – ост.

У кого жена, брат –
Пишите, мы не придём назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не всё ли равно, – сказал он, – где?
Ещё спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасённых нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Евгений ИЛЬИН (р. 1951)

О ДРУЖБЕ

Друг – понятие круглосуточное,
Полномесечно-круглогодичное!
Отрицание равнодушия
И претензий на исключительность.

Дружба – словно приход гения
Иль глоток из истока волжского,
Приобщение к единению
И спасенье от одиночества.

Друг – как брат! Иногда – более,
Как история, жизнь ли, светоч ли...
Потому надо жить с болью
За него и за всё человечество!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ

Время движется, к сожалению,
А, по сути, конечно, к счастью...
Всё в нём: радости, озарения,
Грусть, тревоги, любовь, ненастье...

Вы прекрасно судьбой владеете,
За собою её ведёте,
В нас разумные зёрна сеете...
Так живите, как Вы живёте!

ПОЖЕЛАНИЕ

Познайте музыку, стихи –
пишите!
Людей любите и цветы –
любите!
А в размышленьи праздном смысл
найдите!
Себя для всех, в ком стержень чист, –
дарите!
Ошибся кто-то впопыхах –
простите!
Не оглянулся на бегу –
пройдите,
И всё, чем год богат, с собой –
возьмите!
Поймите год, примите год,
живите!

Марина САВВИНЫХ (р. 1956)

* * *

День ли ясен, ночь ли длится?
Жизнь ли вся – лишь вдох и выдох?
Недосуг остановиться
На упрёках и обидах...
Оставляя их былому,
Не загадывай о встрече:
Шторм встречают волноломы,
О гранит волну калеча...
И не может быть иначе –
На лету волна разбилась,
В душу, чёрную от плача,
Песня чистая скатилась,
И во всём подлунном мире
В лад с каплями апреля
На цепочках тонких гири
Под часами зазвенели...

* * *

Из этой боли суть её извлечь –
И превратить в единственное слово,
Да так, чтоб после не утратить речь,
Платя с лихвой за золото улова...

Немыслимое это мастерство
Исполнено такой смертельной муки,
Что впору отказаться от него
И навсегда окаменеть в разлуке!

Так что ж тогда и временный успех,
И гонка за земной непрочной славой,
Когда слова, что вожделенней всех,
На сердце оставляют след кровавый?!

* * *

Кто ощутил восторг именованья –
Испепелясь в пылу соревнованья,
Но всё-таки восстав среди руин, –
Тот Богу уподобился один!

Ни возгласа, ни шороха – ни звука...
Лишь ты да тьма... да вещей крови звон:
Себя перемогающая мука
Из ничего явившихся имён...

Николай КАРАМЗИН (1766–1826)

ВОЛГА

(отрывок из стихотворения)
 ...Едва и сам я в летах нежных,
 Во цвете радостной весны,
 Не кончил дней в водах мятежных
 Твоей, о Волга! глубины.
 Уже без ветрил, без кормила
 По безднам буря нас носила;
 Гребец от страха цепенел;
 Уже зияла хлябь под нами
 Своими пенными устами;
 Надежды луч в душах бледнел;
 Уже я с жизнью прощался,
 С ее прекрасною зарей;
 В тоске слезами обливался
 И ждал погибели своей...
 Но вдруг творец изрек спасенье –
 Утихло бурное волнение,
 И брег с улыбкой нам предстал.
 Какой восторг! какая радость!
 Я землю страстно лобызал
 И чувствовал всю жизни сладость.
 Сколь ты в величии своем,
 О Волга! яростна, ужасна,
 Столь в благодати мила, прекрасна:
 Ты образ божий в мире сем!

Теки, Россию украшая;
 Шуми, священная река,
 Свою великость прославляя,
 Доколе времени рука
 Не истощит твоей пучины:
 Увы! сей горестной судьбины
 И ты не можешь избежать:
 И ты должна свой век скончать!
 Но прежде многие народы
 Истлеют, превратятся в прах,
 И блеск цветущия Природы
 Померкнет на твоих брегах.

1793

Валентин ВОЛЬПИН (1891–1956)

НЕВЕРНАЯ ЛЮБОВЬ

Это было тихим вечером, весною,
 Под небесной, легкотканной пеленою.
 У подъезда, у чужого, в тёмный час
 Запоздавший луч заката тлел и гас.
 Отошёл и стёрся длинный, длинный день –
 Душу сонную пленила тихо лень.

Ждал несбыточного чуда я тогда,
 Позабыв о слове жутком – никогда!
 А за дверью было тихо и темно,
 Словно счастье там моё погребено.
 Неужели ты не вспомнишь обо мне? –
 Я сгораю на чудовищном огне.
 Неужели ты не выйдешь на крыльцо,
 Не возьмёшь моё прощальное кольцо?
 ...Поздно! Хрипло пробили часы невдалеке,
 Тень от дерева уснула на песке.
 Я, шатаясь, побреду, чтоб завтра вновь
 Попытать мою неверную любовь.

ЛЕГКОМЫСЛЕННОМУ ДРУГУ

Георгию Светлому

Научи меня жить безраздумно,
 Жить, как ты в этом мире живёшь,
 Хохотать над любовью безумно,
 Знать, что пошло, что глупо, что умно,
 Культивировать светлую ложь.

Научи меня так отдаваться
 Волнам жизни, бурлящим в веках,
 Чтоб могло сердце хитро смеяться,
 Над мечтой дорогой издеваться
 И не падать пред нею во прах.

Научи меня так лицемерить,
 Чтоб никто, никогда и нигде,
 В целом мире не мог бы поверить,
 Как мне трудно не ждать и не верить,
 Не томиться по светлой Мечте.

Научи меня жить беззаботно,
 Петь, лукавить и вечно играть,
 Встретить смерть безраздумно, охотно,
 И, растаяв в лазури бесплотной,
 Без тоски от земли отлетать.

Вячеслав ГИНЖУЛ (1936–2010)

ОСЕННИЙ СОНЕТ

Сосед не раз ходил в лесок
 И рисовал пожар осенний,
 Но потрясающих мгновений
 Перенести на холст не смог.

Да что лесок? Один листок –
 Шедевр оттенков и сплетений –
 Нас удивит, как щедро Гений
 Кому-то преподавал урок.

И я подыскивал прилежно
 Слова, что осени под стать:
 Хотел в стихах нарисовать
 Октябрьский день, но... безуспешно.

Так каждый год, смущая нас,
 Проводит Осень мастер-класс.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Г.А. Веденской

Ожидаю тебя или нет,
 Но когда ты приходишь на землю,
 Я тебя, как спасенье, приемлю
 И ловлю твой таинственный свет.

Исчезают и серость, и мгла,
 Покидают рассудок химеры,
 Возвращается истовость веры –
 Вновь пора очищенья пришла.

Позабыв про сомненья и грусть,
 Я опять принимаюсь за дело,
 Ведь в душе всё сложилось, созрело.
 А метели – пусть кружатся, пусть...

* * *

Земля едва покрыта снегом.
Светло. Простор. Но вот беда –
Опустошительным набегом
Пришли внезапно холода.

И не согреть поля родные,
Не возвести надёжный щит.
Как жаль, что всходы молодые
Седой мороз не пощадит.

Светлана ЗАЗИМКО (р. 1941)

СОЛОВЬИ

Поздно ночью или рано
Распахну окно в свой сад –
Слушать, как у Черемшана
Соловьи поют. Звучат

Их небесные свирели
На волшебные лады, –
И все птицы присмирели,
И заслушались сады;

Ветерок не шелохнётся
В черноте ночных ветвей.
Приумолкнет – и зальётся
Нежной трелью соловей...

Рифмы новые шепчу я,
И понять не в силах я:
Душу мне стихи врачуют –
Или трели соловья?!

Только завтра, знаю точно,
Распахну окно опять, –
Вновь июньской тёмной ночью
Соловью и мне не спать...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Пустота в почтовом ящике –
Подходи, не подходи, –
Так на что надеюсь я ещё
С замиранием в груди?

Всё, что было, пересказано,
Всё, что есть, давно не в счёт...
Ну, а вдруг уже негаданно
От тебя письмо придёт?

Стану рвать конверт на лестнице,
Будет ключ дрожать в руке...
Рядом я бывала грешницей
И святою вдалеке.

Всё, что было, перекручено,
Перетянуто тесьмой...
Может, это даже к лучшему,
Что пустует ящик мой.

Спиридон ДЕНИСОВ (1851–1910)

ОСЕНЬ

Птички улетели
В тёплые края,
Негой опустели
Рощи и поля...

Слуху нет чудесней
Песни соловья,
Что весной прелестной
Пел он нам, друзья!..

Осень напустила
Массы чёрных туч
И, как ночь, закрыла
Яркий солнца луч.

Влагою упился
Хмурый свод небес,
Жалко! Обнажился
Сыр-дремучий лес.

Липы золотистый
Лист, как бы рукой,
Весь обит дочиста
Осенью лихой.

Только гор вершины
Привлекают взгляд,
Где плоды рябины
Пурпуром горят...

Дед Мороз метает
Жемчуг-изумруд,
В перлы убирает
Каждый сук и прут.

Стынет от мороза
Светлый ручеёк,
И румян, как роза,
Русский мужичок.

С севера суровый
Хлад земли несёт,
Крепкие оковы
Для могучих вод.

Непогода злится,
Чуя мочь свою,
Грусть-тоска ложится
На душу мою.

Евгений МЕЛЬНИКОВ (1946–2011)

ПРОЩАНИЕ

Пароход мой медленно отчалил.
Мама, ты стоишь на берегу.
Нет, не слово – боль была вначале,
Разве я от боли убегу?

Небосвод бескраен и безлюден,
Полдень сиял мой краткий путь,
Впереди не ведаю, что будет,
И назад уже не повернуть.

Страшно плыть по этой глыби синей –
 Даль смутна, закрыта и строга,
 Но отраднo называть Россией
 Стиснувшие вечность берега.

Тихо солнце клонится к закату,
 Привыкает к сумраку душа,
 Радуетса тайному возврату:
 От чего ушла – к тому пришла.

Вижу, мама, твой платочек белый –
 Машешь мне сквозь годы и печаль,
 Огонёк последнего предела,
 Слово первое и мой причал.

ТОСТ

Ни к друзьям, ни к добру и любви
 Мы пока ещё не охладели.
 Слава Богу, есть солнце в крови,
 И душа есть здоровая в теле.

Я люблю заколдованный круг,
 Совершаемый милой планетой.
 Так поставим, единственный друг,
 На первичность материи этой,

На звериный языческий гром
 В пору жатвы и брачного гона
 И на всё, что приснится потом,
 От чего стиснем зубы до стона.

А пока что – веселье и риск,
 Но на стержне удачи и силы
 Не забудем, как падает лист
 К изголовью забытой могилы.

Александр БУНИН (1931–1982)

МОЙ ГОРОД

С Волги, оттуда, где пристань
 Гасит огней пересверк,
 Словно по лестнице, быстро
 Солнце взбирается вверх.

Если взглянуть с косогора,
 С самого гребня Венца,
 Взор не охватит простора,
 Далям не видно конца.

Кажется – слышно повсюду
 Слово, что вымолвишь здесь,
 Кажется – знаешь, что будет,
 Взвесив, что было и есть.

И укрепляется снова
 Давняя вера в мечту,
 Снова к полёту готово
 Сердце, набрав высоту!..

Выйду за солнцем на взгорье –
 Взмокнет от пота спина, –
 Где высота и раздолье
 Нас просветляют до дна.

ЕСЛИ ДОВЕРЯЕШЬ...

Когда ослаб, когда ты болен, друг,
 Когда устал или душой страдаешь,
 Готов принять я, если доверяешь,
 Беду твою, усталость и недуг.
 Всё выдержу и всё перетерплю.
 Я испытал всё это и не дрогну.
 И, может, ты окрепнешь понемногу,
 Залечишь рану чуткую свою...

* * *

Всё – впереди, и вечно – впереди.
 Гнетёт зима, но впереди весна.
 Уходишь ты? Постой, не уходи.
 Любовь прошла? Нет, впереди она!
 Всё – впереди. Рассветная пора.
 Колю дрова – и чудится такое,
 Что колются дрова без топора,
 Само собой – уж до того легко мне!
 Звенит синица, и синее небо.
 Ты прошлым сердце мне не береди.
 Я никогда ещё на свете не был.
 Я только буду где-то впереди!

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ДЕКАБРЯ

Роман СЕНЧИН (р. 1971)

АБСОЛЮТНОЕ СОЛО (отрывок из повести)

Мои земляки – жители высокогорной долины. Они с рождения видят заснеженные хребты, острые пики скал, – казалось бы, быть уроженцем этих мест и альпинистом – одно и то же. Но, честное слово, нигде в мире я не встречал людей до такой степени ленивых и косных. Может, горы их придавили? Я готов согласиться. Впрочем, почему же я – другой? Почему другим был и мой брат? Почему мы ещё мальчишками стремились взобраться на самую высокую гору и увидеть сверху тот мир, что лежит вокруг?.. Странно, но нас таких оказалось всего двое из тридцати с лишним тысяч, живущих в долине. Разве что мама читала нам на ночь не те книжки...

Когда я совершаю свою утреннюю пробежку вокруг городка, я вижу на лицах ненависть. Это лица моих соседей. Они сидят на скамеечках возле крепких, сотни лет назад выстроенных домов, они медленно-медленно курят и млеют от счастья. Для них счастье – сидеть вот так целыми днями, жмуриться, словно сытые, оскопленные коты. Но когда мимо пробегаю я, их лица меняются – я раздражаю их, я нарушаю спокойствие, разрушаю ощущение счастья.

Особенно ненавидят меня мои сверстники, те, с кем я учился в одной школе, кто знал меня маленьким мальчиком, играющим с ними в глупые и безопасные игры. Вот они, ещё совсем нестарые – около сорока, – но уже рыхлые и брюхастые, с двойными и тройными подбородками, мутными глазами. Их движения медлительны, преисполнены показного достоинства; они уважают, лелеют свои круглые животы, всячески оберегают свою вялую жизнь. Их каждодневные путешествия – от дома до места работы и от места работы до кабачка. Горы вокруг для них не больше, чем стены. Стены ещё одного, общего дома – нашей долины. И того, кто стремится заглянуть за них, они считают предателем, нарушителем священных границ. (Право слово, буддистские монахи куда прогрессивнее наших европейских обывателей!)

Да, им кажется предательством, что человек ле-

зет на стены, возмутителен факт, что за это он получает деньги, а главное – славу... Впрочем, за возмущением и ненавистью я ясно вижу зависть. Их лица искажает и уродует зависть. Пусть и неосознанная ими самими... Когда я совершаю пробежку, я чувствую её каждой клеткой тела, каждой молекулой мозга, и она, эта их зависть, принявшая форму возмущения, ненависти, даёт мне силы, нечеловечески громадные силы. Благодаря ей я могу достичь истинные великих результатов. Наверное, поэтому я и живу среди завидующих мне людей. Бесперебойный допинг.

Здесь, в долине, у меня нет работы, приходится ездить за перевал, в столицу округа, где я выпускаю журнал, преподаю в альпинистской школе, имею друзей и соратников. А перед моим родным домом издевательски развешаны тибетские молельные флаги надписями вниз, навалена горка камней; как-то раз мою машину измазали грязью. Часто я получаю письма с бранью, угрозами. Иногда мне кричат вслед: «Ты ещё не расшиб башку? Циркач!»

Порой я раздражаюсь, я готов прийти в ярость, но тут же разум останавливает меня: «Так надо. Всё правильно». Да, наверное, именно так и надо...

Когда мир узнал о моём решении подняться в одиночку на высочайшую гору мира, от журналистов не стало отбоя. Они караулили меня возле редакции, десятками приезжали в городок, они фотографировали меня во время пробежки, окружили мой дом плотным кольцом и следили за окнами... Уж это как водится – дай маломальский повод, и пресса сойдёт с ума и сведёт с ума общество.

Да нет, конечно же, журналисты не обезумели – просто у них такая работа. Вчера какие-нибудь эстрадные звезды объявили о разводе, и каждая газета стремится узнать и обнародовать самые пикантные подробности, и желательно вытянуть эти подробности у самих героев; потом какой-нибудь министр подаст в отставку в знак несогласия с проектом закона, и всё внимание мгновенно переключается на него. Теперь вот я со своим заявлением...

Шамиль ИДИАТУЛЛИН (р. 1971)

УБЫР (отрывок из книги)

В школе как раз всё было нормально.

Уроки я сделал, в том числе устные, четвертные контрольные мы на той неделе добились. А подготовкой к ЕГЭ нас пока лишь пугали – всерьёз грозили взяться с девятого класса. Так что можно было порадоваться напоследок. Мы все и радовались. Даже я. Напоследок. Два дня до каникул всё-таки.

Только Лёха был не в настроении.

Лёха – он ведь какой. Он такой весёлый троечник, и всем сразу видно, что весёлый и что троечник. В смысле, Лёха не тупой и не дебил с ухмылкой в пол-лица. Он, мягко говоря, разгильдяй, которому интереснее народ развлекать, а не корпеть там над чем угодно. Иногда это утомляет: когда, например, стоишь с Кириллом, обсуждаешь треш-свежачок – и тут Лёха подваливает и начинает с невероятной

серьёзной миной задумчиво грассировать:

– Кигг. Ты как... фницель. Кигг. Ты как... фницель. Кигг.

И так до бесконечности – или пока ему не скажешь:

– Лёх, достал, иди вон к Ренатику.

Лёха, тут он молодец, немедленно отправляется к Ренатику и принимается уже ему выносить мозг рассказами про то, что Генатиг, ты как кагтофель.

И поди пойми, что это значит, почему как шницель и при чём тут картовасть, если Лёхе по жизни и шепелявости вполне хватает.

Но вообще с ним прикольно. Например, идём вдоль стройки, там бульдозер насыпь утюжит. Лёха немедленно выскакивает перед его мордой и принимается изображать отчаянный бег в замедленной съёмке, вытянутой ладонью к бульдозеристу – и вопить, как в кино:

– Н-не-е-е-ет! Не губи-и-и де-ерево-о-о!

Деревя там, конечно, сроду не было, а бульдозерист оказался спокойным или далеко от кабины отбегать поленился – но чесали мы всей толпой старательно.

А когда Лёха затихает, можно подойти к нему и сказать на ухо «коала».

Он ненавидит это слово. Я знаю почему, но обещал не говорить. А от слова отказываться не обещал.

То есть сперва Лёха, конечно, поводит плечиком

и смущённо улыбается.

Тогда надо повторить: «Коала».

Лёха бубнит: «Ну хватит, ну всё уже».

А мы опять «коала» – и лучше одновременно в оба уха, стереоэффектом. Ну и тут начинается:

– Ну уб-блют-тки, ну фто вы за парфывые уб-блюттки, ну профят ве ваф.

Через минуту начинает мстить. Всякий раз по-разному, но в большинстве случаев не соскучишься. А теперь вот Лёха что-то сам соскучился.

На геометрии сидел тихий и печальный, на русском сидел такой же. На английском его спросили – он ответил тихо, печально и с фирменными запинками, получил верный трояк – хотя Киру за такой же ответ, честно говоря, и четыре ставят. А мне трояк с минусом, потому что нет справедливости на свете, и особенно в школе.

Вот тут я его настроение заметил. Раньше не замечал, о своём думал. Было о чём подумать. А тут вижу – идёт на место совсем траурный. Спросил потихоньку, что за дела. А Лёха мимо прошёл, сел и в парту смотрит.

Я дождался перемены, подошёл, спрашиваю:

– Дома траблы?

А у него бывали дома траблы. Да у кого их не бывает. У меня, думал я раньше. А тут такой вот траблице, и, главное, не поймёшь, откуда растёт и куда упирается...

Александр АБОРСКИЙ (1911–1987)

ГОД ВЕСЁЛЫХ РЕЧЕК (отрывок из повести)

Кто не завидовал Тагану Мурадову: командировка в родные места. Сам просился в министерстве. И вот – апрельское прозрачное утро долины Мургаба.

Вначале собирался повидать кого следует в городе, потом в меру сил отбиваться в колхозе от знакомых и родичей, а тем временем продвигать своё, сокровенное. Не без причин же Таган рвался сюда. Научный труд – основное в его занятиях последних лет – был связан с оазисом; да ещё, признаться, интересовал Тагана один адрес, из-за которого и пришлось ускорить выезд. Точного адреса пока не было, но неужели, думал инженер, мы не сможем сыскать человека в своём отечестве.

Обязательными для начала были встречи в водхозе, в райкоме партии; кроме того, надо зайти к младшему брату Мереду, машинисту на железной дороге.

Поезд прибывает без четверти девять. Куда ещё удобней. Отослать с шофёром чемодан в водхоз, к Каратаеву, а самому по пути заглянуть в райком.

Секретаря в райкоме не застал, тот успел укачать на сев. Ну теперь – к своему учителю Каратаеву. Шофёр доложил ему, как ашхабадский гость распорядился на вокзале, и Каратаеву едва ли понравился такой оборот: с первых шагов ученик обходит его.

Кажется, Таган не ошибся. Начальник водхоза Акмурад Каратаев был у себя и ждал, на лице его ле-

жала тень досады. Вдобавок одолевали телефонные звонки. Он брал трубку:

– Да, Каратаев. Слышал, слышал я ваши песни, да где её возьмёшь. Ни капли. Канал для целины. Знаешь, некогда мне переливать из пустого в порожнее. Могу дать совет: не разбазаривай драгоценную влагу.

Из года в год повторяется одно и то же: сев хлопка и – со всех сторон – воды, воды! Привыкаешь. Это раньше, бывало, даже ночами в постели только и думалось о нехватке воды. Иное нынче заботило Каратаева. Да и корень сейчас уже в ином, и цена твоему умению и опыту другая. Кстати, с чем вот ещё инженер Мурадов? Всё та же научная работа, в которой парень, похоже, основательно увяз? Ну и заодно, как это у них называется, «подтолкнуть»?..

Вчера, получив телеграмму, Каратаев обрадовался: едет парень знакомый. Думал, с поезда запросто явится на дом, а Таган даже учреждение обходит. В райком! Понятно: персона. Давно ли здесь, на Мургабе, учился вычислять секундолитры, навтыжку стоял перед учителем, смущался, когда приглашали на плов. Нет, брат, нечего тебе заноситься; жизнь ставит вопросы, каких твоя теория не распутает. Обиделся, что не встретили, так ведь учителя постарше учеников... Послали на вокзал машину, честь оказана, а если пренебрегаешь гостеприимством, то горевать не станем.

Зазвонил телефон, и он процедил сквозь зубы:

– Да, Каратаев... – Постучали в дверь. – Да, войдите. – Он прикрыл трубку ладонью. Дверь отворилась, он увидел Мурадова и своего заместителя Иванюгу, протянул руку, указал на кресла и опять в трубку: – Милый мой, верю: питомник жаждет! Но не могу же я прыгнуть выше себя. Давай реально оценивать вещи. Хлопок – наше богатство и сила!..

Кабинет пыльный, но выглядит нарядно: ковёр во всю стену. Не жарко, между тем в боевой готовности, слева от начальника, вентилятор. Начальник стал ещё благообразней, ещё чуть потучнел.

Он тоже время от времени кидает взгляд на Мурадова, не находя в нём особых перемен. Рослый, широкоплечий, держится подчёркнуто учтиво. Но за личиной скромности наметанный глаз угадывает спокойную уверенность, нечто заставляющее райончиков насторожиться.

– Слушай, друг мой, – заканчивал Каратаев тяжёлу с питомником, – жара-то пока детская... Позвони через недельку.

Он опустил пухлую руку на стол и подался вперёд.

– Ну, рад приветствовать, хоть и сердит на вас с министром. Вы в Ашхабаде совсем забыли, что такое гостеприимство. С министром мы однокашники, ты – земляк, а приехал я к вам зимой и, кроме бумажек, ничего не видел. Понимаешь, Анатолий, – он круто повернулся к Иванюге, сидевшему поодаль, – чайника зелёного чая не выпил с ними.

– Увы! – Мурадов словно в оправдание поднял над столом тяжёлую и прочную папку, которую держал при себе, видимо, не доверяя чемодану. – Такой уж несчастный мы народ: до конца дней своих не избавиться нам от бумаг...

Осип МИНОР (1861–1932)

ЭТО БЫЛО ДАВНО *(отрывок из воспоминаний)*

На следующий день наш поезд прибыл в Нижний Новгород к пристани, и нас сейчас же перевели на баржу и посадили на паром. Началось путешествие по Волге и Каме. Дело побега затруднялось. Надежды были на Уральскую железную дорогу. Там, при перевале через Урал, поезд движется медленно, надзор, вероятно, ослабнет по мере того, как конвой к нам привыкнет, да и мы успеем подготовиться.

Но и на барже Фёдорова не успокаивалась. Думала выпилить решётку и броситься в воду. Но и тут мы отговорили её. Путешествие летом по Волге и Каме успокаивало. Как-то забывалось всё прошлое и будущее. Жили красотой берегов, красотой зрелища. Только изредка в нашу жизнь вносилось новое впечатление.

В Уржуме к нам посадили двух новых товарищей: одного местного деятеля, за пропаганду среди рабочих присуждённого к ссылке, и крестьянку из Уржумского уезда, жену нашего спутника Ярцева. Последняя произвела на всех нас, никогда не бывавших в этих местах, впечатление новизны своего внешнего вида. Весь её костюм носил местный отпечаток. Короткая юбка из ситца в крупных цветах и сверху тёплая ватная кацавейка, сшитая в талию со сборками сзади, пёстрый головной платок, как-то по особому повязанный. Мы смотрели на неё, однако, не только как на красивый тип... Некоторые из нас сразу соображали, что этот костюм весьма хорошо подойдёт к У. Фёдоровой, если понадобится.

Не помню, сколько времени мы плыли по рекам, затем вновь пересели на железную дорогу, Уральскую, помню только, что не переставая шёл разговор о необходимости помочь побегу каторжанок. На Уральском перевале мы еле-еле удержали их, особенно Фёдорову, от попыток прыгать с поезда.

Наконец, мы добрались до Тюмени... Нас вновь посадили на баржу, на которой мы должны были ждать дальнейшего путешествия.

В Тюмени нам удалось устроить исчезновение Фёдоровой. Побег был интересен... Был конец

мая. Душно и жарко в трюме. Манит солнышко, манит чистый воздух, гладь речной воды. Необходимо во что бы то ни стало поговорить с капитаном, чтобы позволил проводить время на палубе, окружённой решёткой и охраняемой со всех сторон часовыми. Наш староста Клинг отправился для переговоров и, чтоб добиться права гулять на палубе, вынужден был дать слово, что никто не убежит... Трудно было это сделать Клингу, который знал о готовящемся побеге. Но что делать?

Итак, прогулка на палубе разрешена. Мы все высыпали из трюма и рассеялись по всем уголкам палубы. Немного нужно было времени, чтобы оглядеться. Наша баржа кормой причалена к корме другой баржи, стоящей у самого берега и служащей временной пристанью. С самого утра к нам на корму стали приходиться группами местные крестьянки, приносившие для продажи творог, шаньги, зелень и т. п. Костюмы крестьянок очень похожи на костюм жены Ярцева. Осмотр постов обнаружил, что на обоих бортах имеется по часовому, на носу и на корме. Настроение часовых хорошее. Они охотно вступают в беседу, угощают табачком и разной мелочью. Нас пускают всюду. Мы ходим чаще всего на корму, чтобы купить продуктов.

Это не обращает на себя особого внимания. Людям пить-есть надо, ну и покупают. Все эти наблюдения сразу же показали, что здесь можно попытаться устроить побег одной из каторжанок. Наскоро собралась небольшая группа товарищей – М. Гоц, Г. Клинг, А. Гаусман, Н. Зотов, и нами быстро был выработан план – переодеть У. Фёдорову в костюм крестьянки, дать ей в руки тарелку с творогом, закрытую платочком, и предложить ей в момент, когда на корму придут торговки и мы станем с ними торговаться, вмешаться в толпу и вместе с ними уйти спокойно на берег...

План рискованный, ибо часовой может заметить и либо дать тревогу, либо заколоть... Рискованный, но возможный.

Тимур ГАЙДАР (1926–1999)

ГОЛИКОВ АРКАДИЙ ИЗ АРЗАМАСА (отрывок из книги)

Учился Аркадий нельзя сказать чтобы очень прилежно. Правда, чаще других получал пятёрки по литературе, которую в их классе вёл Николай Николаевич Соколов, его любимый учитель, выведенный им под прозвищем «Галка» на страницах «Школы».

Тосковал об отце, попытался убежать к нему на фронт. Через четыре дня первоклассник Голиков был найден на станции Кудьма возле Нижнего Новгорода и водворён домой. Когда в классе товарищи начали расспрашивать о побеге – хотя и поймали, но ведь на фронт бежал, не куда-нибудь! – Аркадий отмалчивался. Уже выработывался характер: добр, открыт, но самолюбив и, если уж решил что-то, не перегнёшь.

К Петру Исидоровичу в 11-й сибирский полк на рижский участок русско-германского фронта идут письма. В них много сыновней нежности, любви: «Мне сейчас ужасно хочется куда-нибудь ехать далеко-далеко, чтобы поезд уносил меня подальше, туда, за тобой, по той же линии, где ехал ты, с того же вокзала, где я так горько плакал...»

Есть и немного наивная детская «литературность»: «А поезд уходил всё дальше и дальше, мерно стучал он по рельсам, и отрывалось от души что-то и уносилось вдаль за поездом к нему, милому и дороговому». Закончив фразу, Аркадий добавляет: «Это один отрывок из дневника моей души. Пиши, дорогой!»

Ушло письмо из Арзамаса в 1917-м. Точной даты нет. Однако ясно, что была весна:

«Цветёт черёмуха, так хорошо, хорошо. И мне невольно вспоминаются наши прогулки...»

Милое детское письмо. Такое мог бы написать любимому отцу любой грамотный и душевный мальчик. Но вот следующее, отправленное Аркадием не позднее чем через три месяца.

«Милый, дорогой папочка! Пиши мне, пожалуйста, ответы на вопросы:

1. Что думают солдаты о войне? Правда ли, говорят они так, что будут наступать лишь только в том случае, если сначала выставят на передний фронт тыловую буржуазию и когда им объяснят, за что они воюют?

2. Не подорвана ли у вас дисциплина?

3. Какое у вас, у солдат, отношение к большевикам и Ленину? Меня ужасно интересуют эти вопросы...

4. Что солдаты, не хотят ли они сепаратного мира?

5. Среди состава ваших офицеров какая партия преобладает? И как вообще они смотрят на текущие события?.. Неужели – «Война до победного конца», как кричат буржуи, или «Мир без аннексий и контрибуций»?..

Пиши мне на все ответы, как взрослому, а не как малютке».

После Февральской революции прапорщик П.И. Голиков избран солдатами 11-го сибирского полка комиссаром, и исполком Совета солдатских депутатов 12-й армии утвердил их решение. Потом П.И. Голиков становится командиром полка. Затем – комиссаром штаба дивизии. Всю гражданскую войну Петр Исидорович провёл на её фронтах.

Взгляды отца, традиции семьи, безусловно, оказали немалое влияние на формирование мировоззрения Аркадия.

Кроме того, он был не по возрасту начитан. В 1917 году на вопрос анкеты «Твоё любимое занятие?» ответил коротко и исчерпывающе: «Книга». В списке любимых писателей на первом месте его кумир – Гоголь. И ещё – Пушкин, Толстой, Гончаров, Писарев, Достоевский, Шекспир, Марк Твен...

Но Аркадий вовсе не тихий и «книжный» мальчик. Он высокий, сильный, широкоплечий. Полон жажды деятельности, решителен, смел, привык к самостоятельности, пользуется авторитетом у товарищей, уважением лучших преподавателей.

Робер-Жан ЛОНГЕ (1901–1987)

ТЕРРОРИСТЫ И ОХРАНКА (отрывок из книги)

Азеф бесспорно является самым крупным провокаторм, какого когда-либо знала Россия и даже Западная Европа. Но прежде чем мы перейдём к биографии великого предателя, мы должны мимоходом остановиться на любопытной фигуре его предшественника в русской революции – на Сергее Дегаеве.

История дегаевского дела представляет тем больший интерес, что оно, несмотря на свой меньший размах, уже даёт нам картину того полицейского разгула, который обнаружился четверть века спустя с разоблачением Азефа и вызвал настоящую бурю в общественном мнении России.

Дегаев принимал близкое участие в деятельности «Народной воли» почти с самого начала её возникновения. Оказанные им партии крупные услуги быстро выдвинули молодого революционера, и его имя стало известно даже исполнительному комитету. Его ценили, ему верили и нередко ему давали довольно важные поручения. Но Дегаева его положение в партии не удовлетворяло. Обладая от природы безмерным честолюбием, он стал мечтать о высшей руководящей роли и все свои усилия направлял на то, чтоб проникнуть в таинственный исполнительный комитет, слава о котором гремела на всю Европу, и точный состав которого не был известен даже

самым выдающимся и испытанным деятелям. Это было нелегко. И Дегаеву пришлось дать много доказательств своей преданности, прежде чем он заслужил доверие главных вождей «Народной воли».

Значение Дегаева сразу выросло после разгрома «Народной воли», последовавшего за убийством Александра II, когда наиболее видные члены партии погибли на виселицах, а остальные оказались или в тюрьмах, или в далекой Сибири.

Особое рвение в борьбе с террористами в это время проявлял жандармский подполковник Судейкин, скоро ставший в действительности чрезвычайно опасным для уцелевших частей «Народной воли». Судейкин, происходивший из мелкой дворянской семьи, добился личной энергией крупного бюрократического поста. Он отличался всеми пороками выскочки. Бездушный и умный карьерист, он прекрасно видел те препятствия, которые возникали на его пути, и тот страх и зависть, которые вызывали в начальстве его способности. Он решил выдвинуться какой угодно ценой.

Судейкин был не только предприимчивым, ловким и изобретательным сыщиком. Он сумел возвести провокацию в целую самодовлеющую полицейскую систему. Он обладал неподражаемым искусством завязывать сношения с революционерами, перед которыми выдавал себя за либерала и даже за радикала и которых, от уступки к уступке, завлекал всё дальше и дальше и доводил, наконец, до безвыходного положения. Обыкновенная его тактика заключалась в следующем: он добивался от политических заключённых согласия принять без всяких

условий деньги или предоставлял некоторым свободу, ничего не требуя взамен, создавая таким образом специфическую атмосферу недоверия, подозрительности и интриги вокруг своих жертв, чем вносил глубокую деморализацию в революционные ряды.

Дегаев предложил партии казнить Судейкина. Покушение не удалось. Когда позже сам Дегаев попал в Одесскую тюрьму, после ареста нелегальной типографии, где он был взят, Судейкин нарочно приехал из Петербурга, чтоб лично допросить его. При первом же разговоре он предложил Дегаеву поступить к нему на службу. Обстоятельства, побудившие Дегаева согласиться на гнусное предложение жандарма и изменить партии, остались до сих пор плохо выясненными. Намеревался ли он, как брат его Владимир, проникнуть в охранку с революционными целями – неизвестно. Эта идея не казалась тогда ни «химической», ни нравственно недопустимой. Наоборот, многие террористы, под влиянием самоотверженного примера народовольца Клеточникова, который добровольно поступил в охранное отделение и в продолжение трёх лет осведомлял своих товарищей о всех полицейских махинациях, предупреждая их о готовящихся обысках и арестах, и тем оказывал громадные услуги партии, мечтали или признавали полезность подобной деятельности. Соблазнила ли Дегаева роль Клеточникова, или он дал обольстить себя опытному соавителю, нарисовавшему перед ним совсем иные блестящие и заманчивые перспективы? Это осталось тайной Дегаева.

Юрий БЕЛЯЕВ (1876–1917)

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ (отрывок из очерка)

Кондуктор под окном кричит:

– Ту-ула!

Надо вылезать из вагона... Тесный и грязный вокзал, засыпанный подсолнечной шелухой, благоухание незатейливого буфета, витрина металлических изделий, витрина тульских пряников, газетный ларёк – и вот вы уже на той стороне вокзала в толчее извозчичьих пролёток, разрываемых на части местными «ваньками».

– В Ясную Поляну!

– Сюда пожалуйте! Со мной! Вот услужу! Барин, а со мной-то что же!..

Один, подогладивее, прямо берёт вас силком, сажает на свою колесницу и мчит во всю прыть по-нуруй лошадки, осыпаясь сзади хохотом и руганью оставшихся извозчиков.

Не знаю, по таким ли дебрям ехал почитатель XVIII века к Вольтеру в Ферней, но мне путешествие к яснополянскому философу во многом напоминало хождение по мукам. На козлах сидел настоящий гоголевский Селифан. Он вёз меня какими-то окраинами, переулками и закоулками и всё уверял, что «скоро дорога полегчает». Но дорога, размытая

весенними ручьями, до того вскоре сбилась, что пришлось добрые две версты идти пешком.

Уже вечерело. Солнце скрылось за громадную тучу, сизую, с огненными подпалинами. Слобода стояла розовая от заката, с зелёным пухом фруктовых садов, вся словно обвеянная острым весенним духом. Где-то пиликала гармоника...

Молодка в красном повойнике и нарядной свите высунулась по пояс из окна и скалит зубы. Смешно, должно быть, в самом деле моё прыганье по кочкам, бок о бок с дребезжащей пролёткой...

Но вот наконец и земское шоссе. Оно вытянулось стрелой по ровному полю, с телеграфными столбами, с уныло шумящими вёслами. Миновали Киевскую заставу. Обогнали не одну партию богомолок, молодых и старых, завёрнутых в тёмное тряпье, сгорбленных и загорелых. Дорога снова пошла изволоком, меж густого казённого лесу, по березняку, мимо какого-то полуразрушенного завода, печального наследия «анонимных» бельгийцев, пока неожиданно не свернула в сторону. И вот опять прощёлок. Опять надо вылезать из пролётки и помогать вытаскивать из грязи клячу.

– Долго, что ли?

– Не, недолго, – ворчит извозчик.

В самом деле, старая барская усадьба даёт себя знать. Вон на пригорке какое-то полуразрушенное сооружение из кирпичей – не то межевой столб, не то чей-то забытый монумент. Ещё немного дальше – и фруктовый сад вышел на дорогу живой изгородью смородинных кустов. А вон и беседка. И вдруг усадьба предстала вся как на ладони с белыми каменными воротами, с плотиной, дворовыми строениями, уютным старомодным домом, который видел столько паломников.

Гостеприимные сени, заваленные книгами, встречают меня теплом и спокойствием. Узкая лестница вверх. Тиканье машинки переписчика где-то за стеной. Две-три комнаты, которые проходишь

почти бегом, и наконец перед одной закрытой дверью слуга говорит:

– Сюда пожалуйте.

И сквозь полумрак комнаты, освещённой одной рабочей лампой под тёмным низким абажуром, видишь, как с кресла поднимается знакомая сутуловатая фигура в синей рабочей блузе, подпоясанной простым ремнём, в высоких сапогах, и узнаёшь любимую седую голову...

Я опускаю весь начальный разговор. Льва Николаевича в его деревенском уединении так мало интересуют пресловутые «злобы дня», которыми дышит город. Положим, он всё знает, за всем следит, всё читает. Спросишь его о чём-нибудь – и на всё получаешь ясный, спокойный ответ. Даже такие вопросы, которые, казалось бы, касались лично его, не вызывают в нём ни малейшего волнения...

Борис ВИКТОРОВ (1916–1993)

БЕЗ ГРИФА «СЕКРЕТНО» (отрывок из книги)

С комсомолом была связана вся моя, если можно так сказать, служебная карьера. Вспомнилось, когда на бюро райкома комсомола мне давали рекомендацию для работы в прокуратуре, я сказал:

– Что вы делаете? Какой из меня следователь, ведь я ничего не знаю?

На это секретарь Костя Симутов ответил:

– Вначале многие ничего не знают. Если хочешь оправдать рекомендацию комсомола – научись. Рядом с тобой будут опытные наставники.

В февральский вечер 1934 года, придя домой, я объявил, что стал народным следователем. В глазах матери появился испуг, нескрываемое недоумение выражало и лицо тётушки.

– Кто ты? – переспросила она меня.

– Народный следователь...

После некоторого размышления тётка стала сопоставлять.

– Я родилась и жила много лет до революции в Рязани. Вот там был судебный следователь. Представительный, одет в соболиную шубу, имел выезд из трёх лошадей. Когда проезжал по улице, все городские и жандармы вытягивались в струнку, а простой люд не знал, что и делать. Все удирали в подворотню. Какой же ты следователь? Кто тебя будет бояться или уважать?

Она махнула рукой и замолчала.

– Ну, то был царский следователь. А я народный.

Этой разницы ни мать, ни тётка никак не могли уяснить. Я же старался не подавать виду, что и у меня на душе кошки скребут перед неведомым. Так я стал народным следователем одного из районов тогдашней Московской области – Венёвского.

Во время работы народным следователем, старшим следователем, начальником следственного отдела Тульской областной прокуратуры, а с начала Отечественной войны – военным следователем

и военным прокурором я имел дело только с общеуголовными преступлениями (убийства, грабежи, хулиганство, хищения и др.) и воинскими. К делам специальной подсудности (контрреволюционным) отношения не имел. Но что это за дела, с 1936 года стал иметь некоторое представление. Не мог забыть и инцидент между прокурором Никифоровым и начальником райотдела НКВД Соколовым, невольным свидетелем которого мне пришлось быть.

– Я изучил ваши материалы, – говорил Никифоров. – Вы просите санкцию на арест. Оснований для ареста этих граждан не нахожу. Как же вы позволили без санкции прокурора арестовать? Я дал предписание немедленно их освободить.

– Это же «бывшие» – один поп, два купца.

– Не понимаю вас, товарищ Соколов. Неужели вы забыли, что сказал Сталин в докладе о проекте Конституции? Могу напомнить: он выступил против лишения избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев. А сказал он вот что: «Не все «бывшие» враждебно настроены против Советской власти». И привёл ещё поговорку: «Волков бояться, в лес не ходить».

– Напрасно вы мне это напоминаете. Я выполняю указание.

– А я соблюдаю Конституцию. Никто не может быть арестован без санкции прокурора.

– Не дадите санкцию вы, дадут другие. А сидеть они будут. Они из тех, кто оказывает сопротивление социализму.

– В этом я не убеждён.

– Зато убеждены другие.

Когда рассерженные оба – Никифоров и Соколов – расстались, я спросил у своего начальника:

– Как всё это надо понимать?

– Не знаю, – ответил он. – Посмотрим, что будет дальше...

Валерий ЕРЁМИН (р. 1946)

ЗАБЛУДИЛИСЬ (отрывок из рассказа)

На охоту Ивана я стал брать рано. Наверно, лет с трёх. Сажал в машину «жигулёнок» и ехали мы с ним за Суру на озёра, на вечернюю зорьку за утками. Я брал большой самодельный рюкзак, сажал в него сына и нёс его до того места, где мы окончательно располагались. Обычно мы выбирали небольшую удобную поляну рядом с озером или болотом.

Порой приходилось переходить неглубокие болотца и истоки. Иван терпел неудобства, сидя у меня за спиной в рюкзаке. Освободившись от рюкзака, он начинал нарезать круги по поляне. Порой даже приходилось его приструнивать. Мне его беготня напоминала взбрыкивание молодого телёнка или жеребёнка, неожиданно оказавшегося на воле. «Вот она, вольная природа, что делает, – думал я про себя. – Как она свою энергию передаёт людям? Как заряжает?»

Мы часто оставались до сумерек. Нам начинали слышаться отдалённые выстрелы. Где-то, по видимому, утка шла на прилёт. Иван, услышав стрельбу, говорил:

– Папа, там бах-бах.

– Да, – отвечал я. – Где-то дяди стреляют. Утки, наверно, прилетели.

– А к нам што не летят? – спрашивал Иван.

– Надо ждать. Может, и к нам прилетят, – отвечал я ему.

И вот однажды мы так же очень долго ждали, но уток не было. Только когда почти стемнело, пролетела одна. Я второпях вскинул ружьё и дважды выстрелил. И, разумеется, промазал. Иван внимательно смотрел на меня и молчал. Я, конечно, не мог видеть выражения его лица и глаз, но мне показалось что он спросил:

– Так ты что же, папа?

Немного ещё постояв, мы уехали домой. Дома, сидя за столом, Иван начал рассказывать матери про охоту и в конце я услышал.

– Там дяди где-то из ружья бах-бах. А к нам утка прилетела, папа бах-бах и мимо.

– Иван, – сказал я сыну, – ты зачем меня выдаёшь?

– Ну и хорошо, – сказала мать. – Уточка улетела

и хорошо. Пусть летает. Пусть живёт. И зачем ты только ребёнка мучаешь, с собой таскаешь?

– Пускай привыкает. Охота ещё никого не испортила. Охотники бывают хорошие или очень хорошие люди. Ему мужиком надо расти. Ему же в армию идти надо будет.

Вскоре мы стали ездить на охоту втроём. У нас появился хороший помощник – собака лайка. Назвали мы её Блек. В то время с Америкой у нас вроде как дружба началась. В чём я, конечно, сомневался. Вот мы и решили это дело таким образом отметить. Ивану на охоте стало ещё интересней. Можно было за кем-то теперь побегать и с кем-то побороться.

Запомнился мне такой случай. Когда стояли мы на поляне, над нами пролетела небольшая стая уток. Я тогда выстрелил дуплетом и выбил двух. Они упали в конце поляны в кусты мелколесья. Иван с Блеком ринулись наперегонки за ними и вскоре скрылись в кустах. Потом оттуда послышался собачий лай и звонкий голос Ивана:

– Отдай! Отдай, тебе говорю! Не трогай!

Всё это продолжалось, пока я спешил по поляне к ним. А когда подбежал, то увидел улыбающегося Ивана, выходящего из кустов. В руках он высоко держал двух уток, а вокруг него с лаем, припадая на передние ноги, кружился Блек. Он был явно доволен, что у него отобрали добычу, которую он должен был принести хозяину.

– Уди, уди, – кричал на него Иван.

Я сразу понял, в чём дело, и сказал сыну:

– Ваня, послушай! Отдай ему одну утку, пусть несёт. У него ведь на охоте работа такая. Уток сбитых находить и охотнику приносить. Вот он и ругается, что ты уток у него отобрал.

После этого Иван бросил на траву одну утку. Блек подбежал и проворно подобрал её, и мы втроём зашагали по поляне к тому месту, где оставили свой рюкзак. Иван шёл, поглядывая на свою утку, которую держал в руке. Иногда он поглядывал и на утку, что нёс в зубах Блек. Тот шёл рядом с ним. А я смотрел на них и видел, что они оба очень довольны. Доволен был и я, этой дружбой, которая проявлялась в нашем общем деле, в охоте...

Леонид БРЕЖНЕВ (1906–1982)

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ (отрывок из воспоминаний)

Ночная тьма во время переправ была вообще понятием относительным. Светили с берега немецкие прожекторы, почти непрерывно висели над головой «фонари» – осветительные ракеты, сбрасываемые с самолётов. Откуда-то справа вырвались два вражеских торпедных катера, их встретили сильным огнём наши «морские охотники». Вдобавок ко всему фашистская авиация бомбила подходы к берегу.

То далеко от нас, то ближе падали бомбы, поднимая огромные массы воды, и она, подсвеченная прожекторами и разноцветными огнями трассирующих пуль, сверкала всеми цветами радуги. В любую минуту мы ожидали удара и, тем не менее, удар оказался неожиданным. Я даже не сразу понял, что произошло. Впереди громыхнуло, поднялся столб пламени, впечатление было, что разорвалось судно. Так оно в сущности и было: наш сейнер напоролся на мину.

Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх.

Я не почувствовал боли. О гибели не думал, это точно. Зрелище смерти во всех её обличьях было уже мне не в новинку, и хотя привыкнуть к нему нормальный человек не может, война заставляет постоянно учитывать такую возможность и для себя. Иногда пишут, что человек вспоминает при этом своих близких, что вся жизнь проносится перед его мысленным взором и что-то главное он успевает понять о себе. Возможно, так и бывает, но у меня в тот момент промелькнула одна мысль: только бы не упасть обратно на палубу.

Упал, к счастью, в воду, довольно далеко от сейнера. Вынырнув, увидел, что он уже погружается. Часть людей выбросило, как и меня, взрывом, другие прыгали за борт сами. Плавал я с мальчишеских лет хорошо, всё-таки рос на Днепре, и в воде держался уверенно. Отдышался, огляделся и увидел, что оба мотобота, отдав буксиры, медленно подрабатывают к нам винтами.

Я оказался у бота, подплыл к нему и лоцман Соколов. Держась рукой за привальный брус, мы помогали взбираться на борт тем, кто под грузом боеприпасов на плечах с трудом удерживался на воде. С бота их втаскивали наверх. И ни один, по-моему, оружия не бросил.

Прожекторы уже нащупали нас, вцепились намертво, и из района Широкой балки западнее Мысхако начала бить артиллерия. Били неточно, но от взрывов бот бросало из стороны в сторону. Грохот не утихал, а снаряды вокруг неожиданно перестали рваться. Должно быть, наши пушки ударили по батареям

противника. И в этом шуме я услышал злой окрик: – Ты что, оглох? Руку давай!

Это кричал на меня, протягивая руку, как потом выяснилось, старшина второй статьи Зимода. Не видел он в воде погон, да и не важно это было в такой момент. Десантные мотоботы, как известно, имеют малую осадку и низко сидят над водой. Ухватившись за брус, я рванулся наверх, и сильные руки подхватили меня.

Тут только почувствовал озноб: апрель даже на Чёрном море не самое подходящее время для купания. Сейнера уже не было. Бойцы выжимали одежду и негромко ругались: «Чёртов фриц, проклятый!» Постепенно все поутихли, устраиваясь за ящиками и тюками. Ложились согнувшись или ничком, будто это могло спасти. А ведь главное было впереди. Главное – бой, куда вступить нам предстояло сейчас же.

И вдруг в этой трагической обстановке, при свете взрывов и огненных трасс родилась песня. Пел один из матросов, помнится, очень большого роста; это была песня, рождённая на Малой земле, в ней говорилось о нестигаемой воле и силе таких вот бойцов, какие были сейчас на боте. Я знал эту песню, но теперь мне кажется, что именно тогда впервые её услышал. Врезалась в память строка: «На тех деревянных скорлупках железные плавают люди».

Медленно стали приподниматься головы, лежавшие садились, сидевшие вставали, и вот уже кто-то начал подпевать. Никогда не забуду этот момент: песня распрямила людей. Несмотря на то, что пережитое, все почувствовали себя увереннее, обрели боевую форму.

Александр НЕВЕРОВ (1886–1923)

ГУСИ–ЛЕБЕДИ (отрывок из романа)

Вечером прискакал чагадаевский поп Поликарп Вавилонов на паре породистых лошадей. Высокий, широкоплечий, с пыльными раздувающимися ноздрями, вошёл он к попу Никанору, слегка прихрамывая на левую ногу; не отряхиваясь, двинулся из прихожей в столовую. Тонкий, сухопарый Никанор в ситцевой рубаше только что пришёл со двора, вымазанный шерстью. Вскидывая бородёнку, удивлённо воскликнул:

– Ба-ба-ба! Какими путями?

– По делу, по делу! – строго сказал Поликарп. И по тому, как он говорил, и по тому, как тяжело выхаживал по столовой, переваливаясь на один бок, было видно, что случилось особенное.

– Недаром я сегодня сон видел! – говорил Никанор. – В гору лез.

Попадья из спальни ответила:

– Гора к горю...

Пока готовили самовар, пришёл дьякон Осмигласов, толстый весёлый кругляш; не успев поздравиться, начал шутить:

– Спал сейчас, слышу голос...

Шутка не вышла. Лицо у Никанора нахмурилось, жидковолосая голова низко склонилась. Поликарп многозначительно кричал, опираясь руками о стол:

– Ну, так вот... Ужас невероятный!..

Вынул листочек бумаги из бокового кармана.

– У меня вот тут несколько фактов.

– Извиняюсь! – чуть-чуть приподнялся дьякон. – Объясните, пожалуйста.

– Гонение на духовных, – сказал Никанор, не поднимая головы. – Слушайте!

– Ну, так вот, – продолжал Поликарп. – В Мало-Берёзовом у священника Никопольского зарезали борова на двенадцать пудов, присвоили пару лошадей, стоящих семьдесят пять тысяч. У священника Длиннопёрова реквизировали девяносто пудов белотурки, на отца Воскресенского, в четвёртом округе, наложили двадцать пять тысяч рублей контрибуции. У дьякона Верхоглядова съели банку сахарного варенья, а у отца Куроедова отобрали рессорный

тарантас, купленный в Казани, полдюжины чайных ложек, из которых одна золотая, и матушкину шубу на козьем меху.

Поликарп читал нараспев. Дьякон, сидевший рядом, чувствовал себя утонувшим. Толстый, весёлый, охотно танцующий на семейных вечерах, он вдруг отсырел, налился чем-то тяжёлым. Заглядывая в развёрнутый Поликарпом листочек, неожиданно выпалил:

– Вы очевидец?

– Чему?

– Вот этим фактам.

– Лично я не очевидец, – с ударением сказал

Поликарп. – Но сведения получены мной из достоверных источников. Вы не верите?

– Нет, почему же. Вполне естественно.

– Значит, вы сомневаетесь?

– Позвольте! – задвигался дьякон.

– Да, да, вы сомневаетесь. Вы склонны к тому,

что всё это я выдумал из головы. А знаете, кто там орудует?

Поликарп загнул мизинец у левой руки:

– Тришка... Епишка... Перекатная голь! Конечно, под руководством ораторов...

Молча сидевший Никанор поднялся, сложил на груди вздрагивающие руки, сползающие на живот, пронзительно крикнул:

– Мошенники!

Испугался, подозрительно взглянул на дьякона, начал кружить вдоль стола, задевая ногами за стулья.

– Странная вещь. Неужели они не считаются с православием?

– Дело не в этом... Бог с ним и с православием!

– гудел Поликарп. – Дело в том, что не сегодня-завтра такая политика может ударить и нас. Мой совет – кой-что рассовать заблаговременно...

Николай РОМАНОВ (1941–2015)

ВАНЬКА-ИНДИЕЦ (рассказ)

Известно, деревня без прозвищ не живёт. И пристаёт эта уличная кличка к человеку на всю жизнь, хоть фамилию меняй. Но вот с Ванькой Пупковым произошёл такой случай. С детских лет звали его Клопом. Ванька Клоп – коротко и ясно. Понятно, что в глаза его звали Иваном, ну а за глаза – просто издевались. Потому что сам он страшно не любил свою кличку. И в отдельные моменты ярился до крайности.

Зная это, ольховские мужики и бабы часто прибегали прямо-таки к недозволенным приёмам. К примеру, ходит по Ольховке покупатель со стороны, ищет тёлочку на племя. А ему говорят:

– У Ваньки Клопа есть хорошая тёлка.

– А где это?

– Вон шатровый дом с зелёными воротами.

И стучится к нему покупатель:

– Иван Клоп здесь проживает?

И если нарывается на самого Клопа, то становится участником ужасной драмы. Ванька сатанет в одну секунду, визжит, как недорезанная хрюшка, и мечется по двору в поисках подходящего дрына, которым можно было бы сокрушить обидчика. Покупатель чешет по улице без оглядки, а деревня потешается.

И вот случилось невероятное. Иван сменил своё прозвище. У всей Ольховки как будто память отшибло: напрочь забыт Клоп, стал Иван Пупков Индийцем.

Надо сказать, Ольховка испокон веку славится картошкой. Завершается картофельная кампания, выезжают трактористы зябить последний клин. Два-три агрегата пахут, а вся бригада следом за ними, как грачи на весеннем поле, собирает картошку, которую лемешком так и выворачивает

наверх. Пускают мужики вдоль борозды «Беларусь» с тележкой и за каких-то 2–3 часа собирают три тонны отборного картофеля и сдают его в потребкооперацию. Навар получается солидный. И тогда закупает тракторная бригада несколько ящиков водки, не скупится на закуску и всем составом отправляется на дальний полевой стан, чтоб никто не беспокоил.

И вот как-то Ванька Пупков, то бишь Клоп, допившись до дармовщины, явно перебрал. Стоя на коленях, он воздел руки к потолку, под которым тускло светила запалённая лампочка, и воскликнул:

– Братцы, поглядите, какие звёзды, небо-то, ну прямо, как в Индии. Давайте выпьем за Индию. Хинди – русси, бхай, бхай!

Эту фразу он, видимо, запомнил с тех пор, когда ещё Хрущёв ездил в Индию. Очередной тост – и всё за Индию.

– Да заткнись ты со своей Индией! – тормознул его Петька Кардан.

– Ах, ты не хочешь выпить за мир между народами? – И с кулаками на Петьку. Пришлось Ваньку связать и отправить под лавку. Оттуда он долго ещё провозглашал «Хинди – русси, бхай, бхай!», а потом стал натурально плакать:

– Меня запичкали под скамейку, а сами лопают, налейте хоть сто граммов.

– А ты попроси у Раджа Капура, он тебе, может быть, и черпак плеснёт, – потешались над Ванькой мужики.

Когда он захрапел, его развязали, чтоб руки не затекли. А утром он проснулся настоящим Индийцем. И до сих пор живёт в глубинной русской деревне Иван Пупков с необычным прозвищем. Многие вновь приезжающие по поводу этой необычности недоумевают: откуда Индиец? А всё оттуда же...

Георгий КУБЛИЦКИЙ (1911–1989)

ПРО ВОЛГУ, ГОРОДА И ГОДЫ (отрывок из книги)

У Симбирска была устойчивая репутация изрядно запущенного дворянского гнезда. К какому бы жанру не обратиться – к стихам ли, к прозе, к справочным изданиям – мнение о нём почти единодушное.

«Сон и лень вполне Симбирском овладели», – писал Лермонтов.

«Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя», – отметил Гончаров.

«...Симбирск, город удивительно сонный и тихий, точно умирающий от старческого маразма...» – прочтём мы у Горького.

С ним перекликается Короленко: «Симбирск из всех приволжских городов – это самый тихий, сонный и застойный».

«Новых зданий за истекший год не строилось» – сообщалось в отчёте городской думы за 1912 год.

«Город довольно сонный... В торгово-промышленном отношении Симбирск не имеет почти никакого значения», – отмечал волжский путеводитель в 1913 году.

Лишь в изданном накануне революции адрес-календаре проскользнул умеренный оптимизм: «Город переживает в настоящее время период радужных надежд». Однако тут же признавалось, что в торгово-промышленной деятельности он стоит «ниже других губернских и даже некоторых уездных городов Поволжья».

Верны ли все эти характеристики? Надо полагать, что, в общем, верны, хотя их удивительная повторяемость истораживает.

Даже в воспоминаниях членов семьи Ульяновых, окрашенных детским радостным восприятием окружающего, возникает казённый Карамзинский садик с пыльной сиренью, другой садик в центре города, весь в кочках, грязный, с поломанной загородкой, куда забредали возвращающиеся с пастбища коровы. Анна Ильинична сравнивает памятный ей Нижний Новгород с Симбирском – с чужим, глухим, захолустным городком, в котором семья жила очень замкнуто. Симбирские знакомства ограничивались праздничными визитами; городское общество делилось на дворянство, водившее компанию

в своей среде, и чиновничество, поддерживающее знакомство в соответствии с табелью о рангах.

Марии Ильиничне Симбирск запомнился не большим провинциальным городом, в котором не было фабрик и заводов, не было трамваев и даже конок.

Сам Владимир Ильич, по воспоминаниям вызванного в Москву с докладом в декабре 1918 года начальника штаба 1-й Революционной армии Николая Корицкого, начал разговор с вопроса:

– Ну как Симбирск? Захолустный был городок.

Но заметьте: захолустьем называли Симбирск преимущественно натуры деятельные, незаурядные, требовательные. Их мерки достаточно высоки. И характеризуется прежде всего облик города, экономический застой, отсталость от более удачливых соседей. Однако интеллектуальный потенциал этого уголка России был достаточно высок.

Гигантская фигура Ленина как бы заслоняет все другие, связанные с городом на Волге. А ведь Симбирская губерния и в биографиях Карамзина, Пушкина, Гончарова, декабриста Тургенева, братьев Языковых, Дениса Давыдова, Минаева, Аксакова, Григоровича, Горького, Скитальца, Алексея Толстого, Гарина-Михайловского, крупнейшего чувашского просветителя Яковлева, классика чувашской литературы Иванова...

Среди этих имён привычно выделяешь Гончарова. Всё творчество большого писателя тесно связано с Симбирском, на берегах Волги – его корни. И удивительно ли, что земляки Гончарова были горячими почитателями его книг.

– Вот стихи Пушкина люблю, Гончарова люблю, – приводит Луначарский слова Владимира Ильича.

В семейной библиотеке Ульяновых были три романа Гончарова и «Фрегат «Паллада». Вместе с товарищами по гимназии Володя Ульянов ходил в Киндяковскую рошу смотреть места, описанные в «Обрыве». Илья Николаевич, хорошо знавший окрестных помещиков, рассказывал, кого именно Гончаров изображал в своих романах.

Экземпляр «Фрегата «Паллады», которым была награждена Ольга Ильинична за отличные успехи в гимназии, лежит сегодня на столе в детской Дома-музея...

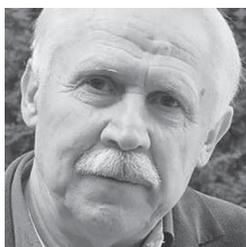
ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

ЯНВАРЬ 2022

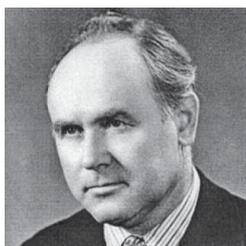

1 января – 110 лет назад родился мемуарист **Борис Владимирович Гнеденко** (01.01.1912, г. Симбирск – 27.12.1995, г. Москва). Окончил Саратовский университет (1930), аспирантуру МГУ (1937). Доктор математических наук (1941). Работал на

кафедре теории вероятностей МГУ. Автор книг: «Очерки по истории математики в России» (1946), «За советом в природу» (1977), «Математика и жизнь» (2006), «Воспоминания. Моя жизнь в математике и математика в моей жизни» (2012) и др. Лауреат Государственной премии СССР (1979). Заслуженный профессор МГУ (1994).

1 января – 75-летний юбилей отмечает белорусский писатель **Георгий Васильевич Марчук** (р. 01.01.1947, г. Давид-Городок, ныне Брестской обл. Республики Беларусь). Член Союза писателей СССР (1983). Секретарь Союза писателей Белоруссии. Автор сборника пьес «От полуночи до рассвета» (1981); романов «Крик на хуторе» (1989), «Без ангелов» (2009), «Глаза и сон» (2011); книги сказок «Доброе сердце» (2012) и др. Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова за роман «Цветы провинции»; был на её вручении в Ульяновске 21 июня 2014 года.

2 января – 95 лет назад родился историк, публицист **Евгений Петрович Кривошеев** (02.01.1927, Ульяновская губ. – 16.06.2000, г. Нарва-Йыэсуу, Эстония). Окончил Ленинградский педагогический институт (1950). С 1952 года жил в Нарве. Автор путеводителей: «Нарва» (1960), «Курорт Нарва-Йыэсуу» (1968); краеведческих изданий: «Дважды орденоносный комбинат «Кренгольмская мануфактура» (1972), «Рабочее и социал-демократическое движение в Нарве в 1895–1907 годах» (1975); соавтор книги «Битва за Нарву: февраль-сентябрь 1944 года» (1984).

2 января – 85-летний юбилей отмечает литературовед, историк, критик **Мариэтта Омариовна Чудакова** (р. 02.01.1937, г. Москва – 21.11.2021, там же). Член Союза писателей СССР (1970). Автор книг: «Мастерство Юрия Олеши» (1972), «Поэтика Михаила Зощенко»

(1979), «Мирные досуги инспектора Крафта» (2005), «Дела и ужасы Жени Осинкиной» (2007), «Булгаков и Пастернак» (2010), «Не для взрослых. Время читать!» (2011), «Егор» (2012) и др. Была в Ульяновске в 2006 году на семинаре «Культура имеет значение» и в 2012-м на II Международном культурном форуме.

3 января – 70 лет со дня рождения поэта **Сергея Васильевича Тришкина** (03.01.1952, с. Валгуссы Инзенского р-на Ульяновской обл. – 28.11.2005, г. Тольятти, похоронен в Валгуссах). Учился в Валгусской средней школе. Окончил филологический факультет

Мордовского пединститута (1989). Жил в Тольятти, был одним из организаторов и руководителем городского литературно-музыкального творческого объединения «Союз». Автор поэтического сборника «Тихая околица» (2003, переиздан в Самаре в 2006). Член Союза писателей России (принят посмертно).

4 января – 210 лет назад родилась поэтесса, прозаик, драматург **Евдокия Петровна Ростопчина** (04.01.1812, г. Москва – 15.12.1858, там же). Праправнучка симбирского купца И.С. Мясникова (1710–1782), внучка симбирского губернатора В.М. Сушкова (1746–

1819). Была знакома с А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым. Автор поэтических сборников «Стихотворения» (1841, 1857); драмы «Нелюдимка» (1850); повести «Счастливая женщина» (1851); романов: «Дневник девушки» (1850), «У пристани» (1857); сатирической поэмы «Дом сумасшедших в Москве» (1858) и др.

4 января – 105 лет со дня рождения поэта **Михаила Давыдовича Львова** (04.01.1917, с. Насибаш, ныне Салаватского р-на Башкортостана – 25.01.1988, г. Москва). Заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1941), жил в Москве. Член

Союза писателей СССР (1944). Автор поэтических сборников: «Время» (1940), «Дорога» (1944), «Волжская радуга» (1965), «Обелиск» (1967), «Письмо в молодость» (1974), «Крутизна» (1976), «Одержимость» (1977) и др. В 1977 году был руководителем совещания молодых писателей Поволжья, которое прошло в Ульяновске.

4 января – 105 лет назад родился писатель **Елизар Юрьевич Мальцев** (04.01.1917, д. Хонхой, ныне село Мухоршибирского р-на Бурятии – 13.04.2004, г. Москва). Окончил школу №3 в Ульяновске, работал в газете «Пролетарский путь». Учился в Литературном

институте им. А.М. Горького. Во время войны жил и работал в Ульяновске. Был заместителем редактора журнала «Октябрь». Автор книг прозы: «Горячие ключи» (1945), «От всего сердца» (1948), «Последнее свидание» (1978), «Белые гуси на белом снегу» (1988), «Белый омут» (1994) и др.

5 января – 70-летний юбилей отмечает поэтесса, переводчик **Марина Анатольевна Ахмедова** (р. 05.01.1952, г. Челябинск). Внучка А.И. Колубакина, владевшего имением в Сенгилеевском у. Симбирской губ. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького

(1977). Член Союза писателей СССР. Народный поэт Дагестана. Участвовала 20–26 апреля 1987 года в Днях дагестанской культуры в Ульяновске. Автор книг: «Отчий свет» (1982), «Осень столетья» (1987), «Равнодействие» (1992), «Ностальгия» (1995), «Кавказская тетрадь» (2004), «Очарованная странница» (2020) и др. Живёт в г. Махачкала.

12 января – 270 лет со дня рождения этнографа, переводчика **Василия Фёдоровича Зуева** (12.01.1752, г. С.-Петербург – 18.01.1794, там же). В 1768 году участвовал с П.-С. Палласом в экспедиции по югу России и Сибири; зиму 1768–1769 гг. провёл в Симбирске. Получил

звание академика. Сочинение «Путешественные записки от С.-Петербурга до Херсона в 1781–1782 гг.» (1787) осталось незавершённым. Переводил труды Г. Эггеда, К.-П. Тунберга, «Всеобщую и частную естественную историю» Ж. Бюффона. Автор книги «Материалы по этнографии Сибири XVIII в.».

12 января – 120 лет назад родился краевед **Василий Афанасьевич Радильчук** (12.01.1902, с. Любо-Надеждовка, ныне Кировоградской обл. Украины – 31.07.1975, г. Ульяновск). С 1938 года жил в Ульяновске. Был заместителем начальника Ульяновского

высшего военного училища связи. Собирал материалы о боевом пути Симбирской Железной дивизии. Автор краеведческих изданий: «Ульяновцы в боях за Родину» (1964), «Честь. Отвага. Мужество» (1979); многих статей по военно-исторической тематике. Награждён орденами Ленина (1945), Красного Знамени (1944, 1950).

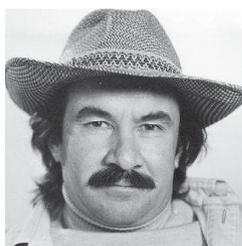
12 января – 85-летие отмечает татарский историк, публицист **Фрид Айниевич Рашитов** (р. 12.01.1937, с. Новый Мостяк Старокулаткинского р-на Куйбышевской, ныне Ульяновской обл.). Окончил Саратовский университет (1960). Доктор исторических наук (1995). Автор трудов:

«Волжские булгары и татары: правда и мифы» (1991), «На татарской улице праздник» (1995), «Тюркские народы Саратовского Поволжья» (2000), «Сарытау» по-татарски» (2009), «Мостяк. Страницы истории татарского села» (2013) и др. Заслуженный работник высшей школы РФ (2003). Живёт в Саратове.

16 января – 65 лет исполняется чувашскому поэту **Николаю Петровичу Еремееву** (р. 16.01.1957, д. Большое Буяново Шемуршинского р-на Чувашской Республики). Окончил экономический факультет УСХИ (1989). Член Союза писателей Чувашской Республики

(2011). Автор поэтических сборников: «Звезда над низиной» (2009), «Мелодия рассвета» (2012), «Пламя осенней тоски» (2014), «Вечерний саксофон» (2015), «Белый дождь» (2016), «Река слёз» (2017), «Родник Айбиге» (2019). Лауреат литературной премии им. Алексея Талвира (2015). Живёт в Ульяновске.

18 января – 80 лет со дня рождения белорусского кинорежиссёра, писателя **Дмитрия Никоноровича Михлеева** (18.01.1942, с. Новое Ильмово, ныне Черемшанского р-на РТ – 1.10.2018, г. Минск, Беларусь). Окончил ВГИК им. С.А. Герасимова (1972). В 1969–2001 гг. –

режиссёр на киностудии «Беларусьфильм». Создал более 30 фильмов. Член Союза писателей Беларуси (2007). Написал сценарий художественного фильма «Тум-Паби-Дум». Автор книг: «Поле переядрённое» (1985), «Круговорот» (1989), «Ось земли» (2014). Жил в Минске. Не раз приезжал в Ульяновск, где живёт его родная сестра.

19 января – 130 лет назад родился татарский поэт **Хусаин Юсуфович Абушаев**, литературный псевдоним – Абушаев-Атлаши (19.01.1892, с. Старый Атлаш, ныне Старокулаткинского р-на Ульяновской обл. – после 1961 г., Казахская ССР). Не раз встречался с Г. Тукаем. Автор поэтического сборника «Алтыннарыйм» («Сокровища мои», 1915), куда вошло 22 стихотворения. В 1916–1961 гг. был учителем начальных классов в с. Маралиха Курчумской вол. Казахстана. Публиковал стихи в газетах и журналах. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1949).

19 января – 85-летний юбилей отмечает поэт, актёр театра и кино **Михаил Иванович Ножкин** (р. 19.01.1937, г. Москва). Снимался в фильмах: «Ошибка резидента» (1968), «У озера» (1969), «Судьба резидента» (1970) и др. Народный артист РСФСР (1980). Член Союза писателей России (1995). Написал тексты песен: «Последняя электричка», «Девчонка-проказница», «Честно говоря», «А на кладбище всё спокойненько», «Я люблю тебя, Россия» и др. Автор книг «Точка опоры» (2013), «Будь Человеком» (2014). Не раз проводил встречи и концерты в Ульяновске (2001, 2013, 2015, 2018 гг.).

19 января – 50 лет исполняется писательнице, журналистке **Анне Александровне Матвеевой** (р. 19.01.1972, г. Свердловск, ныне Екатеринбург). Окончила Уральский университет (1994). Член Союза писателей России. Автор книг прозы: «Заблудившийся жокей» (1999), «Банкирша» (2000), «Па-де-труа» (2001), «Небеса» (2004), «Перевал Дятлова» (2005), «Есть!» (2010), «Горожане» (2017) и др. Была участницей культурной программы VII Международного культурного форума в Ульяновске 14-15 сентября 2017 года. Живёт в Екатеринбурге.

20 января – 80 лет со дня рождения краеведа **Амира Ахметовича Ахметова** (р. 20.01.1942, с. Уразгильдино Чердаклинского р-на Куйбышевской, ныне Ульяновской обл.). Окончил исторический факультет УлГПИ имени И.Н. Ульянова. Кандидат исторических наук (1979). Работал учителем, преподавателем. Автор книг: «История возникновения и развития села Уразгильдино (1905–1990)» (1991), «История села Поповка Чердаклинского района (1808–1928)» (2017), «Очерки по истории села Чердаклы и Чердаклинской волости (1688–1928)» (2017) и др.

22 января – 115 лет назад родился чувашский поэт, переводчик **Пётр Петрович Хузангай** (22.01.1907, с. Сихтерма, ныне с. Хузангаево Алькеевского р-на РТ – 4.03.1970, г. Чебоксары). Член Союза писателей СССР (1934). В 1938 году обвинён в национализме, содержался в тюрьме г. Мелекесс (ныне Димитровград); в 1939-м признан невиновным и реабилитирован. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Народный поэт Чувашии (1950). Работал секретарём редакции журнала «Сунтал», возглавлял Союз писателей Чувашской АССР.

22 января – 85-летний юбилей отмечает поэт и краевед **Феликс Дмитриевич Касимов** (р. 22.01.1937, г. Москва). Окончил Уфимский авиационный институт. С 1964 года живёт в Димитровграде; 30 лет работал в НИИАРа. Автор книг: «Между Камой и Черемшаном» (1992), «Страницы истории Мелекесса» (2007), «Ответы на странные вопросы» (2011), «Мост Гау и другие исторические очерки» (2012), «Черемшанские рассказы» (2020); сборников «Может быть» (1998), «Стихи разных лет» (2016) и др. Член Союза писателей России (2003). Награждён медалью Н.М. Карамзина (2010).

23 января – 155 лет назад родился автор богослужебных текстов и духовных стихов **патриарх Сергий**, в миру – Иван Николаевич Страгородский (23.01.1867, г. Арзамас Нижегородской губ. – 15.05.1944, г. Москва). В 1941–1943 гг. находился в эвакуации в Ульяновске. С 1943 г. – патриарх Московский и всея Руси. Автор сочинений: «Вечная жизнь как высшее благо» (1895), «Вопрос о личном спасении» (1895), «О нравственности вообще» (1900), «Закон Божий, написанный в сердце человека» (1901), «Значение апостольского преемства в инославии» (1932) и др.

24 января – 80-летие отмечает журналист, краевед, мемуарист **Нина Николаевна Дрогюль** (р. 24.01.1942, г. Ульяновск). По профессии врач. Вместе с Б.В. Аржанцевым работала над проектом «Генеалогический свод России», собирая истории симбирских семейств. Публиковалась в газете «Дыхание земли», журнале «Мономах», альманахе «СимбирЛит», сборнике «Симбирский вестник» и др. Автор книги мемуарной прозы «Домик на Венце» (2004); сборника воспоминаний «Симбирские берегини»; повести «Ирма». Живёт в Ульяновске.

25 января – 120 лет со дня рождения чувашского журналиста, переводчика **Петра Терентьевича Золотова** (25.01.1902, д. Синерь, ныне Аликовского р-на Чувашии – 1.05.1989, г. Чебоксары). Окончил Ульяновский педагогический техникум (1926); работал учителем в с. Елаур Сенгилеевского р-на. До 1962 года был редактором и директором Чувашского книжного издательства. Переводил на чувашский язык работы В.И. Ленина, учебники, художественные произведения. Заслуженный работник культуры Чувашской АССР (1984). Награждён орденом «Знак Почёта».

26 января – 55 лет исполняется прозаику **Александру Витальевичу Громову** (р. 26.01.1967, г. Подольск Московской обл.). С 1968 года живёт в Куйбышеве (ныне Самара). Член Союза писателей России (1994). Председатель правления Самарского отделения Союза писателей России. Автор книг прозы: «Лёгкое терпкое вино» (1997), «Слава Богу за всё» (2001), «О Любви» (2003), «Паракало, или Восемь дней на Афоне» (2010), «Государственное дело» (2011) и др. В 2019 году посетил Карсун, в 2021-м принял участие в праздновании 70-летия Ульяновской писательской организации.

28 января – 215 лет назад родился литератор **Пётр Михайлович Мачеварианов** (28.01.1807, д. Каменка Саратовской губ. – 3.06.1880, с. Липовка Ардатовского у. Симбирской губ., ныне Сеченовского р-на Нижегородской обл.). Помещик, знаток псовой охоты. Получил в наследство имение в с. Липовка, где жил после увольнения со службы. Избирался гласным Симбирского губернского земского собрания; был членом Симбирского губернского статистического комитета. Автор книги «Записки псового охотника Симбирской губернии» (написана в 1845; издана в 1876).

28 января – 130 лет со дня рождения мемуариста **Ивана Владимировича Тюленева** (28.01.1892, с. Шатрашаны, ныне Сурского р-на Ульяновской обл. – 15.08.1978, г. Москва). Участник Первой мировой и Великой Отечественной войн, генерал армии. Автор изданий «Первая конная в боях за социалистическую родину» (1938), «Советская кавалерия в боях за Родину» (1957), «Крах операции «Эдельвейс» (1975); книги военных мемуаров «Через три войны» (1972) и др. Герой Советского Союза (1978). Именем генерала Тюленева назван проспект в Заволжском р-не Ульяновска.

29 января – 115 лет назад родился карельский поэт, прозаик **Тобиас Осипович Гутари**, псевдоним – Леа Хело (29.01.1907, д. Муя, ныне Кировского р-на Ленинградской обл. – 14.12.1953, г. Петрозаводск). Член Союза писателей СССР (1934). В 1942–1943 гг. работал в газете «Власть труда» в г. Мелекесе (ныне Димитровград). Автор поэтических сборников: «Молодые мысли» (1930), «Перешагиваю» (1931), «Стихи» (1936), «Песня весне» (1940), «Моя страна» (1947), «Родина, тебе пою!» (1950); книг для детей: «В карельских лесах растёт бумага», «Как рождается книга» и др.

29 января – 60 лет исполняется поэтессе **Нине Александровне Ягодинцевой** (р. 29.01.1962, г. Магнитогорск Челябинской обл.). Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (1987). Член Союза писателей России (1994). Автор поэтических сборников: «Идущий ночью» (1991), «Амариллис» (1997), «На высоте метели» (2000), «Течение донных трав» (2002), «Меж облаками и людьми» (2008) и др. Принимала участие во Всероссийском молодёжном литературном совещании «На родине Гончарова» в Ульяновске, была руководителем семинара поэзии 17-18 июня 2018 года. Живёт в Челябинске. (Биографически связана с нашим краем. Мама поэтессы родом из Карсунского района Ульяновской области.)

30 января – 70-летний юбилей отмечает поэтесса **Светлана Ивановна Матлина** (р. 30.01.1952, с. Новая Малыкла Ульяновской обл.). Окончила Майнскую среднюю школу (1969), УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1974). Член Союза писателей России (1992). Автор более 70 книг стихов и прозы: «Лик души» (1990), «Переполненное эхо» (2000), «Русский свет» (2003), «Волжский склон» (2011), «Свет вечерний» (2018) и др. Возглавляла Ульяновскую областную писательскую организацию (1998–2002). Лауреат литературных премий им. И.А. Гончарова (2001) и им. Н.Н. Благова (2013, 2018).

30 января – 50-летие отмечает прозаик, литературовед **Татьяна Николаевна Булатова** (р. 30.01.1972, г. Ульяновск). Окончила УлГПИ им. И.Н. Ульянова (1994); работала здесь преподавателем (1994–2020). Кандидат филологических наук (2000). Автор романов и повестей: «Мама мыла раму» (2013), «Бери и помни» (2014), «А другой мне не надо» (2016), «На фиг нужен!» (2017), «Большое сердце маленькой женщины» (2019) и др. Директор по развитию литературного агентства и школы «Флоберим». Лауреат Международной литературной премии им. И.А. Гончарова (2020).

ПОЭЗИЯ

ЮБИЛЯРОВ ЯНВАРЯ

Сергей ТРИШКИН (1952–2005)

ИЗ ДЕТСТВА

Печка в трещинах, ухваты,
Бой теней на потолке.
Тараканища усаты
Подбираются к руке.

За окном, как ведьма, вьюга.
И с кукушкой часы
Замолчали от испуга,
Опустив свои усы.

Кот престарый, лежебока,
Вяло турится у ног.
От него уж нету прока,
Чуть чего – долой на бок!

На шестке перед заслоном,
В горках сажевой муки,
Под «беретками» со звоном
Суетятся чугунки.

* * *

Я был бы хорошим, как Ленин,
Я был бы спокоен, как Сталин,
Когда б не Серёжка Есенин,
Который был часто скандален!

Я вдаль бы глядел с пьедестала,
Глядел бы сурово-свинцово,
Но вдруг по холмам проскакала
Тень всадника – Коли Рубцова!

Не ту я избрал бы дорогу,
И в ад увела бы дорога.
Я шёл бы за дьяволом в ногу,
Когда б не поэты от Бога.

* * *

Катится яблоком красным
Солнце по скатерти белой.
Утро рождается ясным
После пурги ошалелой.
Светит алмазным обманом
Тихой речушки стекло.
Под покрывалом багряным
Дремлет в сугробах село.
В чуткой заснеженной рани,
Выйдя из мёрзлых сеней,
Слышат далёко сельчане
Говор осипших саней.

Евдокия РОСТОПЧИНА (1812–1858)

ТАЛИСМАН

Есть талисман священный у меня.
Храню его: в нём сердца всё именье,
В нём цель надежд, в нём узел бытия,
Грядущего залог, дней прошлых упоенье.
Он не браслет с таинственным замком,
Он не кольцо с заветными словами,
Он не письмо с признаньем и мольбами,
Не милым именем исполненный альбом,
И не перо из белого султана,
И не портрет под крышею двойной...
Но не назвать вам талисмана,
Не отгадать вам тайны роковой.
Мне талисман дороже упования,
Я за него отдам и жизнь, и кровь:
Мой талисман – воспоминанье
И неизменная любовь!

1830

ПЕВИЦА

П.А. Бартеневой

Она поёт... и мне сдаётся,
Что чистых серафимов хор
Вдоль горних облаков несётся,
Что мне их слышен разговор.

Она поёт... и я мечтаю,
Что звукам арфы неземной
Иль песням пери молодой
Я в упоении внимаю.

Она поёт... и сердцу больно,
И душу что-то шевелит,
И скорбь невнятная томит,
И плакать хочется невольно.

Она поёт... и голос милый,
Тая дыханье, я ловлю,
И восхищаюсь, и люблю
Его звук томный и унылый!

Она поёт... и так умеет
И грусть и чувство выражать,
Что сердцу, кем тоска владеет,
Немудрено её понять!

1831

Михаил ЛЬВОВ (1917–1988)

ВОЛГА

Набросив на плечи шинели,
Скрипучие качая нары,
В теплушке вечером мы пели –
Грузины, русские, татары,
И песни были долги, долги...
А в песнях девушки красивы,
И за окном открылась Волга
Широкая, как путь России.

СТЕПЬ

Березок тоненькая цепь
Вдали растаяла и стёрлась.
Подкатывает к горлу степь –
Попробуй убери от горла.

Летит машина в море, в хлеб.
Боец раскрыл в кабине дверцу,
И подступает к сердцу степь –
Попробуй оторви от сердца.

В АПРЕЛЕ

В апреле, именно в апреле,
Весною, именно весной,
Когда отпенились метели,
Когда на шар земной летели
Лучи, как ливень золотой;
В апреле, именно в апреле,
Весною, именно весной,
Когда сердца людей добрели,
Когда над Волгой птицы пели,
Был мир пронизан новизной;
В апреле, именно в апреле,
Весною, именно весной,
Когда глаза волжан смотрели
Российскою голубизной, –
Чтоб вечно свету быть на свете,
Чтоб людям вечно жить в тепле,
Родился гений на планете –
Родился Ленин на земле.

Марина АХМЕДОВА (р. 1952)

ЛЕРМОНТОВ

Застёгнутый наглухо китель
И намертво стиснутый рот.
В какую глухую обитель
Твой царь тебя завтра сошлёт?

Ещё ты не знаешь об этом,
Но лист придвигаешь пустой...
Два слова всего: «Смерть Поэта» –
Уверенной пишешь рукой.

Два слова всего лишь, и только...
Бумага чиста и грозна,
Но чувством священного долга
Душа твоя ныне полна.

А завтра?.. Кавказ. Эполеты.
Мартынов. Дуэль. И конец.
И вечное право поэта
На жгучий терновый венец.

...И вот он стремительно пробил,
Наш час... И не дрогнет рука.
Но будет ли высшею пробой
Отмечена наша строка?..

И так же, как в годы былые,
Бумага чиста и грозна.
И так же сурова Россия,
И правда всё так же одна.

СНЕГ ПУШКИНА

По снегу, по серому снегу
он мчится сквозь сплетен метель,
и знак, ему посланный с неба,
в земной пропадает тщете...

По снегу, по красному снегу
он, силы теряя, ползёт,
надеясь в бреду ли, во сне ли,
что ангел-хранитель спасёт...

По снегу, по чёрному снегу
тайком его сани влекут
туда, где торжественно немо
последний встречает приют.

Позёмка январская слепо
путь скорбный его заметёт...
Но следом по белому снегу
к нему вся Россия придёт.

Михаил НОЖКИН (р. 1937)

РОССИЯ

Я люблю тебя, Россия,
Дорогая наша Русь,
Нерастраченная сила,
Неразгаданная грусть.

Ты размахом необъятна,
Нет ни в чём тебе конца.
Ты веками непонятна
Чужеземным мудрецам.

Много раз тебя пытали –
Быть России иль не быть:
Много раз в тебе пытались
Душу русскую убить.

Но нельзя тебя, я знаю,
Ни сломить, ни запугать,
Ты мне, Родина родная,
Вольной волей дорога.

Ты добром своим и лаской,
Ты душой своей сильна.
Нерассказанная сказка.
Синеокая страна.

Я в берёзовые ситцы
Нарядил бы белый свет,
Мне всю жизнь тобой гордиться,
Без тебя мне счастья нет!

* * *

Я в весеннем лесу пил берёзовый сок,
С ненаглядной певуньей в стогу ночевал...
Что любил – потерял, что имел – не сберёг,
Был я смел и удачлив, но счастья не знал.

И носило меня, как осенний листок.
Я менял города, я менял имена.
Надышался я пылью заморских дорог,
Где не пахли цветы, не светила луна.

И окурки я за борт швырял в океан,
Проклинал красоту островов и морей,
И бразильских болот малярийный туман,
И вино кабаков, и тоску лагерей.

Зачеркнуть бы всю жизнь да с начала начать,
Полететь к ненаглядной певунье своей.
Да вот только узнает ли Родина-мать
Одного из пропащих своих сыновей?

Пётр ХУЗАНГАЙ (1907–1970)

ПОЭТ

...И пока в пылу куёшь
Нужные слова,
Сердце горном разожжёшь
Ты не раз, не два.

Если хочешь, чтоб пленил
Стих сердца людей, –
Недостаточно чернил, –
Крови не жалей!

Ты не буквами листы
Испещряешь, нет:
Высекаешь искры ты,
Чтоб зажётся свет.

Так поэты всех веков
Создавали стих.
Это очень нелегко –
Вы спросите их.

1924

ВЕК

Век, чадивший курным дымоходом,
Отошёл, спотыкаясь впотьмах.
Озарились мы новым восходом,
Свет иной загорелся в домах.

Догорела лучина, погасла,
Завалился светец – не сыскать,
И от порчи на щепочке масло
Не сжигает за печкою мать.

Страшен был старый вяз за оврагом:
Говорили, под ним – Киремет.
А теперь все проходят там шагом
И никто не бросает монет.

Зори наши ясней и румяней,
На селе даже у пастуха
Вместо биров – тетрадка в кармане,
И в музей попросилась соха.

Скоро в поле большом спозаранок
Гордо кони стальные заржут.
И впервые залечатся раны,
Что натёр нашим клячам хомут.

Будет взнуздан и ветер, и воды,
Реки в новые русла войдут.
Человек покорит всю природу,
В мире всё переделает труд.

1925

Феликс КАСИМОВ (р. 1937)

* * *

Забреду на луг зелёный,
Лягу в клевер золотой:
То ли странник утомлённый,
То ль разбойник удалой.

Рядышком кузнец стрекочет,
Выбивается из сил.
Солнце греет, тихо очень.
Никуда б не уходил.

А потом наступит вечер,
Млечный Путь огни зажжёт,
Словно выплывет навстречу
Океанский пароход.

Не достичь тех звёздных точек,
Время держит нас в плену.
Жизнь моя, как островочек,
Сто шагов-годков в длину.

Незаметно прибывает
В море тёмная вода.
Островок мой тает-тает,
Исчезает без следа.

Много песен было спето,
Много смыто островов...
Хорошо за Волгой летом,
Если мало комаров.

* * *

Он весь в ромашках, росах, ливнях,
Оброс травой, ковылём.
Стрекоз и птиц кортеж счастливый
Его сопровождает днём.

И ночь во всём ему послушна:
Нежна, доверчива, близка.
Как сваха старая, на ушко
О чём-то шепчет им река.

А он, раскинувшись в полянах,
В лесах, средь комаров и сов,
Заснул, счастливый, полупьяный,
На пару сумрачных часов.

Тобиас ГУТТАРИ (1907–1953)

МАСТЕР

О, как пахнет смолою лесина,
как пила и звенит, и поёт,
как вонзается сталь в древесину,
как он лёгок, рубанка полёт!

То топор, то пилу, то рубанок
мастер в руки берёт и поёт.
Смотрит солнце в окно спозаранок.
Любопытство и солнце берёт.

Мастер пилит, ровняет, строгают,
и поёт, и на труд свой глядит.
И кружатся опилки, мелькают,
и за стружкой стружка летит.

О, как стружка свивается в кудри!
Как весёлый топор говорит!
О, как мастер искусно и мудро
деревянную песню творит.

ПЕСНЯ ВОЕННОЙ ВЕСНЫ

Даже в пору войны к нам приходит весна
и сердца окрыляет мечтою.
Нас зима не сломила, не сломит война.
И солдата душа неизменно полна
жаждой боя с фашистской ордою.

Мы хотим, чтоб скорее Победа пришла
и покой принесла для народов,
чтобы мирные всюду вершились дела,
чтобы песнь лебедей по озёрам плыла
в час заката, в минуты восходов.

Мы хотим, чтоб сверкала небес бирюза,
чтоб родные поля колосились,
чтобы смех не смолкал, чтоб сияли глаза,
чтоб звенели от счастья людей голоса –
песни радости ввысь возносились.

Мы хотим своё счастье вернуть навсегда,
как весну, что идёт, побеждая.
В бой ведут нас и месть, и большая мечта,
и к Отчизне любовь, что нежна и чиста,
и в грядущее вера святая.

*Перевёл с финского
Армас Мишин*

Нина ЯГОДИНЦЕВА (р. 1962)

* * *

Во тьме случайного ночлега
В глухом предчувствии беды
Душа у Бога просит снега,
Чтоб он засыпал все следы.

Я прислонюсь к холодной раме:
Как хорошо, что есть приют,
А там, за ветхими дверями,
Слепые ангелы поют.

Огонь в печи воздел ладони
И замирает, трепеща,
И на серебряной иконе
Подхвачен ветром край плаща,

И длится, длится тайный праздник,
Душа пирует налегке,
И лишь свеча всё время гаснет
На неподвижном сквозняке.

* * *

Зима стояла у киоска,
У самых нежных хризантем,
И капли голубого воска
Стекали вдоль стеклянных стен.

Угрюмый город спал, неприбран,
И ты сказал: «Душа болит...»
Цветам, как будто странным рыбам,
Был свет до краешка налит.

Они плескались, лепетали
И вглядывались в полумглу,
Растрёпанными лепестками
Распластываясь по стеклу.

И, позабыв свою работу,
На низком стуле у окна
Цветочница читала что-то,
Как смерть, наивна и юна.

Светлана МАТЛИНА (р. 1952)

ГОНЧАРОВСКАЯ БЕСЕДКА

Гончаровская беседка.
Ветра синего порыв.
Птицы свищут с каждой ветки.
В бурной зелени обрыв.

Облака плывут над Волгой
Пышной розовой грядой.
Чайки кружатся высоко
Над взволнованной водой.

Склоны в колдовской сирени,
Горицветов огоньки –
Мая яркого даренье
В звонких радостях реки!

Раскрываю том заветный:
Зовы юности в крови.
Гончаровская беседка!
Слёзы первые любви!

Сноп ликующего света.
В сердце Русь навек одна!
...Гончаровская беседка.
Волга. Родина. Весна.

* * *

Небо осеннее чисто, беззвёздно.
Ива-бредина припала к воде.
Всё, что с тобою, до боли серьёзно,
Я не из тех, кто бросает в беде.

Я не из тех, кто гнездо разоряет.
Мне не накапливать, мне – раздавать.
Вот почему не жена, не родная,
Я тебе больше, наверное, мать.

Стала короче, полынной дорога.
Света так мало осталось у дня.
Счастья так мало, а веры так много!
Вот почему не обидишь меня.

Будто бы ива-бредина к воде,
Молча припала к тебе я в беде.

* * *

Там птицы летают, деревья шумят,
Там реки сверкают, их зелен наряд.
А тут пустота, это дань черноте,
Когда подошла я к последней черте.
Там солнце, там люди, там день молодой,
А тут за грехи мне склоняться с мольбой.
Там песни мои, там узреть красоту...
И медлю, и медлю шагнуть за черту.
И кто мне подскажет дорогу назад?
...Там птицы летают, деревья шумят!

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ЯНВАРЯ

Борис ГНЕДЕНКО (1912–1995)

МОЯ ЖИЗНЬ В МАТЕМАТИКЕ *(отрывок из воспоминаний)*

Родился я в Ульяновске, тогда Симбирске, первого января по новому стилю тысяча девятьсот двадцатого года... Моя мама – Мария Степановна (1889–1961), девичья фамилия Коленцева, была из Костромы. Я рос в атмосфере музыки. Фортепьянные исполнения были постоянно в доме, и приходили знакомые мамы певицы.

Отец мой, Владимир Васильевич (1886–1939), землемер, из крестьян, практически всю жизнь он был связан с сельским хозяйством. Он любил землю, понимал в ней толк и мог бы быть хорошим организатором сельского производства. Землемером он считался отличным, но всю жизнь он мечтал о высшем образовании... И вот семья переехала в Казань в 1915 году. Он поступил в Казанский университет на физико-математический факультет, проучился два года, а затем был мобилизован в армию. Не закончил, но разговоры о математике сохранились в моей памяти. Мальчишкой я с удовольствием смотрел на толстые математические книги, испещрённые непонятными знаками.

Казанская жизнь была довольно тяжёлой: конец неудачной русско-немецкой войны, Первой империалистической войны, начали чувствоваться недостатки продовольственного характера, чувствовалась мобилизация большей части мужского населения. У меня в памяти сохранились воспоминания сначала о Февральской революции, потом об Октябрьской революции. Февральская революция вселяла надежды в людей, что закончится война. Но война не кончалась и требовала новых и новых

жертв. В памяти у меня сохранились события разного характера: взрыв на пороховом заводе. Затем, уже после революции, – пожар Оперного театра. Сохранились в памяти голодные годы... и большие очереди в столовые американской помощи.

Отец вернулся из армии больной, и врачи ему порекомендовали изменить климат. В результате он уехал вместе со всей семьёй – мама, старший брат Глеб и я – в Костромскую губернию, в город Галич. В результате переезда брат потерял один год школьной жизни, а я выиграл один год. Я просто с ним занимался вместе, и мы начали учиться одновременно в шестом классе. В одном и том же классе, только сидели на разных скамьях.

...Глеб был физиком, он погиб на войне при форсировании Днепра... Когда мы заканчивали седьмой класс, со здоровьем у отца стало лучше, значительно лучше, и он решил перебраться в город, где были бы высшие учебные заведения. И, пользуясь советами врачей, он выбрал Саратов: там был университет, там был сельскохозяйственный институт, город, полный тепла... Я очень любил поэзию, очень много читал. Я ещё до школы многое читал, с наслаждением.

Хорошая школа была, очень хорошая. В конце восьмого класса я как-то всерьёз подумал о будущем, начал много заниматься математикой, много решал задач самостоятельно, внешкольных задач, и увидел, до чего ж это красивая наука, до чего эта внутренняя логика позволяет вскрывать глубинные закономерности. И постепенно увлечение перешло,

по-видимому, в призвание. Два обстоятельства в этом сыграли роль. Первое обстоятельство – это расхождение в программах между саратовской и галичской школой. Когда мы приехали в Саратов, выяснилось, что я некоторых разделов курса не знал. Мне было страшно стыдно, когда меня вызвали к доске, и я ничего не мог сказать. По математике и по химии. Химии в Галиче не было вовсе, а в Саратове её проходили. И мне пришлось летом самому догонять, для того чтобы не было никаких неприятностей.

Это развило интерес, и, главное, я убедился в том, что я могу сам. А когда товарищи увидели, что я что-то могу делать, они обращались ко мне с просьбами помочь им. А это тоже стимулировало. Но всё-таки к окончанию школы у меня увлечения и мечты были стать инженером-кораблестроителем. Я даже не знаю, в чём дело, в семье у нас никого не было, но вид этих поразительных совершенных творений рук человеческих и разума на меня, видимо, оказывали колоссальное воздействие, и я мечтал строить корабли...

Георгий МАРЧУК (р. 1947)

ГОД ДЕМОНОВ *(отрывок из романа)*

Пытливый ум Любомира искал причину охватившей разом и сознание, и душу непонятной тревоги. Подвергал анализу бытовую и общественный хаос, желание порвать с опостылевшими и ненужными любовницами и невозможность сделать это, преодолеть незнакомую раздвоенность, растерянность. Он старался мысленно вычислить негативное в ближайшей перспективе, определить хотя бы контуры причины упадка духа, дабы хоть как-то смягчить ожидаемые душевные раны. Неужели неминуем разрыв сносно-спокойных семейных отношений? Правда, они, эти узы, не всегда имели вид христианский, но и за пределы обоюдной терпимости всё же не выходили. Может, у неё действительно намечается роман с этим молодым композитором? И почему, собственно, так тревожит ожидание грядущей беды? Раньше жизнь почему-то наполняло ожидание радости, сбывшихся желаний. А может, это обыкновенное пресыщение однообразием работы, серостью будней, предчувствием расставания с молодостью? Или причиной всему житейское, рядовое: два ночных телефонных звонка назойливого незнакомца-пенсионера. И почему он звонит, как запрограммированный, именно в половине двенадцатого ночи?

– Уважаемый Любомир Григорьевич, я решил обратиться только к вам, к последней надежде, к последней инстанции.

– Вы преувеличиваете. Последняя инстанция у нас суд и Господь Бог.

– Я никому не верю. Никому. Прошу вас о встрече. Я пенсионер. Бывший преподаватель вуза. Это всё, что я могу сказать по телефону.

– Бог мой, к чему эта конспирация? Изложите суть дела в двух словах. Может, это не в моей компетенции, и тогда я вас переадресую своему коллеге Новикову, тоже из нашей газеты.

– Знаю. Я всех знаю. Прошу вас о встрече. Умоляю. Я готов ждать. Месяц, два... Как вас устроит.

Чувствовалось по голосу, что ночной собеседник-проситель искренен и не наигранно взволнован. Впрочем, чем он может удивить, какой тайной шокировать? Пришло время, когда злые люди, взяв к себе в подручные добрых, но наивных и

обозлённых от несправедливости собратьев, растащили государство. Куда ни ткни пальцем – всюду оскорблённые, обиженные, обманутые, несправедливо забытые, униженные, отбывающие срок вместо других, разочарованные. Что ж, год на год не приходится. Есть день ангелов, есть день демонов. Он всё больше склонялся к тому, что пером, как и оружием, человека не переделаешь. Любомир, ссылаясь на чрезмерную занятость, просил позвонить через месяц. Подобные случаи были. Менялись обстоятельства, утихал воинственный пыл жалобщика, иногда всё останавливала смерть просителя.

Это первые месяцы в своей новой должности Любомир рвал и метал, суетился, носился на служебной чёрной «Волге» по всему городу, по области. Но очень скоро понял, что процесс, в который окунулся, бесконечен, как сама жизнь, и что ему просто не под силу соединить в себе надсмотрщика, судью, контролёра, адвоката. Ещё год, два назад смельчаков и новоявленных борцов с окостенелыми догмами тотального принудительного коммунизма были единицы. А нынче оторопь берёт. Кто во что горазд. Все друг у друга пороки ищут. И чем больше их откопают в истории, тем больше зубы скалят, слюной исходят от удовольствия. Жалкие, робкие, до перестроечной истерии угодливые его коллеги из молодёжных, союзных газет, как голодные шакалы, накинулись на дешёвые сенсации. Нет, он не опустил до жизнеописания гомосексуалистов и лесбиянок. Это по душе его однокурснику Вовику Лапше. И пусть. Он далёк от мысли осуждать товарища. Просто богу богово, а кесарю кесарево.

Уходит, уходит из-под ног почва. Побрякушками, дешёвкой, заигрыванием с примитивным, скотским вкусом недалекого умишком читателя все они, кто отсиживался как мышь под веником, растворили, размыли его былую славу, которой он и не успел как следует натешиться. «Вот, пожалуй, одна из причин», – с горечью подумал Любомир. Он надеялся на плаву респектабельности с вёслами академизма под парусом зрелого профессионализма долго плыть к морям почёта, к берегам каких-никаких, а всё же привилегий. Этак до годков пятидесяти...

Евгений КРИВОШЕЕВ (1927–2000)

БИТВА ЗА НАРВУ (отрывок из книги)

В первый день наступления батальон капитана С. Грязнова освободил около 300 советских военнопленных, которых фашисты использовали на строительстве укреплений. После его ранения командиром полка был назначен подполковник В.С. Тарасов.

На следующий день бойцы С. Грязнова, продолжая наступление, обнаружили среди болота в полутора километрах от берега реки фанерный «городок», где ютились мирные советские люди, пригнанные из Смоленской области. С утра до позднего вечера фашисты заставляли их добывать на болоте торф. При приближении наших солдат охрана концлагеря разбежалась, и советские люди, угнанные в фашистское рабство, оказались на свободе. Солдаты накормили их чем могли и отправили на восточный берег реки, в тыл.

Вскоре фашисты опомнились и предприняли контратаку против 1078-го полка. Основной удар они нанесли по первому и второму батальонам. Чтобы отразить наступление противника, капитан С. Грязнов произвёл перегруппировку сил и огневых средств батальона и сосредоточил все станковые пулемёты на правом фланге. Фашистские солдаты с русским «Ура!» бросились в атаку. Вначале это привело наших солдат в недоумение. Потом они поняли, что против них немецкое командование бросило власовские части. Тогда по команде командира пулемётной роты – «По предателям родины огонь!» – заработали все пулемёты батальона, сосредоточенные на направлении главного удара противника. Массированным пулемётным огнём первые шеренги власовцев были уничтожены, а остальные прижаты к земле. Атака противника захлебнулась.

В эту тёмную февральскую ночь немецкое командование ещё четыре раза бросало власовцев в атаку, но все попытки врага выбить 1078-й полк с его позиций закончились безуспешно. Много немецких и власовских солдат и офицеров осталось лежать на снегу перед временными окопами наших подразделений.

Под утро поредевшие в боях батальоны полковника Верещака получили с восточного берега подкрепления, боеприпасы и продовольствие. Предчувствуя жестокие бои, солдаты старались загрузить

свои вещевые мешки не продуктами, а патронами, гранатами и дисками для автоматов и ручных пулеметов.

На рассвете 5 февраля 1078-й полк, оставив второй батальон в резерве, продолжал наступление в северном направлении. Первый батальон наступал вдоль берега реки, третий – под командованием капитана Дуркина – двигался слева от него. Впереди наступающих батальонов бесшумно передвигались разведывательные группы. Вскоре разведка доложила, что в двух с половиной километрах на строительстве оборонительных укреплений работает много гражданского населения под усиленной охраной гитлеровцев.

Полковник Верещак решил атаковать охрану и освободить мирное население. По его приказу первый батальон развернулся фронтом на северо-запад и приготовился к отражению врага. Батальон капитана Дуркина продолжал наступление в прежнем направлении с целью охвата противника с тыла и флангов. Заметив приближение наших войск, противник открыл огонь. Гражданское население, занятое на строительстве, стало разбегаться. Командир полка приказал наступать и первому батальону.

Через некоторое время со стороны леса немцы поднялись в атаку. Наши батальоны залегли и открыли огонь из пулемётов, но гитлеровцы продолжали приближаться. Тогда по общей команде «Вперёд, за Родину!» батальоны дружно поднялись в контратаку. Началась рукопашная схватка, фашисты не выдержали и отступили. В этом бою был дважды ранен капитан Грязнов. От гибели его спас связной батальона, который вовремя увидел вражеского солдата, целившегося в раненого комбата. Связной успел раньше открыть огонь и сразить фашиста. Командование батальоном принял заместитель Грязнова капитан Орехов.

К вечеру 1078-й стрелковый полк достиг узкоколейной железной дороги и занял оборону. Вдруг к этому месту в сопровождении офицеров подъехал немецкий генерал. Говорили, что это был комендант Нарвы, приехавший проверить строительство оборонных сооружений. Солдаты третьего батальона открыли огонь и уничтожили генерала и его свиту...

Мариэтта ЧУДАКОВА (р. 1937)

ЕГОР (отрывок из романа)

Когда Егору исполнилось четыре года, его отдали в детский сад. Ходить туда он не любил. Ему хорошо было дома, где соблюдались либеральные порядки: как рассказывает его мама, разрешалось всё. Кроме того, что не разрешено: лгать, лениться, сквернословить и плохо относиться к старшим.

И когда однажды Егор заболел и долго просидел

дома, то очень даже радовался. Когда же выздоровел – отправился в садик с большой неохотой.

А его там встретили прямо-таки очень хорошо, радостно и ласково:

– А, Егорушка! Как хорошо, что ты пришёл! Тебя так долго не было, мы все по тебе так скучали. И ты, наверно, тоже скучал по своему садику? Да?

Его мама вспоминала много лет спустя, как он стоял перед воспитательницей бледный и сосредоточенный: ведь он был приучен не лгать... Наконец любезно улыбнулся и тихо сказал:

– Да.

Он не смог её огорчить, сказав правду. И после мучительных колебаний принял одно из первых в жизни трудных решений.

Дома были мама и папа – недавний подводник, теперь журналист, мало бывавший в Москве, всё больше в плаванье, откуда писал свои корреспонденции. «По морям, по волнам, нынче – здесь, завтра – там».

Прибегая домой со двора, Егорка с надеждой спрашивал:

– Папа дома?

Мама читала Егору разные книжки, среди них – книги обоих его дедушек. Он никогда их не видел, но всё равно любил. Аркадия Гайдара – папного папу. И Павла Бажова – мамино.

Дедушек давно не было на свете, но висели на стене их портреты: один – молодой, со смеющимися глазами, другой – с бородой, но добрый. И книги их стояли на полке. Всегда можно взять их и почитать.

Зато у Егора были целых две бабушки.

Папина мама жила в Москве, а на лето снимала в Лунине дачу. И Егор всю зиму мечтал о Лунине, о том, как будет там играть с друзьями. А мамина мама жила в Свердловске (хоть теперь вы такого города на карте не найдёте – он снова, как в прошлые века, давно уже называется Екатеринбургом). Туда он тоже ездил летом. И очень любил уютный

бревенчатый бажовский дом.

Дома, в московском дворе, тоже были друзья – мальчики и девочки. Перед девочками Егор немножко робел – ведь с ними нельзя обращаться так же, как с мальчишками! Его отцу, морскому офицеру, это бы не понравилось.

Однажды утром раздался требовательный звонок в дверь. Мама открыла. На пороге стояла Таня Тройчешникова собственной персоной – самая красивая девочка во дворе, в новом платье...

– Егор дома? – строго спросила она.

Егорка вышел, ошеломлённо смотря на чудное виденье.

– Нам пора идти гулять, – сказала Таня твёрдо.

И Егорка, как лунатик, вышел из дома вслед за Таней, не только не спросив у мамы разрешения, но даже не взглянув в её сторону!.. Слишком сильным оказалось впечатление от неожиданного визита Тройчешниковой.

Как вспоминала потом его мама, на лице Егорки было написано: уж если Таня за ним зашла, то другого варианта, как тут же отправиться с ней гулять, и быть не может...

– С каких лет Егор читал? – спросили недавно у его мамы Ариадны Павловны.

– Не помню... – растерянно сказала она. – Он, по-моему, всегда читал...

– А вы учили его читать?

– Нет! Точно помню, что никто его не учил. Года в три, во всяком случае, он знал все буквы – мы случайно это обнаружили...

Елизар МАЛЬЦЕВ (1917–2004)

ВОЙДИ В КАЖДЫЙ ДОМ (отрывок из романа)

В тихий предзакатный час Корней Яранцев пошёл к родной Черемшанке. Мягкий и тёплый свет падал на крыши изб, жарко вспыхивал в окнах; в оголённых ветвях тополиной рощи чернели опустевшие гнёзда грачей; было слышно, как бабы ласково, нараспев зазывали скотину – в вечернем воздухе ясно и далеко разносились их голоса; с утробной тоской мычали коровы, плаксиво блеяли овцы, пощипывало ноздри знакомым с детства запахом дыма, горьковатой навозной прели.

Свернув дрожащими руками сигарку, Корней сделал несколько жадных затяжек, бросил окурок в траву, загасил носком сапога и нетерпеливо зашагал дальше. Чтобы ни с кем не встречаться, он спустился в сумеречный, сырой, как погреб, овраг и, продираясь сквозь цепкие заросли, весь облепленный репьями, тяжело поднялся на другой его край – обрывистый, в рваных, косматых клочьях дёрна, горевший на закате красной глиной. Не передыхая и часто спотыкаясь, Корней обогнул плетни чужих огородов с кучками гниющей картофельной ботвы и высохшими будильями подсолнухов, миновал

последний проулок, пересёк улицу и вдруг ошеломлённо застыл, не веря своим глазам. Господи, да неужели это его дом?

Криком кричала его душа, пока смотрел он на тёмные провалы окон, забитые крест-накрест серыми полуистлевшими досками, на обломки резных наличников, обветшалую крышу, где взошли и тянулись к небу жёлтые хилые кустики сурепки...

Всё было разорено и растаскано, и кругом, до самого оврага, – задичалый, в сивом бурьяне пустырь. Ни изгороди, ни сарая, ни старой берёзы со скворечницей. Чудом уцелели две рябинки, посаженные когда-то в палисаде перед окнами, но и они словно отбились от дома и жили уже при дороге. Видно, ребяташки, срывая ягоды, пообломали нижние ветки, и лишь на верхушке вызывающе пламенели зрелые гроздья. Торчал из полыни почернелый липкий пенёк, обросший бледно-розовыми поганками. На отшибе, как пьяные гуляки в обнимку, нелепо кренились на сторону два высоких столба с ветхим замшелым козырьком – створки ворот сняли с петель и унесли...

«Люди! Да что ж это такое? – Корней зашарил руками по груди, застонал. – Ни стыда, выходит, ни совести...»

Он ощутил слабость в ногах, сутулясь, опустился на ступеньку крыльца и прикрыл ладонью глаза. Муторно, нехорошо было на сердце. Разве имел он право кого-то корить теперь, если сам несколько лет назад бросил всё на разор и запустение?

Вчера, когда он ехал со станции в районный городок, где жила его дочь, по пути в знакомых деревнях ему не раз встречались такие же покинутые, с заколоченными окнами избы. Иного дома Корней и вовсе не находил, хотя хорошо помнил, что он стоял на том месте многие годы; в просвете между домами угадывалась глубокая, как воронка от снаряда, яма – её дремуче глушил чертополох...

Смешанное чувство одиночества, давней, незаживающей обиды и чего-то ещё, непоправимо потерянного, захлестнуло его...

Сложив на коленях усталые руки, стеснённо дыша, он долго сидел, не шевелясь, уже упрекая себя за то, что поддался какому-то наваждению и, ничего не сказав дочери, удрал сюда. С крыльца ему

открывалась почти вся деревня: и лесная сторона, и заречная, и подгорная. Овраг разделял улицу пополам, дальше она полого взбиралась в гору, упираясь крайними домами в низкорослый лесок, охваченный сейчас неярким багрянцем осеннего увядания. На земле уже хозяйничали сумерки, а берёзовые рощицы были ещё полны золотого предзакатного света; но вот и они погасли, как только солнце затонуло в глубине степи. В деревне сразу стало неприятно и тоскливо, потянуло откуда-то сырým, промозглым ветерком, и, потревоженные им, зашуршали у ног Корнея сухие листья.

Нужно было подумать о ночлеге – поспешить в Приречье к Ксении, которая, наверное, всполошилась и ждёт его, или остаться в Черемшанке и заночевать у сестры. В избах затеплились жидкие огоньки керосиновых ламп, всё погружалось в рыхлую, ненастную мглу. Деревня затихла, лишь кто-то долго искал в потёмках заблудившуюся овцу: «Машу-ня! Ма-шу-у-ня!»; рядом в проулке тягуче заскрипел ворот колодца, лязгнула железная цепь, захлебнулось ушедшее в воду ведро...

Анна МАТВЕЕВА (р. 1972)

ЗВЁЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ (отрывок из книги)

Приземление окурка я отслеживаю, как авиадиспетчер, – вот красный светлячок падает в траву, вот разгорается прощальным пламенем, вот меркнет, темнеет, сжимается... Бесшумно прикрываю дверь, чтобы не потревожить Анору – пусть хотя бы в сумерках ей удастся подремать, набраться сил перед бессонной, бессовестно долгой ночью.

Для спящего человека в комнате слишком тихо.

– Марина, дай сигарету, пожалуйста.

– Тебе нельзя, Анора.

Говорю голосом Каменного гостя, только что явившегося из райского прокуренного сада.

Разговаривать со мной Анора сегодня не хочет.

– Останешься на выходные? – единственное, что спрашивает.

Работать без отдыха – совсем не то, о чём я мечтаю. Но Миша тоже нахватал себе срочных заказов, кроме того, мне жаль Анору.

Когда я нанималась в этот дом, то понятия не имела, за кем придётся присматривать. Наша чешская подруга Зора, с которой мы делили квартиру на Блазиустраат, предложила поработать сиделкой у женщины, которая скоро умрёт.

– Сама я не мочь такую работу, Марина, – призналась Зора, – но ты же медицинский специалист.

Пышно сказано. Младший медработник без диплома и документов, самый настоящий нелегал – единственное, что мне удалось подтвердить в Голландии, были водительские права. Но мои водительские права тогда ещё мало кого интересовали.

Женщина, которая скоро умрёт... Эти слова можно отнести к любой женщине – вопрос в том, насколько скоро всё случится.

Старый дом на канале Сингел, с маленьким садом и узкими окнами. Человеку, выросшему в «хрущёвке», трудно привыкнуть к амстердамским домам, этим высоким скворечникам, чьи лестницы забирают вверх почти отвесной стеной. Бесконечные ступени и оконные рамы, похожие на гильотину. Под окном спальни Аноры – канал с тремя баржами, к вечеру с улицы несёт марихуаной, у подъезда дважды в день по часу стоит метадоновый автобус. Амстердам – город людей, живущих без оглядки на Бога. Я приковала велосипед к столбику, подобрала кипу рекламных листов с крыльца. Первой в стопке лежала брошюра, посвящённая эвтаназии. Слоган: «Позаботьтесь заранее о том, чтобы уйти достойно».

Неплохой подход к умирающим женщинам.

Эвтаназия в переводе с греческого – «благостная смерть». Красивое слово, но идея мне нравится не слишком. Может быть, потому, что я, пусть и атеистка не хуже коренной голландки, всё же не осмелилась бы вмешиваться в такое ответственное дело, как смерть.

Здесь, в Амстердаме, городе серьёзных наркотиков и застеклённых проституток, эвтаназию узаконили в 2000 году. Решение, как сказано в буклете, было принято голландским парламентом, потом этим примером вдохновились в американском штате Орегон и в северной австралийской провинции. В Орегоне, впрочем, не любят слова «эвтаназия», придумывают эффектные эвфемизмы вроде «лечальной медицины» и «достойной смерти». Наша подруга Зора утверждает, что в Дании (где Зора работала в прошлом году) эвтаназию якобы можно ис-

полнить самостоятельно: по рецепту врача в аптеке закупаются соответствующие задумке лекарства: и вперед! Возможно, Зора сама это придумала – она любит поговорить о том, что «в Дании есть всё».

На двери дома Аноры висит трогательный коловый колокольчик. Бело-синяя дельфтская табличка с номером. Высохший букетик вправлен в узкую пробирку настенной вазочки. Мне открывает немо-

лодая, жухлая блондинка – приветливо ощерилась, заговорила по-голландски.

Я быстро училась голландскому, но всё же не так быстро, чтобы с лёту разбирать скоростную речь.

– Мифрау, говорите, пожалуйста, медленнее.

Она махнула рукой – главное, чтобы вы свободно говорили на русском. Ваша подопечная – русская, вы не знали?

Патриарх СЕРГИЙ (1867–1944)

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ КАК ВЫСШЕЕ БЛАГО (отрывок из сочинения)

Человек в его настоящей деятельности буквально исполняет над собой приговор Божий за своё грехопадение. *Ты земля и в землю возвратишься*. Если мы начнём оценивать его заветные мечты, все высшие цели его жизни, то, чем он живёт и хочет жить, если мы захотим узнать тот «свет», который освещает его жизненный путь, и то внутреннее «око», которое просвещает всё его существо, то увидим, что это «око само теперь тёмно», что свет есть блуждающий огонь, лишь призрак света, и что идеалы, все проникнутые землёй, настоящей жизнью, «в землю обратились». Справедливость этого подтвердит каждому его собственное сознание, его внутренний и внешний опыт. Этому же учит и история.

Идеалом, к которому стремилось естественное человечество и обыкновенный человек, было лишь земное счастье, лишь настоящее удовольствие. Разница между учением была лишь в способах, а не в принципе. Разнузданное эпикурейство в сущности преследовало ту же самую цель: удовольствие минуты, настоящее удовлетворение, – что и суровый, по-видимому диаметрально ему противоположный стоицизм. Разница вся в том, что первый был близорук и оптимистически мечтал достигнуть полного удовольствия удовлетворением всех потребностей человека или воспитанием в нём потребностей, наиболее способствующих его благополучию, – тогда как второй, более глубокий и более опытный, пессимистически отвергал возможность такой полной положительной удовлетворённости и потому хотел найти убежище в довольстве отрицательном, в отсутствии всяких потребностей, в атараксии или же в так называемом равновесии духа. О том, к чему всё это приведёт, эмпирический человек мало спрашивает и даже как бы считает бесцельным и неразумным вопрос об этом, когда пред человеком есть предметы, настоятельно требующие его внимания и как бы более важные. Говоря это, мы имеем в виду Конфуция со всей его китайской культурой и философией, которая сознательно закрывала глаза на будущее, признавая более важным определить свои отношения к настоящему.

Правда, в языческом мире есть и попытки проникнуть более настоящего и указать человеку цель выше мира и земли. Но эти попытки были лишь смутным предчувствием истинного назначения

человека, сводились скорее к отрицательному опыту, к тому, что смысл человеческой жизни не здесь, не в земной жизни, чем к положительному решению: что же будет с человеком по выходе из этой жизни. Возьмём Платона, философия которого, по выражению Мартенсена, «характеризуется всецело проникающей её сверхъестественной тенденцией» и «занимает в древнем мире исключительное положение в этом отношении»; он пришёл тоже более к отрицанию настоящего, чем к утверждению будущего. Правда, он говорит о вступлении в высшую сферу бытия, о богоподобии и пр., но центр тяжести его нравоведения лежит лишь в том, что идеальный мир, составляющий прототип здешнего, служит в то же время и отрицанием всей сущности последнего. Входя в этот идеальный мир, человек становится свободным не только от скорбей жизни, но и от всех её радостей, потому что там он уже перестаёт их желать, – поэтому и «всякая истинная философия состоит, по нему, в постоянном умирании для мира сего, телесная смерть есть лишь освобождение от той обманчивой видимости, в которой находится теперь». Потусторонний мир лишь противоположный этому, но не более.

То же самое, только в ещё более определённой и законченной форме, сказал на Востоке буддизм. Настоящая жизнь, по нему, – совершенная суета, мечта, начиная от радостей и скорбей, от окружающего человека материального мира и кончая тем самым «я», которое воспринимает от этого мира впечатления и терпит все эти скорби и радости. Всё это нереально. Задача человека поэтому в отрицании всей этой суеты и в переходе в нирвану. Что это за нирвана, трудно сказать. Во всяком случае, это не одно отрицание, не чистое небытие. Это скорее бытие, но только подчинённое иным, особым категориям, чем какие имеем в распоряжении мы. Нирвана во всяком случае блаженство, – только какое? вот вопрос, остающийся для человека совершенно открытым. Ясно одно, что блаженство человека не в здешней жизни и даже не при его настоящих определениях, совершенно иных, даже и не представимых в настоящей жизни, но в чём оно, этого узнать нельзя. Далее этого эмпирический человек и идти не может. Здравый разум подсказывает ему только тщету здешней жизни, но не более...

Нина ДРОГОЛЮБ (р. 1942)

ДОМИК НА ВЕНЦЕ (отрывок из книги)

Основная масса горожан устремилась летом на острова, лежавшие посередине Волги, – Середыш и Пальцын. Середыш лежал напротив города, был он широким и плоским, с роскошными пляжами, расположенными по правобережью острова. Середина острова была покрыта порослью ив, ракитника, тальника, росли там и осокори. Пальцын был более высоким, с возвышенностью посередине, поросшей соснами, которая и сейчас возвышается над водой – это всё, что осталось от островов, бывших некогда украшением Волги.

Спуститься к Волге можно было по Завьяловскому спуску по деревянной лестнице, построенной после войны, которая насчитывала 675 ступеней, и по тропкам, протоптанным многочисленными поколениями горожан. Начиналась эта лестница от дома Неклюдовых – двухэтажного деревянного, обшитого поседевшими от старости досками. Дом большой, несуразный, стоял на самом краю уходившей круто вниз Симбирской горы, на юру, и имел какой-то неприкаянный вид. Спуск, который шёл от этого дома, был очень крутой, зимой с него катались на санках и редких тогда лыжах только самые отчаянные сорвиголовы.

Мы ходили обычно по менее крутому и более удобному спуску, одна сторона которого представляла собой крутой откос, вдоль которого и шла дорога вниз, а с другой стороны стояли дома с большими садами. В начале спуска стоял дом Красновых. У сына их, Славы, был сильный хороший баритон, одно время он пел в филармонии.

Где-то на середине спуска, в глубине громадного сада, стоял старинный дом Рогозиных, в то время жили там две сестры: старшая – Лидия Степановна и младшая – Нина Степановна, которая была большой приятельницей мамы. Тётя Лида была уже на пенсии и трудилась не покладая рук в саду и огороде. Впрочем, как и тётя Нина, которая ещё где-то служила. Держали они пару коз, и в детстве я пила у них тёплое парное козье молоко, которое мне очень нравилось. Дом Рогозиных, потемневший от времени, большой, с широкой верандой, с которой открывался вид на Волгу. Сад был громадный, по сравнению с нашим двориком, засаженный в основном вишней старинных симбирских сортов. Иногда я помогала собирать вишню. Деревья были высоченные и все усыпаны ягодами. Каждое лето Рогозины

давали нам ведро вишни. И тогда у меня начинались вишнёвые дни. Я сидела в парадных сенях или на крыльце и поглощала книги и вишню, пока не набивала оскомину (от вишни, не от книг).

Сад этот составлял малую долю бывших рогозинских садов, которыми владел Степан Степанович Рогозин (отец тёти Лиды и тёти Нины) до революции. Сады эти славились обилием прекрасных сортов яблонь, груш, сливы, вишен.

Итак, мы спустились по дороге или по тропкам к Волге, а навстречу нам из-под горы ползли нагруженные телеги, которые везли багаж пассажиров, приплывших на пароходе, или корзины ягод, или брёвна, которых выбрасывала Волга на берег великое множество, особенно когда в бурю разбивались плоты. Тогда весь берег был завален рыжими пахучими сосновыми брёвнами. На берегу было несколько пристаней, пассажирских и грузовых. Тогда на пристанях работали ещё грузчики – здоровые загорелые мужики, у которых на спине крепилось особое приспособление в виде небольшой ступеньки, обшитой кожей. На эту подставку грузчики вскидывали мешки, бегом несли их по сходням на пристань и ныряли в трюмы пароходов и барж.

Слева от пристаней весь берег был завален разбитой военной техникой – нашей и немецкой. Особенно мне запомнился немецкий танк «Тигр» с крестами на боках, покрытых кровавыми потёками ржавчины. Вид у него был зловещий даже в поверженном состоянии. Мне он казался громадным погибшим зверем.

Пристани были выкрашены в голубой или светло-зелёный цвет. На одном конце красовалась будка с дверкой. Будка эта висела над водой и издавала запах, не позволявший сомневаться в её предназначении. Вода у пристаней плескалась с хлопьями, вынося на берег куски коры, ветки, пробки и прочий мусор. На воде плавали переливающиеся всеми цветами радуги пятна керосина и мазута. Вода пахла речной свежестью, рыбой и керосином.

Пароходы во времена моего детства ходили колёсные, сохранившиеся ещё от товарищества «Самолёт». Они неторопливо плыли по водной глади, шлёпая лопастями колёс: белые, красивые, манящие за собой в неведомые дали. Их всегда сопровождали чайки, с резкими криками кружащиеся над водой...

Александр ГРОМОВ (р. 1967)

ПАРАКАЛО (отрывок из книги)

Принимая маслице от мощей святого Афанасия и пластмассовые иконки Иверской Божией Матери, батюшка сказал:

– Вам надо обязательно написать о вашем папачестве. – Не заметив с моей стороны никакого энтузиазма, добавил: – Стали бы вторым Зайцевым...

«Да читал я Зайцева...» – отозвалось в голове, и вместо того чтобы подойти под благословение, я

слегка отступил и кивнул на иконки:

– В общем, раздадите тогда...

– Конечно-конечно... В воскресенье после литургии...

Я ускользнул из-под благословения...

Через несколько дней я был у Владыки (как и зачем я к нему попал – в своё время). В конце разговора он сказал мне:

– Когда напишешь, покажи мне.

Хотя я-то как раз и говорил о том, что не могу писать. Уходя, благословился, конечно, и подумал: к чему относится это архиерейское благословение – к писательству или к моему бытию вообще?

Следующий раз о книге заговорила жена. Мы возвращались домой после того, как я два часа рассказывал оставшимся в храме прихожанам о паломничестве. И она спросила: а почему бы тебе не записать всё это? К вечеру слегка подморозило, ветер стих и в воздухе поблёскивали лёгкие снежинки. А я-то думал, она обиделась. Когда меня спросили о первых ощущениях на Афоне, я брякнул: «Почувствовал, что я – дома».

Я попытался ей объяснить, что никогда не смогу написать правдивой книги об Афоне, потому что, чтобы ни писал, это будет книга обо мне. Все истории о монастырях, чудотворных иконах, о том, во сколько начинаются и как длятся службы, какое расстояние между Лаврой и Ивероном, что такое вселенское время, сколько стоит билет на паром – всё можно найти в справочниках, путеводителях, в интернете, в конце концов...

– А сколько стоит билет?

Откуда я помню? Это профессиональные писатели фиксируют детали, припиливая их в блокноты, как коллекционер бабочек. Меня же всегда привлекало целое и живое.

Со временем обстоятельства выветриваются, меня даже частенько ловят: мол, прошлый раз я рассказывал по-другому. Так я уже и сам толком не помню, как было на самом деле, для меня важно, чтобы собеседник почувствовал то же, что тогда переживал и я, чтобы он разглядел, что там – за внешней оболочкой событий и фактов.

Так каждый раз создаётся новый мир, который бывает гораздо реальнее настоящего. Собственно говоря, это и есть литература.

Так вот, повторил я, никогда правдивой книги об Афоне у меня не получится. А билеты, кстати, Лёшка покупал.

Жена стояла под горкой и ловила съезжающего на картонке сына. Кому я всё это рассказываю?

Вечером я написал письмо Лёшке, то бишь Алексею Ивановичу, и он в ответ переслал моё же письмо, отправленное два года назад, с выделенными строчками: «Игумен предлагал поехать на Афон. Я обрисовал ему картину, которая может сложиться во время нашего совместного пребывания там (ещё, говорю, и Алексея Ивановича прихватим). Игумен грустно вздохнул и то ли утвердился, то ли ещё раз спросил: «Значит, не поедём?..»

Есть же добрые люди, подумал я об Алексее Ивановиче. И вспомнил, как уже после возвращения с Афона к нам пристало слово «паракало». Бывает такое. Пристанет – и всё тут. Алексей Иванович как истинный поэт перепробовал это слово со всех сторон и, выдав рифму «купив винишка полтора кило – паракало, паракало», ещё долго лепил его к месту и не к месту, но лучше, кажется, уже не получалось.

Но словцо-то непростое. Вообще-то оно означает «пожалуйста». Его мы услышали, войдя в аэропорт «Салоник». Так там начинаются все объявления на вокзалах. И я тогда ещё подумал, какая это должна быть добрая страна, где к тебе обращаются не «граждане пассажиры» или «внимание», а – «пожалуйста».

Можно сказать, я полюбил Грецию с первого слова.

Пётр МАЧЕВАРИАНОВ (1807–1880)

ЗАПИСКИ ПСОВОГО ОХОТНИКА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ (отрывок из книги)

Гончие гоняют также по белой тропе, т.е. по снегу; разумеется, в начале зимы, по порошам. Здесь также можно узнать добрых гонцов и даже мастеров. Если пороша будет морозная, да к тому же на деревья и кусты падает сильный иней, который при гоньбе гончих сыплется и запорошивает след, а гончие гоняют без перемолчки, как в хорошее время, такие гонцы могут быть лишь высокой породы. Также, если после глубоких порош делается оттепель и снег сгонит, но не весь, а останется он шахматами (т.е. где земля, а где снег), что называется поохотничьи ПЁСТРЫМ ПОЛЕМ, в такое время может гонять безумолчно только отличная стая...

Если молодая собака с первых её полей будет отдирчива, то стараться отучить её заранее следующим образом: выжлятник должен немедленно её поймать, наказать и, взяв на свору, подвести к гонящей стае; потом спустить со своры, ударить арапником, подкрикивая: «Вались в стаю! Чу! – К нему! В стаю!»

Не должно обманывать гончих позыванием на

горячий след, если зверь действительно не пролез: они не будут верить псарям точно так же, как борзые охотникам, неоднократно обманываемые ложным отуканьем.

Во многих русских охотах у псарей есть обычное: если не вытекает долго из острова на рог отдирчивая собака или не валяются те гончие, которые, по оплошности выжлятников, сорвали из отъёмного острова в уйму, взять одну или несколько из притекших и послушных собак за уши и таскать из всех сил, чтоб они визжали, благам матом. Эти вандалы воображают таким медвежьим приёмом надуть отбившихся гончих: «Они, извольте ли видеть, подумают, что идёт-де гоньба по-зрячему, а потому подвалятся». Как будто голос собаки до того однообразен, что не может изменяться и выражать различные ощущения. Кажется, нечего объяснять, что первый изобретатель этого приёма немногим ушёл от орангутанга, а последователи – не лучше обезьян.

Кстати, о голосе. Гончая не лает как дворная и другие собаки, а взлаивает. Когда она в острове

гонится за зверем (видя его или идёт по его следу) с голосом, то говорится: «ГОНЧАЯ ГОНЯЕТ». Лай дворной собаки редкий или учащённый: хам-хам-хам! А когда гончая гоняет, то голос её чистый, густой, звучный; взлаивание протяжное и похоже на: а-уф! аа-уф! аа-уф! Есть гончие, которые при гоньбе по зрячему или по горячему следу визжат или взывают таким точно голосом, какой они издают, когда их наказывают арапником, т.е. похоже на ай-яй-яй-яй! О таких гончих говорится, что они С ЗАЛИВОМ, а когда они так погонят в острову, то ЗАЛИВАЮТСЯ, ЗАЛИЛИСЬ. Такие голоса очень ценятся любителями гончих.

Чтоб нагонять гончих на красного зверя, употребляют два способа. Один из них тот, что дома выкармливают волчат и лисят в садке и потом поступают с ними точно так, как сказано выше о зайцах, т.е. сажают перед гончими в опушке острова и делают напуск. Но только как волк, так и лисица должны быть сострунены, и с молодой стаей пущены надёжные выжлецы. Другой – лучший и употребительнейший – состоит в том, что десятимесячных гончих смыкают со старыми красноногами,

дают им свыкнуться, и тогда уже начинается наездка прямо на красного зверя, не позволяя гонять по зайцам.

Те охотники, которые ездят только на красного зверя, пренебрегая зайцами, называют гончих, гоняющих по красному зверю, ЗВЕРОГОНАМИ (как будто заяц не зверь!). Охотники же, разнообразящие свою езду, любящие травить одинаково как зайца, так и лисицу и волка, называют такую стаю КРАСНОГОНАМИ.

Гончих должно содержать точно так, как и борзых, но только не давать им варёного мяса, а сырого – два или три раза в неделю, и то зимой; летом же запаривать овсянку кипятком, а когда остынет, разводить простоквашей. Баранины же отнюдь не давать, ни варёной, ни сырой. Двор должен быть саженой в 30 как в длину, так и в ширину; закуты просторные и всегда чистые; одним словом, гончих следует держать в такой же чистоте и таком же порядке, как и борзых. Барство и лень как господ, так и прислуги проповедуют противное: зато в таких охотах каждая собака, особливо гончая, оправдывает выражение – «пёс смердящий».

Иван ТЮЛЕНЕВ (1892–1978)

ЧЕРЕЗ ТРИ ВОЙНЫ *(отрывок из воспоминаний)*

Жизнь мне представляется широкой полноводной рекой: чем ты старше становишься, тем всё дальше и дальше уходишь от верховья. Ныне я в устье своей жизни. И хоть реки не текут вспять, но бывает так: память вдруг стремительно понесёт тебя против течения, к истоку. И увидишь, будто это было вчера, и себя, босоногого мальчугана, и отчий дом, и братьев, которых уже нет в живых, услышишь певучий голос матери, степенный глухой басок отца...

Множество событий, ярких, нетускнеющих, как золото, и менее значительных, оттеснили в дальние уголки памяти родное село Шатрашаны, лица близких товарищей детства...

Недалеко от Волги у густого соснового бора раскинулись Шатрашаны. Большое это было село. Пятсот крестьянских дворов разбросано по пригорку. Покосившиеся от времени бревенчатые избы с позеленевшими крышами печально смотрели подслеповатыми оконцами на кривые, как турецкие сабли, переулки и улицы. Только в центре села, у церковной площади, стояло несколько добротных домов на каменном фундаменте с резными наличниками и карнизами. В них жила деревенская знать – богатей-лавочник, поп, староста.

Шатрашаны – село старинное. Старики утверждали, что название своё оно получило от слова «шатры». Здесь когда-то проходили татаро-монгольские завоеватели. Места были глухие, лесистые, а на склонах холмов зеленели луга, поросшие сочными травами. Там кочевники ставили свои шатры и жили некоторое время, набираясь сил для дальнейших походов.

Эти места помнят «вольницу» Степана Разина и Емельяна Пугачева. По Волге плыли под парусами

резные струги с разудалыми молодцами, а по берегам великой русской реки двигались отряды пеших и конных, наводя ужас на бар-помещиков.

Об этих далёких временах много интересного довелось мне слышать от моей бабушки Марфы Сидоровны. На сказы она была большая мастерица.

Бывало, зимой соберёмся мы, ребятишки, возле неё. За окном завывает вьюга. В печи потрескивают дрова. На столе слабо мигает керосиновая лампа. Отец плетёт рогожи, мать ставит заплатки на рубахи, а бабушка, сидя за прялкой, под монотонное жужжание веретена ведёт неторопливый рассказ о Емельяне Пугачеве и Степане Разине, где была переплетается с легендой. Рассказывала бабушка так, что каждое её слово западало в наши детские души.

Семья у нас, Тюленевых, была большая: шесть человек своих ребят да четверо умершего дяди. Отцу с матерью приходилось трудиться не покладая рук, чтобы прокормить столько ртов. Лишения и невзгоды, голод и холод постоянно стучались в нашу дверь.

Моя мать, Агафья Максимовна, была трудолюбивая, добрая, отзывчивая к чужим горестям. Как ни трудно было ей ухаживать за десятком ребят, она никогда не роптала. С утра до поздней ночи хлопотала по хозяйству. Старшие дети помогали ей как могли.

Отец мой, Владимир Евстигнеевич, участвовал в Русско-турецкой войне. Вернулся с медалью, но я никогда не слышал, чтобы он кому-нибудь похвалился своей наградой. Медаль лежала на дне сундучка, под горкой книг. Скромный, тихий, работающий, отец слыл на селе грамотеем. Он очень любил книги, часто перечитывал те, что имел, и радовался, как ребёнок, когда удавалось на гроши,

заработанные тяжёлым трудом, купить новую книгу. В свободное время, особенно зимними вечерами, он любил читать односельчанам...

Я стал помогать отцу плести рогожи. Потом он пристроил меня подмастерьем в сельскую кузницу, а к концу 1904 года отвёз в город Симбирск. Там устроил чернорабочим крахмало-паточного завода «Никита Понизовкин и сыновья».

Татьяна БУЛАТОВА (р. 1972)

БЕРИ И ПОМНИ (отрывок из романа)

Римка Некрасова жила в *бараке*. А Дуся – в однокомнатной *квартире* нового трёхэтажного дома, построенного для итээров завода без имени, зато за номером, который уже стёрся из памяти, равно как и сам завод, закрытый из-за отсутствия производственной необходимости в девяностые годы.

Когда-то это был совершенно особый дом, уважительно называемый заводскими аборигенами «итээровской сталинкой». Отсюда, с улицы Ленинградской, взяла начало обречённая на медленное вымирание будущая интеллигенция Нижней Террасы – самого захудалого краснопролетарского района провинциального города Ульска.

В «доме образцового порядка», как сообщала прикрученная к дверям первого подъезда табличка, жили итээры завода и их семьи. Дуся к итээрам никакого отношения не имела. Можно сказать, квартиру в знаменитой «сталинке» она занимала по недоразумению.

Просто накануне очередной годовщины Победы в Ульск приехал Брежнев и выступил перед рабочими знаменитого на всю страну оборонного предприятия. Дуся как передовик вредного производства была делегирована на встречу с главой государства и стояла в цеху, зажатая со всех сторон лучшими из лучших представителей рабочего племени.

– Кто это? – поинтересовался Брежнев, обратив внимание на гренадерский рост женщины.

– Щас узнаем! – пообещало руководство завода и, опережая события, под руки вывело на сцену ни о чём не подозревавшую Дусю.

– Хороша! – отметил генеральный секретарь и от переизбытка чувств неожиданно обнял работницу.

Администрация завода сочла это знаком и решила разбавить отряд итээров представителем иного сословия. Так Дусе выделили квартиру. И по заводу поползли слухи... В чём только её не подозревали! Даже в порочащих связях с начальником отдела кадров. Между прочим, совершенно напрасно: Дуся была девицей.

Биография Римки Некрасовой была незатейлива и банальна: третий ребёнок, единственная девочка в семье заводских пролетариев четвёртого поколения с момента отмены крепостного права.

У Дуси не было ни сестёр, ни братьев. Происходила она из ульских мещан.

Римкин батя гордился своей фамилией и, бывало, в кругу товарищей заявлял:

Хотя завод и делал патоку, но мне там жилось не сладко. С утра до вечера перетаскивал бочки, убирал мусор во дворе, колол дрова. Работал много, а зарабатывал, как говорится, с гулькин нос. Денег едва хватало на харчи. Домой я не мог послать ни гроша. Тогда отец решил: лучше уж мне помогать ему дома, чем гнуть спину на «паточного» фабриканта. И я вернулся в родное село...

– Из Некрасовых мы...

– Из каких это из Некрасовых? – интересовались собутыльники.

– Из тех... – многозначительно отвечал пролетарий и цитировал: «Гляжу... забирается медленно в гору лошадка... а с нею – пацан и возок...»

Отец Дуси, скромный бухгалтер райфо, на вопрос анкеты «Каким иностранным языком владеете?» отвечал «Не владею», а ещё чаще ставил жирный прочерк напротив пунктов, характеризующих гражданскую состоятельность анкетированного: «не владею», «не имею», «не претендую», «не был», «не являлся», «нет», «нет», «нет».

Погиб Степан Игнатьевич Некрасов под колёсами поезда, неожиданно налетевшего на него в самое неурочное время: по пути из бани домой. Завидев надвигающийся паровоз, пролетарий Некрасов обиделся и решил встретить врага лицом, чтоб неповадно было. В результате машиниста осудили (срок точно неизвестен), а обезображенное тело работяги Некрасова доставили в морг. Похороны сыграли по-семейному, то есть всем баракком. Последний блин с мёдом достался участковому, а четверо детей – вдове покойника, плохо соображавшей по причине хронического опьянения.

Дусин папа ушёл из жизни незаметно. Тихо. Не отходя от рабочего места, повалившись на бок с таблеткой нитроглицерина под языком. Сердобольные сотрудницы вызвали «Скорую» и позвонили дочери сослуживца, предварительно кинув жребий. Сообщить скорбную весть выпало самой молодой сотруднице финансового отдела Зиночке. От перенапряжения она заплакала, пошла красными пятнами и прорыдала в трубку:

– Зна-а-а-е-е-е... Это я-а-а-а.

На ответное недоумение уточнила:

– Зи-и-и-ночка.

– Кого надо? – проорала трубка сварливым старушечьим голосом.

– А Ваховские здесь живу-у-ут? – рыдая, поинтересовалась сотрудница.

– Дуньки нету дома, – отрезала трубка. – А сам-от на работе...

Последняя фраза «А сам-от на работе» в сознании Зиночки остановила вращение земного шара, и мир полетел в тартарары окончательно и бесповоротно...

**Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед**